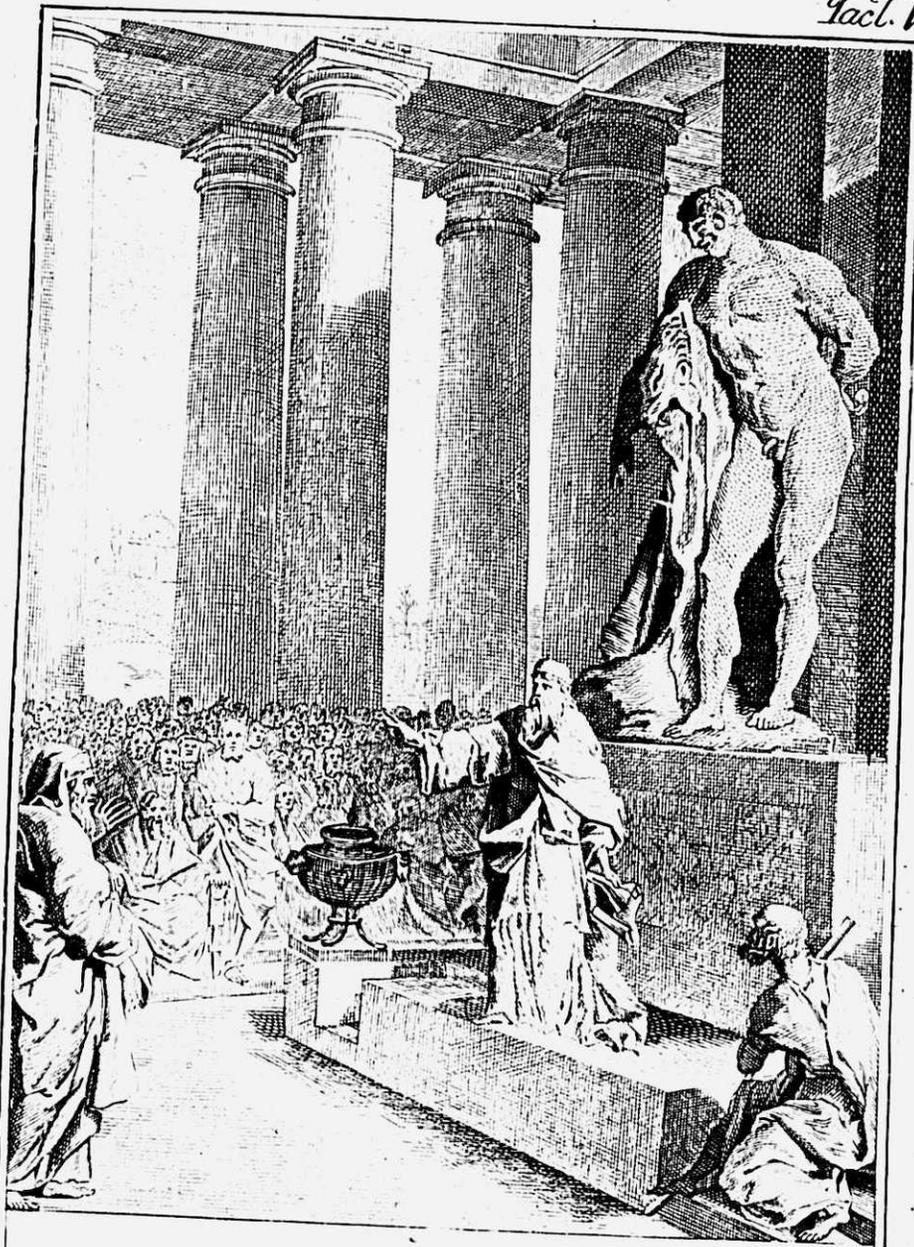

A 245 M 807-83

Yact. V.

Исследование на Окружном суде

А 245 Р 801-85
974 Р 15244-0 qu

ПУТЕШЕСТВІЯ

ПИΘΑΓΟΡΑ,

ЗНАМЕНИТАГО САМОССКАГО ФИЛОСОФА,

ИЛИ

801-18
1634
Картина древнихъ славнѣйшихъ
народовъ,

изображающая ихъ происхожденіе, обычаи,
богослуженіе, таинства и достопамятности.

Въ сей Картинѣ оживлены всѣ важнѣйшія
произшествія древнихъ временъ.

Переводъ съ Французскаго.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Изданіемъ

Ивана Нехачина и Ивана Переплетчикова.

МОСКВА 1807.

Въ вольной Типографіи
Федора Любія.

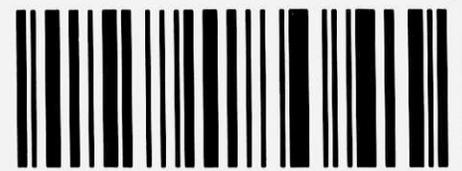
О Г Л А В Л Е Н І Е
ПЯТОЙ ЧАСТИ
Путешествій Пифагора.

	Стран:
I. Историческое изображеніе первыхъ вре- менъ Греціи. - - -	3
II. Продолженіе Историческаго изображе- нія Греціи. - - -	27
III. Продолженіе. - - -	40
IV. Кандавлъ, Кипселъ. - - -	54
V. Внѣшняя Топографія Спарты. - - -	71
VI. Пифагоръ въ Спартѣ. - - -	86
VII. Мудрый Хилонъ, одинъ изъ пяти Спартанскихъ Эфоровъ, и Пифагоръ. - - -	104
VIII. Путешествіе изъ Спарты въ Пизу, или Олимпію. - - -	145
IX. Топографія города Олимпіи. - - -	156
X. Пифагоръ на Олимпійскихъ играхъ. - - -	170
XI. Геркулесъ и Прометей, или Проме- тей на Кавказѣ. - - -	182
XII. Пифагоръ на Олимпійскихъ играхъ. (Продолженіе). - - -	196
XIII. Начала Испоріи, и изчисленіе пер- выхъ Законодателей. - - -	210

Съ одобренія Цензурнаго Комитета, укре-
деннаго для Округа Императорскаго
Московскаго Университета.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

60924-50

2011120996

IV Оглавленіе

	Стран.
XIV. Пиеагоръ предпринимае пупешес- ствіе въ Элиду и Ахаю. - -	305
XV. Пупешесствіе въ Аркадію. - -	331
XVI. Продолженіе Пиеагорова пупеше- ствія по Греціи. Древности Трезе- на. - . - -	363
XVII. Продолженіе записокъ Пиеагоро- выхъ во время пупешесствія по Гре- ціи. - - - -	377
XVIII. Пиеагоръ и Царь Леонъ въ Флі- унпъ. - - - -	390
XIX. Пиеагоръ въ Коринѣ. - -	400
XX. Пиеагоръ въ Мегаръ. - -	413
XXI. Пиеагоръ на Элевзинскихъ шаин- свахъ. - - - -	422
XXII. Пиеагоръ въ Аѣинахъ. - -	453
XXIII. Законы Солоновы. - -	470
XXIV. Пиеагоръ въ Ареопагъ. - -	482
XXV. Частные нравы въ Аѣинахъ. - -	493
XXVI. Анакреонъ и Пиеагоръ при Дворѣ Гиппарха. Аѣинская революція. Гар- модій и Аристогитонъ. - -	501
XXVII. Топографія Аѣинскихъ окреспно- стей. - - - -	514
XXVIII. Пупешесствіе въ Беопію. Фивы. -	528
XXIX. Пиеагоръ на горѣ Эпъ. - -	538

Оглавленіе V.

	Стран.
XXX. Феспія, Аскра, Орхоменъ и проч. -	546
XXXI. Пиеагоръ въ Делфахъ. - -	556
XXXII. Пиеагоръ и верховная жрица Дел- фійская. - - - -	566
XXXIII. Пиеагоръ въ Тиеореѣ. Езопъ. Навпактъ. Ишакъ. - - - -	576
XXXIV. Навзикаа. - - - -	586
XXXV. Пиеагоръ прѣѣзжаетъ въ Сици- лію. Сиракузы. - - - -	599
XXXVI. Пиеагоръ и Фаларидъ. - -	606

ПУТЕШЕСТВІЯ ПИΘΑΓΟΡΑ.

I.

*Историческое изображеніе первыхъ вре-
менъ Греціи.*

П и Ѡ а г о р ъ. Спартанцы только что побѣждаютъ, а не хопяишь предашь попом-
спву память о своихъ чудесныхъ подви-
гахъ (1). Ни въ одномъ ихъ городѣ нѣшь
письменныхъ лѣтописей.

Г и т і е ц ъ. У насъ нѣшь такихъ и
законовъ.

П и Ѡ а г о р ъ. Я бывалъ у многихъ
порабощенныхъ народовъ, которые напро-
тивъ того повидимому спараются увѣко-
вѣчишь свой спыдъ и нещасія. И такъ
не лзя на землѣ сдѣлать шагу безъ того,
чтобы не встрѣишь конспрасповъ. —
При всемъ томъ я считаю лучшимъ ве-

(1) Плутар. *Достопамяни. изрѣсен. Ла-
кедемонцовъ.*

ликодушное молчаніе, которое Спаршанцы хранящъ въ разсужденіи самихъ себя. Но недоспапокъ памянниковъ, которые могли бы служить урокомъ для попомсшва, можемъ водворить опящъ у нихъ варварсшво (1).

Гитіецъ. — Захотѣлъ ли бы ты бытъ изъ числа тѣхъ, которые, жерпвуя нашоющимъ будущему, живушъ не только для самихъ себя, сколько для того, чпобы занимать собою другихъ?

Пиэагоръ. Память знаменитыхъ подвиговъ раждаетъ новые или подобные.

Гитіецъ. Жалокъ шотъ народъ, которому нужны великіе примѣры для произведенія великихъ дѣлъ! — Жителей Греціи обвиняющъ въ хвасповствѣ; но Спаршанцы избѣгли сего упрека. — Одно ихъ имя доспапочно для ихъ славы.

Пиэагоръ. Здѣсь очень мало честолюбія; но не всѣмъ народамъ можно бытъ такими.

Гитіецъ. Естьли въ Спаршѣ не лзя увидѣть ученыхъ древностей, то по

(1) Непросвѣщеніе Лакедемонцовъ происходило не отъ ихъ глупости, но отъ незнанія правилъ.

крайней мѣрѣ можно научиться хорошимъ законамъ, посредсшвомъ которыхъ мы будемъ жить долгое время (1) въ Исторіи другихъ народовъ. — Народъ, неимѣющій хорошихъ законовъ, слабѣе Европскаго просшника (2). — И пакъ я перескажу тебѣ то, чшо мнѣ сказывали; а ты мнѣ повторишь то, что слышалъ отъ другихъ. — Греки имѣли такое же начало, какъ и другіе народы (3). Не могли долгое время обойтись безъ посторонней помощи, они шопчасъ спали заимсшвовашъ у другихъ. Даже слово, упошребляемое ими къ выраженію самой нужнѣйшей спшхи (*), есть чужесшпанное и совсѣмъ почти несвойсшвенное Еллинскому нарѣчію. Тщешно они хощашъ закрыть свое начало. Первоначальныя сполѣшя полишпческаго ихъ бышя, которые они называютъ

(1) Аполоній Фіанской, жившій во времена Домиціана, пробъжая Лакедемонъ, нашелъ тамъ Ликурговы законы во всей своей силѣ. *Филостратъ.* — Это сомнительно!!!

(2) *Callidonax Eurotas*, говоритъ Эприпидъ, въ Елен.

(3) Фукидидъ въ началѣ Исторіи.

(*) Пѣр, огонь, происходитъ отъ слова Фригійскаго *пуг*.

временами героическими, были столько же славны, какъ и первыя эпохи всякой другой колоніи. Долгое время они жили безъ законовъ (1). — Тогда они были счастливы, но никому не извѣстны; ибо объ нихъ начали говорить немного прежде Троянской осады (2). Они силіяся возвести начало свое гораздо выше; но недостаткомъ памятниковъ наполняютъ повѣствованіями, произведенными ихъ воображеніемъ. Если бы обитатели Нила были одарены такимъ же воображеніемъ, какъ и Спартацы; то безъ сомнѣнія родословная боговъ (*), которая и такъ уже запутана, сдѣлалась бы еще запутаннѣе. Почти все народы имѣли первыми своими Испориками Спихопворцевъ; и тотъ народъ, который произвелъ величайшихъ Поэтовъ, долженъ былъ помѣшиться въ своихъ лѣтописяхъ вымыслы самыя остроумнѣйшіе, и при томъ въ большемъ количествѣ.

(1) Подъ словомъ *Leleges*, примѣчан. 48. въ книгѣ - *De l'origine premieres societés.*

(2) Діонисій Галикарнасскій.

(*) Египетъ есть колыбель всѣхъ басней; ибо сначала препоручено было жрецамъ писать Исторію сей страны.

Изъ всѣхъ Греческихъ государствъ, въ коихъ нашъ Пелопонезъ есть главная крѣпость (1), Сиціонъ почитаетъ себя древнѣйшимъ (2). Если вѣришь, — то онъ уже существовалъ десять вѣковъ. Эпалея, своего основателя, онъ полагаетъ древнѣе всѣхъ доселѣ намъ извѣстныхъ. Еще гораздо прежде олимпіадъ онъ считалъ уже своихъ прищипъ прехъ Государей (3), изъ коихъ семь послѣдніе были жрецы (4). Первой храмъ въ Сиціонѣ воздвигнутъ былъ въ честь Венеры. Жрица, служившая въ ономъ, обязана была непорочною нравовъ превосходить самое божество. Съ того времени, какъ сіе государство досталось въ руки жрецовъ, оно сдѣлалось Аргосскою провинціею (*).

Городъ *Аргосъ* древностію своею не уступаетъ Сиціону. Первымъ законодателемъ своимъ онъ полагаетъ Фроронея.

(1) *Acropolis.* Страб. VIII. Геогр.

(2) *Ind. Chron de Buholier.*

(3) Павзан. Путешествіе по Греціи. Св. Августинъ о Градѣ Божіемъ. XVI. 17.

(4) Евсев. Хрон.

(*) Почти спустя одинъ вѣкъ послѣ разоренія Трои.

сына Инахова (1); а первыми царями Аргуса и Даная (2), изъ коихъ послѣдній, приплывши изъ Финикіи или Египта на Пеншаконпорѣ (*), привезъ съ собою колонію, которую послѣ раздѣлилъ на три класса: первой классъ сосполялъ изъ благородныхъ, жрецовъ и благовоспитанныхъ гражданъ; во второмъ находились военные и земледѣльцы; а третій и послѣдній соспавляли одни ремесленники. Сіе — по грубое основаніе правленія со временемъ сдѣлалось лучшимъ.

Пиѳагоръ. Время естъ великая наука.

Гитіецъ. Данай построилъ городъ; и Юнона ему одолжена первыми своими жертвенниками. Къ сей эпохѣ Греки опносятъ превращеніе Іо, дочери Инаховой, также приключенія Атласа и Прометея. Такимъ — по образомъ тогда научали земледѣлію и Аспрономіи. — За Аргосомъ слѣдуютъ *Аѳины*. Сей городъ основанъ Цекропомъ, котораго изображаютъ съ двумя лицами; ибо онъ, также какъ и

(1) *Strom.* I. Clement, Alex. *Плин.* Истор. Натур. VII. Платон.

(2) *Пароская хроника.* IX.

(*) Галера о пятидесяти веслахъ.

Инахъ (1), будучи Египетскимъ уроженцемъ, женился на Гречанкѣ. Его примѣръ былъ закономъ для сего новаго народа. Бракъ по его старанію содѣлался священнымъ союзомъ, безъ сомнѣнія предпочтительнѣйшимъ обыкновенію имѣть общихъ женъ, которое тамъ было прежде сего. Минерва и Непсунъ долго между собою спорили, чьимъ именемъ назвать имъ городъ Аѳины: но олива была предпочтена воинственному коню, — такъ объяснялись Испорики сего времени, открывая намъ, что Аѳиняне разсуждали, какой имъ должно избрать родъ жизни, и предпочли Искусства и Науки торговлѣ и войнѣ; но они не навсегда сдержали свое слово. — Спустя нѣсколько времени, сынъ Танпала (Пелопсъ), пришедши изъ Фригіи, завоевалъ сію землю, названную въ послѣдствіи его именемъ, *Пелопонезъ*. Дабы сдѣлать безсмертными свои побѣды, и привязать къ себѣ покоренныхъ народовъ, которые любили блестящія зрѣлища, онъ учредилъ Олимпійскія игры. Геркулесъ былъ возобновителемъ сихъ воинскихъ праздниковъ, которые въ послѣдствіи имѣли споль великое вліяніе на всю Греческую

(1) Павзан. Путешествіе по Греціи. I.

націю. Исторія сего Государства становится дословѣрною со времени сихъ иръ (1). Умолчимъ о ужасномъ приключеніи Атрея и Тіеса; походъ Аргонавтовъ болѣе заслуживаетъ вниманія; но истинна и вымысль въ семъ произшествіи такъ смѣшаны, что трудно узнать подлинную цѣль сего славнаго союза первыхъ Греческихъ Героевъ.

Пивагоръ. Не сюда ли принадлежитъ и Исторія о Нѣбѣ, написанная Музами (2), о которой напомнилъ ты мнѣ говоря объ Атласѣ?

Гипіецъ. Два брата, Эпеклъ и Полинкъ, несчастные плоды кровосмѣшенія, показываясь на сцену передъ Оивами (*). Судьба сихъ бѣдныхъ поразила ихъ современниковъ, и послужила урокомъ для потомства; впрочемъ поведеніе сихъ двухъ Государей должно было заслужить признательность ихъ спечества, и сподвижнѣе того, чтобы имъ чаще подражали. И для чего же народу плакать своею кровію за частыя ссоры своихъ Государей? Онъ долженъ быть свидѣтелемъ, посредникомъ, или судіею.

(1) Варронъ.

(2) .Смотри Поэму Аргонавтовъ.

(*) Оивы въ Беотіи.

Какими почестями не одолжены Оивяне памяти Менедея, который пожертвовалъ собою для ихъ освобожденія! Отецъ сей знаменитой жертвы (*), выгнавши Эдипа, несчастнаго Государя, сверхъ мѣры наказаннаго за невольное преступленіе, не показалъ себя сколько великимъ, какъ сынъ его.

Недалеко отъ сего кроваваго позорища происходила споль же историческая сцена на берегахъ Термодона: орда Скиновъ напала на жителей сего края Азіи. Свирѣпый завоеватель щадилъ однѣхъ сполько женщинъ; мужья, издыхая, заклинали ихъ отомстить за себя. Тогда явился цѣлой народъ женщинъ, занимающійся штыгоспною военною экзерциціею, въ намѣреніи побѣдить своихъ побѣдителей; это имъ спойло пожертвованій! Сии героини (1) согласились отказаться отъ брачныхъ узъ и не перѣль между собою мужскаго пола. Тщешно Природа распочала имъ свои сокровища; онѣ имѣли мужество отрѣзать у себя груди, чтобы лучше управляль своими убійственными стрѣ-

(*) Креонъ, похититель Оивскаго престола.

(1) Амазонки. *Voy. Petit, de Amazon.*

лами. Самая опытная въ войнѣ предводительствовала ими, съ тинуломъ Царицы и Марсовой дочери. Тезей (1), желая обладать молодою Аниптою, которая тайно посѣщала его, низпровергъ сію крапковременную державу, прошивную Природѣ и общежитію.

Самое отличное лицо на картинѣ первоначальныхъ временъ Греціи есть Геркулесъ, одинъ изъ двухъ основателей города *Гивіума*, моего опечесва. Каждой изъ его двенадцати подвиговъ досиоинъ боготворенія. Музамъ предоспавлено было изобразить сего полубога, и каждая изъ нихъ изобразила его по своему вкусу. Опсюда-то произошелъ Теогоническій колоссъ, неприкосновенный для Исторической кисти. — Но если бы ты зналъ, до какой степени просирается уваженіе наше къ сему Герою! Въ Спартѣ покажутъ тебѣ гробницу, въ которой хранится одинъ его перстъ, откушенный Немейскимъ львомъ (2).

Пивагоръ. Я болѣе всего жалѣю о томъ, что Лакедемонцы опказались опъ Исторіи; въ ней бы безъ сомнѣнія ска-

(1) Plutarch. *Vitae* (жизнеописанія).
(2) Древн. и нов. Лакедемон. Том. II.

зали, что Марсъ (1) родился въ Спартѣ.

Гитіецъ. Въ поже время мы увидѣли бы, что сынъ Лелексовъ изобрѣлъ жернова: мы равно уважаемъ и геройскіе подвиги и полезныя изобрѣшенія.

Пивагоръ. Вы очень коротко говорите о томъ, что не принадлежите къ войнѣ.

Гитіецъ. Я могу показать тебѣ опсюда одинъ изъ многочисленныхъ Тайгетскихъ холмовъ, гдѣ жилъ изобрѣшатель жерновыхъ камней — въ мѣспечкѣ Алезіи. Это мѣспо для насъ сполько же священно, какъ и храмъ. — Храня вѣрно основанія нашей политики и религи, мы чаще всего молимъ боговъ о славѣ и добродѣтеляхъ (2), о добромъ и изящномъ.

Пивагоръ. Проспи неопытному чужестранцу.

Гитіецъ. Финикійскій Кадмъ не такъ важенъ въ мѣтописяхъ Греческихъ; но онъ оставилъ въ Беоптіи два вѣрныхъ памятника: городъ *Фивы*, и основанія *письма* (3). Послѣ него Паламедъ усовершенствовалъ *Азбуку*, прибавивъ къ ней

(1) Arnob. *contra gent.*

(2) *Ubi pulchra bonis adderent.*

(3) Геродот. V. 58.

нѣсколько буквѣ (1). — *Элевзисъ* отличаетъ между городами Аппики (*) по своимъ древнимъ шайншвамъ, основаннымъ Церерю и Трипполомомъ. — *Делфы* съ давнихъ временъ славны своимъ Оракуломъ, копорой охраняется эвйдомъ Амфиклионовъ. — *Элидавръ* достоинъ древней своей славы. Учители врачебнаго искусства оставяющъ на столпахъ Эскулапиева храма плоды своихъ наблюдений и опытноспи, сокровища здравія для родовъ грядущихъ. — *Трезенъ* такъ высоко возводитъ свое начало, что славится оказаніемъ гостепрійства большей части боговъ Олимпа. Онъ чинитъ еще и теперь съ благоговѣніемъ память добраго Пизія, одного изъ первыхъ своихъ правителей, и щепельно хранитъ три мраморныхъ куба, на копорыхъ онъ въ сопровожденіи двухъ спарѣшинъ садился слушать народъ свой и судитъ его.

Пиоагоръ. Если бы мнѣ позволено было избрать изъ сего множества великихъ Мужей, описанныхъ шобою; то доброй Пиѳій былъ бы моимъ Героемъ.

Гипіецъ. Элида начинаетъ исчисленіе своихъ Государей съ паспуха Энди-

(1) Лукан. *Фарсал.* III.

(*) Теперь *Княжество Сетинское.*

мона; это одна изъ областей Греціи, гдѣ наиболѣе процвѣпало земледѣліе. Аркадія, такъ названная по имени сына Калиспы (*), представляеть еще прелестную картину паспушескихъ нравовъ. Едва ли могутъ тамъ утвердиться шорговля, роскошь и ихъ послѣдствія. — Троя, копорая менѣе всѣхъ городовъ Греціи существовала, но болѣе всѣхъ надѣлала шуму, первымъ своимъ Царемъ признавала Дардана. Сей Государь родомъ изъ Аркадіи, носилъ скипетръ Дарданіи немного спустя послѣ основанія Аѳинъ. Тевкръ, Тросъ и Илусъ налагали одинъ за другимъ свои имена славнѣйшей столицѣ Фригіи, копорую Аполлонъ и Нептунъ въ царствованіе Лаомедонша благоволили сами оградитъ стѣнами. Священный градъ, жилище боговъ, (такъ называла себя гордая Троя) имѣеть теперь нужду въ водахъ Скамандра, чтобы распознавали слѣды ея.

Сіе необыкновенное поспроеніе стѣнъ Троянскихъ повидимому скрываетъ какое-то шайнство (сказалъ я своему проводнику). Я пользуюсь швоими уроками; шы меня научаешь опличать истину.

Гипіецъ. Сомнѣніе швое основательно. Троя не имѣла укрѣпленій. Му-

(*) Аркадъ, рожденный отъ медвѣдицы; ш. е. въ лѣсу.

дрий Лаомедонпъ, желая утвердить безопасность жителей, не обременяя их новыми налогами, вздумалъ употребить на постройку доходы Аполлоновыхъ и Нептунныхъ жрецовъ; съ другой стороны оба храма сихъ боговъ по своему мѣстоположенію мѣшали его плану: онъ велѣлъ ихъ сломать -- и изъ обломковъ построилъ новыя свѣтны. Вотъ какъ должно чинать Испорію.

Пиѳагоръ. Я и самъ такъ же думаю.

Гитіецъ. Троя была во всемъ своемъ величїи, когда называлась она Пергамомъ. Долгое время ожидала случая или средствъ отмстить за безчестіе, нанесенное Илусу въ лицѣ его брата, похищеннаго однимъ предкомъ Агамемнона и Менелая. Похищеніе Ганимеда кажется оправдывало въ глазахъ Париса и всей Царской фамиліи опятаніе Елены, учиненное въ самыхъ чертогахъ ея супруга, прошиву всѣхъ правъ и обязанностей гостепріимства.

Пиѳагоръ. Если бы Испорія повѣствовала только подобныя симъ произшествія, то не трудно бы было писать ее; относительно къ себѣ, она очень часто оправдываетъ безприсрастіе Спартанцевъ.

Гитіецъ. Дочь Леды, обольщенной Юпитеромъ, Елена въ то время довольно уже славилась своею пагубною красотою (1) и любовными связями съ Тезеемъ, которой увезъ ее отъ родителей. Вышедши послѣ за Менелая, она родила ему дочь (Герміону), въ то самое время, когда Парисъ, прекраснѣйшій изъ пяпидесяти сыновъ Прѣамовыхъ, оставивъ Трою, путешествовалъ по Греціи съ пѣмъ только намѣреніемъ, чтобы увидѣть сію Царицу. — Онъ прѣзжаетъ въ Спарту, гдѣ принимаютъ его безъ опасенія. Менелай находится въ отсуствїи; возвратившись домой, онъ узнаетъ, что Елена и Парисъ, сѣвши на одно судно, пустились къ Фригіи.

Пиѳагоръ. Не есть ли это нарушеніе всего священнѣйшаго, — учиненное безпреступственно чужестранцомъ, копо-

(1).... Елена имѣла нравъ кроткій и простой, маленькой розовой ротъ, и небольшое пятно между бровями, которое впрочемъ ни мало ее не безобразило. — *Разрушеніе Трои, par Darés le Phrygien.*

Диктизъ Критской оставилъ намъ ея портретъ, который однакожъ не столь прелестенъ.

Часть V.

Б

рый далъ почувствовать Ликургу нужду въ одномъ законѣ? О! сколько бы *Ксенеазія* (запрещеніе иностранцамъ жить въ городѣ) предупредила золь!

Гитіецъ. Сей законъ былъ шѣмъ болѣе нуженъ, что Спарта всегда почиталась городомъ красавицъ.

Пиэагоръ. Гомеръ подтверждаетъ это въ своей Одиссеѣ (1).

Гитіецъ. Услышавъ объ обольщеніи легковѣрной женщины молодымъ пашухомъ, всѣ государства Греціи принимаютъ оружіе; море покрывается кораблями; десятипятилетняя брань едва можетъ загладить минувшую слабость. — Оспрумный Улиссъ не слишкомъ расположенъ былъ начать сію войну; онъ не ходилъ къ сему довольно важной причины, и припворился безумнымъ, чпобъ не участвовать въ оной, не считая очень важнымъ оставлять цѣломудренную Пенелопу и мстить за честь вѣтренной женщины. Но его хитрость, равно какъ и выдумка *Тетиды*, коюрой не хотѣлось опшуснить сына своего Ахиллеса на осаду

(1) Сей Поэтъ называетъ городъ Лакедемонъ — Calligynaika. Смолр. Одиссею *подъ конецъ*.

Троянскую, гдѣ онъ долженъ былъ найши себѣ славу и гробъ, — были спкрыты. Между всѣми жертвами, лишившимися жизни при этомъ случаѣ, особенно прогательны двѣ: юная Ифигенія и храброй Гекторъ.

Пиэагоръ. Услужливой Лаконецъ! я знаю.....

Гитіецъ. Знаешь ли ны это по преданію самой спраны? Во всякой землѣ свое. Лаконизмъ Испоріи не подвергаетъ ее той казни, коюрою одинъ Египетской Царь мучилъ своихъ госпей; онъ распягивалъ члены ихъ по мѣрѣ постели, коюрую имъ предлагалъ для опдохновенія. Самъ Гомеръ совѣмъ оплично повѣспивуетъ о Бузирисѣ. — Главное мѣсто, куда должны были собраться Греческіе Государя для отбѣзда, было въ Авлидѣ, гдѣ царствовалъ Агамемнонъ, сильнѣйшій изъ всѣхъ ихъ. Аяксъ и Діомидъ, Филокшетъ и самъ Гекторъ, пакъ какъ и многіе другіе, согласились признашь его своимъ предводителемъ и находились въ его повелѣніяхъ. Флотъ, состоящій изъ тысячи кораблей, ожидалъ только благопріятнаго дуновенія вѣтра. Каждой день закалала безчисленное множество живопныхъ, дабы испросить скорое и щасливое плаваніе; но боги упорно спказывали въ шомъ, о чемъ

молили ихъ съ великими издержками. Калхасъ, верховный жрецъ, безчеловѣчный и буйспвенный по мѣрѣ важности своего сана, дерзаетъ предложить жерпву гораздо важнѣйшую, нежели Гекапомбы, и неспрашивается пребоавъ для сего Ифигеніи, дочери Агамемнона. „Боги, говоритъ онъ, умилостивятся только сею цѣною, и морское воинство всегда будетъ заперто въ сей пристани, ежели не рѣшатся принести сию жерпву.“ — Такое предложение должно казаться спраннымъ; а еще спранныѣе то, что пребоавіе Калхаса было принято, и отецъ на оное согласился. Улиссу было препоручено хипросптію своею испорпнуть невинную дочь изъ объспій ея машери. — Украшенная жерпвенными повязками, она приводится къ подножію священныхъ олшарей, и — въ присутствіи виновника дней своихъ, видитъ убійспвенный ножъ жреца, вознесенный надъ нею. Самъ Ахиллесъ, который любилъ ее, не могъ изхипнуть ее изъ среды сего варварскаго обряда: сколько — то сильно суевѣрїе!

П и а г о р ъ. Сіе произшествіе принадлежитъ ли къ Испоріи?

Г и т і е ц ъ. Если оно вымыслено, то изобрѣшатель оставилъ очень сильное доказательство, что онъ узналъ человѣ-

ческое сердце. Агамемнонъ, отказавшійся отъ опцовскаго шипла, дабы называться Царемъ Царей, — есть изображеніе безмѣрнаго честолюбія, которое не узнаетъ ни родспвенниковъ, ни друзей, когда вспрѣчаетъ ихъ на пуши чести. — Говорятъ, что жерпвоприношеніе Ифигеніи не совершилось; она была скрыта въ храмъ Діаны. Греки, исполнивъ волю боговъ, шаспливо приплыли къ спѣнамъ Трои и начали осаду. Увѣряютъ, что осаждающихъ было сто тысячъ (*). — Поэты, и даже самые Испорики испощаютъ все свое краснорѣчіе въ повѣспованіи героическихъ подвиговъ, оказанныхъ со стороны осаждаемыхъ, а еще болѣе со стороны ихъ пропивниковъ. Тамъ были самые опборные воины изъ всѣхъ тогда извѣспныхъ чашей свѣта. Благодаря Генію Гомера, сей воинскій союзъ сдѣлался въ Испоріи одною изъ славнѣйшихъ ея эпохъ.

(*) Мы видѣли выше, что въ Греческомъ флотѣ считалось тысяча кораблей, и такъ на каждомъ кораблѣ не болѣе находилось ста воиновъ; изъ чего можно заключить, что тогдашніе корабли были менѣе Французскихъ галиотовъ. Но сіе самое сравненіе отношится къ славѣ же древнихъ, которые малымъ дѣлали много.

Пиэагоръ. Испорики не однократно подбирали крошки, падающія со стола Музъ.

Гитіецъ. Взятіе одного города со временемъ покажется можеть быть произшествіемъ, неспоющимъ никакой славы; но различныя лица, игравшія роли на сей небольшой сценѣ, достойны были обширнѣйшаго театра, и стоили того, чтобы цѣлая Вселенная была ихъ зрителемъ. — Рожденный съ высокими талантами, съ пылкимъ характеромъ, неперпящимъ медленности, и чувствуюя все свое превосходство, Ахиллесъ не хотѣлъ быть подчиненнымъ гордому Агамемнону. Будучи только свидѣтелемъ сраженій, происходящихъ вокругъ него, удалившись въ свою палатку, онъ занимается тамъ обязанностями дружества, художествами и домашними попеченіями.

Пиэагоръ. Персидскіе Вожди съ презрѣніемъ смѣются изображенію Ахиллеса, приготовляющаго себѣ пищу. Такое благородство и просиона имъ кажущая несомнѣнными въ одномъ и томъ же чловѣкѣ. Сохранимъ для потомства сіи подробности, представляющія намъ нравы временъ опдаленныхъ.

Гитіецъ. Между тѣмъ прочіе Греки, не только своирадные, продолжающъ

сію достопамятную осаду подѣ предводишельствомъ Царя Аргоскаго и Миценскаго. Папроклъ, не можши убѣдиль своего знаменитаго друга къ тому, чпобы онъ пожертвовалъ частнымъ неудовольствіемъ общей пользѣ, покушается наконецъ, облекшись въ его доспѣхи, загладишь предосудительную его бездѣйственность. Но его ревность неудачна; онъ падаетъ отъ руки Гектора. — Здѣсь — то сынъ Фетиды и Пелея обнаруживаетъ свой доброй характеръ. Одна любовь къ славѣ не могла его привлечь къ сраженію. Поперя друга заставляетъ его забыть личныя свои обиды. Ахиллесъ вызываетъ Гектора на поединокъ, и находиль наконецъ соперника себя достойнаго. Послѣ славной борьбы, послѣдній, равняясь въ храброспи, принужденъ былъ уступиль силѣ и опытности. — Побѣдиль, при видѣ его оружія, не можиль быль великодушнымъ къ убійцѣ своего друга. Гекторъ умерщвленъ; но мщеніе Ахиллесово простираетъ даже на самой шрупѣ побѣжденнаго. Фессалійскій Герой привязываетъ оный къ поржеспвенной своей колесницѣ, и хочеть симъ зрѣлицемъ насытиль взоры Троянцевъ, которые, стоя на стѣнахъ города, обливаются слезами. Три раза Ахиллесъ пробѣгаетъ съ онымъ вокругъ стѣнъ Троянскихъ, и

думаетъ, что и сего едва ли довольно для удовлетворенія шѣни его друга. Парисъ вскорѣ послѣ того низкимъ образомъ мститъ за поруганіе, учиненное надъ шѣломъ его брата.

Пиѳагоръ. Какъ скучно слушать повѣствованіе о всѣхъ сихъ опшрашительныхъ междуособіяхъ (1)! Но Исторія и Поэзія имѣли швердсшъ написать сіе. Ешъли только Гомеръ описывалъ сіи героическія времена вѣрно, то да сохранятъ насъ боги впредь отъ таковыхъ нравовъ!

Гитіецъ. Паденіе главной подпоры Троянской привело въ уныніе осажденных; роптаніемъ своимъ они принудили добраго Царя Пріама вступитъ съ осаждающими въ переговоры о здачѣ (2). Умолчимъ о прочемъ; оно мало дѣлаетъ чести Грекамъ. Елена была возвращена Менелая, копорый повезъ ее на флотѣ своемъ со всею неперпѣливостію любовника. Уже ли шщеславіе естъ также спрасъ, какъ и любовь? Сколько плачевныхъ приключеній

(1) Ахиллесъ простиралъ жестокость свою до того, что хотѣлъ ѣсть сырое шѣло Гектора.

Utinam

Crudas dissecantem carnes comedere. Iliad.

(2) Троя взята была 23 го Іюня. *Voyages Marbres de Paros.*

произошло въ семействѣ Агамемнона по его возвращеніи въ опечество! Эгистъ упѣшалъ Клиемнеспру, сѣпующую о пошерѣ своей дочери. Жена умеривила мужа, а сынъ ихъ Орестъ убійствомъ мачихи опмстилъ смерть своего опца. . . . Высокая нравспвенность!

Пиѳагоръ. Безъ копорой намъ можно очень легко обойшсь.

Гитіецъ. Оспавимъ сію ужасную сцену, и перейдемъ къ Аѳинянамъ, копорые, немного спуспя времени послѣ шшества Гераклидовъ въ Пелопонезъ, начали воевать съ жишелями Дориды. Когда вопрошали Пиѳю о успѣхѣ сего похода, то получили въ опвѣшъ, что шшъ и народъ будетъ побѣдипелемъ, кто лишится своего Государя. Кодръ берешъ на себя исполнитъ сіе пророчество; скидаетъ съ себя царскую одѣжду, — одѣвается въ плашь паспуха, нападаетъ на непріятеля, и — умираетъ. Аѳиняне, сдѣлавшись по предсказанію Аполлона побѣдипелями, въ память споль рѣдкаго пожертвованія согласились между собою никого не дѣлать преемникомъ Кодръ. „Два вѣка, говорили они, не могутъ произвеспи двухъ подобныхъ ему Государей; а народу, избирающему себѣ Государя, пошребенъ

непремѣнно такой, каковъ Кодръ, чтобы ихъ заспавишь забышь о своей свободѣ.“

Пиѳагоръ. Я нахожу здѣсь Грецію такою, какою ей всегда бы быть надлежало.

Гипіецъ. Съ сего времени Аѳины сдѣлались республикою, но любовь къ опечеснству не пошеряла своей силы. Даже женщины повидимому хопѣли спорить въ оной съ мужчинами. Двѣ дочери одного гражданина закалывающяся кинжалами для того, дабы прекрашнть всеобщій голодъ, копорый, по объявленію Делфійскихъ жрецовъ, не могъ иначе прекрашнться, какъ послѣ сего сугубаго пожертвованія.

Пиѳагоръ. Услужливой Гипіецъ! позволь мнѣ сдѣлать замѣчаніе: — для чего жрецы въ выборѣ своихъ жертвъ всегда почпи дають предпочтеніе молодымъ дѣвицамъ? эпомъ поспупокъ шѣмъ болѣе кажется спраннымъ, что сей полъ имъ преданъ гораздо болѣе другаго. Не ужели эпо вознагражденіе за приверженность женщинъ?

Гипіецъ. Можеть быть ты еще не знаешь, что Елена одолжена жизнию орлу. Ядовитыя испаренія горы Тайгепа, въ продолженіи большихъ жаровъ, носились по Спаршѣ. — Для опвращенія сей заразы Пиѳея пребуешъ крови дѣвицы; младая

Елена, копорая была еще тогда дѣвицею, къ сему назначена была по жребію. Уже жрецъ вознесъ надъ нею священный ножъ, какъ вдругъ пшица Юпиперова, какъ бы нарочно шуда прилешѣвшая (1), спустилась на жреца и его обезоружила. Боги казались удовлетворенными, а Елена спаслась.

Пиѳагоръ. Теперь покажи мнѣ какія нибудъ назидательнѣйшія черты Испоріи.

II.

Продолженіе Историческаго изображенія Греции.

Гипіецъ. Ликургъ, произшедшій опъ крови Геркулесовой, положивъ въ Спаршѣ (*) преграду, или лучше сказать равновѣсіе между деспотизмомъ и анархіею, между прочими основаніями своего законодательсшва предписалъ одинаковыя занятія и

(1) Плутархъ.

(*) Основанной, по мнѣнію нѣкоторыхъ, за тысячу семь сотъ сно прищцать шесть лѣтъ прежде обыкновенной Эры.

тому и другому полу. Сей законодатель думаетъ, что здоровая женщина не произведетъ на свѣтъ дѣтей слабыхъ. Онъ ввѣряетъ молодымъ дѣвицамъ присмотрѣ за молодыми мужчинами. Удовольствіе спавишиа наградою добрыхъ нравовъ. Воспитаніе онъ почитаетъ первымъ правиломъ въ преобразованіи народа.

Пивагоръ. Законы его касательно перваго возраста кажутся строги. Если новорожденный будетъ уродъ, или очень слабо сложенія, то онъ лишается жизни; а тѣхъ, копорыхъ находятъ dospойными оной, сѣкутъ лозами, дабы пріобучить ихъ къ боли!

Гитіецъ. Наша полуварварская нація прежде Ликурга повиновалась двумъ Государямъ почти неограниченнымъ. Онъ поспановляетъ смѣшенное правленіе, въ копоромъ Государи должны быть первые между равными. Си два Государя и народъ должны имѣть одинаковой споль. Раздаяніе милоспей, даруемыхъ опечесповомъ сынамъ добродѣтельнымъ, производился Царю наровнѣ съ прочими добрыми гражданами; Ликургъ запрещаетъ ему всякую наружную пышность, опъ копорой необходимо произтекаетъ роскошь, — бичъ благоустроенныхъ Государствъ. Личныя издержки Государей не могутъ быть при-

чиною налоговъ, совѣмъ не относящихся къ общеспвеннымъ нуждамъ.

Пивагоръ. Такъ по этому въ Спартѣ теперь одна только тѣнь Государей?

Гитіецъ. Только бы законъ не былъ оною; а что касается до Государей, то они и dospойны были такими въ свободномъ народѣ. — Часпные нравы имѣютъ вліяніе на политическое правленіе. Ликургъ подчиняетъ всѣ душевныя движенія одной только любви къ опечеспову; мать гордится эспимъ сппломъ, если сынъ ея доброй гражданинъ. Ликургъ желаетъ, чтобы чувспво свободы заглушало всѣ прочія чувспва; не лзя лучше выдумать мѣръ, упопреляемыхъ имъ къ доспиженію своей цѣли. Учаспъ Илоповъ каждой день прѣдспавляетъ намъ карпину самаго уничижипельнаго рабспва.

Пивагоръ. Не несправедливость ли и варварспво поступать такимъ образомъ съ людьми?

Гитіецъ. Зданіе политическое, копорое хопяетъ поспанить на прочномъ основаніи, требуетъ такихъ средствъ, копорыя могли бы казаться во всякомъ другомъ случаѣ несообразными. — Чтобы можно было сказать, что Лаконія есть страна, гдѣ свободные люди свободнѣе, неже-

ли въ другихъ мѣстахъ (1), по надобно, чшобы въ ней и рабы были порабощены. — По плану своихъ глубокихъ мыслей, Ликургъ предославляетъ порабощеннымъ семействамъ упражненіе въ художествахъ, копорыя по его мнѣнію приличны только народамъ изнѣженнымъ или легкомысленнымъ. Одно военное искусство кажется ему доспащочнымъ для всѣхъ потребностей республики.

П и а г о р ъ. И шакъ Ликургу нужны одни солдаты?

Г и т і е ц ъ. Виноватъ ли онъ, что одни они только могутъ быть свободными?

П и а г о р ъ. Но свободны ли и они?

Г и т і е ц ъ. Онъ повелѣваетъ приносить жертву Музамъ, прежде нежели пойдуть противъ непріятеля. Строгой Ликургъ воздвигъ жерпвенники даже богу Смѣха. Онъ не запрещаетъ имѣть музыкальныхъ орудій нашимъ воинамъ; первый собираетъ разсѣянные стихопворенія божественнаго Гомера, дабы оныя читались во время народныхъ нашихъ праздниковъ. Онъ учредилъ нѣкоторыя узаконенія

(1) Это изреченіе одного Древняго.

и для женщинъ (1); но онѣ показались не столько послушными, какъ мужчины, гла-су мудраго законодателя.

П и а г о р ъ. Разумъ есть послѣднее средство, которое должно употреблять прошивъ ихъ уже по изпощеніи всѣхъ прочихъ.

Г и т і е ц ъ. Великій Ликургъ запечаталъ свои законы, шребуя, чшобы не касались имъ до его возвращенія, и удался изъ Спарты съ тѣмъ, чшобы уже болѣе никогда не возвращаться.

Во время произвольной ссылки, проведенной имъ частію въ путешествіяхъ, онъ вздумалъ преобразить правленіе своего отечества. Покровительствуемый Оракуломъ, окруженный толпою друзей, готовыхъ помогать ему въ нуждѣ, онъ являлся вдругъ своимъ согражданамъ, уже позабывшимъ объ немъ. Народъ сбѣгается и шѣснился вокругъ его. Одинъ изъ двухъ Государей находился въ отсуствіи; а другой, заключась въ своихъ черпюгахъ, въ безпокойномъ молчаніи ожидаетъ окончанія народнаго собранія, котораго онъ не созывалъ. Ликургъ говоритъ; вниманіе

(1) *Mulieres, fertur, Licurgus deducere conatus ad leges; at ubi repugnabant, abstinuisse. Aristot. Polit. II. 7.*

усугубляется. Онъ разкрываетъ свои таблицы, представляетъ планъ самой суровой, какой еще и не смѣли предлагать смертнымъ. Присутствіе великаго человека и его рѣшительность внушили къ нему уваженіе, и заславили почитаніемъ удобоисполнительнымъ то, что и выдумать пребудетъ силъ великаго Генія. Переворотъ послѣдовалъ тотчасъ по прочтеніи книги (*), безъ всякаго кровопролитія. Одинъ перемѣняетъ законы всѣхъ; — и на другой день послѣ сего достопамятнаго происшествія начинаютъ дѣйствовать новыя пружины политики.

За сіе столь важное благодѣяніе Ликургъ заслуживалъ безпредѣльную благодарность; и въ ту же минуту воздвигли ему храмъ.

Зная людей, онъ предвидѣлъ, что Цари употребятъ все средство освободить себя отъ узъ, которыя дѣлаютъ ихъ зависящими отъ Сенапа; что Сенапъ съ своей стороны будетъ присвоивать себѣ сугубую власть и надъ народомъ, котораго онъ представляетъ, и надъ Царями, которые должны его бояться и склонять

(*) Почти за девять вѣковъ до обыкновенной Эры.

на свою сторону; и что народъ, жертва сихъ двухъ властей, согласныхъ ли или несогласныхъ между собою, скоро лишится совѣмъ своей свободы, и припомъ отъ средствъ, предначертанныхъ для сохраненія оной. И такъ Ликургъ предписалъ, чтобы народъ, какъ скоро случится то, что онъ предчувствовалъ, назначилъ пять Правителей, которые смѣрили бы и за Сенапомъ и за двумя Государями. Одинъ изъ нихъ, по имени *Теоломъ*, спустя сто тридцать лѣтъ послѣ сего распоряженія, думалъ, что уже время исполнить планъ Законодателя, и сдѣлалъ общее собраніе для выбору пяти Эфоровъ.

Лакедемонъ вскорѣ пожалъ плоды сего щастливаго учрежденія. Ни одна изъ сихъ трехъ пропивныхъ между собою властей не смѣла взять верхъ надъ другою. Согласіе утвердило правленіе, и внутренняя пищина привела Спартанцевъ въ состояніе опражать внѣшнія возмущенія. Можетъ быть тебѣ уже рассказали все это, почтенный чужестранецъ!

Пиэгоръ. Я зналъ политическій видъ Лакедемона; но ты мнѣ описываешь его другими чертами. Столь важный предметъ надобно разсмапривать во всѣхъ его отношеніяхъ.

Гитіецъ. Намъ нужно было собрать всѣ свои силы, дабы дать оппоръ *Тегейнамъ*, а особливо жителямъ *Мессиніи* (*). Какъ - то думаютъ чужестранцы объ насъ и объ нашихъ непріятеляхъ ?

Пивагоръ. Давно уже Мессинцы производили подозрѣніе въ Спаршанцахъ, завидующихъ землѣ, наилучшей во всемъ Пелопонезѣ, которую Кресфоніѣ кипрымъ образомъ при раздѣлѣ подчинилъ первымъ. Небольшія частныя ссоры сдѣлались предлогомъ открытой войны. И та и другая сторона сперва жалѣли, будучи увѣрены, что національная вражда ихъ не можетъ дружелюбно прекратиться. Однако Мессинцы казались искреннѣе; и они охотно бы положились на мудрость Ареопага или Амфиксіоновъ. Дѣло дошло до брани. Лакедемонцы первые начали непріятельскія дѣйствія, но не въ силахъ были противоборствовать другъ другу. Надобно было опложивъ мщеніе до благопріятнѣйшаго времени, которое къ счастью было еще удалено. Наконецъ благопріятная, или лучше сказать, роковая минута наступила

(*) Теперь называется *Моссениго*.

(*) Двѣ націи, которыя при добромъ своемъ согласіи заставили бы препепашъ всю Грецію, сдѣлавшись непримиримыми врагами, разорили себя совершенно. Мессинцы принуждены были оставить свои опустошенные города, и удалиться на вершину горы Иеомы; это было единственнае средство избѣжать совершеннаго разоренія или рабства. Тогда они прибѣгли къ Оракулу, послѣднему утѣшенію унылыхъ душъ. Не имѣя удачи въ собственныхъ распоряженіяхъ, смертные надѣются получить оную, ввѣряясь волѣ боговъ. Это имъ стоило славныхъ жертвованій. Фанатизмъ былъ такой, что запрудненіе соспоало въ одномъ выборѣ. Приговоръ верховнаго Жреца Дельфійскаго храма палъ на Царскую фамилію; это обыкновенно; и проръ не отказался отъ сей плачевной почести. Дѣвица, произшедшая отъ крови Египповой, должна была быть жертвою для спасенія Государства.

Аристодемъ, который надѣялся получить нѣкогда избирательную корону

(*) Первая война Мессинцовъ происходила за семь сотъ слишкомъ лѣтъ прежде обыкновенной Эры.

Мессини, предлагаешь собственную дочь свою въ замѣну шой, копорой происхожденіе было сомнительно. Любовникъ несчастной жертвы узнаешь о семъ звѣрскомъ геризмѣ, бѣживъ на публичное мѣсто, удерживаешь уже внесенный мечъ и кричишь: „Великій Жрецъ! она моя жена, и скоро будетъ матерью!“ — Остроумный обманъ, копорый изобрѣла опчаянная любовь!

Арисподемъ съ бѣшенствомъ подходитъ и говоритъ ему: „Подлецъ! не думай спасти жизнь моей дочери на счетъ ея чести; будьте свидѣтелями и судьями всѣ, слушающіе сіе!“

Сказавъ сіи слова, онъ вырываетъ мечъ у жреца, вонзаетъ его въ упробу своей дочери, и неисповою рукою повергаетъ оную предъ взоры изумленного опъ ужаса собранія.

Верховный жрецъ, прѣобыкшій къ шаковымъ зрѣлищамъ, еще дерзаетъ вступиться за права свои и требовать другой жертвы. Но онъ принужденъ былъ довольствоваться и шпою. Воля боговъ исполнилась: дѣвическая кровь текла на ихъ жертвенникахъ, и долженствовала удовлетворить ихъ, хотя была пролита и не рукою жреца.

Обнадеженные Оракуломъ, копорого исполнили волю, Мессинцы, будучи снова осаждены Спаршанцами, выдержали нападеніе съ необычайною храбростію; они бы имѣли успѣхъ, еспыли бы ихъ Государь, слишкомъ пылкой, не слишкомъ подвергалъ опасности жизнь свою. Эвфайсъ умеръ опранъ; народъ пошчасъ избралъ преемникомъ по немъ Арисподема, копорому очень дорого спойло склонить къ сему всѣхъ. — Онъ началъ свое царствованіе заключеніемъ союза съ врагами своихъ соперниковъ, какъ-то съ народами Аркадіи, жипелями Сиціона и Аргоса. Главныя государства Греціи уже примиряли, но шщечно, несогласія между сими державами и Лакедемономъ.

Г и т і е ц ъ. Коринѣ былъ нашимъ союзникомъ. Первыя кампаніи споль были удачны для Мессинцовъ, чпо какъ наши предки почитали за посрамленіе своего древняго характера, употреблять хипросить, то услужливой Оракулъ согласился рѣшить всѣ сомнѣнія, и позволилъ употреблять всѣ средства. Довольно долгое время Арисподемъ преслѣдовалъ насъ, распроивалъ всѣ наши предпріяшя, и не попускалъ намъ сдѣлать никакого успѣха. Но онъ могъ защищаться въ одномъ шолько мѣспѣ: его возможно было укротить, заперши на горѣ Иеомъ. Сія

умная выдумка имѣла совершенный успѣхъ. Осажденные, защищаясь только одними своими силами, не могли успокоить противъ осаждающихъ, которые замѣняли свои пошери.

П и о а г о р ъ. Арисподемъ рѣшился не переживать своей славы, и показалъ примѣръ своему опчаянному народу. Внутреннія чувства сдѣлались непреспаннымъ его мученіемъ. Воспоминаніе, что онъ собственными руками закололъ свою дочь, было для него коршуномъ, терзающимъ его внутренность; ужасная сцена сего жертвоприношенія непреспанно предспавлялась глазамъ его. Въ одну ночь мечтается ему, будто бы сама его дочь, одѣвая въ бѣлое платье, увѣчанная цвѣтами, имѣя руки связанныя жертвенными повязками, явилась смущеннымъ его взорамъ, и невнятнымъ голосомъ произнесла ему слѣдующія слова:

„Великодушной гражданинъ! ты теперь упрекаешь себя за свое злодѣяніе; ибо оно бесполезно. Вотъ мои дымящіяся внутренности, которыя рука твоя — рука отца, — изторгла изъ моего дѣвческаго чрева. Я уже слышу звукъ оковъ, готовящихся твоему опечеству. Жрецъ обѣщаль тебѣ славу и спасеніе твоихъ соотечественниковъ за цѣну дѣвческой

крови. Легковѣрной и жестокой Арисподемъ! раздирая утробу твоей дочери, уже ли ты могъ подумать, что боги низпосылаютъ милости свои опцамъ, которые умерщвляютъ дѣтей своихъ? Боги правосудны! Мессинцы скоро будутъ невольниками, и Государь ихъ одною смертію можешь и збѣгнутьъ поспыдныхъ оковъ. Умри же!“

При сихъ словахъ Арисподемъ бѣжипъ ко гробу своей дочери, и говоритъ ей праху: „Тѣнь священная! — ты будешь удовлетворена. Дочь моя! проси любви моей къ опечеству; я пожертвовалъ ему самымъ драгоценнѣйшимъ для меня. О дочь моя! прими и ты въ жертву единственное сокровище, которое у меня остается — бытіе и надежду.“

Онъ умерщвилъ себя, царспвовавъ шесть лѣтъ.

Г и т і е ц ъ. По неистовымъ нравамъ ихъ начальника ты можешь судить о неспріятеляхъ Спарши. Продолжай мнѣ открывать мнѣніе чужеспранцовъ объ опечествѣ. —

Продолженіе.

Пиэагоръ. Мессинцы защищались еще нѣсколько мѣсяцовъ съ храбросію, доспойною предмета ихъ подвиговъ; но наконецъ надлежало сдатьсь, и принявъ всѣ условія, какія было угодно предписать побѣдителю. Спарта наложила оныя пѣмъ пятоспнѣе, что лавры ей доставались не даромъ: долговременная война сія много опняла у нее гражданъ.

Долго Спарпанцы не возвращались въ дома свои; уединенныя подруги ихъ жили въ скучномъ вдовспвѣ, которое для нихъ поль пятоспно спало, что онѣ за нужное почли извѣспнпъ о семь своихъ мужей, совсѣмъ посвятившихъ себя Беллонѣ. Сно молодыхъ чужеспранцовъ, служившіе подъ знаменами Лакедемона, отправлены съ опвѣномъ. Мужья возвратившись домой разкаявались, — но уже поздно; новое поколѣніе сполько не полюбилось имъ, что принуждено было шопчасъ основать колонію въ Тарентѣ (1), Италіянскомъ городѣ; его нравы — какъ увѣряющъ, со-

(1) Спраб. Геогр. VI. Justin. III. 4.

вершенно соотвѣпспвуютъ происхожденію своихъ основателей!

Гитіецъ. Все это справедливо; но все это было необходимо. Чистые законы Ликурговы (1), равно какъ и прочія дѣла человѣческія, подвержены случайнымъ переменамъ.

Пиэагоръ. Находясь долгое время въ жестокомъ рабствѣ, подобно Илопамъ, Мессинцы не забыли о прежней своей свободѣ, и не опчаявались возвратитъ ее. Одинъ изъ нихъ, рожденный съ качеспвами Героя, юный Ариспоменъ, пользуясь благороднымъ расположеніемъ своихъ соотеспвенниковъ, возбуждаетъ ихъ къ сверженію ига. Они предлагаютъ ему шипуль Государя; но онъ желаетъ быть шолько предводителемъ арміи. Увѣрившись въ нѣкопорыхъ своихъ союзникахъ, онъ, не шеря времени, начинаетъ вшорую Мессинскую войну противъ Спарпанцевъ (*).

(1) Если бы кто спросилъ меня: въ цѣлости ли шеперь хранятся законы Ликурговы? то бы я не смѣлъ сказать о семь шшвердительно.

Ксенофонтъ, Республика Спарты.

(*) Почти за семь вѣковъ прежде обыкновенной Эры.

Часть V.

Г

Это лишь одно происшествіе достойно вниманія въ Греческихъ лѣтописяхъ того времени (1).

При семъ внезапномъ вооруженіи, Лакедемонцы по обыкновенію своему прибѣгаютъ къ Оракулу, который даетъ имъ совѣтъ пребывать полководца у Аѳинянъ. Аѳины посылаютъ къ нимъ Спихопворца. Не лзя не принять его, потому что надлежало уважить волю боговъ въ семъ спранномъ выборѣ, который былъ не безъ намѣренія. Тиршей (*) проигрываетъ при сѣ ряду сраженія прошивъ Ариспомена. Тѣ, которыми онъ предводительствовалъ, должны были и ожидать сего. Видя ихъ пораженныхъ симъ проякимъ ударомъ, и отказавшись отъ должности, возложенной на него по политическимъ причинамъ, Тиршей ославляетъ жезлъ правленія и опять принимается за свою лиру. Нравы Спаршанцевъ придали живосни высокому его Генію. Онъ предается своему энпузіазму, и въ прекрасныхъ пѣсняхъ своихъ (2)

(1) Аббатъ Мабли называетъ сіи ужасныя войны *минутами развѣсенія*.

Observ. sur les Grecs. p. 31. 1766.

(*) Школьной учитель, кривой и хромой.

(2) Подъ заглавіемъ *Eunomie*. Pausan. Mess.

превозноситъ любовь къ опечесству и славѣ. Воины дѣлать съ нимъ воспорги; огонь храброспи воспламеняется въ душахъ ихъ; они клянутся ему не ославлять оружія до тѣхъ поръ, пока не одержатъ побѣды. — Для чего споль благородныя чувствованія не имѣли справедливѣйшаго побужденія?

Ариспоменъ при семъ извѣстїи усугубляетъ дѣяпельность, смѣлость и благородуміе. Войска его обратились въ бѣгство, союзники измѣнили; но онъ ни мало не перяетъ своей твердоспи и мужеспва; искусно очищаетъ мѣспа, которыми могли бы раздѣлить его силы, соединенныя имъ на горѣ Ирѣ. Здѣсь имѣя вѣрное убѣжище во всякомъ случаѣ, онъ не преспаетъ нападавъ на непріятеля, находясь непреспанно у него въ виду. Три раза бывъ въ плѣну, онъ умѣлъ убѣжать изъ рукъ его. Одинъ дѣлаетъ сомнительною судьбу Лакедемона, и удерживаетъ паденіе своего опечеспва.

Его сограждане помогаютъ ему по возможности; примѣръ его одушевляетъ мужеспвомъ самыхъ слабыхъ и робкихъ; даже самыя Мессинянки желаютъ опличить себя: во время осады Иры онъ надѣваются на себя доспѣхи умершихъ мужей, и дер-

жася въ окопахъ, защищающъ оныя наравнѣ съ мущинами.

Спаршанцы, раздраженные ибѣмъ, что падаютъ подъ ударами пола, копорой они презирали повсюду, кромѣ своего опеченства, берутъ свои мѣры — и неуспрашимость уступаетъ многолюдству. Мессинцы видящъ себя принужденными оставитъ послѣднее укрѣпленіе свое, послѣ одиннадцатилѣтней осады, копорая достойна большей славы, нежели Троянская. Для ней недоспавало только Гомера.

Ариспомена не было съ ними, и непріятель воспользовался его опсупствіемъ. Но сей великій Полководецъ, неизпощимый въ замыслахъ, не думалъ еще, что уже все поперяно; онъ успѣлъ набранъ себѣ нѣсколько сотъ людей.

„Друзья! говоритъ онъ имъ: Спаршанецъ вноситъ мечъ и огонь въ укрѣпленія наши; поспѣшимъ воздать ему равное въ его домахъ, лишенныхъ защиты!“

Легко было исполнитъ сіе нзмѣреніе. — Они бѣгутъ, союзники опять соединяются съ ними. Но Царь Аркадскій подлою измѣною низпровергаетъ опважное предпріятіе Ариспомена. Герой сей не захотѣлъ пережить сего несчастія. Онъ не умѣлъ поражать измѣнниковъ;

и кинувшись одинъ на опрядъ Лакедемонянѣ, умеръ сославою; съ нимъ вмѣстѣ умерла и надежда въ сердцѣ его согражданъ: они совершенно оставили мѣсто своего рожденія, и основали Мессину.

Гитіецъ. Въ поже самое время, когда колонія Коринская основывала Сиракузы.

Пиэагоръ. Царь Аркадскій не пріобрѣлъ ничего чрезъ свое вѣроломство. Его подданные, взбунтовавшись при шаковомъ поступкѣ, побили его камнями, и на мѣстѣ казни поставили позорной столбъ съ сею надписью:

„Здѣсь жителя Аркадіи сами казнили своего Государя, будучи увѣрены, что вѣроломный союзникъ не можетъ быть добрымъ Царемъ.“

Но скажи мнѣ, доброй Гитіецъ! всѣ народы почитаютъ довольнымъ имѣнь одного Государя: для чего же Спаршанцы вздумали выбирать по два?

Гитіецъ. Одна Царица, мать двоихъ близнецовъ, равно ея любимыхъ, предложила въ народномъ собраніи, что корона можетъ украшать въ одно и поже время главу двухъ братьевъ, совершенно похожихъ одинъ на другаго. Снисходя мапервему желанію, вдовы Арисподема, рож-

деннаго опѣ крови Геркулесовой, народъ не сомнѣвался, что подѣ правленіемъ двухъ Царей онѣ будетъ еще свободнѣе; онѣ думалъ, что два Государя будутъ смотрѣть другъ за другомъ; что ими овладѣетъ благородное соревнованіе, и обратятся къ славѣ и благоденствію общества; они предсказывали, что Царская власть слабѣетъ чрезъ раздѣленіе. Но надежда не исполнилась. Спарта не одинѣ уже разъ раскаявалась, что вручила свободу свою волѣ двухъ Государей, сдѣлавшихся скоро опѣ зависпши пиранами.

Пивагоръ. А ваши Илопы? кто могъ замарать такимъ безчестнымъ пяпномъ правительствомъ, споль мудрое по другимъ отношеніямъ?

Гитіецъ. Спуспя нѣсколько времени послѣ царствованія Проклеса и Еврисена, Атисъ ознаменовалъ свое правленіе однимъ учрежденіемъ, произведшимъ бунтъ. Спартянцы до того времени добровольно помогали нуждамъ общественнымъ, и государственво опѣ того не терпѣло никакого вреда; новому Государю заблагоразсудилось наложить всеобщую подать на всѣ имуществва частныхъ людей: эптопъ налогъ имѣ не понравился; ихъ хотѣли принудить къ тому силою, и опѣ того — по одна половина народа вооружилась про-

пивѣ другой. Возмущеніи учинились военноплѣнными, а Государь сдѣлалъ ихъ рабами. Вотъ начало Илоповъ. Время и обстоятельство увеличивали иго ихъ, сперва для того, чтобы обуздать ихъ, которые захотѣли бы пренебрегать требованіями правительства, болѣе или менѣе справедливыми; а потомъ, дабы возвысить блескъ свободы, и дабы почувствовать всю цѣну ея, противоположивъ оной картину рабства во всемъ его униженіи. Нѣкоторые изъ Мессинцовъ въ отчаяніи предались въ руки своему побѣдителю, и согласились увеличить число Илоповъ. Но жизнь сего многочисленнаго класса презрѣнныхъ людей сдѣлалась при семъ случаѣ болѣе неноснѣйшею и жесточайшею.

Пивагоръ. Ты справедливо его называешь многочисленнымъ онѣ въ самомъ дѣлѣ долженъ нѣсколько беспокоить Господѣ своихъ.

Гитіецъ. Опасеніе, чтобы Илопы не возвратили правъ своихъ, каждой день заставляло еще болѣе опягчать ихъ оковами Эпимѣ великимъ примѣромъ Лакедемонская полишика безпрестанно поражаетъ умы гражданъ, неповинующихся законамъ.

Пивагоръ. Спарта должна бы была спрашивать, чтобы и съ ней не поступи-

пили такъ же, какъ она поступила съ шѣми несчастными, которые попались въ ея желѣзные руки. Она не пользуется уроками Испорѣи; но ее могли бы научить и собственныя примѣры.

Гитѣецъ. Ты не Тегеянъ ли здѣсь разумѣешь? Что ты объ нихъ слышалъ?

Пивагоръ. Лишь только умеръ Ликургъ, Спарта, презрѣвъ испинной духъ его законовъ, вздумала идти насупательною войною противъ мирныхъ своихъ сосѣдей. Сперва обратилась она на Тегеянъ (1), и рѣшилась опияшь у нихъ Аркадію, страну самую спокойную, которая гораздо выгоднѣе для народа паспущескаго, нежели для націи чесполубивой и воинспвенной; жрецы, всегда невразумительные въ опзывахъ о справедливыхъ или несправедливыхъ намѣреніяхъ, предпринимаемыхъ правительспвомъ, не преминули выдумать предсказаніе, заключающееся почти въ слѣдующихъ словахъ:

„Храбрымъ чужеспранцамъ предоспавлена честь измѣрять веревкою Аркадскую землю.“

Слѣдуя словамъ симъ, воины идушь въ походъ. Они такъ мало сомнѣваются

(1) Геродотъ. I. Pausan. Lac. et Arcad.

объ успѣхѣ, что запасаются веревками, предположивъ сугубую цѣль: и сняшь планъ съ Аркадіи, и связать назадъ руки шѣмъ, которые осмѣляясь спорить съ ними въ завоеваніи оной. Сіе глупое предувѣреніе получило доспойную награду. Тегеяне храбро защищали пипающую ихъ землю, и оба пола брали равное участіе въ опасности. Спартапцы были совершенно разбины, и шѣ, которые убѣжали опъ побѣдоноснаго меча, попались въ шѣ же самыя узы, которыми они запаслись опправляясь въ походъ. Вашъ царь Харилай, племянникъ Ликурга (*), первой подвергся сему доспойному его поруганію; — но я всего болѣе сожалѣю о Мессинцахъ.

Гитѣецъ. Возвратимся опяшь къ нимъ. Повѣспвующъ различно о первой причинѣ браней, происшедшихъ между симъ народомъ и Лакедемонцами. Въ храмъ Діаны, построенный на границѣ сихъ двухъ государствъ, приносимы были жершвы опъ обѣихъ націй; — однажды полпа молодыхъ Спартапскихъ дѣвицъ шамъ была обижена.

Пивагоръ. Сіи молодыя дѣвицы были воины, которые подъ женскимъ

(*) Отецъ Ликурговъ назывался *Эномомъ*.

плащемъ скрывали кинжалы; ими предводительствовалъ самъ ихъ царь Телеклъ. Намѣреніе ихъ было, во время торжества убить всѣхъ Мессинцовъ, присутствовавшихъ при ономъ; — но послѣдніе, къ счастью, открыли се гнусное злоумышленіе.

Гитіецъ. Признаюсь, Ликургъ никогда не одобрялъ таковыхъ поспупковъ. Жаль, что великіе люди такъ мало имѣютъ вліянія послѣ своей смерти!

Пиэагоръ. Не потому ли это, что очень мало великихъ людей, которые не очернили бы своихъ добродѣтелей великими заблужденіями, или великими злодѣяніями?

Я вспомнилъ объ одномъ вашемъ древнемъ Государѣ, который очень подтверждаетъ мое примѣчаніе. Агисъ, къ царствованію котораго обыкновенно относятъ начало Илоповъ, управлялъ престоломъ вмѣстѣ съ *Соемъ* (1), двоюроднымъ братомъ своимъ, сыномъ Проклесовымъ. Изъ одной черты можно судить о его характерѣ. Когда родственникъ его дѣлалъ невольниковъ въ Спартѣ, онъ искалъ побѣды въ Аркадіи. Оспроуміе его однажды помогло ему удивительнымъ образомъ про-

(1) Плутарх. *Жизн. Ликург.*

тивъ Клипоріанцовъ, окружившихъ со всѣхъ сторонъ его лагерь. Не зная, какимъ образомъ спасти свою армію, претерпѣвающую недосыпокъ въ водѣ, Сой выдумалъ слѣдующую хитрость: — онъ предложилъ непріятелю, такъ сильно его истощившему, возвратить все у него отнятое, и въ замѣну сего пребывалъ только позволенія, провести войска свои къ ближайшему источнику для утоленія жажды. Предложеніе было принято; жаждущіе воины бросились къ ручью.

„Постойте! кричитъ имъ Сой: и такъ непріятель получитъ обратно всѣ наши завсѣванія за малое количество воды?... Нужда насъ всѣхъ заставила согласиться на это условіе. Но пусть, кто въ силахъ преодолѣть свою жажду, безъ сомнѣнія не обязанъ выполнять договора, принятаго нами по нуждѣ. Кто изъ Спартанцевъ можетъ въ семъ случаѣ быть побѣдителемъ надъ собою? Кто? говорите! я уступаю ему мое участіе въ престолѣ... Никто не опровергаетъ? хорошо же! такъ это сдѣлаю я!“

Лишь только все войско утолило жажду, Сой почерпаетъ руками воду, и умываетъ лице, стараясь не пропустить ни одной капли въ изсохшія уста свои; — послѣ сего говоритъ изумленнымъ своимъ

воинамъ: „Пойдемъ теперь на непріятеля! я ему не одолженъ ни чѣмъ; ибо я могу не выполнятъ условій прахшапа, изъ котораго исключаясь. Мои завоеванія въ Аркадіи принадлежатъ, и будутъ принадлежатъ мнѣ.“

Сой не возвратилъ Клипоріанцамъ ни одной изъ взятыхъ у нихъ земель.

И Улиссу бы не разсудить справедливѣе и поспушить лучше!... Житель Гипшума! это не мои герои.

Гитіецъ. Для тебя конечно болѣе нравишься Ариспоменъ.

Пивагоръ. Лакедемонцы никогда не имѣли ужаснѣе сего непріятеля. Соединя смѣлосць съ благоразуміемъ, онъ сражался со всею пылкостью юности, а располагалъ свои планы съ хладнокровіемъ зрѣлаго возраста.

Гитіецъ. Сей-то Мессинскій полководецъ послѣ одной знаменитой побѣды, пользуясь темнотою ночи, вошелъ одинъ въ Спаршу, повѣсилъ свой щитъ на вратахъ Минервина храма, и вышелъ опшуда, услаждаясь мыслію, что взгляды на сей предметъ произведутъ ужасъ въ души Спартанскихъ гражданъ при ихъ пробужденіи.

Попавшись въ плѣнъ съ пятьюдесятью своихъ воиновъ, онъ все обозрѣвалъ сей

городъ; но заключеніе его въ башню преступниковъ, съ вершины коей (*) сбросили его поварищей, показало ему, что уже не будетъ и ему прощенія. Въ мрачномъ углу своей тюрьмы онъ усматриваетъ лисицу, которая вошла туда чрезъ одно непримѣтное отверстіе. Ариспоменъ хватается за хвостъ ея, въ намѣреніи слѣдовать за симъ звѣремъ вездѣ, куда бы онъ ни побѣжалъ. Лисица кое-какъ пробралась вонъ къ своей норѣ, находившейся внизу башни. Этотъ проходъ былъ очень тѣсенъ для Ариспомена, по крайней мѣрѣ онъ замѣтилъ слѣды своего проводника, и чрезъ многіе пруды и спараніе успѣлъ освободиться. Попавшись опять, въ слѣдующую ночь онъ еще воспользовался щасливымъ обстоятельствомъ. Спражи его напились допьяна; онъ убиваетъ ихъ собственнымъ ихъ оружіемъ, и прибѣгаетъ къ своимъ воинамъ, которые едва могли повѣрить глазамъ своимъ.

Три раза сей великой полководецъ получалъ шоржеспвенныя почести, назначенныя шому, кто убьетъ на одномъ бою сто непріятелей.

(*) Сія башня извѣстна была подъ именемъ Цаады.

Пивагоръ. Не одна слава заславляла Ариспомена быль воиномъ. Онъ защищалъ отечество, и сражался за свободу. Онъ совсѣмъ не предполагалъ, чпобы по смерти его нѣкоторые изъ его согражданъ согласились включить себя въ число Спартанскихъ Илоповъ.

IV.

Кандавлъ, Кипселъ.

Гитиецъ. Современная исторія нашихъ сосѣдей предспавилъ тебѣ поразительный контрастъ; ты, кажешся, посвятилъ себя познанію людей. Около сего времени произошло странное возмущеніе при Дворѣ Лидійскомъ. Ты знаешь, чпо гордые Цари сей прекрасной страны произошли отъ сына невольницы (1), хопя опцомъ его былъ Геркулесъ. Оди́нъ изъ попомковъ сего героя управлялъ скиппромъ въ Сардахъ семнадцать лѣтъ. Немногіе Государи могли назваться щасп-

(1) Dion. Chrys. Orat. XV.

ливѣе Кандавла (1). Онъ царспвовалъ мирно въ прекрасной странѣ, орошаемой водами Пакпола, — былъ вмѣстѣ супругомъ и любовникомъ Царицы, жены своей: рѣдкое преимущество!... Но я забываю, чпо я Спартанецъ, и говорю съ путешественникомъ, безъ сомнѣнія уже знающимъ о сихъ произшествіяхъ. Опкровенность и лаконизмъ не могутъ быль вмѣстѣ; припомъ это удивительная рѣдкость, разсуждашь о изнѣженныхъ нравахъ Сардскаго Двора на дикой вершинѣ горы Тайгепа, которая никакъ не можетъ быль жилищемъ смѣха (2).

Прибавъ къ сему, сказалъ я своему проводнику, чпо произшествіе, о которомъ ты говоришь, разсказываемо уже мнѣ было различнымъ образомъ. Въ успахъ Лакедемонца оно не должно нимало перяшь своей цѣны и нравспвенности. Говори! я буду слушать тебя со всѣмъ вниманіемъ.

(1) Синонима Геркулеса; на Греческ. *Myrsilus. Origin. Uriennes. VIII.*

(2) Принаровка къ слову *Сардовъ*, которое на Ассирійскомъ языкѣ значишь *городъ смѣха. Traité du rire. 1768.*

Гипіецъ. Цари, наслаждаясь обыкновеннымъ для нихъ щастіемъ, часно лишаются всѣхъ плодовъ его, желая упочить оное. Размышляя о своемъ санѣ, они не могутъ не видѣть, что вѣряя каждому ихъ слову, и что нико не смѣетъ названъ по худымъ, что имъ угодно почиать хорошимъ. Такого характера былъ Кандавлъ. Всѣ царедворцы увѣряли его, что онъ сбладаль прекраснѣйшею женщиною въ своемъ государствѣ, и на сей разъ они говорили правду; но самолюбіе вѣнценоснаго супруга все еще не было совершенно удовлетворено. Одно рабское ласкательство, говорилъ онъ самъ съ собою, испортиаетъ у нихъ похвалу сію. Они знаютъ только малѣйшія прелести Царицы; и когда я хвалю предъ ними красы, мнѣ одному только дозволенные, то они можетъ быть еще объ нихъ сомнѣваются. Какъ же ихъ убѣдить, что я нимало не увеличиваю достоинства предмета, и получишь отъ нихъ справедливое въ томъ признаніе?... Кандавлъ повѣрялъ свои тайны Гигесу, одному изъ своихъ шлохраниителей; онъ любилъ его болѣе всѣхъ. Гигесъ былъ его другомъ — естли только Цари не осуждены не знашь сего чувствованія.

Пивагоръ. Одно только равенство составляетъ основаніе дружества (1).

Гипіецъ. Однажды Лидійскій Монархъ опводилъ его въ спорону, и говорилъ ему такъ: „Точно ли ты увѣренъ въ красоту моей жены?“ — Государь! можешь ли ты сомнѣваться въ моей искренности? всеобщая хвала служишь сему доказательствомъ. Есть ли хопя одинъ изъ своихъ подданныхъ, копорый не удивлялся бы Царицѣ? — „Царямъ льспяшь болѣе всего въ томъ, что имъ всего любезнѣе. Признаюсь тебѣ, я такъ люблю свою жену, что желалъ бы, чтобы всѣ люди смопрѣли на нее моими глазами; мнѣ хопѣлось бы, чтобы вся земля опдала ей по справедливое почтеніе, копорое оказываю я.“ — Государю моему нѣтъ нужды желать сего; весь свѣтъ единогласно превозноситъ прелести и красоту супруги щастливаго Кандавла! — „Этого еще не довольно.“ — Чего же еще желать тебѣ? — „Я хопѣлъ бы, чтобы всѣ смертные имѣли столько же причинъ, какъ и я,

(1) *Pythagoras saepius omnibus inculcabat: amicitia aequalitas, aequalitas amicitia est.*

обожать Царицу. Одному только мнѣ можно знать всѣ ея совершенства. Не находя выраженій къ описанію ихъ, я желалъ бы найти средства, дабы увѣрить другихъ, что предметъ мой превышаетъ мои силы. Гигесъ! ты не понимаешь меня; ты другъ мой! я ввѣрилъ тебѣ сокровеннѣйшія мои мысли; я ничего не тайлъ отъ тебя; мое сердце обнажено передъ тобою. Если бы моя жена могла также предстать глазамъ твоимъ, ты могъ бы прямо судить объ ней, а мнѣ доставилъ бы пріятнѣйшее наслажденіе, котораго только недоставляетъ для меня: наслажденіе — увѣриться изъ несомнѣннаго свидѣтельства, что любовь не ослѣпляетъ меня въ разсужденіи совершенствъ милой и достойной моей подруги.“ — Государь! что ты говоришь? ты конечно меня искушаешь. — „Нѣтъ, Гигесъ! предлагаемое мною есть повелѣніе. Я хочу тебя симъ же вечеромъ ввести въ чертоги Царицы; ты тайно будешь присутствовать въ то время, когда она будетъ ложиться спать; ты можешь безопасно усремять взоръ свой на сокровища, которыми восхищаются исключительно предоснавлено одному супругу.“ — Государь! а священныя обязанности брака? а ненарушимыя права цѣломудрія! — „Я

беру все на себя.“ — Но естли примѣтитъ меня Царица? — „Она тебя не увидитъ. Не возражай и не сопротивляйся! я хочу этого, и твой другъ въ томъ закликаетъ тебя; я самъ поспавлю тебя въ приличномъ мѣстѣ. Между дверьми и царскимъ ложемъ есть сполъ; на сей мраморъ ложаюсь спать, Царица складываетъ съ себя поодиночкѣ все свое платье. Пользуйся драгоценными минурами; смолри, удивляйся, и съ оспорожностію удались.“ —

Воля Монарха Лидійскаго есть опредѣленіе Юпитера. Упорной отказъ смолрѣть на обнаженную Царицу былъ бы наказанъ, такъ какъ личное оскорбленіе величества. Кандавлъ очень много наговорилъ о безопасности чловѣка, которому онъ ввѣрилъ свою тайну. Гигесъ повинуется, и видитъ все.

Спросившій Кандавлъ не могъ не открытъ женѣ своей того, что произошло по его повелѣнію. Она не отвѣчаетъ ничего, и собираетъ въ мысляхъ своихъ все то, что таковой поступокъ можетъ имѣть оскорбительнаго для Лидіанки, и припомъ Царицы.

Ночь для неѣ течетъ очень медленно. Поутру она призываетъ Гигеса, который является, ничего не подозревая. Каждой день онъ принималъ ея повелѣнія.

Царица опводитъ его въ сторону и говоритъ: „Ты видишь сихъ вооруженныхъ людей; они топовы поразить тебя по первому мановенію. Избирай — смерть, или пресполъ! Поелику ты видѣлъ по, что долженъ видѣть только одинъ супругъ; по ты долженъ содѣлаться онымъ. Поелику Кандавлъ употребилъ во зло права свои надо мною, по онъ долженъ умереть; а какъ ты не успрашился исполнишь беззаконныхъ повелѣній своего Государя, по по ты самой долженъ наказатъ пресупленіе его, копорой былъ орудіемъ въ учиненіи онаго. И такъ избирай, смерть себѣ, или Кандавлу! . . . Я не принимаю никакихъ представлений. Законы чести суть первые въ моихъ глазахъ; всякое умспвованіе умолкаетъ предъ ними. Я должна дать обоимъ поламъ великій урокъ, и воздать равное за свою обиду. Гигесъ! повинуйся и мнѣ въ мою очередь; или, я повипоряю: умри! Въ сей же вечеръ скрывшись въ помѣ самомъ мѣспѣ, откуда ты осмѣлился просперть дерзновенный взоръ свой на супругу швоего Государя, ты долженъ поднятъ сей мечъ на Кандавла и поразить его, какъ скоро сонъ оставитъ тебѣ его беззащитнымъ.“

Гигесъ рѣшился на послѣднее предложеніе, и съ сей минушы раздѣлялъ ложе и корону Царицы. Не зная истинной причины

смерти своего Государя (1), Лидійцы прибѣжали во Дворецъ съ вооруженною рукою. Но ихъ усмирили, представивъ имъ посредникомъ Оракула. Вопрошенная Пиеія произноситъ имъ слѣдующій шемный опвѣтъ:

„Преступленіе слѣдуетъ за пресупленіемъ, и не должно вмѣнять его пому, кто былъ его невольнымъ орудіемъ. Династія Гераклидовъ должна успустить Сардійскій пресполъ новому выбору Царицы, оскорбленной въ помя, что женщина имѣетъ драгоцѣннѣйшаго.“ —

Гигесъ умѣлъ возблагодарить услужливость Оракула: онъ осыпалъ дарами Делфійскій храмъ; самыя драгоцѣннѣйшія приношенія, хранящіяся въ сокровищницахъ жрецовъ Аполлоновыхъ, подарены симъ Государемъ, копорый царспвовалъ тридцать восемь лѣтъ, оставивъ послѣ себя скипиръ своему сыну, рожденному опѣ Царицы. Народъ сомнѣвался нѣсколько времени въ вѣрности жрецовъ при семъ случаѣ, и пересталъ ропсать погда уже,

(1) Кандавлъ умеръ за два года прежде двадцатой олимпиады, на одномъ году съ Ромуломъ.

какъ новый Монархъ успокоилъ его своимъ крошкимъ правленіемъ. Мало помалу онъ успѣлъ привести въ забвеніе приключеніе Кандавлово.

Нѣкопорые Испорики сомнѣваются въ ономъ; а другіе почипаютъ его нелѣпымъ и невѣроятнымъ, какъ будто Цари болѣе другихъ людей избѣяны отъ безразсудныхъ поступковъ. Щасливъ народъ, когда личные просупки его Государей обращаются въ его пользу! Архилохъ (1) написалъ о семъ Поэму.

Кандавлъ любилъ искусства, и щедро награждалъ художниковъ. Онъ далъ живописцу Буларху (2) сколько золота, сколько вѣсила одна его картина (*).

Распочительность, которую при Дворахъ называютъ щедростію, отличаетъ Монархію. Бережливость есть добродѣтель государствъ республиканскихъ.

Повѣспвуютъ, что Гигесъ, посѣщая древнія гробницы, нашелъ на рукѣ одного мершвеца кольцо, спяющее того, чтобы взять его и надѣть на свой перстъ. Бу-

(1) Геродот. I. 15.

(2) Плин. Истор. Натур.

(*) Въ сіе время писали только на деревѣ, или на камнѣ.

дучи обращено на извѣспную спорону, оно имѣло сугубую силу дѣлать невидимымъ и вмѣспъ присущспвующимъ того, кто оно носилъ.

Пиѣагоръ. Полипическій символъ! тонкая хвала бдительному Государю!

Гигіеицъ. Жаль, что сіе Гигесово кольцо не дошло до временъ могущеспвеннаго и злощаснаго Креза! Но намъ не для чего оспанавливаться при описаніи Двора, который развратъ нравовъ и упонченность въ распусствѣ проспиралъ до того, что дѣлалъ евнуховъ изъ того и другаго пола (1).

Въ Коринѣ почти въ тоже самое время случилась подобная революція. Сей городъ возводилъ очень высоко (2) свое начало; еспшли почеснь досповѣрнымъ его повѣспвованіе, то онъ можетъ опнести основаніе свое еще къ опдаленнѣйшимъ вѣкамъ. Кременъ Сизифа, перваго царя въ семъ государствѣ, и химера Беллерофонна, дѣлаютъ нѣсколько сомнительными первыя лѣта Коринеа. Однакожъ оспановимся на семъ нѣсколько.

(1) Athenée *deipnos.* XI.

(2) Syncell. pag. 186.

Пиѳагоръ. Испорія иногда походитъ и на баснь; но шѣмъ не менѣе назидательна.

Гипіецъ. Отрасль Гераклидовъ овладѣла сею малою обласнію, и дала ей нѣкопорой вѣсь и славу. — Домъ Бакхидовъ былъ прешей царствующей династіей. Первой Царь, кошорой доспавилъ корону своимъ дѣтямъ, былъ выбранъ народомъ. Потомки его, неперпѣливо желая царствовать, и наскучивъ ожиданію своей очереди, перемѣнили систему правленія. Народъ согласился, чпобы каждой изъ нихъ сидѣлъ на пронѣ шолько одинъ годъ. Сіе полипическое успановленіе, довольно впрочемъ основательное, хошя оно произошло и отъ честолюбія, продолжалось цѣлое столѣтіе, и Коринѳъ находился въ самомъ цвѣтущемъ соспоянтіи. Онъ былъ тогда споллицею двухъ славныхъ колоній, Сиракузской и Корцирской.

Одно непредвидѣнное обспояпельство перемѣнило образъ правленія. Бакхиды успановили себѣ закономъ, не вступаць въ брачной союзъ съ чужеспранными. Лабда, произшедшая отъ ихъ крови, была пакъ дурна лицомъ, чпо никто изъ ея родспвенниковъ не хотѣлъ ее взять за себя. Но боги, лишивъ ее красопы, не лишили поспребносшей ея пола и возраста. Она пред-

почла личныя свои выгоды полипическимъ, и дала руку чеспранцу. Эпшонъ, такъ назывался супругъ ея, съ своей спороны находилъ шакже для себя выгоднымъ соединицься съ эшою безобразною женщиною, кошорая приносила ему въ придансе право на царство. Лабда сдѣлалась беременною; возмущенные Бакхиды склонили Оракула къ подшверженію ихъ благочеспиваго намѣренія, чшобы произнесць и совершиць смершный приговоръ надъ новорожденнымъ. Десяти вызвавшимся между ими убійцамъ препоручено было погубиць младенца, и народъ не шолько согласенъ былъ (1), но еще и похвалилъ ихъ предпріятіе.

Пиѳагоръ. Народъ, сосспрадательный отъ природы, дѣлается жестокимъ отъ суевѣрія.

Гипіецъ. Предсказаніе Делфовъ увѣрило, чпо Лабда произведетъ на свѣтъ камень, кошорой нѣкогда сокрушиць свободу Коринѳянъ. — Дерзновенные убійцы спажоваясь вокругъ поспели своей родспвенницы, какъ бы желая поздравиць ее съ разрѣшеніемъ отъ бремени, шолько долго ожидаемымъ. Мать въ сіи первыя

(1) Aristot. *econ.* II. *polit.* V.

минушы бываетъ легковѣрна и легкомысленна. Лабда спѣшилъ показашъ имъ милый плодъ своего чрева, и даже соглашается изъ нѣжныхъ объятій своихъ отдасть его въ руки шѣхъ, копорые повидимому сполько усердствовали ей и ласкали. Дитя унесено было въ ближнюю комнату; уже одинъ изъ соумышленниковъ, держа его въ рукахъ своихъ, размахивается ударишь объ спѣну.

Пивагоръ. О Спаршанцы! какъ вы мудры, что не захопѣли писать Исторіи!

Гитіецъ. Слабые вопли невинной жертвы, его маленькія руки, какъ бы по нѣкоему предчувствію прсспершыя къ убійцамъ, его прогательныя черпы, хотя еще не совсѣмъ образованныя, а всего болѣе потъ спасительный ужасъ, копорый сама Природа вдыхаетъ при таковыхъ злодѣйствахъ, — всѣ сіи обстоятельствова, соединившись вмѣстѣ, смягчаютъ убійцъ и спасаютъ младенца. Его поспчасъ опнесли въ объятія его матери. — Но убійцы опять обращаются къ своимъ чувствамъ, и негодуя на самихъ себя, что они такъ чувствительны, успремяются снова совершить безчеловѣчную жертву.

Пивагоръ. Благодарственная Природа! какъ перемѣняющіяся люди, удаляются отъ себя!

Гитіецъ. Во время ихъ отсупствія Лабда вспоминаетъ, что физиогномія и поступки злонамѣренныхъ ея родственниковъ показались ей что-то подозрительными. Сердце внушаетъ ей справедливую недовѣрчивость, и совѣтуетъ прибѣгнуть къ хитрости. Новорожденного скрываютъ подъ хлѣбную мѣру (boisseau) (*), почему въ послѣдствіи онъ и назвался симъ именемъ. Злоумышленники являющіяся снова взявъ его; но искавъ бесполезно повсюду, они принуждены были возвратиться одни, безъ младенца, и разгласить въ народъ, что у Лабды нѣтъ болѣе сына.

Кипсель воспитывался, не зная сего приключенія. Когда онъ достигъ уже шѣхъ лѣтъ, въ копорыя люди способны бываютъ къ опважнымъ предпріятіямъ, поощецъ и мать привели его къ преножнику Аполлонову. Пивѣя, преданная шѣмъ, копорые ей болѣе плашатъ, прииѣшивъ, что Бакхиды со дня на день перяли довѣренность у народа, вздумала подтвердить первое свое изреченіе. На новой вопросъ она опвѣспивуетъ; „Такъ! Кипсель есть камень; онъ сокрушитъ шѣхъ, копорые хошѣли сокрушить его.“

(*) Кипсель.

Симъ опвѣтомъ Оракула ободренный, Кипселъ разгласилъ его пихонько въ народъ, уже предубѣжденномъ его обѣщаніями. Однажды Бакхиды всѣ вышли изъ города, дабы, подъ видомъ благочеснія, въ сосѣдственномъ храмѣ сдѣлать новое злоумышленіе пропивъ Кипсела, который шановилсѣя для нихъ подозрительнымъ. Послѣдній, къ опвращенію удара ему угрожающаго, упопребилъ такое средство, успѣхъ коего превысилъ его надежды. Онъ собираетъ народъ, и описываетъ ему живыми красками пороки прежнихъ ихъ правителей.

„Граждане! время и случай благопріятствуютъ. Запворите врага ваши для Бакхидовъ; давно уже они не имѣютъ никакого права надъ вами начальствовать, кромѣ права своего рожденія. Запворите врага ваши для варваровъ, которые поставляють игрушкою вырывать сына изъ объятий его матери! Запворите врага ваши для десяти подлецовъ, собравшихся разбить голову одного младенца!“

Народъ ободряетъ рукоплесканіемъ сіе предложеніе.

„И такъ, по силѣ опредѣленія Коринесскаго народа, да заградится навсегда входъ Бакхидамъ въ сей городъ! Сколько городовъ спенають отъ одного деспота! Что

бы сдѣлалось съ Коринѳомъ, естли бы онъ еще болѣе пробылъ подъ управленіемъ цѣлой фамиліи ширанновъ?“

Народъ поржесивуетъ опять. Нѣкто изъ среды собранія назначаетъ Кипсела преемникомъ прежнихъ правителей; и его имя, переходя изъ устъ въ уста, было наконецъ признано всѣми единогласно.

Такимъ образомъ Коринѳъ изъ аристокрапическаго правленія и сдѣлался Монархією въ придцать первую олимпіаду, спуспя придцать девять лѣтъ послѣ прагической смерти Кондавла (*). Кипселъ въ послѣдствіи загладилъ жестокіе поступки, учиненные имъ для упвержденія своего могущества.

П и а г о р ъ. Почему бы это было, что основанія всѣхъ почпи державъ орошены кровію? большая часть народовъ дорого заплашила за удовольствіе имѣть Государей!

Г и т і е ц ъ. Кипселъ шакую у Коринѳянъ пріобрѣлъ любовь, что изъ нихъ шолько однихъ онъ выбиралъ для себя стражей. Цѣлыя придцать лѣтъ онъ носилъ скипетръ (1), и умирая безпре-

(*) За семь вѣковъ до Христіанской Эры.

(1) Герод. гл. 31. Эліан. разлит. Истор. VI.

13. Страб. Геогр. VIII.

пятспвенно вручилъ оной Періандру, своему сыну. Кпо не слыхаль о семъ Періандрѣ? —

Почтенный чужеспранецъ! сіе безприспраспное начерпаніе нашей Испоріи должно бышь для тебя довольнымъ; изъ собспвенныхъ замѣчаній своихъ ты узнаешь объ ней болѣе. О еспли бы мое опечеспво и Греція никогда не имѣли нужды въ снисходительности мудраго Путешеспвенника!

Пиѳагоръ. Признаюсь тебѣ, услужливой Гишѣецъ, я рѣшилсѣ побывашь въ Лакедемонѣ, попому чпо его очень хвалишь Терпандръ (*): „Справедливоспъ и мужеспво шамъ пѣсно соединены между собою.“

(*) Спихотворецъ Греческой, према или чешырма вѣками позднѣ Гомера.

Внѣшняя Топографія Спарты.

Ласковой мой провожатой, желая вывеспи меня на Спаршанскую дорогу, проводилъ до *Эги* (1), небольшого мѣспечка, находящагосѣ за Гишѣемомъ. Онъ спросилъ меня, у кого я остановлюсь въ Лакедемонской сполцицѣ?

Пиѳагоръ. Я долженъ явишьсѣ къ одному изъ Эфоровъ.

Гишѣецъ. Безъ сомнѣнія къ Хилону, сыну Даматепову, — Неспору Спаршанцевъ? Да продлятъ боги жизнь его! шакія люди должны бышь безсперпны. Сей Мудрецъ, будучи посланъ къ Коринѣянамъ для шпакпрованія сѣ ними о союзѣ, возврашплся шопчасъ назадъ, не начавъ своего дѣла попому, чпо нашелъ правителей чрезвычайно заняпыхъ новою шахмашною игрою. Небо да предохранишь мое опечеспво, вскричалъ онъ при своемъ возвращеніи, вспупишь въ союзъ сѣ игроками (2)! Будучи приглашенъ на пиръ

(1) Павзан. *Путеш. по Грец.* Страб. *Географ.* VIII.

(2) *Platini opera.*

семи Мудрецовъ къ Періандру, онъ пошелъ шуда для того только, чпобь испытать душу тиранна . . . Ты найдешь въ семъ правилѣ чловѣка богатаго мыслями, но скупаго на слова (1). Онъ изъясняется многозначущими односложными; слова шекупъ изъ устъ его по каплѣ, подобно фонпанной водѣ въ зимнее время. *Нисего слишкомъ!* — есть его правило (2).

Оспавляя услужливаго моего провожапаго, я спросилъ его, что должно мнѣ думать о шѣхъ кремняхъ Европскихъ, о которыхъ сказывали мнѣ, будпо бы они держался на поверхности водъ этой рѣки (3)?

Тишѣецъ отвѣчалъ мнѣ: Сіе чудо происходитъ въ Лакедемонѣ; спрашивай о немъ тамошнихъ жителей.

По выходѣ изъ Эллі, которую Гомеръ называетъ Авгею, я направилъ свой путь къ берегу одного прекраснаго, очень рыбнаго пруда. Молодая дѣвушка подо-

(1) Отсюда происходитъ Греческая пошловица: *Chilonius modus, pro laconismo. Chilon breuissimus in sententiis.*

Диоген. Лаэрт.

(2) Aristot. *rethor.* II. 13. Plin. *Hist. Nat.* VII. 32. Diog. Laërt. *passim.*

(3) Plutarch. *de flux.*

шедши ко мнѣ сказала: Чужестранецъ! берегись ловить въ сихъ очарованныхъ водахъ, или ты пошчасъ увидишь себя превращеннаго въ рыбу.

Пиоагоръ. Прекрасная Лакедемонянка! скажи мнѣ, была ли ты когда нибудь свидѣтельницею сего чуда?

Молодая дѣвица. Нѣшь, но это утверждають жрецы Нептунова храма.

Пиоагоръ. Чпожъ дѣлають съ этою рыбою?

Молодая дѣвица. Она служить для ихъ спола.

Пиоагоръ. Понимаю. Прощай, прекрасная Лакедемонянка!

Сдѣлавъ тысячу шаговъ впередъ, я очутился въ *Кроцеѣ*, одномъ изъ спа Лакедемонскихъ городовъ; онъ славенъ храмомъ Юпитера, называемаго именемъ сего мѣста, но еще болѣе кремнистымъ риспалицемъ, при входѣ въ которе я видѣлъ бронзовую спашую Діоскуровъ.

Тупъ же узналъ я, что въ другомъ небольшомъ Лакедемонскомъ округѣ сооруженъ жерпвенникъ Юпитеру Мрачному (1). Мнѣ примолвили, что тамъ очень

(1) Панзан. *Lacon.*

много бываетъ поѣшпителей. — Этому и быть должно, говорилъ я самъ себѣ, продолжая свой путь: люди съ охотою обожаютъ шемныя вещи!

Я сворошилъ съ моей дороги для обозрѣнія развалинъ города *Илоса* (1). Его окружность примѣтна еще на морскомъ берегу, въ болописпомъ мѣстѣ (2). Здѣсь я нашелъ одного только дряхлаго старика, сидѣвшаго у входа въ бѣдную хижину, поспроенную среди обломковъ; онъ былъ одѣтъ въ собачью кожу и ѣлъ фиги. Дерево, приносящее сіи плоды, въ Лаконіи растетъ не высоко (3), однакожь фиги онаго не менѣе сочны. Я казался чрезмѣрно разпроганнымъ; старикъ примѣтивъ это, сказалъ мнѣ: „Чужеспранецъ! согласишься лучше погибнуть въ младости, нежели сохранить жизнь безъ свободы. Оплачь со мною состояніе, къ которому мы принадлежимъ. Различныя Государства Греціи, по которой ты, по видимому, рѣшился спрансировать, по-

(1) Смотри *Recherches sur les Ilotes*, соч. Капперонія, Члена Академіи Написей и изящныхъ Наукъ.

(2) Страб. *Геогр.* VIII.

(3) Аѳеней. III. VI. *Deipnos*.

всюду предспавятъ шебъ невольниковъ. Криптяне имѣютъ своихъ *Кларотовъ* (1); Эссалійцы своихъ *Пенестовъ*; Гераклеоны своихъ *Дорофоровъ*; Артивцы своихъ *Гимнестовъ*; Сиціонцы своихъ *Коринфоровъ*; Сиракузане своихъ *Аротовъ*; Аѳины и Апшика своихъ *рудоколовъ*; но изъ всѣхъ сихъ невольниковъ нѣтъ ни однихъ, находящихся въ большемъ порабоженіи, какъ мы, какъ *Илоты* Лакедемонскіе. Увы! мы не имѣемъ другихъ ушѣхъ, какъ только чпо иногда приводитъ въ препешъ нашихъ господъ. Чужеспранецъ! продолжай путь свой, не медли здѣсь долѣе: воздухъ, которымъ здѣсь дышатъ, заразшеленъ; онъ превращаетъ смертныхъ въ рабочихъ скоповъ.“

Я почелъ за нужное сказать ему нѣсколько словъ въ утѣшеніе. — Доброй старикъ! говорилъ я ему, ты и твои сопечественники не свободны; но ты, которые похипили у вашихъ предковъ сіе первѣйшее благо, наслаждающія ли онимъ сами? Граждане Спарши и другихъ Республикъ Греціи можетъ быть больше порабожены, нежели вы.

Старикъ. Ты объ этомъ не думаешь.

(1) Юлій. Поллуксъ, кн. III. 8.

Пиогагоръ. Гдѣ естѣ на землѣ народъ, которой бы могъ назвать себя истинно свободнымъ? Несчастные Илопы! вы зависите отъ людей, ваши господа зависятъ только отъ закона; но законъ не естѣ ли произведеніе и игра людей? Чесплюбцы преобразуютъ его, или перемѣняютъ по своему изволенію. И такъ вы менѣе поработены, нежели ваши господа: вы подпали неволѣ по праву сильнѣйшаго, народы дѣлаются невольниками по собственному ихъ согласію: они сами связываютъ себѣ руки и ноги. Не вездѣ ли и не всегда ли множество состоитъ въ повелѣніи у малаго числа? — Увы, добрый старикъ! во все время моего долгаго путешествія я не встрѣчалъ еще ни одного смертнаго истинно свободного. Я видѣлъ миліоны невольниковъ, позорно управляемыхъ рукою Деспотовъ монархическихъ, или народныхъ.

Старикъ подалъ мнѣ руку, пожалъ мою и пошелъ въ хижину.

Нѣсколько стадій подалѣ Европѣ омываетъ большую дорогу. Тамъ возвышается гробница, на коей читалъ я слѣдующую надпись: „Ладасъ, самой провор-

ной человекъ своего времени, увѣнчанный на играхъ Олимпійскихъ за пробѣжаніе двухъ стадій, пришелъ умереть въ свое опечесство.“

Не доходя *Бризена*, я видѣлъ храмъ Элевзинской Цереры; преддверіе украшено статуею Орфея. Не подалеку отсюда, на одной возвышенности, сооруженъ монументъ Солнцу. Въ сближеніи сихъ прехъ предметовъ, казалось, что я видѣлъ начало полипическихъ обществъ. Не бываетъ жамвы безъ солнца; нѣтъ гражданского общества безъ земледѣлія и законовъ (1).

При подошвѣ сей горы, составляющей звено Тайгеса, городъ Бризенъ не представляетъ ничего занимательнаго, кромѣ Бахусова храма, въ которомъ служатъ женщины. Богослуженіе, ими само управляемое, естѣ тайна для мужчинъ. Кажется нѣтъ намѣренія Природы, чтобъ были тайны между двумя полами.

Греки щедрѣе всѣхъ народовъ земныхъ на памятники. Но отъ чего это, что въ мѣстечкѣ *Алезіѣ* нѣтъ ничего въ честь Милесу, сыну Лелексову, тамошнему уроженцу и изобрѣпателю жернововъ? Ги-

(1) *Ceres Thesmophoros.*

ицецъ миѣ говорилъ объ этомъ: сіе важное открытіе заслуживало нѣкоторую признательность; но народы боготворящъ только то, чего боялся. Богу Марсу весьма часто приносятъ жертвы въ Терапнѣ (1), въ капищѣ Кастора и Поллукса; жипели воздвигнули храмъ Еленѣ и Менелаю; первымъ виновникамъ поликихъ золъ: храмъ Менелаю, и ни одного сполба Милесу!

Передъ переправою чрезъ *Эвротъ* (*) находящяся на дорогѣ два другія капища и одна Минервина статуя. Богатый Юпитеръ занимаешъ персе, посѣщаемое бѣдными гражданами. Въ другомъ приносятъ жертву Эскулапію. Геркулесъ, изцѣлѣвши оубъ раны на лядвѣи, основалъ сей монументъ.

Городъ Амиклея задержалъ меня нѣсколько. Изъ богослуженія, успановленнаго жипелями Бахусу *Филасу*, я легко могъ угадать ихъ нравы (2). Чрезъ сіе

(1) Помпоній Мела.

(*) Нынѣ *Василилотамо*, Царск. рѣка. Нынѣшніе жипели спраны называютъ ее *Лиеисъ*.

(2) *Phila*, на Дорическомъ діалектѣ значитъ *конецъ* птничьяго крыла. *Павзаній*.

прозваніе, приписуемое богу винограда, они даютъ знать, что человекъ долженъ подражать ппицѣ, которая носится въ безопасности оубъ охотничьяго пораженія, ударяя въ воздухъ концомъ крыла. Такъ и человекъ долженъ позволять себѣ употребленіе вина столько, сколько нужно для того, чтобы посипавишь себя превыше попеченій жипейскихъ. У Амиклейцовъ еспъ храмъ, коего построеніе очень древне, еспли оубъ сооруженъ Эвропомъ. На жертвенникѣ, посвященномъ Клеадамомъ Онгѣ, надпись изображена Кадмовыми буквами (1). Въ преддверіи виситъ мраморная доска, на которой древнимъ почеркомъ вырѣзаны имя, фамилія и время жречества каждой верховной жрицы (2). Сей некрологической памятникъ можетъ нѣкогда послужить для Испоріи.

Въ славѣ находящяся Амиклейскіе лебеди, коихъ шамъ великое множесиво; имъ воздаютъ нѣкоторой родъ богопочипанія, изъ уваженія къ Ледѣ и ея яцу, изъ котораго вышли Касторъ и Поллуксъ, Елена и Клипемнесира. По видимому они сдѣ-

(1) Фурмонт. *Акад. Надписей и изящныхъ Наукъ*.

(2) Фререт. *Акад. Надпис. Член. Том. X.*

дали Эвротъ своимъ опечеснвомъ (*), и пушъ имъ нравился болѣе, нежели на всякой другой рѣкѣ. Сверхъ того пухъ сихъ гордыхъ пернатыхъ составляетъ опрасль шоргова. Подражатели Париса доспають его себѣ для того, чптобы сдѣлашь сладоспраспнѣйшимъ свое ложе.

Внѣ города на дорогѣ, ведущей прямо въ Спарту, Тіасъ, прекрасный ручей, принссящій дань Эвроту, омываетъ основаніе жершвенника, посвященнаго Граціямъ; ихъ представлено только двѣ. Алкманъ не щипаетъ ихъ больше сего числа. Основатель послѣдовалъ мнѣнію сего Поэна.

За семь спадій оупъ Лакедемонской споплицы образуются пять холмовъ, весьма славныхъ виномъ, съ нихъ собираемимъ. Оно имѣетъ, говорили мнѣ шамоніе жители, насшавая, чптобы я освидѣтельспвовалъ это самъ; оно имѣетъ запахъ цвѣповъ (1).

(*) По этому - то его называютъ *Olorifer* (лебеденосный).

(1) Аевней, *Deipnos*. — Безъ сомнѣнія это выраженіе иносказательное, дошедшее до насъ. Новѣйшихъ временъ *лакомки* не говорятъ ли: въ этомъ винѣ много игры.

Я не преминулъ также осмотрѣть другаго холма, еще болѣе славнаго; Улиссъ самъ насадилъ на немъ виноградъ погда еще, когда искалъ руки Пенелопы. Какъ можетъ сердце человѣческое соединять споль простой вкусъ съ спраспиями, самыми противоположными! Жизнь Героевъ исполнена конспрасповъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ, почти подлѣ самыхъ воропъ Спарты, Минервинъ храмъ, самимъ Ликуртомъ сооруженный, освѣщаетъ весьма небольшое мѣспечко. Я не хопѣлъ идти далѣе, не развѣдавъ причины такоаго произшесствія. Вопъ чпто я могъ узнать. Ликургъ предлагалъ свои законы Спаршанцамъ, собравшимся вокругъ него на публичномъ мѣспѣ. Палка, брошенная изъ середины толпы, попадаетъ ему въ лице и лишаетъ его одного глаза. Это былъ сигналъ къ важнѣйшему возмущенію. Злоумышленіе было на жизнь законодателя. Чптобы избѣжашъ печальнѣйшихъ слѣспвій, онъ убѣгаетъ. Многие граждане приняли его спорону. Городъ раздѣлился на двѣ парпії. Ликургъ, охраняемый своими друзьями, не безъ шруда доспигаетъ сего небольшого селенія; его прслѣдуюпъ и шуда, но онъ защищаемъ былъ здѣсь съ жаромъ. Враги его кричали: „У него должно вырвать послѣдній глазъ!“

Ликургъ показываетъ себя слишкомъ дальновиднымъ. Добрые граждане усугубили храброспъ; для подкрѣпленія ихъ ревности великій человекъ громко произноситъ обѣщаніе построить храмъ Минервы, естли она предохранитъ его отъ совершенной слѣпошы. Ликургъ былъ услышанъ и исполнилъ свое обѣщаніе. Съ тѣхъ поръ больные, угрожаемые поперею зрѣнія, съ твердою надеждою приходятъ умолять Минерву, могущеспвенную покровительницу Ликурга. Я не знаю, онъ ли поставилъ еще подлѣ сего небольшой храмъ старшей Граціи? Въ важныхъ дѣлахъ Спаршанскіе правители проводятъ шамъ дѣлую ночь, для испрошенія, какъ говорятъ они, совѣта у Оракула (1).

Не входя въ столицу Лаконіи и всего Пелопонеза, я еще остановился передъ древнимъ монументомъ, соспоащемъ изъ семи колоннъ, изъ коихъ на каждой изображено было имя божествъ, управляющихъ семью планетами. Сѣи весьма рѣдкіе слѣды древности свидѣтельствуютъ, что первые смертные имѣли благоуміе не признавать другихъ боговъ, кромѣ звѣздъ (2).

(1) Цицерон. *Divin.* I.

(2) Плутон. *Согин.*

Новое препяпспвіе не допустило меня скоро войти въ городъ Ликурга. Мнѣ объявили повѣленіе отъ *Проксена* (*), проживъ нѣсколько дней за городомъ, по причинѣ эпидемической болѣзни, причиненной испареніями, копорыя на крылахъ вѣтровъ приносимы были (1) съ пламеньющихъ жерлъ горы Тайгепа.

Пользуясь симъ временемъ, нѣсколько часовъ я прогуливался въ размышленіи подъ поршикомъ храма Юпипера Мрачнаго (2). Густая ограда вѣчно зеленѣющихъ дубовъ была главною причиною сего проименованія. Мудрое наспавленіе для тѣхъ, копорые хотяшъ проникнуть въ мрачныя глубины Природы! Совѣтъ спасительный, копорымъ безразсудные смертные не пользуются, говоря о богахъ!

Я имѣлъ время сдѣлать нѣкопорыя наблюденія. Спо часпей гномона (указательной спрѣлки) въ Лаконіи показываютъ шестьдесятъ пять часпей тѣни (3). Самой должайшій день шамъ имѣетъ

(*) Подчиненный правитель, имѣющій должность смотрѣть за чужестранцами.

(1) Apoll. *Histor. Mirab.* IV.

(2) Путешес. Павзан. и Аббата Гедоина.

(3) Плин. *Истор. Натур.* VI. 34.

слишкомъ четырнадцать часовъ съ половиною (1).

Эпидемія не преспавала свирѣпствовати. Я предложилъ гражданамъ Лакедемонскимъ очистипельныя средства, которыми столь хорошо удались Эпимениду (2) при опвращеніи подобнаго пораженія опъ Аѳинъ, и которыми я научился у него. Спаршанцы были имъ довольны. Но мой собственнй примѣръ произвелъ болѣе, нежели все прочее. Народъ видя, что я, находясь близъ зараженныхъ, не теряю своего здоровья, повѣрилъ моимъ словамъ и изцѣлѣлъ.

Минуша моего вступленія въ Спаршу доспопамятна по одному обспоянелспву, о которомъ я вамъ, любезные мои ученики, долженъ рассказать. Великая толпа народа выходила изъ города; и сколь велико было мое удивленіе, когда увидѣлъ я въ срединѣ оной Меандріуса (3), которого Проксенъ, по повелѣнію Эфоровъ, вы-

(1) Широта Лакседмона 35. град. 26 минут., а по другимъ 37 град. 10 минут.

(2) *Lacedaemon. expiata per Pythagoram immunis a peste. Vita Pythag. p. 9.*

(3) Геродотъ *Thalie. III.*

проваживалъ изъ города и самой области. Онъ примѣшивъ меня опворотился.

Я спросилъ окружавшихъ меня, какое онъ учинилъ преступленіе?

Мнѣ отвѣчали: „Человѣкъ сей, изгнанный изъ Самоса за свое честолюбіе, нашелъ средство поселиться въ нашемъ городѣ. Онъ могъ бы здѣсь жить спокойно въ неизвѣспности; но подспрекаемый безразсуднымъ шщеславіемъ, началъ публично выспавлять множество прекрасныхъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, какъ бы для искушенія умѣренности Лакедемонцевъ. Попомъ опважился на большее: многія изъ сихъ драгоценныхъ вещей дарилъ бѣднымъ гражданамъ. Эфоры узнавши о его поведеніи, присудили, что такой человѣкъ, обезславленный уже въ своей землѣ, опасенъ, и служилъ худымъ примѣромъ въ Республикѣ, имѣющей основаніемъ простоту нравовъ. Въ послѣдспвіи по закону Ксенелазіи осудили его на изгнаніе.“

Пивагоръ въ Спартѣ.

Наконецъ я въ Спартѣ (*). Сей славной городъ безъ стѣнъ, безъ крѣпости, представляеть что-то мрачное и плачевное при первомъ на него воззрѣнїи. Я желалъ бы, чпобы сіе главное мѣсто Греческой вольности, городъ, копорой носишь имя женщины (**), имѣлъ не такъ суровой и непрїятной видъ. Свобода есть добродѣтель: для чегожъ ей давать видъ наказанїя?

Не могли вскорѣ представленъ бытъ къ Хилону, я упопробилъ это время на обозрѣнїе города. Въ одномъ обширнѣйшемъ изъ его публичныхъ мѣстъ, я пораженъ былъ видомъ колоссальнаго изображенїя, которое при первомъ взглядѣ я почелъ за Геркулесово. Сипапуя сія не имѣетъ при себѣ ничего, кромѣ дубины. Это,

(*) Нынѣ *Палеохори*, или *древняя страна*. Иные называютъ *Мизитрою*, по причинѣ хорошаго сыра, дѣлаемаго на томъ мѣстѣ, которое прежде занималъ *Лакедемонъ*.

(**) *Спарта*, супруга Царя *Лакедемона*.

сказали мнѣ, изображенїе народа воинственнаго, швердаго и презирающаго по видимому ножницы Паркъ, коихъ группа находилась напротивъ. Великая мысль представлена была въ прекрасной простопитѣ. Ондѣлка показалась мнѣ груба. Спартанецъ, примѣшившїй произведенное надо мною впечатлѣнїе, присоединилъ: „Работа нѣсколько груба, но это гораздо приличнѣе къ сему. Образованный народъ не имѣетъ нервъ.“

Близъ сего національнаго памятника находятся порпикки, назначенные для публичныхъ споловъ. На каждомъ концѣ поставлены изображенїя госпепрїемнаго Юпитера и госпепрїимной Минервы. Надъ обоими входами написаны слова: *Согласїе и Трезвость* (*).

Одинъ Спартанецъ, по имени Лихасъ, подошедши ко мнѣ, сказалъ: „Чужеспранецъ! удѣстой мое жилище швоимъ присущствїемъ. Я посвятилъ свое имущество на смягчанїе того, чпо имѣютъ грубаго наши законы въ глазахъ чуже-

(*) Въроятно и нашимъ (Французскимъ) основателямъ благочестивыхъ домовъ поводомъ было къ надписанїю надъ дверьми своихъ келлій *Латинскаго* слова: *Рах*.

странца. Поди, сядь за мой столъ! “ — И не дождавшись моего отвѣта, схватилъ меня крѣпко за руку и повелъ въ свой домъ (1). Я никогда не знавалъ хозяина услужливѣе его. Онъ превышалъ добрую о себѣ славу. Его поспавляли въ примѣръ спраннопріимнаго человѣка.

Онъ имѣлъ двоихъ дѣтей, еще младенцовъ, которые лежали на весьма опрятной постелѣ, сплетенной изъ простирика (2). Члены ихъ не были связаны свивальниками. Ликургъ, сказалъ мнѣ отецъ, касательно этого запрещаетъ употребленіе пеленокъ: въ Спартѣ ни въ какое время жизни человѣкъ не знаетъ пущь.

Вышедши отъ него, мы шли черезъ перекрестокъ, на срединѣ коего онъ на минушу остановилъ меня и сказалъ:

„На семъ мѣстѣ Архилохъ Паросскій (3), введенный тайно въ Спарту, былъ узнанъ и выгнанъ за то, что написалъ въ одной своей Поэмѣ сіе низкое правило: „Лучше бѣжать, нежели опваживать свою жизнь!“

(1) Ксенофон. *Мемор.* I.

(2) *Recherches sur les habillemens des enfans*, par Alph. Leroy. 1772.

(3) Плутарх. *instit. Lacon.*

Онъ показалъ мнѣ двѣ ропонды, находящіяся одна подлѣ другой, построеныя въ весьма различныя времена. Первую, посвященную Прозерпинѣ Хранительницѣ основалъ Орфей. Въ другой, лишь только докончанной, находилсѣ жерпвенникъ Венеры Олимпійской, воздвигнутый Эпименидомъ.

Не далеко отсюда я разсматривалъ *Гномонъ*, который Анаксименъ, проходя чрезъ сей городъ, начертилъ на стѣнѣ храма Аполлона Феба. Спартянцы совершенно не знаютъ цѣны сего изобрѣтенія. Сіи варвары столько же чужды Наукъ, какъ и Художествъ! сказалъ я въ первую минушу негодованія.

Меня проводили въ *Дромосъ*, небольшое поприще, на которомъ бѣгаются молодые Спартянцы. Въ концѣ онаго я увидѣлъ множество людей, занятыхъ приношеніемъ жерпвы передъ древнею статуею Геркулеса, по причинѣ ихъ перехода изъ юношескаго возраста въ мужеской. Сей кумиръ, равно какъ и всѣ прочіе, находящіяся въ Спартѣ, сущест уюшъ болѣе тысячи лѣтъ (1).

(1) *Petav. rat. temp.* XXI.

По выходѣ съ сего мѣста мнѣ показали домъ, въ которомъ жилъ Менелай, занимаемый нынѣ просрымъ гражданиномъ, провождающимъ холоспую жизнь. Никто не смѣетъ въ семь укорять его. Выборъ жилища отвѣчаетъ за него напередъ. Какъ не сдѣлали вы шумъ храма? сказалъ я улыбаясь.

Мнѣ отвѣчали, указывая на храмъ *Агниа*: тамъ находится спашуя Эскулапія, сплеменная изъ *ивляку*. Если бы супруга Менелаева, присоединили мнѣ, спала обыкновенно на листьяхъ сего дерева, мы поспавили бы ей жершвенникъ въ домъ ея мужа. Опець Медицины (*) научаетъ насъ, что ивовые листья имѣютъ охладительную силу, споспѣшествующую непорочности женщинъ.

Я возразилъ: „Пенелопа въ эпомѣ не имѣла нужды.“

Великой шумъ привлекъ меня къ оспрову, образуемому Эвропомъ. Спаршанское юношеспво, раздѣлившись на двѣ равночисленные фаланги, спорило о входѣ на сей оспровъ по одному изъ двухъ мостовъ, проведенныхъ черезъ рѣку. Сра-

(*) *Эскулалій*. Въ послѣдствіи сіе выраженіе придано Иппократу.

жающіеся не имѣли оружія (1). Кулакъ, ноги и зубы служили имъ вмѣсто онаго. Я никогда не видывалъ подобнаго оспервѣненія! По большой части у нихъ лице было въ крови. Сія борьба, упопреляемая въ разныя времена, переспааетъ не иначе, какъ полько, когда одна спорона опрокинетъ другую въ Эврипъ рѣку (*). Жаръ увеличивается тѣмъ болѣе; что онъ освящается присупспвѣемъ Геркулеса и Ликурга, коихъ изображенія находились на сихъ жестокихъ играхъ. Мѣсто сцены долженствовало бы внушать самыя мирныя увеселенія; ибо роща чинаровая болѣе приличеспвовала бы Наукамъ, или полезнѣйшимъ упражненіямъ.

Меня возвели на холмъ, достопамятный по двумъ храмамъ, посвященнымъ одному и тому же божеспву. Въ одномъ изъ нихъ предспавлена Венера въ вооруженіи, а въ другомъ скованная по ногамъ. Такъ-же, заключилъ я, народъ изображаетъ боговъ по своему образу. Въ Спаршѣ

(1) Смотр. Цицер. *Тускул. Павзан. Ласон. Плутарх. жизнь Ликурга.*

(*) Имя, даваемое древними рукавамъ рѣки, или каналамъ, наполненнымъ водою и окружающимъ цирки.

Венера войнолюбива. У Спартанца полько одна спрасъ къ сраженіямъ, на всѣ прочія онѣ налагаеиъ оковы.

Не уже ли полько по случаю жерпвенникѣ Эскулапю поспавленѣ позади двухъ храмовъ Венеры?

Продолжая сіи изслѣдованія, я увидѣлъ подѣ ногами основаніе новаго зданія. Еше храмъ! сказалъ я своему провожатому.

Провожатой. Точно такъ.

Пивагоръ. Не еше ли богу Марсу, или вооруженной Венерѣ?

Провожатой. Нѣтъ, Ликургу, нашему законодателю. Великой человекѣ по смерти дѣлаеиъ богомѣ.

Пивагоръ. Здѣсь нахожу я опяиъ дѣлаую Спарту; но куда же спѣшииъ шолпа сія гражданѣ?

Они шли въ храмъ Діаны. Я за ними слѣдовалъ до самаго жерпвенника. Жерпренный служилель сѣкъ розгами (1) двенаицати - лѣшняго мальчика: онѣ споль мало его шадилъ, что кровь брызгала на станиую божества. Наконецъ жрица дала

(1) Цицеронѣ присутствовалъ однажды при сей экзекуціи. *Туск.* II.

знакъ, и бичеваніе (1), не могшее вымучииъ крика у молодой жерпвы, окончилось.

Миѣ сказали, что прежде въ семь храмѣ (2), для умилоштивленія ревнивой боини, умерщвляли людеи. Ликургѣ умѣлъ переиънииъ сей обычай (3). Преобразование его произвело два шаспливыя слѣдспвія. Жизнь людеи сохранена; а сіе жерпвоприношеніе, сполько же бесполезное, какѣ и ужасное, преврапилося въ испыпаніе швердоспи и силы характера Спартанскихъ дѣшей.

Три храма ихѣ, коиѣ должно бы сдѣлашь одинѣ, выспроены одинѣ подѣ другаго и посвященны Минервѣ, Музамѣ и Юпишеру *Космиту*, или верховному правилелю вселенныя. Спаниуя сего бога изѣ бронзы; и еше первая, сдѣланная изѣ сего металла. Она не изѣ одного слипка; различныя часпи ея соединены сѣ великимѣ искусшвомѣ и точношпю, и заклепаны мѣдными гвоздями. Не хотѣлъ ли чрезѣ это Аршистѣ предспавииъ символѣ мѣра?

(1) *Diamastigose.* Филостр. V. *Жизнь Аполл.*

(2) Теодор. *о жертв.* VII.

(3) Павзан. *Путешест.* по Грец. III.

Гармонія и нужда суть въ ономъ два владыки, повелѣвающіе людьми, и даже самыми богами. Люди послушные нуждѣ, ибо иначе имъ нечего дѣлать, по видимому плачящъ за сіе шѣмъ, что удаляются отъ Гармоніи; они довольствуются шѣмъ, что научаются законамъ ея, примѣчаемымъ на сводѣ несе-сномъ, но незнаемымъ на землѣ.

Я не думалъ найти столько изображеній Венеры въ городѣ Спартѣ. Мнѣ показали одну съ надписью *Амбологира* (1). Ее сопровождаютъ Сонъ и Смерть. Египтяне ничего умнѣе эшаго не выдумали.

Спарикъ дѣлалъ тамъ призываніе (2), прося божество о продолженіи своей жизни (3).

А Діоскуры? спросилъ я; гдѣ они? Мнѣ отвѣчали, указавъ на двѣ переклади-

(1) Венера, услаждающая старость.

(2) Павс. *Лакон.*

(3) Мы ей (Венерѣ) молимся, говоритъ Плутархъ, воспѣвая божественные гимны, и говоримъ:

„Владычица Венера! прекрасная богиня! послы опять намъ крѣпость лѣтъ юныхъ и здоровье.“

Propos. de table. III. 6.

ны (1), сплоченныя шипами: Каспоръ и Поллуксъ (2) не имѣютъ другихъ шиповъ. Я удивлялся такому Лаконизму въ искусствахъ. Какой рѣзчикъ могъ бы изобразить лучше искреннее дружество двухъ братьевъ близнецовъ?

Послѣ ложныхъ понятій, сдѣланныхъ о семъ другими народами, меня удивилъ вкусъ въ Поэзіи и шонѣ флейтъ, примѣченный мною наиболѣе въ молодыхъ людяхъ: они исключительно наблюдаютъ Дорическую мѣру (3), которой напѣвъ будучи гораздо ниже и голосъ чище, нежели у чужестранцевъ, гораздо лучше соотвѣтствуетъ важнымъ нравамъ Спарты, и болѣе приличествуетъ людямъ храбымъ и воздержнымъ. Поэзія Дионрамбическая у нихъ не терпима; въ ней, по ихъ словамъ, видно одно только пьянство бога (Бахуса), которому она посвящена.

Спарта имѣетъ нѣсколько и Арпистовъ. Меня познакомили съ Медономъ, молодымъ ваятелемъ, которой подаетъ о

(1) Плутархъ.

(2) *Ambuli.* Pausan.

(3) Аѳеней *Deipnos.* XIV. Плашон. *in Leseh.* Плутархъ. *Musica.*

себѣ хорошую надежду; онѣ называется именемъ Пелопонезской рѣки (1), на берегахъ которой родился.

Наконецъ будучи допущенъ къ первому Эфору, я былъ имѣ оплично принятъ. У меня есть еще, сказалъ онѣ мнѣ, Инициантъ въ Спартѣ. Ты не скорбишься, если я при переплывахъ обстоятельствъ не долго буду оказывать тебѣ священныхъ обязанностей госприимства; мнѣ должно исполнить другія гораздо священнѣйшія. Я отецъ; сынъ мой готовился къ сраженію на играхъ Олимпійскихъ, которыя скоро откроемся. Мое присутствие, сказалъ онѣ, выходя вонѣ, нужно ему для полученія побѣды. Писагоръ! я занимаюсь теперь приготовлениями къ моему путешествію въ Элиду. Черезъ нѣсколько дней я отправлюсь. Побѣдемъ со мною; я могъ бы дорогою удовольворить своему желанію, касательнаго познанія смысла нашего законоположенія.

Писагоръ. Почтенный правитель Спарты! этого я желалъ больше всего; мое желаніе исполняется, если ты позволяешь мнѣ сопровождать тебя, и удостоишь меня своихъ наставленій.

(1) Страбон. *Геогр.*

Я не потерялъ ни одной минутой, которая мнѣ оспавалась для того, чтобы познакомиться съ обычаями Лакедемонскими и хорошенько проникнуть характеръ Спартианцовъ.

Главное замѣчаніе, сдѣланное мною о семъ народѣ, состояло въ томъ, что у нихъ находилась гораздо менѣе черни, нежели въ другихъ земляхъ.

Лакедемонцы раждаютъ все мужей, у нихъ нѣтъ дѣлства (1); кормилицы ихъ могли бы давать уроки наставникамъ другихъ націй.

Но, любезные мои ученики! вы, подобно мнѣ, пошчасъ закричали бы: *а Илоты!*

Здѣсь въ нашей школѣ мы все почитатели независимости; при всемъ томъ и я могу одобрить Лакедемонскую политику, потому что изъ двухъ золъ должно избѣгать худшаго. Поелику люди всегда принужденными находясь дѣлались сей плачевный выборъ: то не лучше ли пожертвовать рабству одною частію народа для сохраненія прочихъ въ свободѣ, нежели осудить всехъ людей на то, чтобы они были одни у другихъ въ боль-

(1) Плутарх. *in Lycurg. Vita.*

шемъ или меньшемъ порабощеніи, не перпя между ими испинно свободныхъ ?

Безъ сомнѣнія такое сужденіе горестно и шяжко; но того ипребуешъ необходимость.

Я присушествовалъ при мужеспвенныхъ упражненіяхъ молодыхъ Лакедемонянокъ (1). Меня напередъ предувѣдомили о формѣ ихъ весьма корешкихъ (2) одеждъ. Чшо бы о нихъ ни говорили, однакожъ я нашелъ въ нихъ довольно цѣломудрїя. Онѣ возбуждаютъ шолько чиспыя желанїя; это прекрасныя спашуи, къ которымъ Вавилонянинъ, или Сибаритъ, не посмѣлъ бы прикоснуться.

Почти всѣ женщины въ Спартѣ прекрасны (3); однакожъ воспоминаніе объ Еленѣ послужило бы щипомъ для мудреца, ешлы бы Лакедемонскїя пляски превратились въ неблагоприсшойность. Я присушествовалъ на пляскахъ вооруженной

(1) Плутарх. *жизнь Нумы*.

(2) Молодыя Лакедемонянки одѣвались шоль легко, что ихъ называли *голоколѣнными*.

Winckelmann, *sur l'imitation des ouvrages grecs*.

(3) Евсевій ссылаешся, касательно сего, на Оракула.

Венеры (1), и замѣпилъ, что намѣреніе законодателя еше исполняешся: онѣ возбуждаютъ похвальное соревнованіе въ молодыхъ воинахъ. Никто лучше Ликурга не умѣлъ соединяшъ Природу съ Полишикою; ешлы шолько возможенъ сей союзъ.

Я зналъ, что поколѣніе Ликурга еше не испребилось; что оно надлежащимъ образомъ собиралось иногда для сохраненїя, по крайней мѣрѣ между своими членами, духа законоположенїя великаго человѣка, копорой ешедневно превращаешся въ Спартѣ; что оно допускало въ свое общеспво нѣкоторыхъ честныхъ гражданъ и даже чужеспранцевъ, извѣспныхъ по спрогости своей жизни. Я пришелъ шуда подѣ именемъ желающаго бышъ принятымъ въ ихъ общеспво, присушествовалъ при важныхъ разговорахъ сихъ опборныхъ людей, исполненныхъ духа Ликургова. Въ эшотъ день разсуждали о размноженїи людей. Одинъ *Ликургіанецъ* (2) (обыкновенное имя шѣхъ, которые

(1) Cragius III. 3. Pallux. IV. 14.

(2) Его прїатели, родственники и друзья, составляли общество и собрашство въ память его (Ликурга), которое продолжалось долгое время, и дни, въ кото-

соспавляютъ сѣ священное общество) предложилъ свое мнѣніе въ слѣдующихъ словахъ:

„Нѣтъ ни равенства, ни независимости, ни благополучія между людьми, когда ихъ великое множество. Свобода пребудетъ людей отборныхъ. Ликургъ былъ истинный человѣколюбецъ, приказывая изъ новорожденныхъ выбирать истинно достойныхъ жизни. Человѣкъ, безъ сомнѣнія, не принадлежитъ ни къ одному изъ сихъ родовъ животныхъ, которыхъ Природа, кажется, произвела въ пищу, или для забавы другихъ. Великое намѣреніе знаменитаго нашего Предка (1) соспоало въ томъ, чтобы переродить людей; цѣль его была ихъ совершенство, и опыты предшествовавшихъ вѣковъ ясно показали ему, что великое множество людей на землѣ есть великое зло. Ихъ нужды для нихъ важнѣе, нежели добродѣтели; обязанности и права находятся у нихъ въ безпорядкѣ. Всякой помышляетъ только о средствахъ къ пропитанію, изъ которыхъ хороши всѣ въ глазахъ властительной нужды.“

рые они собирались, назывались *Ликур-
гиданскими*. Плутархъ.

(1) Плутархъ. *жизнь Ликурга*.

„Независимость и равенство, миръ и добродѣтели пребудутъ болѣе земли, нежели люди; гдѣ больше людей, нежели земли, тамъ — жалобы, жадное корыстолюбіе, низкія спраски. Великое многочисленство превращаетъ народъ въ чернь. Многочисленное семейство бѣднѣетъ, и для своего поддержанія опадаетъ въ неволю другому семейству, богачѣйшему попому, что оно не такъ многочисленно. Съ сей минутой равенствѣ прерывается; малое число даетъ законы большому, а сѣ въ свою очередь заспавляетъ претепашъ другое. Все сдѣлать общимъ — остается тогда единымъ средствомъ; но это возможно только въ націи немногочисленной, и дѣйствіе сего продолжается только до тѣхъ поръ, пока стараются положить предѣлы размноженію народа. Родъ человѣческой подобенъ долгожизненному растенію, которое, будучи подрѣзано весною, приноситъ прекрасные плоды въ осень. Впрочемъ Ликургъ приковилъ только къ Спарти такой обычай, которой Камейцы (1), народъ, живущій на берегахъ Гидаспа, имѣя столь же чистые нравы, какъ и кровь, текущая въ ихъ жилахъ, кажется наблюдаетъ по инстинкту.“

(1) Страб. *Геогр.*

„Припомнимъ, что первыя приношенія въ жерпву живописныхъ и самыхъ людей можетъ быть дѣлали, спрашась слѣдствій, могущихъ произойти отъ весьма скорого ихъ размноженія. Да и часныя войны безъ сомнѣнія производятся для того, дабы очистишь города отъ излишняго многочисла. Не говорили ли, что Юпитеръ въ семь намѣреніи продолжилъ осаду Трои? Мудрые отцы семействъ не уже ли мало спараются о разположеніи въ пользу жрецовъ бога Марса, или какого нибудь Деспота? Десять человекъ, образованные по правиламъ Ликурга, не предпочинительнѣе ли тысячи Илоповъ, или сотни распушныхъ прелюбодѣевъ, подобныхъ Парису? Ошборные люди, совершенное равенство: вотъ два основанія всякаго хорошаго правленія. Возобновимъ желаніе нашего знаменитаго Предка (Ликурга)! Да предспавляетъ всегда опечество наше спрану, раздѣленную между братьями (1)!“

Я просилъ одного Ликурганца дать мнѣ нѣкопорыя понятія объ обществѣ друзей, основанномъ самимъ Ликургомъ.

(1) Порфир. о воздерж. отъ мяс. IV. 5.

Онъ мнѣ отвѣчалъ: „Это одно изъ наилучшихъ его учрежденій — когда два молодые (отъ 18 до 30 лѣтъ) Спартанца дружатся по сходству свойствъ и нравовъ, тогда они, отдавшись одинъ другому, переспаяютъ быть двое. Обязавшись раздѣлять между собою какъ наказаніе, такъ и награду, они имѣютъ все общее, дѣла и мысли. Во время войны одинъ не долженъ возвращаться со сраженія безъ другаго. Въ продолженіи мира у нихъ одинаковыя труды, одинаковыя и забавы. Сила сихъ двухъ друзей удесяперена; тѣлесная красота служишь у нихъ вывѣскою совершенства души. Сколь презрительнѣе человекъ, неспособный къ столь высокой дружбѣ (1), который осмѣливается называть ее порочною (2)! Добродѣтелями, возбуждившими удивленіе

(1) Ликургъ обвинилъ одного за то, что любилъ молодаго человека только за красоту тѣлесную, и сдѣлалъ то, что всѣ Спартанскіе любовники жили столь свято и непорочно, какъ братья.

Xenophon, de la republ. de Sparte. Yverdon, de l'imprimerie de la société Helvétique Caldresque.

(2) Amat Spartanus adolescentem, sed amat tantum, ut pulchram statuat. Maxim. Tyr.

вселенной, Спарта обязана обществу молодых друзей. Сии соревновались въ мудрости и славу дѣлающа нѣкогда великими людьми.“

VII.

Мудрый Хилонъ, одинъ изъ пяти Спартанскихъ Эфоровъ, и Пивагоръ.

День Хилонова отъѣзда наступилъ; множество молодыхъ Спартанскихъ гражданъ собрались передъ воротами его дома, чтобы проводить сего правителя тысячу шаговъ за городъ. Онъ сѣлъ въ открытую колесницу о чепырехъ низкихъ колесахъ, запряженную двумя волами. Я шелъ по сторону старца; во всю дорогу онъ съ охотою удовлетворялъ моему желанію, рассказывая мнѣ и объясняя смѣшанныя мои понятія о Лакедемонѣ и его законахъ.

Я началъ разговоръ изъясненіемъ Хилону величайшаго моего удивленія, что нѣтъ письменнаго собранія Спартанскихъ законовъ. Законы, изустно предаваемые, сказалъ я ему, всегда произвольны.

Онъ отвѣчалъ мнѣ: „Таковы же и положительные: ихъ толкуютъ какъ хо-

пяшь, и заставляють молчать по произволению.“

Пивагоръ. Изъ этого можно подумать, что Ликургъ не самъ придумалъ надъ составленіемъ законовъ: онъ ввелъ въ Спарту то, чему научился въ Крипѣ.

Хилонъ. Хотя бы и такъ; но эпо не доказываетъ ли великаго духа Ликургова и покорности Лакедемонскаго народа?

Пивагоръ. Къ такому неопредѣленному законоположенію можно правителямъ, прикрывшись маншєю Ликурга, ежедневно прибавлять что нибудь отъ себя; они могутъ ввести величайшія политическія ошибки, приписывая ихъ законодателью.

Хилонъ. Мы о томъ болѣе всего и стараемся, чтобы открыть обманъ.

Пивагоръ. Этого не довольно: должно бы учредить особенную власть для шочнаго исполненія законовъ.

Хилонъ. Э! а развѣ у насъ нѣтъ трибунала *Номофилаксовъ* (*)?

Пивагоръ. Правда; но люди всегда люди.

(*) Блюстители законовъ.

Хилонъ. Начальники Спартанскѣ болѣе, нежели люди.

Пифагоръ. Ликурга можно уподобить Египетскому Трисмегисту, которой не сдѣлалъ почти ни одного изъ приписываемыхъ ему пвореній.

Хилонъ. Какая до того нужда, естли Спарта первая Республика въ Греціи и въ свѣтѣ?

Пифагоръ. Спартянцы всегда только кописпы Крипянъ.

Хилонъ. Кописпы, которые много превзошли свой подлинникъ.

Пифагоръ. Народъ, которой не умѣетъ даже читать (1)! ибо естли бы умѣлъ, то законы его были бы написаны.

Хилонъ. Народъ довольно свѣдущъ (2), когда щасливъ внутри и спрашенъ извнѣ.

Пифагоръ. Много ли у васъ законовъ?

(1) Isocrat. Panath.

(2) Плутарх. instit. Laced.

Хилонъ. Много не надобно для людей, которые говорятъ мало, говорилъ племянникъ Ликурга (1).

Пифагоръ. Спарта споль не просвѣщенна, что ей надлежитъ допустить Аспрономовъ въ совѣтъ своихъ двухъ Царей (2).

Хилонъ. Мы желаемъ знать только то, что нужно для правленія Республикою.

Пифагоръ. Наука правленія предполагаетъ множество другихъ свѣденій, и входитъ во всё Она изъ всѣхъ наукъ...

Хилонъ. Менѣе запущана; довольно знать людей.

Пифагоръ. Ваше политическое бытіе спойнѣ вамъ дорого. Частъ націи свободна попому только, что содержитъ въ порабощеніи другую. Илоты были вамъ равные, для чего вы ихъ сдѣлали рабами?

Хилонъ. Люди, перяющіе прежде вольность, нежели жизнь, рождены по видимому для рабства.

(1) Хариллай, по словамъ Плутарха, а по другимъ Леоботъ. Сей племянникъ былъ Царемъ по милости своего дяди.

(2) Astronom. Delalande. Preface.

Пивагоръ. Но что могли бы Илоши сдѣлать противъ силы и множества?

Хилонъ. Они могли умереть.

Пивагоръ. Вамъ дѣлають важной и пошудной упрекъ (1). „Все, что имъ кажется полезнымъ, въ глазахъ ихъ почитается честнымъ.“

Хилонъ. Все, испинно полезное, всегда честно.

Пивагоръ. Не возможно съ точностию опредѣлить вашего правленія. Оно представляеть вмѣстѣ характеры, совершенно противоположные. Въ отношеніи къ необычнымъ поступкамъ съ Илошами оно есть деспотическое.

Хилонъ. Законы Республики не могутъ быть слишкомъ тиранническими для людей подлыхъ и не имѣющихъ добродѣтелей.

Пивагоръ. Ваша гражданская система съ перваго взгляду представляется исполненною нелѣпостей; каждое Государство имѣеть одного только Царя; Республика Лакедемонская имѣеть двухъ.

Хилонъ. Двухъ верховныхъ правителей (2).

(1) Туцидидъ.

(2) *Archagetæ.*

Пивагоръ. Для воспривлеченія двумъ Деспотамъ, вы дѣлаете у себя пять тиранновъ; ибо пять *Эфоровъ* (*), которые имѣють право надъ жизнью, которые дають законы, въ рукахъ которыхъ верховной судъ, могутъ дѣлаться большими тираннами, нежели каковыми Деспотами могла бы быть оба ваши Царя. Спирное правило, умираешь для предупрежденія болѣзни! Власшь Эфоровъ попрясають могущество прона. Что можно противоположить великой силѣ, ввѣренной Эфорамъ? Сенатъ этого сдѣлать не можетъ, но должно бы было ему.

Хилонъ. Двадцать восемь спариковъ безсильны; два Царя, согласившіеся на злодѣянія, могли бы причинить безпокойства; но пять народныхъ начальниковъ должны все приводить въ безопасность; они ни слишкомъ сильны, ни слишкомъ слабы. Должность ихъ продолжается одинъ только годъ; они безпрестанно находятся въ глазахъ народа; ихъ избравшаго. Вообрази что нибудь лучше сего!

(*) То есть *надзиратели*, бдящіе надъ обоими Архегетами.

Пизагоръ. Но сѣи два Царя, ничего не значущіе въ мирное время, будутъ всегда желать войны, копорая освобождая ихъ отъ опеки Эфорской, содѣлываетъ весьма сильными. Чпо могутъ противупоставить Эфоры двумъ Царямъ, возвращающимся въ Спаршу, предводителами побѣдоноснаго войска, обремененнаго корыстями.

Хилонъ. Это дѣло народа: естли онъ не защищаетъ своего поспановленія, предпочипаетъ войну миру; естли вѣсно поого, чпобы собирать свои силы, и сосредоточивать ихъ въ своей землѣ, онъ испощаетъ ихъ въ завоеваніяхъ; тогда два Царя окончатъ это заключеніемъ въ пемницу, или умерщвленіемъ пяни правителей; но съ сей минушы Спарша не будетъ уже болѣе Спаршою Ликурга.

Пизагоръ. Ни Спаршою Хилона; ибо мнѣ сказывали, чпо сѣе правительсво Эфоровъ учреждено побою.

Хилонъ. Мысль о семъ принадлежитъ Ликургу (1); произведеніе оныя въ дѣйсво сдѣлано еще до меня Теопомпомъ.

(1) Ксенофонтъ *Respubl. Lac.* Геродотъ. I.

Пизагоръ. Республика Спаршанская предспавляетъ воинспвенное правленіе. Ликургъ, кажешся, въ народъ своемъ желалъ видѣть однихъ солдатъ (1). Я не вижу между вами гражданъ.

Хилонъ. Всякой свободный народъ долженъ быть воиномъ, по естль, вооруженнымъ всегда для своего защищенія, но никогда для нападенія.

Пизагоръ. Естли ни на минушу не выпускашь изъ рукъ оружія, тогда возгорится спрасъ къ завоеваніямъ. Одинъ изъ вашихъ боговъ, или лучше первый основатель Спаршы, начальникъ Гераклидовъ, былъ завоеватель Лаконіи.

Хилонъ. Это не самый лучший изъ его подвиговъ.

Пизагоръ. Примѣръ Геркулеса сильнѣе подѣйсвуетъ, нежели законоположеніе Ликурга.

(1) Ликургъ былъ, можетъ быть, самой глубокой изъ всѣхъ законодателей; но должно думать, чпо нынѣ онъ ввелъ бы такія перемѣны въ планъ своей Республики, чпо она уподоблялась бы болѣе школъ солдатъ, нежели обществу свободныхъ людей.

Хилонъ. Тѣмъ хуже; народъ Лакедемонскій съ двумя своими Царями и съ пястью Эфорами будетъ существовать сколько же, сколько природа, естли онъ будетъ ей послѣдованъ; внѣ предѣловъ ея — я за него не отвѣчаю.

Пиеагоръ. Судя по прошедшему, не лзя ручаться на вѣрно за будущее; Лакедемоняне не всегда сражались по своимъ священнымъ законамъ.

Хилонъ. Сдѣланныя нами ошибки послужатъ урокомъ.

Пиеагоръ. Щасливья ошибки суть сѣши, или поощренія: побѣда есть великая приманка!

Хилонъ. Спарта останется первымъ городомъ сѣша, естли она названію *завоевательницы народовъ* предпочтетъ имя *укротительницы людей* (1).

Пиеагоръ. Опыпъ и примѣръ націй, кажешся, угрожающъ народу Лакедемонскому; съ нимъ воспослѣдуешъ шже, что и съ другими.

Хилонъ. Ни мало, естли онъ не станеть подражатъ никому.

Пиеагоръ. Мессинія и Илоты доказывающъ, что онъ любитъ завоваенія и приспраспенъ къ деспотизму.

(1.) Симонидъ. Плутархъ.

Хилонъ. Чшо жъ въ томъ Спаршѣ! было время, когда ей недоспавало кое-чего, а теперь ей нечего болѣе желать.

Пиеагоръ. А внутренніе пороки? Поговаривающъ уже, что Эфоры поспунающъ часно такъ, какъ бы не обязаны были никакого даватъ отчета. Продажностъ должностей — эта ржавчина приспаетъ къ полипическимъ пружинамъ. . . .

Хилонъ. Мое мнѣніе было всегда оправдыватъ употребленіе ввѣренной намъ власти.

Пиеагоръ. Продажностъ портитъ также и нравы. Елена уже имѣетъ больше подражательницъ въ Спаршѣ, нежели Пенелопа.

Хилонъ. Для нашего поправленія мы имѣемъ пособіе колоній.

Пиеагоръ. Ограбленная добродѣтель удаляется; обогащенный порокъ оспаешся.

Хилонъ. За этимъ спопритъ народъ; онъ имѣетъ законы и знаетъ ихъ на изустъ. Въ сію минушу онъ спроитъ храмъ Ликургу.

Пиеагоръ. Божескія почести чело-вѣку! жершвенники Ликургу! Это показываешъ идолослуженіе и рабство; и для меня всего удивительнѣе, что это дѣлаешъ народъ, ревностный любитель равенства.

нація образованная въ школѣ самаго Ликурга. Есплы бы онъ воскресъ, по вѣрно бы первой васъ въ шомъ осудилъ. Не должно бышь суевѣрными къ великимъ людямъ послѣ ихъ смерти.

Хилонъ. Развѣ лучше, есплы бы мы ихъ дѣлали богами при жизни?

Возвратимся къ колоніямъ и завоеваніямъ.

Пиагоръ. Я слышалъ, что величайшее бѣдствіе, какое только могло бы постигнуть Грецію, есть подпастъ подъ свинцовой скипетръ Спартанцевъ?

Хилонъ. Государства Греціи могли бы взойти на верхъ благополучія, есплы бы онѣ, не завися одно отъ другаго и заключааясь въ предѣлахъ, назначенныхъ Природою, свято соблюдали Ликурговы законы.

Пиагоръ. Но нѣтъ нигдѣ Илоповъ; нѣтъ людей въ неволѣ! Оба сія слова, будучи соединены одно съ другимъ, должны всегда приводить въ удивленіе, а особливо въ Спартѣ.

Хилонъ. Пиагоръ! ты думаешь, что люди всѣ достойны свободы, всѣ способны бышь свободными?

Пиагоръ. По крайней мѣрѣ не должно преисполнять мѣру ихъ нещастія варварскимъ обхожденіемъ.

Хилонъ. Нѣтъ! для слабыхъ душъ надобно строгое правило; Илопы худо защищали свою независимость, а ревнуютъ нашей. Сей презрѣнный родъ, не умѣя повелѣвать собою, не умѣетъ надлежащимъ образомъ и повиноваться.

Пиагоръ. Васъ не почишаютъ госпепрїимною націею!?

Хилонъ. Мы не любимъ ни празднующевъ, ни шпионовъ.

Пиагоръ. Это правда, что Спартанецъ путешествуетъ мало. Сей домашней народъ живетъ въ удаленіи отъ всѣхъ.

Хилонъ. Это потому, что ему дома лучше всего.

Пиагоръ. Суровой вашъ прїемъ, оказываемый чужестранцамъ, не происходитъ ли отъ стыда, что вамъ не лзя показатъ ни одного памятника искусствъ. У васъ нѣтъ ни одной статуи совершеннаго произведенія. Колоссальный кумиръ народа самой грубой работы. Скажущъ, что онъ снятъ съ напурь. Для чегожъ черны его не сдѣланы прїяшнѣе?

Хилонъ. Потому что дубина Геркулесова сучковата.

Пифагоръ. Да! что дѣлаютъ Парки, находящіяся близъ народной снатуи?

Хилонъ. Ничего.

Пифагоръ. Для чего они праздны? въ другихъ мѣстахъ ихъ предсавляютъ всегда въ дѣйствіи.

Хилонъ. Для показанія, что Спартанскій народъ безсмертенъ.

Пифагоръ. У васъ нѣтъ ни одного Стихопворца, ни одного Орапора (1)....

Хилонъ. По должности мы всѣ Орапоры, когда говоримъ о свободѣ, и Стихопворцы, когда прославляемъ нашихъ Героевъ.

Пифагоръ. У васъ нѣтъ ни одного собранія національныхъ гимновъ. Вы все выпрашиваете у сосѣдей. Терпандръ, Тирпей....

Хилонъ. Такъ ты вѣрно не знаешь нашей пѣсни Кастора (2).

Пифагоръ. Спарта не произвела ни одного Философа, выключая Хилона....

Хилонъ. Это потому, что ты ихъ не знаешь.

(1) *Cicer in Orat.*

(2) *Saurogum Canticum.* Пиндар. Евсп. Поллукс.

Пифагоръ. Кромѣ военнаго искусства, все прочее здѣсь еще младенческиуешь.

Хилонъ. Мы знаемъ меньше, но за то лучше.

Пифагоръ. Однакожъ мнѣ рассказывали, что воинская музыка Спартанцевъ (1) способна возбуждать бодрость....

Хилонъ. Скажи лучше... умѣряешь жаръ и равняешь солданской маршъ!

Пифагоръ. Сколько Спарта вдругъ можетъ выснавить людей противъ сильнаго Царя, каковъ Дарій?

Хилонъ. Я не знаю сколько; но довольно, чтобы его побить.

Пифагоръ. Между прочимъ вы спрашиваетесь многочисности Илоповъ; вы позволяете своему юношеству гоняться за ними шакъ, какъ на охотѣ за красными звѣрьми.

Хилонъ. Нѣтъ хуже врага, какъ домашній невольникъ.

Пифагоръ. При входѣ въ Спарту я думалъ найти царства равенства. Сколь велико было мое удивленіе, увидя только нѣкоторое число семействъ богатыхъ, а прочихъ гражданъ въ бѣдности! У васъ,

(1) Авл. Гелл. *Нот. Аппит.*

какъ и вездѣ, поколѣнїя благородныхъ владѣютъ лучшими землями. Хуждшія достаются въ удѣлъ черни. Почему шакой соблазнъ въ Республикѣ Ликурга?

Хилонъ. Потому, что есть такіе граждане, которые споль же худо умѣютъ сохранять свои поля, какъ и свою независимоспъ. Законы равенспва не терпятъ несправедливоспи. Но эшо была бы несправедливоспъ, еспли бы распочипельные, или лѣнивые хозяева пользовались такимъ же довольспвомъ, какъ и граждане бережливые, разумные и трудолюбивые.

Пифагоръ. Я знаю, что великое богатспво и крайнюю бѣдностъ не должно приписывать ни законамъ, ни правленію; эшо показываетъ сполько распущспво нижнихъ классовъ и ненасыпимоспъ вышшихъ.

Хилонъ. Правители и законы не могутъ всего дѣлать.

Пифагоръ. Тѣмъ менѣе у воинспвеннаго народа, нежели у всякаго другаго.

Хилонъ. Законодатель Крипскій, или Лакедемонскій предвидѣлъ эшо. Воинспвенный духъ, господспвующій въ нашемъ полипическомъ правленіи, долженспвовалъ способспвовать, и дѣйспвительно

способспвуетъ къ тому, чтобы сливать всѣ поспыдныя спраспи общеспва въ единспвенное чувспво благососпоянїя и славы опечеспва.

Пифагоръ. Воинспвенный народъ не свѣдуецъ сполько, чтобы могъ поправлять недоспашокъ въ законахъ.

Хилонъ. Но онъ менѣе испорченъ, нежели всякой другой.

Пифагоръ. Вы съ упорспвомъ пренебрегаете паланнами, возвышающими челоуѣка выше его самаго.

Хилонъ. Мы обязаны своимъ величїемъ нашимъ постановленїямъ.

Пифагоръ. Не больше ли одолжены вы оными вашему нападению на Мессинію, одну изъ богатѣйшихъ странъ Греціи?

Хилонъ. Мы существовали прежде сего завоеванїя не хуже, какъ и шогда, когда успѣютъ опнять его у насъ.

Пифагоръ. Прежде сей великой несправедливоспи, которая вамъ весьма удалась, вы не называли еще себя первымъ народомъ въ Греціи.

Хилонъ. Мы были уже имъ, сполько не заботились бытъ извѣспными подъ симъ именемъ.

Пифагоръ. Васъ обвиняютъ въ томъ, что вы во зло употребили ваше преимущеспво. Надмѣнные побѣдители,

жестокіе властелины, Лакедемоняне не знаютъ удовольствія прощать побѣжденнымъ и щадить слабыхъ.

Хилонъ. Это происходитъ отъ того, что наши законы сдѣланы не для народа — завоевателя.

Пиеагоръ. Лакедемонъ любитъ кровь и деньги. Форпуна, почтенная въ Спарте просимъ только жертвенникомъ, имѣетъ храмъ свой въ сердцѣ всѣхъ Спартянцевъ.

Хилонъ. Спарта всегда любитъ свои законы и вольность; еслили злопо сдѣлалось нечислою примѣсю въ нашихъ правилахъ, то умѣй ошдѣлять оныя, когда говоришь объ нихъ.

Пиеагоръ. Я уважаю Ликурга и его законы; но они не препяспвуютъ въ Спартѣ также, какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, быль приспраснымъ начальникамъ (*).

Хилонъ. Еслили продажность Эфоровъ сдѣлалась возможною, то ихъ правленіе оспалось непорочнымъ.

Пиеагоръ. Скоро только швои поспупки будутъ служить исключеніемъ.

(*) Аристотель много крипиковалъ Ликурга; но сей былъ законодатель съ дарованіями, а тотъ весьма ученый человекъ.

Хилонъ. Пиеагоръ! Спартянца въ глаза не хвалятъ.

Пиеагоръ. Просни мнѣ. . . .

Хилонъ. О нашихъ гражданскихъ нравахъ шже можно сказать, что и объ нашихъ воинскихъ добродѣтеляхъ. Не суди о Спартянцахъ по одной ихъ фалангѣ, обращенной въ бѣгство Аркадскими женщинами на горѣ Филакпрѣ. Что намъ было дѣлать у Аркадянъ? Я не ошвѣчаю и за силу Геркулеса, ошваживающагося на несправедливый подвигъ.

Пиеагоръ. Впрочемъ одинъ коспюмъ, любимой Спартянцами, долженъ сдѣлать ихъ побѣдителями прежде бою; онъ спрашенъ. Эти длинныя и густыя усы; развѣвующіяся на ихъ груди, дѣлаютъ ихъ подобными Скиескимъ дикарямъ. Изъ гордости ли, или небреженія покрываютъ они свое нижнее платье краснымъ изорваннымъ или запачканнымъ плащемъ. Я не заключаю хорошаго о народѣ, неопряномъ въ своемъ одѣяннн.

Хилонъ. А я еще больше худаго заключаю о націи, которая предается противной крайности; но наши короткія оружія выигрываютъ предъ длинными шпагами; и вопль нашъ уборъ.

Пиеагоръ. Шаспливый народъ, увѣренный въ своей силѣ и храбрости, не

всегда въ состоянїи такимъ образомъ защищаться. Сладостная безопасность соснавляетъ удовольствїе общеспвенной жизни. Спартанскій гражданинъ не наслаждается эшою выгодою.

Хилонъ. За шо онъ имѣетъ другїя, напримѣръ, содержишь всегда въ уваженїи къ себѣ сосѣдспвеннаго, или внушрнннго врага, хитрѣйшаго насъ.

Пивагоръ. Большое попеченїе о домашнемъ обращенїи могло бы опвратить безславїе *Парознїйцевъ*, основателей Таренна. Женщины Лакедемонскїя не сдѣлались бы матерями въ опсупствїе мужей; а Спартанскїя дѣвицы дождались бы возвращенїя своихъ возлюбленныхъ. Въ нравахъ вашихъ начинзетъ уже оказываться неблагоприспойность одеждъ: эша почти сорсѣмъ обнаженная лядея, эша полуопкрышая грудь

Хилонъ. Прежде нашихъ браней шы не сдѣлалъ бы сего замѣчанїя; благоприспойность покрывала ихъ своею завѣсою.

Пивагоръ. О Ликургъ! Ликургъ! ежденвно удаляюпся опъ швоихъ поспановленїй. Генїй швой мало помалу успупаетъ общнопятельспвамъ. Скоро можешъ бышь . . .

Хилонъ. Не вини въ шомъ законодателя, которой запрешилъ намъ морскую шорговлю. Онъ хотѣлъ лучше опказаться опъ выгодъ, какїя обѣщаношь намъ наши берега, нежели подвергашься опасности промѣняшь наши древнїе нравы на сокровища шрехъ часпей свѣта.

Пивагоръ. Онъ долженъ былъ и могъ разчесшь дѣйсшвїя времени. . . . Обращець еще сущестшуетъ, но почти нико уже не обращаетъ на него вниманїя. Школа Ликургова не заперпа, но она пупстѣетъ. . . Дѣши Спартанскїя начинаюшь уже скучать строгими правилами своего наспавника.

Хилонъ. Какое воспитанїе могло бы сравнись съ предписаннымъ опъ Ликуга обыкновенїемъ, беспреспанно держашь оба пола вмѣстѣ, прїучашь ихъ къ общимъ упражненїямъ, подъ присмошромъ начальниковъ? средспва совершенно натуральныя для усовершенспвованїя человекъ опъ рода въ родъ!

Пивагоръ. Но злоупотребленїе къ сему очень близко и легко; должно было эшо предвидѣшь.

Хилонъ. Законодатель не развратилъ людей; но люди не уважаюшь законодателя.

Пивагоръ. Кажется, законодательство Ликургово было только простымъ предметомъ любопытства. Спартанской народъ, подобно всѣмъ другимъ, прельстившись новостію, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ повиновался симъ законамъ. Но теперь онъ мало помалу ославляетъ ихъ; дѣлаетъ осады и завоеванія, роетъ пристани, строитъ крѣпости, — всё запрещенное верховнымъ учрежденіемъ Республики.

Хилонъ. По крайней мѣрѣ осталось еще довольно слѣдовъ, по коимъ можно судить о планѣ и намѣреніи.

Пивагоръ. Намѣреніе очень чисто, планъ высокъ, безъ сомнѣнія; но . . .

Хилонъ. Но Ликургъ не вымышлялъ своихъ законовъ, или не искалъ ихъ въ Крипѣ для народа, жаднаго къ распространенію своихъ земель. Онъ старался только для города Спарты и Лакедемонской области; для гражданъ, которые хотѣли хранить одно только сокровище — свою свободу; для гражданокъ, желавшихъ зависѣть только отъ своихъ мужей; для женщинъ, богатыхъ единственно своею красою, нравами и славою своего опечесства.

Пивагоръ. Ликургъ хотѣлъ преобразить челоука, передѣлать родъ чело-

вѣческій: предпріятіе прекрасное, смѣлое! . . .

Хилонъ. Прибавь, если хочешь, и неудобноисполнимое.

Пивагоръ. Я почти поже думаю. Но малоудачные опыты законодателей, предшествовавшихъ ему, не отняли у него бодрости.

Хилонъ. Потому что Ликургъ избралъ совсѣмъ другую дорогу.

Пивагоръ. Онъ можетъ быть слишкомъ обнаружилъ это въ воспитаніи, которое предписалъ дѣтямъ. Оно все обращено къ тѣлу. Кажется, что Спартаецъ не получилъ отъ Природы дара души. У васъ нѣтъ ни школъ, ни ученья сидячаго и спокойнаго.

Хилонъ. Для того что нѣтъ здоровой души въ болѣзненномъ тѣлѣ. Душа была бы невредима, если бы тѣло могло быть таковымъ же. Развитіе всѣхъ способностей матеріи приводитъ въ движеніе тайную дѣйствующую силу, одушевляющую ее.

Пивагоръ. Безъ сомнѣнія; но въ Спартѣ молодой челоукъ воспитывается точно такъ, какъ молодой живошникъ, которыхъ высылаютъ на бой. Ваши дѣти въ Гимназіяхъ научаются только

бишься, нападаешь другъ на друга, и опнимаешь собственность другаго.

Хилонъ. Ихъ пріучающъ переносятъ боль, труды и потери.

Пифагоръ. Но жажда крови, дыша мщеніемъ, блѣднѣя отъ зависпи, или пламенѣя яростію, они погибаютъ прежде, нежели научатся наслаждаться жизнью. Когда обучающъ они умѣряютъ свои желанія, управляющъ справами? Они могутъ сдѣлаться хорошими воинами, но никогда не будутъ людьми.

Хилонъ. Спартацы вмѣстѣ и хорошіе воины и люди.

Пифагоръ. Воспитаніе въ Спартѣ есть продолжительная казнь. Напротивъ того, сколь оно бываетъ легко и пріятно, когда предоспаиваешься Природѣ!

Хилонъ. Ты говоришь мнѣ о томъ, чему бы надобно быть, и что уже невозможно; нынѣ должно предписывать людямъ, живущимъ въ обществѣ, гораздо болѣе того, что они обязаны дѣлать.

Пифагоръ. Не ужели для сего должно давать дѣтямъ столь строгое воспитаніе, а народу столь жестокаго загона?

Хилонъ. Наставники и Правители съ шкомъ послабляютъ лукъ, которой

кажется тебѣ чрезмѣрно натянутымъ; а время довершаетъ безпорядокъ.

Пифагоръ. Противъ сего довольно взято предоспорожности посредствомъ богослуженія, установленнаго въ честь богини *Ореи* (1).

Хилонъ. Въ Спартѣ не убиваютъ уже людей у подножія жертвенниковъ съ ихъ поръ, какъ съкупъ младенцевъ, или принуждаютъ ихъ умерщвлять члены свои ударами и ранами. Пока люди будутъ сражаться, дополъ должно пріучать къ сраженію дѣшей.

Пифагоръ. А всѣ новорожденные, которыхъ вы бросаете въ Эврей (2), или въ яму, естли въ нихъ видно слабое сложеніе, или какая нибудь уродливость; это варварское обыкновеніе

Хилонъ. Дѣлаемъ по крайней мѣрѣ беременныхъ матерей попечительнѣйшими о залогѣ, имъ ввѣренномъ.

Пифагоръ. Безъ сомнѣнія мы всѣ братья, дѣши одной Природы; но для сего должно ли опнимаешь у опцовъ священнѣйшее право, сладостнѣйшую должность воспитывать самимъ дѣшей сво-

(1) Плутарх. жизнь *Ликурга*.

(2) Крагній, *респ. Лакед.*

ихъ? Общественное воспитаніе совершенно безчеловѣчно.

Хилонъ. Но необходимо для соблюденія гармоніи и единообразія во нравахъ народа.

Пивагоръ. Ликургъ безжалостно запрещаетъ всѣ опеческія насавленія, копорія въ нуждѣ могли бы ему сдѣлать великое пособіе.

Хилонъ. Домашняго воспитанія не должно быть до шѣхъ поръ, пока народъ не образуется сполько, чпобы въ соспоянніи былъ взять на себя воспитаніе своего племени. Не ужели должность, пребующую такого надзора, предоставили сѣлѣцамъ?

Пивагоръ. Я отдаю справедливостъ прекрасному закону, освобождающему дѣвицъ отъ приданого, и другому, копорымъ запрещается убранство честнымъ женщинамъ; но можетъ ли быть чпо нибудь безразсуднѣе образа Лакедемонскихъ браковъ — избирать супругу въ шемнотѣ, ощупью межъ толпою женщинъ, собравшихся для того, чпобы принять законы отъ перваго незнакомца, приведеннаго къ нимъ случаемъ! . . . Такія обыкновенія по крайней мѣрѣ спранны . . .

Хилонъ. Общественная польза и благососпоянніе опечесива того шребуютъ.

Пивагоръ. Эти важныя требоанія были бы и безъ того удовлетворены. Ликургъ необыкновенный законодатель.

Хилонъ. Нужно ли напоминать тебѣ о безчисленныхъ безпорядкахъ, происходящихъ отъ ревнивости любовниковъ и супруговъ? Изъ многихъ непріятностей Ликургъ выбралъ самую меньшую. Впрочемъ молодой Спаршанецъ, дѣлающей своею подругою женщину, неизбранную имъ, находилъ въ ней шолько гражданку. Онъ напередъ знаетъ нравы дѣвицъ Лакедемонскихъ; и какъ ему не опредѣлено жить дома въ шѣсномъ кругу хозяйства, шнѣкое несходство въ характерахъ не можетъ измѣнить для него прелестей супружескаго союза. Производитъ себѣ подобныхъ — вопъ все, чего шребуется опечесиво. — Ликургъ, подобно Природѣ, всегда спремится къ великимъ дѣйствіямъ, и мимоходомъ жерпвуетъ имъ всѣми прочими маловажными выгодами.

Пивагоръ. Не смотря на то, изъ Спаршы, равно какъ изъ Пандорина ящика, произошли всѣ бичи, опустошавшіе Грецію и сосѣдственные народы. Елена . . .

Хилонъ. Ты разумѣешь осаду Трои, не правда ли? Ликурга тогда еще не было. Онъ сдѣлалъ все, чпо могъ, для сближенія Природы съ опечесивомъ.

Пифагоръ. И можешъ бытъ нанесъ ударъ обоимъ.

Хилонъ. Какъ бы по ни было, ученый Ликургъ кажется боялся нажить себѣ соперниковъ.

Пифагоръ. Для того, чему обучаютъ здѣсь юношество, довольно простаго воспитанія и самыхъ маловажныхъ наставленій. И дѣйствительно — искусство драпья, и способность грабить, не пребуютъ особеннаго обученія. Щепъ не проспирается у васъ болѣе числа ручныхъ пальцевъ. Мало потребно искусства къ тому, чтобы вырѣзать какое нибудь число на каменномъ столбѣ; въ изученіи сего не лзя потерять много времени.

Хилонъ. Пифагоръ! ты не понимаешь духа нашихъ законовъ. Можешъ бытъ кажешся для себя удивительнымъ и поспыднымъ, что мы предославляемъ невольникамъ своимъ всѣ другія ремесла, даже и земледѣліе, чтобы самимъ заниматься однимъ только воинскимъ?

Пифагоръ. Даже и земледѣліе!

Хилонъ. Вспомни, что Ликургъ и Миносъ, или Гадамантъ, имѣли одну цѣль, прекраснѣйшую, какую только законодатель можешъ предположить себѣ: цѣль образованъ свободныхъ людей. Искусный Ваятель, великій Живописецъ, уче-

ный Грамматикъ, высокопарный Поэпъ, славный Музыкантъ, краснорѣчивый Риторъ, — что всѣ эти люди въ сравненіи съ свободнымъ человѣкомъ? Какъ можно названъ гражданиномъ того, кто занимается всю жизнь свою только работою обуви, кроеніемъ плащя, обшесываньемъ каменьевъ, или приготавливаетъ кушанье для богатѣйшихъ его? всѣ сіи низкія и отвратительныя занятія, нужныя для обществва, должны ли бытъ дѣломъ свободного человѣка? Да и можно ли опасаться свободнымъ, предаваясь имъ совершенно? Виновалъ ли Ликургъ въ томъ, что онъ не уважилъ ими, и запретилъ людямъ, ревнующимъ къ своей независимости (1), сіи механическія упражненія, испощающія шѣло, разслабляющія душу, и препяпяющія возвышенію ея и величію? Можешъ ли свободный человѣкъ принялся за торговые обороты, которые превращаются наконецъ въ жадность къ корысти? Можешъ ли свободный человѣкъ рѣшиться ходить за свиньями другаго равнаго ему человѣка? И такъ, чтобы мы не были принуждены всѣ сдѣлаться сущесвами

(1) Ксеноф. Эконом. Ланоз. Записк. о Лакедемон. Том. XXX.

низкими и зависящими одни отъ другихъ, — то должно было послѣднемъ званіи безчисленный классъ людей, отправляющихъ сіи вспомогательныя должности, и подчинить ихъ отборнымъ гражданамъ, рожденнымъ съ лучшею склонностію къ свободной и независимой жизни! Спартанецъ знаетъ одно только, но за то знаетъ хорошо: быть свободнымъ и защищать свою вольность, или умереть за нее; онъ хвалится невѣжествомъ своимъ во всемъ прочемъ; одна наука вольности прилична человѣку, заслуживающему сіе названіе. Лакедемонъ соспоитъ изъ черни и націи: *герни* принадлежатъ ручныя работы и желѣзной пруть; *націи* чувство независимости во всей его полнотѣ, во всей силѣ и важности. Спарта раздѣлена на двѣ области: на необразованную часть, поколѣніе невольниковъ, подобно свинцу безпрестанно спремящихся къ землѣ; и на классъ свободныхъ людей, которые подобно солнцу парятъ надъ прочими жителями, озаряютъ ихъ своими лучами, и презираютъ низкія потребности живописной и гражданской жизни. Львиное мужество и орлиной полетъ составляютъ отличительный характеръ Спартанца; онъ погружается только въ важныя размышленія,

и съ важностію выражаетъ ихъ. Мысль быть свободнымъ испребляетъ въ немъ всякую другую, занимаетъ его совершенно, и удерживаетъ въ неизмѣримомъ разстояніи отъ черни, спенящей подъ тяжестію бездѣльныхъ должностей, которыя почипаются важными только въ худо-успроенныхъ полиическихъ обществахъ.

Пи агоръ. По этому много на землѣ Республикѣ, но нѣтъ свободныхъ народовъ.

Хилонъ. Еслили когда Спартанецъ восхищается Поэзіею, то только читая Гомера, или Тирпея; еслили съ удовольствіемъ слушаетъ музыку, то для того, чтобы располагать шестивіе свое по звуку лиры; еслили приносятъ жертву Венерѣ, то налагаетъ на ноги ея оковы; еслили говоритъ, то въ каждомъ словѣ его болѣе вѣсу, нежели въ длинныхъ надписяхъ, вырѣзанныхъ на мѣди. Мы не терпимъ между собою Римовъ; они не нужны для того, чтобы учить дѣшей нашихъ думать правильно и говорить такъ, какъ думаютъ. — Вся привязанность, какую другіе народы имѣютъ къ богатствамъ, завоеваніямъ, выгодамъ жизни, къ художествамъ, наукамъ, — всю сію, говорю, привязанность посвящаемъ мы

исключительно нашимъ законамъ; ибо они одни дѣлаютъ человека свободнымъ. Мы жертвуемъ всемъ чувству своей свободы; всемъ, даже и самую добродѣтелью

Пифагоръ. Эфоръ! и самую добродѣль

Хилонъ. Я разумѣю нѣсколько маловажныя добродѣтели, свойственныя слабости другихъ людей, которые довольствуются какою-то полунезависимостію.

Пифагоръ. Высокая теорія! но столь мало принаровленная къ людямъ, что и самые боги не могли бы долгое время соображаться съ нею.

Хилонъ. По крайней мѣрѣ и то хорошо, что нѣсколько лѣтъ на землѣ былъ сей полипическій феноменъ.

Пифагоръ. Но изъ сего слѣдуетъ, что царство вольности продолжается только нѣсколько минушъ, и принадлежитъ весьма немногому числу людей.

Хилонъ. Я такъ и думаю.

Пифагоръ. Но это для меня прискорбно.

Хилонъ. Если бы нашъ законодатель думалъ сдѣлать участниками блаженной независимости всѣхъ жителей Лаконіи, Илоновъ, равно какъ и Лакедемонянъ; то онъ не достигъ бы своей цѣ-

ли, проспирая ее слишкомъ далеко. Мы походили бы на другія Греческія Государства, въ которыхъ всѣ граждане невольники, потому что они считаютъ себя свободными.

Пифагоръ. Вы безъ сомнѣнія не считали соотечественниковъ моихъ достойными наслаждаться свободою?

Хилонъ. Мы всѣ одобрили нѣсколько грубый отказъ нашего царя Клемена (1), сдѣланной имъ посланникамъ Самосскимъ, просившимъ зацѣпить ихъ отъ ширанинъ Поликрапа.

Пифагоръ. Я принужденъ согласиться въ справедливости вашихъ поступковъ; поведеніе моихъ согражданъ слишкомъ васъ оправдываетъ; они очень худо умѣютъ пользоваться свободою!

Хилонъ. Свободные Спартанцы, которыхъ число едва простирается до девяти тысячъ, живя среди народа во сто разъ многочисленнѣйшаго, составляютъ нѣкоторой родъ священнаго общества, по примѣру Египетскихъ и Индѣйскихъ первосвященниковъ. — Разумъ и вольность сосредоточиваются между нами, единственными и истинными ихъ обожателями;

(1) Плутарх. *Достопамятн. изрѣчен. Лакедемонянъ.*

другіе жители Лаконіи оспаются слѣпыми и сконоподобными; и этому иначе не лзя бышь.

Пивагоръ. Еспьли это испинна, взяная изъ опыта; то сколь она горесна и поспыдна!

Хилонъ. Пламенникъ вольности, равно какъ и разума, въ рукахъ народа сдѣлался бы факеломъ Фуріи.

Пивагоръ. И такъ намѣреніе Природы все еще не исполнилось.

Хилонъ. Напрошивъ того — совершенно. Посмотри, что происходитъ вокругъ насъ: въ воздухъ, въ густомъ лѣсовъ и въ нѣдрахъ водъ; вездѣ она не уважаетъ и жертвуетъ множествомъ малому числу существъ совершеннѣйшихъ.

Пивагоръ. По крайней мѣрѣ людей надобно бы исключишь изъ сего првила.

Хилонъ. Почему же? напрошивъ, что удивляетъ шебя въ Спартѣ, еспь общее во всемъ свѣгѣ; у всѣхъ націй множество соспоишь изъ Илоповъ. Самое малое число образуетъ классъ Спарпанцевъ. — Но мы здѣсь гораздо виднѣе и свободнѣе, нежели подобные намъ во всякомъ другомъ мѣстѣ. Мы пользуемся независимостію сполько же по врожденному побужденію, какъ и по обдуманному чув-

ству. Поэтому — по наше правленіе намъ пощасливилась болѣе, и доспавило преимущественно предъ другими народами.

Пивагоръ. По крайней мѣрѣ вы не имѣете преимущества касательно суевѣрія. Спарпанецъ имѣетъ боговъ не меньше, какъ и другіе народы.

Хилонъ. Но наши молитвы короче.

Пивагоръ. Самъ Ликургъ... (1).

Хилонъ. Законодатель не все сдѣлалъ, когда начерталъ мудрый планъ. Всего труднѣе принудишь людей, чтобы они захопѣли бышь щасливыми. Ликургъ предложилъ опъ имени Аполлона, что, чего бы можетъ бышь не приняли спѣ имени его. Чисный разумъ мало имѣетъ прелестей въ глазахъ простаго народа: онъ видитъ въ немъ только женщину; но поспавъ его въ мрачное свящилище; пусшь онъ говоритъ мало, изъясняется въ пышныхъ и двузнаменательныхъ выраже-

(1) Ликургъ заставилъ Оракура Делфійскаго назватъ себя *Другомъ Юпитера, и болѣе богомъ, нежели телозѣкомъ.*

Кажется, одинъ Ликургъ заслуживаетъ имя Законодателя.

Mathon de la Clair, dissertation couronnée en 1767.

нїяхъ, — то народъ почтешъ его боже-
ствомъ своимъ. Ликургу извѣстно было
человѣческое сердце; онъ зналъ, что чернь
не станешъ слушать его безъ посредниче-
ства Оракуловъ; и потому повторилъ то,
что дѣлали прежде его другіе, и что
безъ сомнѣнія долго будутъ повторять
послѣ него. Не уже ли также вмѣнишь
ны въ преступленіе Ликургу и богослуже-
ніе, уславненное въ честь вооруженной
Венеры?

Пивагоръ. Нѣтъ; я вижу шупъ
вспроумную предосторожность законода-
теля, которой опасаясь, чтобы его согра-
ждане не сдѣлались изнѣженными и сла-
быми, желалъ, чтобы они и въ нѣдрѣ
самаго удовольствія всегда имѣли предъ
глазами образъ мужества, или можешъ
быть хощалъ скрыть отъ нихъ сладос-
тираспную красоту прелестей, — подвод-
ный камень, о которой и храбрый народъ
можешъ разбиться, также какъ и дру-
гіе.

Хилонъ. Нужно размышлять дол-
гое время, прежде нежели рѣшишься произ-
нести судъ между великимъ человѣкомъ и
шолпою обыкновенныхъ людей.

Пивагоръ. Какъ путешественникъ,
я могу по крайней мѣрѣ сообщить тебѣ
еще одно замѣчаніе. Ваши большія дороги

дурны; не отъ того ли это, что вы по-
ручили за ними смотрѣніе самимъ вашимъ
Царямъ? Правитель, занятый единствен-
но симъ попеченіемъ

Хилонъ. Не забудь, что наши Ца-
ри даюшъ намъ отчетъ. Худое содержа-
ніе большихъ дорогъ происходитъ отъ дру-
гой причины. Мы не хопимъ уравниванъ
проходовъ, ведущихъ къ Спартѣ. Спарта
не естъ торговой городъ. Всѣ законы
Ликурговы имѣютъ свое основаніе.

Пивагоръ. Не онъ ли издалъ за-
конъ, копорой даетъ право Эфору, всту-
пающему въ должность повелѣть гражда-
намъ, чтобы они обрили бороду верхней
губы (*)? не ужели этошъ законъ досто-
инъ свободного народа?

Хилонъ. Такъ! естъ ли нація
не можешъ оспаться независимою,
безъ слѣпаго повиновенія законамъ и Пра-
вительямъ. Эфоръ начинаешъ такимъ об-
разомъ свое правленіе, желая какъ бы
испытать повиновеніе (1), служащее
охраненіемъ общаго благосостоянія.

Пивагоръ. Такихъ постановленій
нѣтъ въ Монархїяхъ; Цари лучше знаютъ

(*) Усы, которые носили Спартанцы.

(1) Плутарх. Разсужденіе о наказанныхъ
поздно. Том. II.

политику: они скрываютъ по крайней мѣрѣ иго подъ цвѣтами, и не столько обуздываютъ народъ.

Хилонъ. Я думаю поже; власпелинъ, наблюдающій свои выгоды, щадитъ невольника.

Пивагоръ. Мудрый Правитель! все рассказанное теперь побою совершилось безъ соучастія многихъ; Геній Ликурга все сдѣлалъ — одного его для всего дѣлалъ.

Хилонъ. Прежде Ликурга Спаршанды были только Греки, такъ жежъ Афиняне, Коринтяне и другіе народы сей часъ свѣта; со времени Ликурга Спаршанды сдѣлались людьми.

Пивагоръ. Не ужели эта переменна Грековъ въ людей была ивореніемъ одного законодателя?

Хилонъ. И одного дня. —

Пивагоръ. Позволь мнѣ еще сказать тебѣ нѣсколько словъ.

Хилонъ. Говори.

Пивагоръ. Чѣмъ наказываете вы гудыхъ гражданъ?

Хилонъ. Посрамленіемъ.

Пивагоръ. Вы уважаете жрецовъ?

Хилонъ. Но они бѣдны.

Пивагоръ. Ликурга укоряютъ въ томъ, что онъ разорвалъ узы семейства.

Хилонъ. Въ Спаршѣ нѣтъ семейства, а только республика.

Пивагоръ. Его укоряютъ еще въ томъ, что онъ подчинилъ оба пола законамъ, слишкомъ суровымъ для одного изъ нихъ.

Хилонъ. Въ Спаршѣ одинъ только полъ!

Пивагоръ. Не думаю, чтобы женщины благодарны были за то законодателю: онъ шутъ перяютъ. —

Хилонъ. Напрощивъ того выигрываютъ: мы унижаемся до нихъ, а ихъ возвышаемъ до себя.

Пивагоръ. Ликургъ опредѣлилъ смертную казнь за изнасилованіе и прелюбодѣяніе; но не рѣдко случается въ Спаршѣ, что одинъ гражданинъ успушаетъ жену свою другому. Нравы и законы здѣсь въ совершенномъ прошиворѣчїи.

Хилонъ. Эхъ! да развѣ не лзя предложить сполу своему прїятелю?

Пивагоръ. Для чего даже въ домахъ бытъ всегда на военной ногѣ? Нельзя ли жить и охранять себя, не угрожая

своимъ сосѣдямъ, или не будучи въ гоповноспи драпьяся съ ними?

Хилонъ. Народъ подобенъ желѣзу колья (1), которе блистаепъ тогда только, когда находишся въ дѣйсвѣи; въ пропивномъ случаѣ оно ржавѣепъ.

Пиагоръ. Какъ! Ликургъ, при всемъ величїи своя души, при всѣхъ пособїяхъ своего Генїя, не думалъ ушвердипъ въ Спаршѣ чиспой Демократїи, народнаго правленїя? Для чего бы не дапъ равную власпъ гражданамъ, всѣмъ равнымъ?

Хилонъ. Одинъ Спаршанецъ того времени далъ эпошъ совѣпъ самому Ликургу. Вошъ отвѣпъ нашего законодапеля: „Начни эпо правленїе сперва ушвердипъ въ швоемъ семейспвѣ.“

Пиагоръ. Мудрый Правипель! я шребую швоего мнѣнїя.

Хилонъ. А я думаю, что Ликургъ учредилъ въ Спаршѣ лучшее еще правленїе, нежели чиспая Демократїя, еспшли только можно оную сдѣлапъ.

Пиагоръ. Ты меня удивляепъ; изьясни мнѣ эпошъ общеспвенной феноменъ.

(1) Клем. Алекс. *Strom.* I.

Хилонъ. Наша Республика соединяепъ и умножаепъ выгоды Демократїи, Ариспократїи и царспва (1), исключая всѣ несовершенспва оныхъ и неудобспва.

Пиагоръ. По этому Ликургъ первой, и — вѣрояпно, долгое время будепъ единспвеннымъ человекомъ, которой опважно рукою дерзнулъ изъ шрехъ главныхъ, извѣспныхъ полишическихъ правленїй, сдѣлапъ одно.

Хилонъ. И сїи шройныя колеса производили свое дѣйспвїе цѣлой вѣккъ съ наиспрожайшею шочносїпю. Кпо сомнѣваепся въ истинѣ сей, шопъ пуспъ сравнпшъ Спаршу при Менелаѣ съ Спаршю при Царяхъ, бывшихъ преемниками паемяника Ликургова. Генїй Ликурга, дышущїй въ его законахъ, сдѣлалъ, да и шеперь еще дѣлаепъ, въ городѣ Спаршѣ перевѣсъ даже и на шрибуналѣ Амфикшїоновъ.

Пиагоръ. Вы достигли уже самой опдаленнѣйшей цѣли; но я опасаюсь будущаго, касательно Спаршы.

(1) Полибїй и Мабл.

Хилонъ. Мудрый только можетъ предвидѣшь оное и онымъ располагать (1).

Пивагоръ. Щаспїе гражданъ служить доказательствомъ хорошаго правленія. Щасптивы ли въ Спартѣ?

Хилонъ. Мы щасптивы въ Спартѣ.

Пивагоръ. И такъ это не трудно.

Хилонъ. Истинное щаспїе можно прїобрѣсть безъ шруда.

Пивагоръ. Проси мнѣ, что я нѣсколько сомнѣвался въ совершенствѣ Ликурговыхъ законовъ.

Хилонъ. Въ Спартѣ не лзя всего дѣлать; но можно говорить все. Наши законы имѣютъ глаза, а не уши.

(1) *Chilo dicebat, futurorum providentiam ratione comprehendere posse, pro uirtute viri.*

Diog. Laërt. I. Vitae philosophorum.

*Путешествіе изъ Спарты въ Пизу,
или Олимпію.*

Между тѣмъ, какъ почтенный старецъ, приходя въ нѣкопорою родъ изснупленія, оставялъ на нѣсколько времени обыкновенный свой лаконизмъ для опроверженія моихъ сомнѣній, — мы продолжали пушь свой чрезъ горы; спрана сія вся усѣяна ими, и пресѣкаема многими ручьями, изъ коихъ одни, направляя теченіе къ западу, плашаютъ дань заливу Мессинскому; а другіе, обращаясь къ востоку, наполняютъ воды Европа.

При входѣ въ одинъ небольшой городокъ, увидя испочникъ, я хотѣлъ прохладить въ немъ свои ноги; женщина, мывшая въ немъ покрывало, сказала мнѣ: „Путешественникъ! не опускайся очень глубоко въ воды сего попока. Ахъ! одна молодая дѣвушка, пришедши почерпнуть воды, упала сюда, и мы не видали ее болѣе; только одно покрывало ея всплыло на верхъ. Ты можешь его видѣшь въ ближнемъ Эскулаповомъ храмѣ. Пролей слезу о несчастной, погибшей въ самую весну своей жизни!“

Доспигши обласпей Мессинїи, мы переправились на паромѣ черезъ Памизъ, и остановились въ Иѳомѣ, славномъ городѣ, находящемся въ сорокъ стадїяхъ отъ исходаща рѣки.

Городъ сей образуешь ограду горы Иѳомы, отъ которой онъ получилъ свое имя. Стѣны довольно изрядны. На главной публичной площади я примѣнилъ статуу Юпитера - избавителя, сдѣланную изъ слоновой кости; отъ времени нѣкоторыхъ части оной отпали. Попробенъ былъ довольно искусной художникъ для возобновленія сего древняго памятника. Другое, гораздо новѣйшее произведеніе искусства, былъ гробъ Ариспомена, послѣдняго изъ свободныхъ Мессинцевъ. Иѳомцы не могутъ повѣрить, чѣобы сей герой умеръ; они съ удовольствїемъ разсказываютъ попохоньку, чѣо тѣнь его блуждаетъ на горѣ, и ожидаетъ только благопрїятнаго случая войны въ новое тѣло, и освободить ихъ злосчастное опечесиво. Я почелъ за обязанность утвердить ихъ въ сей прїятной мечтѣ: сильно впечатлѣвшись въ умъ какого нибудь молодого воина, она могла бы произвести чудо.

Взошедши въ Иѳомскую цитадель, я легъ на покатоши горы, подлѣ испочни-

ка Клепсидры, и занимался нѣсколько минушь воспоминанїемъ благородныхъ дѣяній Ариспомена. Одинъ онъ возбудилъ мужество своихъ согражданъ, и заставилъ препетать всю націю Лакедемона. Герой сей, кажется, опредѣлилъ мѣру человеческихъ силъ.

Въ сей крѣпости мнѣ показывали одинъ памятникъ, коего побѣдители не дерзнули разрушить. Это былъ камень, на которомъ высѣченъ прагматъ (1) раздѣла Пелопонесскихъ земель между потомками Геркулесовыми, когда завладѣли они ими, спуская сполнѣ по взятїи Трои. Спарта немного о немъ думала; но Ликургъ бы его уважилъ.

Одинъ Мессинецъ, примѣпивъ, чѣо меня очень занимаетъ его опечесиво, сказалъ мнѣ, сходя съ горы: „Мы не совѣмъ потеряли надежду. Великій Ариспоменъ, оставляя наши жилища, которыхъ мужество его не могло болѣе защищать противъ превосходной силы непрїятеля, въ мѣдномъ сосудѣ тайно положилъ въ нѣдро сея горы священныя формулы Элевзинскихъ пайнствъ, вырѣзанныя перво-священникомъ Ликосомъ на оловянныхъ

(1) Tacit. *annal.* IV. 43.

свиткахъ (1). Сія божественная книга есть залогъ спасенія Мессиніи; до тѣхъ поръ, пока будетъ у насъ сей Палладіумъ, намъ можно ожидать дня опмищеній. Рано или поздно, онъ наступитъ, ежели боги правосудны. “

Пи а г о р ъ. Не сомнѣвайся; мудрые народы, рано или поздно, возвращаютъ свободу.

Мессинецъ отвѣчалъ мнѣ восклицаніемъ: „да услышатъ насъ Геркулесъ и Тезей, коихъ изображенія освящаютъ сіе мѣсто! “

Я разсматривалъ мимоходомъ сіи двѣ статуи; онъ Египетской работы (2). Нилъ былъ первый учитель Греціи.

Намъ надобно было еще перейти нѣсколько горъ, чптобы достигнуть Иры, мѣста споль известнаго на Элидской дорогѣ, въ обласпи Трифиліи. Рѣка Неда, прикосновенная къ землямъ Аркадіи, Элиды и Мессиніи, орошаетъ подошву горы *Иры*.

Мы не теряли времени на то, чптобы на нее взойти. Сіе послѣднее убѣ-

(1) Павзан. Путеш. по Грец. IV.

(2) Pausan. Mess. XXXII.

жище Мессинской свободы (1) дѣлаешь теперь одни плачевныя напоминанія.

Мы узнали только, чпто одинъ Мессинецъ удалился на гору сію, чптобы памъ надосугѣ сочинять лѣтописи злощасной своей родины. Полизель — такъ онъ назывался — довольно имѣетъ твердоспи духа.

„Пойдемъ поскорѣе, сказалъ мнѣ Хилонъ, принеси жертву Эскулапію въ храмъ, воздвигнутомъ ему жителями Авлона, небольшого города, находящагося при выходѣ изъ обласпи, завоеванной Лакедемонцами.“

„Эпо богъ спариковъ, сказалъ мнѣ улыбаясь начальникъ Спарты; но болѣзнь, удручающая меня, превыше его силы. Какой богъ можетъ пропиву-поспавить могущество свое насиліямъ времени? “

Пи а г о р ъ. Любовь отеческая одолжена тебѣ чудомъ въ Олимпіи; эпо обновитъ твою юность.

Продолжая путешествованіе свое по сухому пуши, мы должны были переправляться чрезъ гору Элайскую, и другія возвышенныя мѣста, освящаемыя по боль-

(1) Иры, нынѣ Каламата. Софіанъ.

шой часпи шелковичными деревьями, которыя въ великомъ вкусѣ находящяся во всемъ Пелопонезѣ (*).

Трудность дороги устрашила Хилона, неперпѣливо желающаго поскорѣе прибыть въ преднамѣреваемое мѣсто. Онъ оставилъ свою колесницу, и мы плыли на лодкѣ по рѣкѣ Недѣ до самаго моря, неподалеку отъ города Пирговъ, гдѣ сѣвши на судно, пустились вдоль берега къ устью Алфея въ Кипарисской заливъ.

Въ продолженіи плаванія, намъ показали въ недалекомъ разстояніи на берегахъ Анигра городъ, поспроенной Лепреосомъ. Это былъ, сказали намъ морскіе служители, такой же большой ѣдокъ, какъ Геркулесъ: они пожирала каждой по быку, и какъ одинъ, такъ и другой, въ самое короткое время; но Лепреосъ не имѣлъ сполько крѣпости и силы, сколько обжирства. Ободренный первымъ своимъ успѣхомъ, онъ осмѣлился вызвать на поединокъ своего соперника въ обжирствѣ, и — Геркулесъ убилъ его.

(*) Посему-то новѣйшіе дали названіе сей провинціи Греческой *Морея*, что значитъ на древнемъ Греческомъ языкѣ *шелковичное дерево*.

Лепреосскіе граждане предпочитаютъ сѣе происхожденіе другому, которое, кажется, гораздо достовернѣе: жителя этого мѣста были подвержены проказѣ (Lépre). Подлѣ себя имѣютъ они лѣкарство отъ сего зла — цѣлебныя воды источника Аренея.

Изъ тайнаго преданія эпои справы я узналъ, что герой — ѣдокъ, имѣя очень мало разбору въ пищѣ, сдѣлался прокаженнымъ, и худыми своими нравами общалъ сѣю ужасную болѣзнь цѣлой страны. Онъ заразилъ почти всѣхъ женщинъ, которыя съ нимъ общались. Геркулесъ считаесть его между чудовищами, отъ которыхъ очистишь землю.

Памятники мѣста сего состоятъ въ одномъ вѣпхомъ каменномъ храмѣ, посвященномъ Юпитеру; и другомъ Церериномъ, поспроенномъ изъ необдѣланныхъ кирпичей, и большей часпи гробницъ. На одномъ изъ нихъ изсѣчено изображеніе челоуѣка, держащаго въ рукѣ лиру; пѣшіе путешественники нарочно сворачиваютъ съ дороги, чтобы посмопрѣшь сѣю спасую.

Въ эпои же споронѣ, на берегахъ не большаго ручья, намъ показали издали городъ Пилосъ, которой споритъ съ Пилосомъ Мессинскимъ, присвоая

себѣ честь, будто бы въ немъ былъ Государемъ почтенный Неспоръ. Гомеръ подалъ случай къ такому соперничеству, означивъ неопредѣленнымъ образомъ опечесство самаго мудрѣйшаго изъ Греческихъ военачальниковъ.

Мы не оспанавливались ни подлѣ мыса Самійскаго, ни подлѣ города того же имени; оставивъ въ лѣвѣ Спрофадскіе или Плопеевы острова, пустились на всѣхъ парусахъ прямо къ городу Сдиллунпу, лежащему на лѣвомъ берегу рѣки Селина, коея воды служатъ благопвореніемъ для сей сухой земли, представляющей глазамъ одни пески, усѣянные дикими соснами. Въ этой охотничьей странѣ много водится оленей и кабановъ.

На краю горизонта, проспирая далѣе взоръ, видна въ пару вершина горы Типея, — высокой утесъ, съ котораго низвергающъ женщинъ, присудсповавшихъ на Олимпійскихъ играхъ. Эллане въ разсужденіи сего имѣющъ особенный законъ, копорой кажется весьма мудрымъ: женщинъ нѣтъ мѣста среди великаго спеченія мужчинъ, особенно Аплеповъ.

Благопріятный вѣпръ ввелъ насъ въ воды Алфея (1), и помогаль намъ плышь

(1) Страб. Геогр. VI.

вверхъ по сей прекрасной рѣкѣ до самаго города Пизы; шупъ сія рѣка находилъся въ полной ширинѣ своей, принявши дани отъ многихъ нарочитыхъ ручьевъ, текущихъ отъ сѣвера и полудня. Въ продолженіи сего послѣдняго и спокойнаго плаванія, Хилонъ разговариваль со мною объ Олимпійскихъ играхъ съ обстоятельспвами, неизвѣспными простому народу. Страна, въ коей мы находимся, съ давнихъ временъ посвящена Сатурну, и имѣетъ храмъ его; первоначальнымъ богослуженіемъ въ оной было почитаніе Солнца, коего имя носилъ городъ Элида. Тамъ праздновали двенадцать его подвиговъ, служащихъ символами годовыхъ мѣсяцовъ. Геркулесъ, основатель сего богослуженія, копорое онъ распроспранилъ по всей вселенной, первый успановилъ игры, привлекающія насъ сюда. Ему одолжены размѣреніемъ Олимпійской спадіи, копорой длину онъ назначаль мѣрою своей ноги, повшоренною шестъ сотъ разъ. Общая Греческая спадія точно така же, только нѣсколько покороче.

Пиоагоръ. Безъ сомнѣнія попому, что Греки измѣряли своими ногами. Опсюда можно вывести заключеніе, что ве-

ликій Алкидъ былъ въ самомъ дѣлѣ больше другихъ людей (1).

Это напоминаетъ мнѣ, что во время путешествія моего по Египту, въ Кемисѣ Фиваидскомъ мнѣ показывали сандалій, копорой служилъ обувью одному высокорослому человѣку въ шой спранѣ (2): онъ былъ длиною въ два локтя. Повсюду любящъ чудесное, даже и у самыхъ Скиѳовъ. Они показываютъ чуже-

(1) Пизагоръ открылъ, какого роста былъ Геркулесъ. Измѣрявъ Пизскую стадію, копорой мѣру назначилъ Геркулесъ шесть сотъ своихъ слѣдовъ, и сравнивъ ее съ общею Греческою стадіею, копорой длину полагали другіе Греки въ шесть сотъ слѣдовъ своихъ, онъ нашелъ, что сія послѣдняя короче Пизской. Отсюда заключилъ, что такое же различіе въ величинѣ, какое находилось между стадіею Олимпійскою и стадіею общею, должно находиться между ногою Геркулеса и ногою другихъ людей; а узнавши такое различіе въ величинѣ ноги, онъ открылъ потчасъ, по необходимому заключенію, и о величинѣ цѣлаго тѣла, которая обыкновенно соразмѣрна величинѣ ногъ. *Huet. pensées div.*

(2) Геродот. II.

спранцамъ слѣдъ ноги Геркулесовой на камнѣ; нога героя, въ Скиѳи, имѣетъ въ длину болѣе чепырехъ ладоней.

Довольно другія успановленія умаляющъ человѣка: хорошо, что естъ еще между пѣмъ нѣчто, что даетъ ему высокую идею о самомъ себѣ.

Хилонъ. Геркулесъ поставилъ двенадцать судей, по числу племенъ Элидскихъ. Замѣтъ, прибавилъ спарецъ, что только когда солнце всступаетъ въ знакъ Водолея, въ седьмомъ мѣсяцѣ, бываетъ полнолуніе лѣшняго солнечнаго возврата, во время коего обыкновенно происходятъ Олимпійскія игры. Онъ такъ называется отъ имени луны, сіяющей въ полномъ блескѣ при открытіи мирныхъ сраженій, коихъ наградою естъ олива. Послѣ таинствъ Элевзинской Цереры, нѣтъ заведеній, копорыя болѣе приносили бы славы для Греціи.

Нѣсколько прежде, нежели мы достигли предѣла своего путешествія, намъ показали на берегахъ Алфея пригорокъ, гдѣ было первое собраніе винограда (1). Одинъ тамошній земледѣлецъ сказалъ

(1) Афиней, *deipnos.* I.

мнѣ, касательно сего предмета: „Игры Олимпійскія прекрасны, но безплодны. Не такова виноградная лоза: она вознаграждаетъ за пошъ, надъ нею проліянной!“

 IX.

Топографія города Олимпіи.

По прибытіи въ Пизу (1), иначе называемую *Олимпією*, по причинѣ кругловиднаго ея расположенія (2), первый предметъ, привлекшій мое вниманіе, былъ Юпитеровъ храмъ, находящійся въ одной болотистой рошѣ. Онъ построенъ былъ изъ мрамора, обдѣланнаго наподобіе кирпичей, и покрытъ черепицами изъ того же камня. Бизесъ, уроженецъ сей страны, первой вздумалъ соорудить такимъ образомъ.

Колонны, а особливо статуи сего священнаго зданія, не показываютъ совершен-

(1) Пиза есть столичной городъ въ Эмпруріи, или Тосканѣ. См. *Cenotaphia Pisana*, Кардинала Нориса.

(2) Плутарх. *Rom. Fabius pict.* II.

ства въ искусствѣ. Въ преддверіи повѣшена мѣдная доска, на которой первой начальникъ Спарты далъ мнѣ замѣшную слѣдующую надпись: „Ликургъ, современникъ Ифита, много споспѣшествовалъ къ тому, чтобы опмѣнены были воинскіе подвиги въ празднованіе Олимпійскихъ игръ (1).“

Поспавленный въ равномъ распояніи отъ жертвенниковъ Пелопа и Юноны, жертвенникъ Юпитеровъ не состоилъ ни изъ камня, ни изъ мрамора, ни изъ бронзы, оправленной слоновью костью. Эпока пепла, оспающагося отъ приносимыхъ жертвъ, походя на печи, сдѣланныя на скорую руку во многихъ мѣстахъ Африки. Причина сего Геркулесова учрежденія неизвѣстна. Пепелъ сей перемѣшивается съ кровію закланныхъ животныхъ. Мушкетеры только одни могутъ приближаться къ святылицѣ, которое мѣшало желѣзникомъ сморщивать капища. Я не хотѣлъ принести шуда жертвы. Благоніе, во множествѣ шамъ сожигаемыхъ, не могутъ заглушить запаха мясъ.

Геркулесъ еще основалъ шамъ богослуженіе *Юпитеру-мухолову*, или богу

(1) Плутарх. *Ликург. жизнь.*

мухъ (*); — дабы у него испрашивать оплученіе сихъ крылатыхъ насѣкомыхъ во время торжественныхъ обрядовъ. Великіе люди не оспаляли безъ вниманія самыя мѣлочи. Цѣлаго быка нарочно изрубали для того (1), чпобы накормить мухъ, и опчнать ихъ опъ жерпвѣ.

Подлѣ жерпвенника Юпиперова, воздвигнушь былъ жерпвенникъ *богамъ невѣдомымъ*. Сія набожная предоспорожностъ привела меня въ смѣхъ. Но его посѣщающъ болѣе, нежели жерпвенникъ *Согласія*. Не забыло также святилище богу *благовременности*; оно находится не подалеку опъ двухъ жерпвенниковъ, посвященныхъ Граціямъ и Музамъ.

Позади большаго храма я спомрѣлъ *оливу прекрасныхъ вѣнковъ*, такъ названную попому, чпо сіе прекрасное дерево доспавляетъ вѣшви, увѣнчавающія чело Олимпійскихъ побѣдителей. Геркулесъ

(*) Можетъ быть никто не знаетъ, чпо слово *Велзевулъ*, имя Іудейскаго идола, значитъ *господа мухъ*; но чрезъ слово *мухи* въ восточномъ стилѣ разумѣютъ *людей*; чпо кажется гораздо шовѣе, нежели Юпитеръ *Аломій* въ Пизѣ.

(1) Авиной, *deipnos*. I.

первой получилъ пакой вѣнокъ (1). Дикая олива пріосѣняетъ группу часовъ, Нимфъ, и спашую Геркулесову. Сіе символическое расположеніе напоминаетъ Апелшамъ, чпо *точностъ* (часы), *сила* (Геркулесъ) и *догъ презвостп* (*) долженспвущюшъ приготавливать ихъ къ битвамъ. Дабы дополнить сіе наспавленіе, Парки почпи шущъ же на дорогѣ, ведущей къ предѣлу спадій, имѣющъ жерпвенникъ, и предувѣдомляющъ объ опасностяхъ, сопровождающихъ неблагоразуміе или безразсудностъ.

Изъ различныхъ богослуженій, раздѣляющихъ өмїамъ, воскуряемый смерпными, ни одно не имѣетъ споль важнаго начала, какъ Юноино въ храмѣ сея великія богини въ Пизѣ. Граждане сего города, и прочіе жптели Элиды, были между собою во враждѣ. Они уговорились предать сіе на судъ женщинамъ дознанной добродѣтели, выбраннымъ по одной въ каждомъ изъ шестнадцати городовъ своей обласпи. Сей Сенатъ женъ успѣлъ воспановить доброе согласіе. Въ награду за

(1) Плин. *Истор. Натур.* XVI. 40.

(*) Водяныя Нимфы, или вода, употребляемая для разшворенія вина.

ихъ попеченія, имъ предоставили честь бытъ распорядительницами игръ, празднуемыхъ Греческими женщинами въ честь Юноны. Сїи шестнадцать жрицъ обязаны сверхъ сего вышивать покрывало, подносимое въ каждыя пять лѣтъ священной супругѣ Юпитера.

Я присутствовалъ при сихъ торжественныхъ бѣганьяхъ Греческихъ дѣвицъ. Развязанные ихъ волосы съ прїямносію развѣваются въпромъ; онѣ носятъ пуну, опущенную ниже колѣнъ; правое плечо обнажено до самой груди. Я видѣлъ, какъ онѣ пробѣгали Олимпійскую спадію, коея пупъ сокращенъ былъ для нихъ шестою долею. Въ продолженіи моего путешествія никогда не представлялось мнѣ такого прекраснаго и непорочнаго зрѣлища! Невинное соревнованіе есть единое чувство, одушевляющее сію быструю сцену. Здѣсь нѣтъ ничего оскорбительнаго для взоровъ и мыслей. Натура, кажется, улыбается наилучшему своему произведенію; она открываетъ очаровательныя прелести, съ копорыми никогда не можетъ сравниться искусство. Оливной вѣнокъ достался одной Лакедемонянкѣ, которая приняла его съ досподолжною скромностію.

Главной предметъ во внутренности храма Юнонина есть спашуя сей богини, предсавленной сидящею на тронѣ. Юпитерь изображенъ споящимъ подлѣ нее. Сїи различныя положенія сдѣланы не безъ намѣренія; онѣ предсавляютъ свойства каждаго пола. Все изъ золота и слоновой кости; но работа нѣсколько груба.

Фамилія, прежде царствовавшая въ Коринѣ, въ память Кипсела прислала Олимпійской Юнонѣ подарокъ, состоящій изъ кедроваго ящика, наполненнаго небольшими изображеніями живоныхъ изъ дерева и слоновой кости.

Храмъ Юноны предсавляетъ особенностъ, копорой мнѣ не могли изъяснить. Задняя часть онаго поддерживается двумя столбами, изъ коихъ одинъ сдѣланъ изъ камня, покрытаго мраморомъ, а другой изъ дуба.

Мнѣ показывали метательной кружокъ (1) Ифипа (2), одного изъ числа возобновителей Олимпійскихъ игръ, на

(1) Павзан. Путешест. въ Эллад.

(2) За двадцать пять лѣтъ до основанія Рима, по словамъ Климеита Александрійскаго. Strom. I.

копоромъ вырѣзаны законы и дневныя записки сего великаго учрежденія.

Нѣсколько статуя посвящено Юпитеру въ Алшисѣ (такъ называется его священная роща). Я замѣтилъ изъ нихъ одну, — дань признательности Лакедемонцевъ послѣ знаменитой побѣды, полученной въ Мессиніи.

Сіе изображеніе, имѣющее шесть футовъ въ вышину, поставлено на горѣ Сатурновой, лицомъ къ востоку; надпись даетъ ему прозваніе *Плебана*, или *друга народнаго*. Народъ, сдѣлавши себѣ боговъ по своему образу, придаетъ имъ и свои недоспапки.

Элаиты, колонія, пришедшая съ береговъ Каиха къ морю для занятія Эоліи, поставили Юпитеру же изваяніе, представляющее его безъ бороды, по видимому для того, дабы означить, что боже-ства не спаряются, или что не имѣютъ пола.

Еще подлѣ стѣнъ, окружающихъ Алшисъ, находилъ Юпитерова статуя, но безъ надписи. Она обращена лицомъ къ востоку — конечно съ какимъ нибудь особеннымъ намѣреніемъ.

Въ священной рощѣ построены Сенатъ, или Трибуналъ судейской. Главнымъ укра-

шеніемъ онаго служитъ *Юпитеръ клятво-венный*. Видъ сего бога вдыхаетъ ужасъ; обѣ руки его вооружены перунами. Передъ нимъ Аплеты, съ своей роднею и начальниками, клянутся надъ дымящимися внутренностями свиньи, что они будутъ удерживаться отъ всякаго обмана, и не хотятъ хитростію пріобрѣсти награды Олимпійскихъ игръ. Они утверждаютъ въ то же самое время, что они десяти мѣсяцовъ провели въ ученіи и упражненіи. Судьи обѣщаются также, что они не допустятъ себя подкупить при смотрѣ молодыхъ бѣгуновъ, назначенныхъ войти на ристалище. Жершвы не ѣдятъ; по древнему заведенію воздерживаются отъ всего того, надъ чѣмъ провозглашена была клятва; нарушить сіе, значило бы неуважить и самой клятвы.

И всѣ сіи важныя приготовленія для игръ! но сіи игры имѣютъ право основать всякое непріятельское дѣйствіе. Подъ ногами сего Юпитера *Оркія* (клятвенника) меня засадили прочесать проклятіе на вѣроломныхъ. Я не видывалъ по сихъ поръ проклятія на народовъ и Царей, позволяющихъ себѣ несправедливыя брани.

Они потеряли преданіе о Геркулесѣ и Немейскомъ львѣ, коихъ группа видна

при концѣ священной дороги, ведущей изъ Пизы въ Элиду.

Историческій и самый любопытный есть памятникъ девяти Греческихъ полководцевъ, которые бросали свои имена въ шлемъ Неспоровъ, чтобы узнать, кому изъ нихъ доспашется сразиться съ Троянскимъ Герсемъ, супругомъ Андромахи. Сии десять лицъ представлены на томъ же меденалѣ. Группу сію внесли въ рошу Юпитера Олимпійскаго жители Ахаи.

Щедрые оспровишяне *Оаза* (1), произшедше родомъ изъ Финикіи, отъ себя также прислали подарокъ, состоящій въ бронзовой шапукѣ, вышиною въ десять лакшей. Она представляетъ Тирскаго Геркулеса, вооруженнаго дубиною и лукомъ: работа Онасаса Эгинскаго, сына Миконоса, ваятеля доспойнаго похвалы.

Мессинцы, желая обезсмертить память сраженія, выиграннаго ими у Лакедемонскаго народа на оспровѣ Спартеріи, поставили столпъ въ Пизѣ; но изъ уваженія къ своему непріятелю, всегда спрашному, хоня и побѣждаемому, не смѣли сдѣлать надписи.

(1) Герод. Истор. II.

Сей поступокъ при первомъ взглядѣ показался мнѣ низкимъ и суешнымъ. Аристотель никогда не позволялъ себѣ дѣлать подобныхъ.

Между полкаго числа шапукъ не забыты и Орфеева, Гомерова и Гезіодова; къ симъ присоединены Минервина и Бахусова. Я люблю, что наблюдающъ прищойности.

Почти всѣ Аплеты, бывшіе побѣдителями на Олимпійскихъ играхъ, имѣющъ свои шапуки въ Алписѣ, такъ что ихъ почти столько же, сколько деревъ.

Я остановился на минушу прочесть надпись шапуки одного Самосца, копорой получилъ награду на кулачномъ бою, и копорой заслужилъ другую за свою скромность. Въспо его имени поставлено имя его опечесова. „Оспровишяне Самоса, тамъ сказано, опличаются между всѣми народами Іоніи, и всегда одерживаютъ верхъ на морскихъ сраженіяхъ.“ Я не смотрѣлъ такимъ глазомъ на изображение Поликратово.

Подлѣ сихъ монументовъ, напоминавшихъ мнѣ мою родину, я примѣтилъ другой, копорой испребилъ непріятное впечатлѣніе, произведенное во мнѣ ими.

Это изображеніе молодого Ахейца и его учителя. Юноша, побѣдившій на кулачномъ бою всѣхъ своихъ сверстниковъ, захопѣлъ раздѣлить славу свою съ шѣмъ, отъ кого получалъ уроки.

Мнѣ показали другой предметъ, очень достойный вниманія: группу отца, несомата на плечахъ двухъ сыновей своихъ, бывшихъ въ тотъ же день побѣдителями на Олимпійскихъ играхъ, — вѣрное предствленіе того, что происходило на играхъ въ Пизѣ, со времени побѣды сего Мессинскаго семейства, коего матерью была дочь мужественнаго Аристомена. Но не возможно было изобразить всѣхъ Грековъ, осыпая цвѣтами послупокъ сихъ героевъ сыновней любви.

Близъ сего, я читалъ на доскѣ одной спатуи борца: „Евпелидъ Спартанскій „получилъ награду за борьбу о юности, „въ тридцать осьмую Олимпіаду.“

На вершинѣ одной колонны я примѣтилъ колесницу посредственной величины. Мнѣ сказали, что она принадлежитъ Полифиду Лакедемонянину. Отецъ его Каллипелесъ изображенъ на томъ же монументѣ. Оба они заслужили оливной вѣнокъ: одинъ на конскомъ ристалищѣ, а другой на кулачномъ бою среди рядовъ народа.

Попомъ я пошелъ осматривать сокровища при подножїи Сапурновой горы, принесенныя народами Греціи въ дань Юпитеру Олимпійскому.

Сначала я замѣтилъ два небольшихъ священица, сдѣланныхъ изъ мѣди: одно Ионическаго, а другое Дорическаго ордена. Они не равной величины. На меньшемъ я читалъ: „Сиціонцы, желая сохранить „память Мирона, своего Царя, бывшаго „побѣдителя на бѣгу колесничномъ въ „тридцать прешю Олимпіаду, посла- „вили сей памятникъ вѣсомъ въ пять „сотъ талантовъ.“

Между прочими драгоценными дарами мнѣ показали золотой мечъ Пелоповъ, и рогъ Амалеи изъ слоновой кости (1). Оба сїи подарка отъ Мильпїада, сына Кипселова, Царя Фракїи и Херсонеса.

Далѣе находится спатуя Аполлонова, съ позолоченною головою: дань благочестія Локрїанъ, народа живущаго близъ мыса Зефирскаго.

Селинунцы, народъ Киликїйской, прислали изображеніе Бахуса, у котораго голова и ноги сдѣланы изъ слоновой кости.

(1) Герод. Истор.

Спатуя Эндимиона, даръ щедрыхъ гражданъ Меланонна, вся изъ слоновой кости, кромѣ плащя.

Опѣ жипелей Мегары, на границахъ Алпики, получены въ довольномъ количествѣ небольшія спатуи боговъ обоого пола, — всѣ изъ кедроваго дерева, изпещренныя золотыми цвѣтами.

Взошедъ на вершину Сатурновой горы, я нашелъ тамъ жрецовъ сего древняго божества, называемыхъ особеннымъ именемъ *Василы*; въ мѣсяцѣ Овна, во время равноденствія, они дѣлаютъ большой праздникъ, — драгоценный оспашокъ аспрономическаго богослуженія, въ чемъ не сомнѣваются они и сами.

При подѣшвѣ горы, съ сѣверной стороны, представляется взору храмъ Олимпійской Луцины. На фронтонѣ преддверія изваянъ новорожденный младенецъ, весь нагой. Внизу подписано: *Сосилолибъ* (спаситель города). Жрица, копорая тогда не была при своей должности, но только еще приговлялась къ оной и развертывала свое бѣлое покрывало, объяснила мнѣ это въ слѣдующихъ словахъ:

„Жипели Аркадіи сдѣлали впаденіе въ Элиду. Противъ ихъ вооружаются на

скорую руку. Сраженіе уже начиналось, и Элидяне, худо проговорившіеся къ оному, непременно были бы побѣждены. Вдругъ одна Элидянка спанившись среди двухъ армій, держа въ рукахъ у груди своей младенца. Аркадцы при семъ зрѣлищѣ дѣлаются неподвижными, и тотчасъ возвращаются назадъ въ свою землю, говоря, что они не пришли сражаться съ младенцемъ. Воишь начало богослуженія, коего опправление возложено на меня.“

П и о а г о р ъ. Жрица! оно дѣлаетъ честь и основавшимъ и опправляющей оное.

Я пустился по дорогѣ, крышой для судей и Аплетовъ, и подошелъ къ поприщу; на одномъ концѣ сей длинной перрасы находится мѣсто, обведенное канатомъ, копорое называютъ *сборомъ*. Тутъ собираются рапоборцы ожидать сигнала, даемаго бронзовымъ орломъ, коего крылья распускаются съ помощію тайныхъ пружинъ.

Противъ мѣста поприща, гдѣ спаниваются судьи, во всю длину площади, земля напурально возвышается и дѣлаетъ амфитеатръ для толпы предсвоящихъ.

Я имѣлъ очень довольно времени вникнуть подробно въ принадлежности

Олимпійскаго торжества. Хилонъ распался со мною, чтобы повидаться съ сыномъ, и присушествованъ на предварительныхъ экзерциціяхъ Аплетовъ.

X.

Пивагоръ на Олимпійскихъ играхъ.

Наконецъ игры открылись. Вся Греція и окрестныя страны хощащъ бысть свидѣтелями оныхъ. Это такое изсупленіе, съ которымъ ни что сравниться не можетъ. Первая побудительная причина сего блистательнаго учрежденія давно уже изгладилась въ мысляхъ у всѣхъ; при всемъ томъ, великолѣпіе зрѣлища, спеченіе зритель, чудеса ловкости и силы Аплетовъ, пышность наградъ, и благочестивый видъ, прикрывающій сіе полипическое торжество, — все сіе приводитъ въ восхищеніе самыя хладныя души предъстоящихъ, особливо чужестранцевъ. Греція не боится вооруженія противъ нечѣлаго Свѣна, есмьли празднуешъ со всѣмъ усердіемъ и во всемъ блескѣ Олимпійскія игры. Я не знаю ни одного національ-

наго праздника, которой бы былъ болѣе приспособленъ къ духу народовъ.

Я присушествовалъ на всѣхъ сраженіяхъ, располагаемыхъ по законамъ правоты. *Агоноеты* хваляща сею добродѣтелию (1). Сіи судьи суть почтенные спарты, одѣтые въ порфиру. Они носящъ въ рукахъ скипетръ изъ слоновой кости. Правители колесницъ обыкновенно опускающъ предъ ними свой бичъ, когда идушъ они мимо. Каждой изъ пяти дней, посвященныхъ играмъ, былъ ознаменованъ занимательнѣйшимъ произшествіемъ. Я былъ свидѣтелемъ одного приключенія, которое имѣетъ свою цѣну. Одинъ Коринѣянинъ при самомъ началѣ своего бѣга падаешъ съ лошади; это была *Элирская* кобылица, называемая *Аврою* (2). Не смотря на то, что на ней не было всадника, она продолжаетъ свой путь. Я видѣлъ, какъ она обернулась около столба съ такою же ловкостью, какъ бы берегла своего правителя. При звукѣ трубы, она усугубляешъ свои силы, бодростъ и проворство; выпереживаетъ всѣхъ бѣгуновъ, первая достигаешъ

(1) Plutarch. *Flamin.* Lucian. *Anacharstide.*
Dion. Cassius. *Lexicon Pitisci.*

(2) Сервій in Virgil *Georg.* I.

мешы, и какъ бы чувствую, что она выиграла побѣду, оспанавливаясь предъ судьями и ожидая должной награды: она раздѣлила съ своимъ хозяиномъ рукоплесканія восхищенныхъ зрительей; сверхъ сего Сенатъ игръ опредѣлилъ пославить снапую сему четвероногому побѣдипелю. Между шѣмъ привязали вѣнокъ къ ея гривѣ, украшенной уже золотыми цѣпочками.

Чудо другаго рода ознаменовало впокой день. Кропонецъ, по имени Милонъ (1), сынъ Діотимовъ, явился на Олимпійскомъ поприщѣ, гдѣ онъ увѣнчанъ былъ уже шесть разъ. Въ рукахъ у него было гранатовое яблоко. „Эпо тому, сказалъ онъ, кпо будетъ въ силахъ у меня оное опнять.“ Многіе соперники подошли къ нему, и согласились на поединокъ. Тогда Милонъ, сдѣлавши изъ пальцевъ своихъ нѣкопное подобіе клѣпки, сберегъ плодъ невредимымъ и неизмятымъ (2), не смотря на непрерывныя усилія всѣхъ противоборцевъ; ни одинъ изъ нихъ не могъ ни разогнуть его пальцевъ, ни завладѣть яблокомъ.

(1) Павзан. Путеш. по Греціи. Элида.

(2) Плин. Истор. Natur. VII. 20.

Эпо было шолько начало. Онъ спалъ на мешапельной кружокъ, облишой масломъ, и держался на семъ скользкомъ камнѣ, съ котораго не возможно было его спихнуть. Онъ оспался неподвиженъ, и ушомилъ своихъ соперниковъ.

Переминивъ положеніе, онъ закидываетъ назадъ правую руку, разкрываетъ ладонь, поднимаетъ большой палецъ, а прочіе сжимаетъ такъ крѣпко, что ни одинъ Аплетъ, принимаясь по очереди, не могъ опвесити мизинца опъ другихъ пальцевъ, къ которымъ онъ прилетѣ.

Видя, что площадь пуспа, онъ вздумалъ показать еще новый опытъ необычайной силы, которая ему дана была опъ Природы, и копорую онъ умѣлъ пріумножить и сохранить посредствомъ частыхъ упражненій. -- Въспо повязки на волосахъ своихъ, онъ обвязалъ крѣпко голову веревкою; попомъ удержалъ дыханіе. Тогда кровь прилилась къ его лбу, и шакъ напружила жилы, что веревка лопнула. Наконецъ, обведши около себя кругъ (1), въ зывалъ всѣхъ Аплетовъ выпѣснить

(1) Сія черта силы приписана Эліаномъ Демократу, или Демократу.

себя изъ онаго; но никто не могъ съ нимъ сладить.

Всѣ зрители были руками и ногами ошъ удивленія и радости. Милонъ вздумалъ довершить это послѣднимъ подвигомъ. „О Греки! вскричалъ онъ на срединѣ поприща: вы почтили меня спатуей, безмернымъ произведеніемъ Дамеаса, моего соопечеснвенника; я желаю самъ нести оную въ священную роццу Юпитера Олимпійскаго, гдѣ опредѣляете вы ей мѣсто. Пусть пойдутъ за нею въ мастерскую ваятеля.“ — Многие сильные Эліане опряжены были распорядителями игръ исполнивъ желаніе Милоново. Изнемогая подъ тяжестью сего мрамора, они съ прудомъ могли допачить его до поприща, гдѣ ожидалъ ихъ Крононецъ; предстоящіе сомнѣвались въ успѣхѣ сего предпріянія, которое казалось имъ безразсуднымъ. Многие говорили: „Милонъ самъ помрачитъ свои лавры. Любовь къ славѣ возноситъ его выше мѣры.“

Но онъ, дабы собрать свои силы, раздвинувъ ноги наклоняется и поднимаетъ спатую руками, у коихъ напряжены были всѣ мускулы; спавивъ ее на одно колѣно свое, какъ будто бы на подножіе, дабы отдохнувши; послѣ напряженія всѣ способности своего тѣла, попихоньку кладетъ мраморъ на

лѣвое свое плечо; нашедши средину, и чувспвуя бремя въ равновѣсіи, онъ идетъ, сказавъ зрителямъ: „Греки, на меня смотрящіе! послѣдуйте за мною.“ — Толпа устремляется по слѣдамъ его, и Милонъ оканчиваетъ сей великій подвигомъ, пославивъ собственную свою спатую на мѣстѣ, ему показанномъ. Судьи, сопровождавшие его, увѣнчали его на томъ же мѣстѣ; и всякой едва могъ вѣривъ глазамъ своимъ.

Милонъ въ этотъ день украсилъ свой поясъ множествомъ *лѣтущихъ* камней (1).

Одинъ зависливой, споявшій подлѣ меня, сказалъ мнѣ пихонько: онъ всей своей силой одолженъ имъ.

Я отвѣчалъ ему: а я починаю ихъ символомъ. Милонъ, безъ сомнѣнія, пріобрѣлъ право сравниться съ сею ппицею (пѣпухомъ), которая одна изъ всѣхъ умѣетъ наилучшимъ образомъ сражаться.

Посмотрѣвъ еще на всѣ сіи буйспвенныя упражненія, я сдѣлалъ замѣчаніе, ко-

(1) Сіи камни, величиною съ бобъ, находятся въ зобѣ или печени пѣпуховъ. Плин. *Истор. Нам.* XXXVII. 10.

порое не служишь къ хвалѣ сей столько превозносимой гимнастики, копорую называютъ весьма способною къ опкрышю въ человѣческомъ тѣлѣ прекрасной спройности, дарованной ему Природою. Борцы и кулачные бойцы очень сухощавы, начиная съ лядвей до ногъ (1); между тѣмъ какъ верхнія часпи у нихъ имѣють величину необычайную. Напротивъ того скакуны и скороходы очень сухи съ головы до лядвей, а нижнія часпи тѣла у нихъ довольно дородны. Безъ сомнѣнїя потому, что питательные соки усремляются наиболѣе въ тѣ мѣста, гдѣ бывають самыя величайшія и непрерывныя напряженїя.

Сие замѣчанїе не укрылось отъ законодателя Солона (2), копорой никогда не говорилъ въ пользу Аплесовъ. Онъ не хотѣлъ излишества ни въ чемъ.

Одинъ молодой человекъ, копорой безъ сомнѣнїя поймалъ нѣсколько словъ, произнесенныхъ мною въ спорону, подошелъ ко мнѣ и сказалъ :

(1) Ксенофон. *Пиръ Сократовъ*.

(2) Дюг. Лаэрт. *Жизнь Сол.*

Я Ксенофанъ, сынъ Ореоменовъ, уроженецъ Колофонской (1): позволь мнѣ прочесть тебѣ нѣсколько стиховъ, вдохновенныхъ дѣмъ самымъ зрѣлищемъ, копорое погружаетъ тебя въ размышленїе (2); вопъ они: „Какъ! гражданинъ за то, что былъ побѣдителемъ на берегахъ Алфея, спановишся почтеннѣе другихъ? сверхъ того, въ циркѣ ему дають первое мѣсто! Живя на иждивенїи своего города, онъ получаетъ подарки, принадлежащїе болѣе мочности лошадей, нежели его силъ: а для гражданина добродѣтельного ничего такого нѣтъ! такъ сппановили сппанные законы. Не предпочтительнѣе ли мудрость человѣческой силъ и легкости лошадей? Жители какого-нибудь города щасливѣе ли отъ того, что онъ въ спѣнахъ своихъ заключаетъ побѣдителя на Олимпійскихъ играхъ?“

П и а г о р ъ. Молодой человекъ! ты рожденъ для мудрости (3); продолжай заниматься ею.

(1) Спраб. *Геогр.* XIV.

(2) Аэней Turreil, *préface sur Démocrate*.

(3) Дюг. Лаэрт. *Vita Philosophorum*.

По утру на прешій день игръ сдѣлался великой шумъ на концѣ холма, служащаго амфитеатромъ ипподрома. Я направилъ туда пошчасъ шаги свои; вокругъ меня говорили: „Ѳесписъ прѣхалъ! онъ будетъ спорить о наградѣ за драматическую Поэзію; онъ привезъ съ собою новое сочиненіе; пойдѣмъ въ *Лалихтіонъ* (Гимназію) слушать его.“

Я пришелъ туда съ такою же ревностію, какъ и народъ, восхищаемый новымъ родомъ Поэзіи, которой мысль Ѳесписъ взялъ изъ безсмертныхъ стихотвореній божественнаго Гомера. Я едва могъ найсти себѣ мѣсто въ Гимназіи. При первомъ извѣстіи о появленіи трагическаго Поэта всякой спѣшилъ занять мѣсто впереди подъ сводами сего храма, коимъ повидимому принадлежалъ Геркулесу. Его спашуя занимала свящаница, украшенное мраморнымъ барельефомъ, представляющимъ группу Музъ.

Наконецъ явился Ѳесписъ, сопровождаемый ученикомъ своимъ Фриникомъ (1) и

(1) Аѳинскій Трагическій Стихотворецъ, которой первой ввелъ на театрѣ ролю женщинъ. *Свидѣ.*

множесловомъ клѣншомъ своихъ, согражданъ Аѳшики (*), гордящихся, что они даровали Греціи изобрѣшеніе Трагедіи (1). Онъ несъ въ рукѣ длинной жезлъ, оправленной слоновою костью, наподобіе скипетра. Изъ почтенія къ нему, всѣ вспали (2) передъ нимъ, и дали ему дорогу къ подножію спашуи. Спавъ на спупень свящаница, онъ далъ знакъ рукою къ молчанію. „О Греки! сказалъ, собравшіеся въ Пизу для празднованія Олимпійскихъ игръ! прежде прочтенія сочиненія, представляемаго мною на ваше сужденіе, принесемъ дань верховному Поэту! я почерпнулъ это въ высокихъ пѣсняхъ любимца Музъ. Онъ руководствовалъ меня въ новомъ пуши, открытомъ мною; ему одолженъ я одобреніями, коимъ моя Драма *Алцеста* получила въ Аѳинахъ. Фриникъ! читай опривокъ Иліады.“

Не смотря на свою неперпѣливостъ, собраніе слушало въ благоговѣйномъ молчаніи. При концѣ сего чпенія начали съ восторгомъ рукоплескать. Попомъ слы-

(*) Ѳесписъ былъ отъ Икарскаго поколѣнія.

(1) Горац. *de arte Poët.* стих. 275.

(2) Гомер. *hymn. Apol.* п. 5. Pausan. *Arcad.*

шанъ былъ всеобщій крикъ: *Θεσπιδ!* *Θεσπιδ!*

Поэтъ Апшики, развертывая свитокъ бумаги, находящійся въ рукъ его, произнесъ: „Юпитеръ Олимпійской! благопріяпспуй мнѣ. Геркулесъ, предводитель Музъ! я предспавилъ въ дѣйствіе одно изъ твоихъ благодѣяній: доставъ мнѣ награду Олимпійскихъ игръ, основанныхъ тобою.“ — Пошомъ декламировалъ новую свою Драму. Выборъ предмета, проспоша въ расположеніи, имена Геркулеса и Прометея, живое и плабнипельное выраженіе *Θεσπιδ*, заслужили рукоплесканія, продолжавшіяся долбе опдыховъ, которые онъ дѣлалъ, дабы перевестъ свой голосъ. По окончаніи Герольдъ вспавши сказалъ:

„Никпо не является спорипъ съ *Θεσπид* о вѣнкѣ дикой оливы?“

Никпо не явился, кромѣ одного Икарскаго спихопворца Апшики. *Сисаріонъ* захопѣлъ прочестъ нѣсколько колкихъ и язвительныхъ спиховъ; но какъ Муза его объяснялась терминами споль же грубыми, какъ и пороки имъ охуждаемые; по ропотъ всеобщаго неодобренія воспрепаяпспивалъ *Сисаріону* продолжашъ; наконецъ примѣшили, что общее съ его прешеспивенникомъ у него было только одно ошечеспво. *Θεσπидъ* провозглашенъ побѣди-

пелемъ. Я съ трудомъ могъ дойти до него, для испрошенія у него милоспи, переписашъ въ мою записную книжку имъ прочшенное. „*Пивагоръ!* онъ мнѣ опвѣпспивовалъ: я ни въ чемъ не могу опказашъ любопытному чужеспранцу; и участіе, принимаемое имъ въ несовершенныхъ опытахъ испуспва, которое безъ сомнѣнія сдѣлается со временемъ увеселеніемъ и славою Греціи, для меня леспнѣе, нежели шумныя восклицанія всего народа.“

Любезные мои ученики! вотъ эта Драма, памятникъ, полезный иногда для показанія успѣховъ человѣческаго ума. Солонъ (1) показался можетъ быть очень суровымъ, захопѣвъ оспановипъ первой полетъ трагической Музы.

(1) *Solon tragaedias scribere et fabulas docere prohibuit. Diog. Laërt. in Solone.*

Геркулесъ и Прометей,

ИЛИ

Прометей на Кавказѣ.

(одна изъ первѣйшихъ Трагедій
Греческихъ. Дѣйствующее ли-
цо одно (1)).

Мѣсто сцены представляетъ пеще-
ру горы Кавказа. Прометей, привязан-
ный длинною и крѣпкою цѣпью, утвер-
жденною въ скалѣ, засыпается. Орелъ,
покоящийся у ногъ его, улетая пробуж-
даетъ его концомъ своего крыла.

Первой взоръ пробужденнаго Про-
метея устремляется на большую чело-
вѣческую фигуру, еще не обдѣланную,
изъ глины или красной земли. Она,
стоя на ногахъ, держитъ въ одной рукѣ
дубинку, а въ другой небольшую статуу
Вольности.

Прометей.

Увы! это одно только сновидѣнiе. Сiя гли-
на, распворенная въ водахъ попока, и

(1) Вѣроятно, что Тесписовъ Прометей
на Кавказѣ преемнику его Эсхилу далъ

облеченная мною въ образъ челоѳическiй

идею трехъ Драмъ, сочиненныхъ объ одномъ
и томъ же лицѣ.

Вотъ что говоритъ объ этомъ почтен-
ный Авторъ Греческаго Театра, Р. Брю-
мой. пом. II. :

„Эсхилъ сочинилъ три Трагедiи о Про-
метее, а именно о его кражѣ, о его
узахъ и о освобожденiи. Намъ осталась
только вторая. Предметъ и все продол-
женiе онаго довольно странны. Это казнь
Прометей

Тамъ примѣтна древняя грубость раж-
дающейсѣ Трагедiи съ отличными возвы-
шенiемъ и величiемъ. Освобожденiе отъ
узъ Прометей противу Царей долженство-
вало быть занимательнымъ для Грековъ.
Эсхилъ думалъ понравиться симъ мѣ-
стомъ. “

Сiи мысли Р. Брюмой можно отнести
къ трагическому опыту Тесписа на Олим-
пiйскихъ играхъ.

Эсхилъ издалъ Трагедiю свою, *Связанный
Прометей* (*Prometheus vincetus, religatus*),
въ LXXXVI Олимпiаду).

Что касается до Тесписа, то онъ оста-
вилъ намъ только названiе одного своего

(1), мнѣ представилось во снѣ, будто бы вдругъ оживилась. Первымъ ея движеніемъ было дѣйствіе благодарности. Едва только получило жизнь, сіе изображеніе свободна-

сочиненія: *Алцеста*; при всемъ томъ онъ написалъ ихъ до сна.

См. *la Bibliothéque graeque de Fabricius*.

Римской Театръ бралъ также сію матерію, три раза трактованную Эсхиломъ послѣ Эсписа. Стихотворецъ Марціалъ намъ даетъ знать, *spect. I. epigr. 7*, что нѣкто Лавреоль, великой злодѣй, былъ распятъ въ амфитеатръ Императора Веспасіана, для представленія казни Прометеевой.

Смотри Разговоръ Лукіановъ: *Прометей*, или *Кавказъ*; и другой между *Юпитеромъ* и *Прометеемъ*.

Трагедія, прежде Эсписа, была только просная пѣснь всего Хора. Сей Стихотворецъ велъ одно дѣйствующее лице, которое, дабы дать отдохновеніе Хору, и время собраться съ духомъ, читало приключенія какого-нибудь славнаго человѣка.

Поэзія Аристотелева.

(1) Прометей вѣроятно есть имя перваго ваяшеля, рожденнаго съ искрою Генія.

Tableaux de la fable, edit. de 1787.

го народа начало разрывать кольца сей неразрушимой дѣпи, которую осужденъ я носить (1). Обломками оно разбило голову моего мучителя. Увы! и шакъ это только одно сновидѣніе. — Сія хладная персть не оживляется. Она пребываетъ недвижима на одномъ мѣстѣ. Искра жизни не блистаетъ въ глазахъ ея. Грудь ея не трепещетъ подъ перстами ея гнетущими. Это ни что иное, какъ земля горы Кавказа. — И я, шакже, влеку еще оковы мои, заклепанныя по повелѣнію Кришскаго Царя (*) Чпобы сдѣлать меня подзришельнымъ народу, Царь Кришна открылъ, что я ненавижу всѣхъ боговъ, и дерзаю быть ихъ совѣсникомъ (2).

(1) *De Prometho . . . Illi ferreum vinculum dedit antiquitas. Vinculumque id intelligi voluit.* Плин. *Ист. Нат.* XXXIII. 1.

(*) Юпитеръ, первой законодатель или Деспотъ Кришскій.

(2) *Quam (tellurem) scitis Japeto mistam fluvialibus u. dis finxit in effigiem moderantum cuncta deorum.*

Ovid. *Met. m. lib. I.*

T. e.

Сынъ Япетовъ, разтворивши землю въ рѣчной водѣ, сдѣлавъ изъ нее подобіе всеуправляющихъ боговъ.

Часть. V.

П

Правда, я признаюсь, шакъ! я ненавижу всѣхъ ихъ пошому, что они попустили бышь невольникамъ между людьми. Ешь-ли бы я искусиво все унизилъ до шого, чтобы иначе изобразилъ черты шпиранна; ешь-ли бы я имѣлъ подлоснъ предспавипъ его подъ чершами бога благодѣшельнаго или спрашнаго, — шю эшо гнуснсе свя-нспашспшо получило бы награду; Деспопъ наименовалъ бы меня первымъ художникомъ, привязаннымъ къ Двору его. Но поелику я первые плоды шрудовъ своихъ посвяшилъ вольноспи; поелику изображение ея, сдѣланнсе мною еще въ чернѣ, поразило взоры народа: шю безпокойный и зависпливой Деспопъ заключилъ меня въ оковы, надѣясь, что плошюдныя шпиды будушъ шерзашъ мои внушпренноспи и шшашнсе ими. Будучи не сполько жестпскѣ, какъ Царь, Кавказекій орелъ (1) уважилъ друга, спрадальца вольноспи. Голосъ сво-

(1) Кенлъ въ *Этрусск. древност.* (Том. II.) упоминаетъ объ одномъ сердоликѣ, на которомъ вырѣзаны Промей и его коршунъ, или орелъ. Пшпца повидимому изображена въ сходственностъ *Оесписовой Драмы*; она находится въ *совершенномъ локоѣ*, и кажетсѣ дѣйствительнo ручною.

боднаго человѣка умѣлъ поправипсѣ сему независимому пернашому. Каждой день онъ полагаешъ добычу свою у ногъ моихъ, дабы раздѣлишь ее со мною. Промей! ты не заслужилъ шаккой благосклонноспи. Ты робокъ, доспоснѣ цѣпей. Утрызенте совѣспи, подобно коршуну, въ сшо минушю даешъ тебѣ должное наказаніе. Терпи безъ жалобъ, и не призывай избавипеля, поелику ты не могъ бышь избавипелемъ своего опечеспва. Ахъ! шы шеряешъ время въ лѣплени спашуи *Вольноспи*. Чшобы основанъ царство независимоспи, не спашуи пошребны, но люди. Спашуи о пробуждени гласа совѣспи въ сердцѣ Царей, значипъ пенашрасну шеряшъ шрудъ. Они не имѣюшъ сего гласа. При всемъ шомъ я окончу урокъ, самимъ собою мнѣ назначенный. Я хочу упошребипъ на сше всѣ свои способноспи, и прспершъ мечню споль же далеко, какъ въ эшомъ бѣгломъ снѣ, кошорой и шеперь еще въ умѣ моемъ. Ешь-ли я не буду имѣшъ въ сешъ своего освободипеля, по крайней мѣрѣ онъ будетъ моимъ другомъ, молчаливымъ свидѣшелемъ моихъ спраданій, скромнымъ хранипелемъ моихъ обѣшовъ. Тогда у меня будетъ, кому я могу сказанъ слова въ сей ужасной пущынѣ; и Эшо будетъ мнѣ опвѣчашъ за него. Видѣнное вощ не со-

всѣмъ будетъ сновидѣніемъ. Еслили во всей вселенной нѣтъ ни одного челоука истинно свободнаго: то пусть по крайней мѣрѣ здѣсь существуешь образецъ онаго, и это да будетъ произведеніемъ рукъ моихъ. — Сіе расположеніе спана не заключаетъ въ себѣ вообще надлежащей важности. Она напоминаетъ о узахъ, дѣлающихъ меня невольникомъ; въ немъ какая-то принужденность. Вольной видѣ могъ бы лучше быть выраженъ. Во всей сей фигурѣ должна дышати естественная независимость. — Еслили бы какому нибудь изъ самовластнѣйшихъ Государей попала она на дорогѣ; то, онъ принужденъ былъ бы пошептать глаза свои предъ величествомъ, всемогуществомъ народа, управляемаго самимъ собою! — Что значить Царь предъ такимъ народомъ? *ато мѣ* въ Намурѣ. — Пусть всякой, копорой не поперялъ еще природнаго побужденія къ тому, чѣмъ онъ быть долженъ, оспанетъ недовольнымъ собою, взирая на сію спаную, копорая должна служить ему оригиналомъ, и на копорую онъ ни мало не похожъ! — Дуга бровей должна быть значительнѣе. Вѣжди должны испускати огненной взоръ, вселяющій ужасъ въ сердце злодѣевъ и негодование въ души добродѣтельныхъ. Пламенная зе-

ница очей да будетъ сугубымъ вулканомъ, извергающимъ метательные перуны! Я не могу дать сему величественному лбу слишкомъ большой значительности. Намъ, видно самовластіе челоука. — Я хочу, чтобы сіи полуопиверзныя уста говорили: *правосудіе припѣскеннымъ! да погибнетъ припѣснитель!* чтобы сила примынымъ образомъ вращалась во всѣхъ мускулахъ сего тѣла! — При видѣши ранновъ кровь должна кипѣть въ горячихъ жилахъ свободнаго челоука. Грудь его, гнетомая тяжкимъ бременемъ, воздымаешся съ сильными и непрерывными напряженіями. Попробно, чтобы всѣ сіи движенія были оцущипельны: но они едва примыны. Эпа рука, держащая дубину, не очень жилована. Дѣйствіе першовъ ея очень слабо. При сжатіи своемъ, одною силою шягоспи она должна подавить и разбить дерзкую главу всѣхъ преступниковъ. — Къ ногамъ ея, или лучше на ея главу, надобно поспавить неустрашимаго орла, борющагося съ бурями и парящаго превыше вѣтровъ. Орелъ, копораго никаксе челоуческое искусство не умѣло и не могло прѣучить и покорить, почно и прямо изображаетъ челоука, дышущаго одною свободою. Пусть распостерныя крылья его опѣняютъ мужественную главу сію,

а изогнутый и грозный носъ отражаетъ приближающихся къ ней! — О есшли (ы человекъ, горящійся своею силою, всегда показывалъ себя такимъ образомъ споящимъ, вооруженнымъ, имѣлъ опверсныя глаза, и грудь, сильно бьющуюся при видѣ свободы! . . . — Но окончимъ спашую сію. Она должна быть превосходнымъ произведеніемъ. Есшли я паду подѣ пятоспійю моихъ оковъ, есшли умру здѣсь, я все буду жить; по крайней мѣрѣ оставлю опличныя черпы гореспнаго моего быпія. Увы! я бы могъ еще болѣе, но я былъ безразсуденъ; эпотѣ упрекъ подобно коршуну перзаепѣ меня! — Я училъ моихъ современниковъ чипать въ небѣ, и оплодопворяпѣ опечеспвенную ихъ землю. Опкрылъ имъ гармонію свѣшила и силу планетъ. Я думалъ доставипѣ имъ наилучшій даръ, показавъ свойспва огня (1). Ахъ! сколь болпшей признапельности ихъ достоинѣ будепѣ оппѣ, кпо научипѣ ихъ быпѣ свободными! — *Свободные!* священное,

(1) Смотри въ Эсхилѣ о богопочипаніи, воздаваемомъ Прометею, изобрѣшателю огня и всѣхъ выгодъ, доставленіемъ коихъ роду человеческому онъ хвалится въ Трагедіи, заглавленной его именемъ.

магическое слово сіе опзывается во глубинѣ души каждаго Спощпѣ только произнеспѣ его, чпобѣ опсвободипѣ мѣрѣ. — Мнѣ приписываютъ возмощность знанпѣ будущее. О! хорошо! шакъ! мой обѣщпѣ исполнпѣся въ непроницаемой мрачности грядущихъ вѣковъ. По крайней мѣрѣ, есшли когда нибудѣ пупешеспвенникъ взойдепѣ на сію спрашную гору: мои убѣленные коспы, эши уже празднаы погда оковы, и моя можепѣ быпѣ еще споящая спашуя изобразипѣ ему мою плачевную испорію. Ахъ! да омочипѣ онѣ слезами мои убѣленные коспы, да подыметѣ сію тяжелую цѣпѣ, и примѣрипѣся на одну минушу съ моею спашуей! — Но куда влечепѣ меня блуждающее воображеніе? Всѣ жипели земли склоняютѣ препенушійя колѣни, и въ смиреніи повергаютѣ предѣ гордыми спопами нѣкопорыхъ шаспильныхъ разбойниковъ. Въ шаспильномъ опспровѣ своемъ, Апланшы рабы. Египетѣ, мое опечество, цѣлой Египетѣ, опѣ изходищѣ Нила до Средиземнаго моря, въ рабспвѣ. Опспровипяне Крипа, изъ коего меня выгнали, рабы. Съ перваго основанія своего Аеины имѣютѣ опладателю. При подошвѣ сей горы, къ копорой я прикованъ мѣдными цѣпями, дикіе Скиепы подвержены большему рабспву, не-

жели я, попому чпо они плапятъ произволно поспыдную дань удаленному оубъ нихъ Деспоту. Вездѣ, гдѣ я ни пушешесивовалъ, всѣ рабы; можешъ бытъ шомъко двое смерпныхъ на всей поверхности шара сего, Геркулесъ и я, имѣемъ справедливое чувспво независимоспи. Но Геркулесъ, слишкомъ заняпый пораженіемъ напуценныхъ на него чудовищъ, не думаешъ о другихъ еще вреднѣйшихъ. А я, чпо могу сдѣлапъ въ семъ соспоянтіи? — О опчаяніе! прикованный къ сему камню, ужели я долженъ такимъ образомъ погипнуть? никто не придетъ помочь мнѣ и возвратипъ меня себѣ самому. Безсильное бѣшенспво! несчастпый Прометей! ты умрешъ здѣсь совершенно, не оспавивъ по себѣ слѣдовъ въ памяти людей.

О *Свобода*, спаршая дочь Природы! для чего ты не споль сильна, какъ мать твоя? Говоряпъ, чпо въ началѣ всѣхъ вещей (еспыли великое цѣлое имѣло начало) зиждипельный перспъ всеобщаго Провидѣнія соспавилъ бренте, и образовалъ изъ него перваго человѣка. — *Свобода*! для чего не произведешъ и ты подобнаго чуда? ты должна сдѣлапъ его для меня: я твоя пипомещъ, твоя провозвѣспникъ, твоя мученикъ. Опмспи за меня, или лучше опмспи за родъ человѣческой, возвратипвъ

ему первое его достоинство, и воззвавъ его къ первому предопредѣленію! ты руководила моимъ Геніемъ: соверши, увѣнчай мое швореніе! Для чего не образовапъ шемъ новаго племени людей? ты шопъ небесный свѣспильникъ, копорый даешъ жизнь всему: пусть дуновение усмъ твоихъ, пусть искра очей твоихъ коснешся сей глиняной массѣ, согрѣешъ ее, проникнешъ и приведетъ въ дѣйствіе! пусть эта безчувспвенная фигура сдѣлаешся тспипелемъ за родъ человѣческой. Трепещи, Царь Крипа! эшотъ Прометей, копораго ты считаешъ разтерзаннымъ на часпи, обратишъ на себя все зло, шобюо учиненное; онъ готовипъ тебѣ наказаніе! О еспыли бы мои руки могли произвестъ возспановипеля людей! . . . Я далъ бы ему прекрасную подругу, подобную женщинамъ Крипскимъ и Египетскимъ. Онъ ей сообщиптъ благо бытія; они будутъ оба первыми прародипелями многочисленнаго семейспва, и родоначалниками народа вольнаго и независимаго. Ихъ дѣши, воспитанныя по неизмѣняемымъ правиламъ Природы, сойдупъ съ сей дикой и безплодной горы, и распроспранятъ сіи драгоценныя сѣмяна между полу-варварами, обипающими въ холодной Скиѣи; такимъ образомъ скоро независимость и блаженспво возраступтъ

на земли. Одно свободное семейство можетъ
искупить весь родъ человѣческой ошъ раб-
ства . . . Прометей! благодѣтельная ме-
чпа, доспавившая тебѣ споль прѣянное
успокоеніе, уже прошла. Пробудись; от-
крой глаза и посмотри: ты ожидаешь
произведенія рода человѣческаго и освобо-
жденія міра ошъ сей кучи земли, слѣп-
ленной окованными швоими руками! плодъ
швоего мечпающаго ума содѣлаешь кро-
образованіемъ свободы вселенныя! . . .
Охлади, охлади нѣсколькo швое пылающее
воображеніе. — Нѣтъ! я не въ сумасше-
спвіи; я исполняю значеніе моего име-
ни (*). Скорѣе можно повѣришь превра-
щенію неодушевленной груди въ живое
существо, нежели премѣненію въ рабовъ
многихъ милліоновъ людей, рожденныхъ
свободными. — Примемся за дѣло! . . . Но
какіе шоны? что я вижу? Геркулесъ! . . .

*Слышенъ величественный Хоръ. Гер-
кулесъ и народъ Скиѣскій являются
предъ Прометеемъ. Геркулесъ ударяетъ
въ оковы его своей булавой.*

ГЕРКУЛЕСЪ.

. . . . Онъ самый. Будь свободенъ!
Никакія оковы не могутъ пропивиться

(*) Прометей, имя Греческое, значитъ
предвидящій.

булавъ Геркулесовой. Извѣстіе о шво-
ихъ нещастіяхъ поразило слухъ мой; я
все оспавилъ, чшобъ помочь тебѣ; я раз-
сказалъ о швоемъ приключеніи поселен-
цамъ, живущимъ внизу тебя по бокамъ
Кавказа; ихъ душа споль же нова, какъ
и швоя спашуя. Одно слово мое могло
заспавить сей доброй народъ прняшь
приличное ему положеніе, которсе дашь
швоей модели спойшь для тебя споль вели-
каго шруда. Спупай! сердце человѣческое бо-
лѣе послушно гласу Природы, нежели сія хо-
лодная перспъ искусству художника. Я
открылъ сему народу пороки Государей,
ихъ насильспвенныя требованія, и бѣд-
спвія, коими они угнепають землю.
Онъ клялся плашпшь одну шолькo дань
удивленія добродѣтели, и сожалѣнія не-
щастію. Когда онъ произносилъ сію кля-
нву предъ мною, шо посланные Царя
Кривскаго предспали шребованъ, именемъ
своего Государя, годовой коншрибуціи. От-
вѣшь былъ — ихъ прогнашь, объявивъ имъ
въ присупспвіи моемъ, что народъ Скиѣ-
ской рѣшилсѧ освободить себя ошъ всяка-
го рабства. Прометей! швой обѣшь испол-
нилсѧ; оспавъ здѣсь свои спашуи: вошь
люди!

*Хоръ Скиѣовъ, мужчины и женщины,
дѣти и старики, толпаяся около Про-*

метя и его статуи, и хватаютъ обломки его цѣли. Они изъясляютъ радость свою освобожденному художнику, и признательность Геркулесу за то, что онъ научилъ ихъ быть свободными.

XII.

Пивагоръ на Олимпійскихъ играхъ.

(Продолженіе.)

Въ четвертый день праздниковъ Олимпійскихъ я не опходилъ опъ Хилона. „Мой сынъ, сказалъ онъ мнѣ, оспаривать будешь награду въ кулачномъ бою. Прежде сраженія подошедши къ своему опцу, онъ сказалъ съ увѣреніемъ, чуждой дерзости: „Чтобы починилъ твою спаросъ, Геркулесъ въ прошедшую ночь обѣщалъ мнѣ вѣнецъ.“ Хилонъ опвѣчалъ ему: „Я умру опъ радости!“

При насъ молодой человекъ надѣлъ кожаныя перчатки. Онъ разнаго сорпа; онъ не хотѣлъ выбрать самыхъ убійственныхыхъ, каковыя бывающъ подложены свинцомъ и коѣ наносятъ почти всегда смертельные удары; но взялъ такъ называе-

мья милихи (1): эпи, будучи сшипы изъ ремней шонкихъ и мягкихъ, въ опкрыпомъ видѣ представляющъ кулакъ и всѣ пальцы; всѣ члены его облили масломъ, а бедра опоясали широкимъ поясомъ (2), на коемъ изображены были Уросъ и Анперосъ, два юныхъ божества, спорющихся о пальмѣ. Попомъ, оставивъ насъ, онъ пошелъ на риспалище. Мы смошрѣли, какъ въ положеніи, могущемъ привестъ въ робосъ самаго опважнаго бойца, ждалъ онъ своего противника. Сила и красота равняли его съ Геркулесомъ. Имѣя напряженныя мышцы, высокой шанъ, швердыя ноги, крѣпкія руки и возвышенную голову, онъ казался неподвижнымъ подобно мраморной или бронзовой статуи какого-нибудь бога. Наконецъ явился соперникъ; онъ былъ родомъ изъ Аркадіи. Сынъ Хилоновъ началъ его задирашъ, желая узнать его обороны; потомъ, поднявъ руки вверхъ, простеръ ихъ прошивъ себя, въ намѣреніи опуснить со всемъ напряженіемъ на спояшнаго предъ нимъ непріятеля. Послѣдній два раза умѣлъ усколь-

(1) Нравы и обыкновенія Грековъ описан. Менард.

(2) Павзан. Путеш. по Элидѣ. Кн. VI.

знуть отъ удара, но третьяго не избѣгъ, копорой былъ такъ силенъ, что повергъ его на землѣ всѣмъ тѣломъ. Впрочемъ онъ вспалъ, и успѣлъ покачнушь въ свою очередь нашего молодого Спарпанца. „Сынъ мой! закричалъ ему Хилонъ: вспомни о Геркулесѣ и объ опцѣ нвсемь!“ Эпи слова рѣшили побѣду, возбудивъ новой жаръ въ шомъ изъ двухъ рапборцевъ, въ которомъ мы брали участіе. Съ напряженіемъ послѣднихъ силъ своихъ, онъ подпалъ опъ земли своего соперника, повергъ его къ ногамъ своимъ, и держалъ до тѣхъ поръ, пока вся публика согласно подпвердила его поражение.

При шумъ всеобщихъ рукоплесканій, опецъ побѣдителя едва могъ выдержашъ первыя впечатлѣнія радости. Увидѣвъ многихъ противниковъ, которые предспа-ли, какъ бы желая опмсипшь за безче-стіе своего товарища, Хилонъ пришелъ въ себя и предался противнымъ чувствованіямъ. Сынъ однакожь не долго заспавилъ его шомпшья эпимъ безпокойспвомъ. Первой успѣхъ былъ для него побужденіемъ къ полученію новыхъ; но ему предлежала другая опасность. Самыя побѣды могли его ослабить и испощить. Къ шашію, прочіе противники опъ спраха ушли съ поприща, и оспавили его одного.

Единогласное восклицаніе всѣхъ присудспвующихъ подпвердило его шоржеспво. Три раза герольды провозласили сына Хилона, первого Эфора Спаршы, побѣдителя на Олимпійскихъ играхъ. Онъ приведенъ былъ къ судьямъ, которые увѣнчали главу его дикою оливою. Но едва только украшено было чело его, какъ онъ, прошедъ спремипельными шагами поприще, возложилъ данный ему вѣнецъ на бѣлѣющіея власы своего опца. Я былъ подлѣ спарца; онъ крайне былъ расстроганъ этой сценой. Эти чувства происходили въ немъ не опъ шщеславія, не опъ шого, что онъ далъ жизнь побѣдителю на Олимпійскихъ играхъ — нѣпъ! мудрецъ сей могъ выдержашъ эту первую радость; но взглядъ на сына, копорой по видимому сражался для шого только, что опъ опли-чпшь опца своего почеспями шоржеспва, возмушилъ способности души его. Хотя Спарпанецъ долженъ прѣобикнуть къ подобнымъ дѣйсспвіямъ, но Хилонъ, согбенный сугубою шягостію лѣпъ и трудовъ, принужденъ былъ успуппшь сему новому опыту (1). Онъ предчувспвовалъ это;

(1) *Cum victore filio Olimpiae, expirasset gaudio.* Плин. *Ист. Нат.* VII. 32.

его Геній возвѣспилъ уже, что скоро послѣдній часъ его наспаненъ. Не для того ли только Напура и продолжила бытїе его, чтобы назначить ему предѣлъ въ нѣдрѣ чистѣйшаго блаженства? Послѣдняя минута его жизни была самая щасливѣйшая; такъ должны умирать добрые опцы и добродѣтельные люди! —

Хилоновъ палъ въ мои объятїя; и его сынъ, еще задыхающійся, собралъ на устахъ послѣднее дыханіе его. Для произведенїя въ народѣ тишины, судьи прибѣгли; всѣ присудивовавшїе при играхъ оставили мѣсна свои, чтобы смотрѣть на почтеннаго умирающаго старца. Такая кончина, говорили, есть благоволеніе боговъ! Это произшествїе еще увеличило славу игръ Олимпійскихъ. Въ пятой и послѣдній день торжества опредѣлено было почтить всеобщимъ погребенїемъ, опъ имени всей Греціи, знамениаго старца.

Тѣло Хилоново опнесено и поставлено было при подножїи горы Сатурна, къ западу. Осиропѣвшій побѣдитель и я, шли въ молчанїи въ слѣдъ за нимъ сквозь толпы народа. Печаль сына была шихая; мысль, что по крайней мѣрѣ доставилъ опцу своему лучший день его жизни, умѣряла ее.

Пятой день Олимпійскихъ игръ былъ по обыкновенїю самой пышной. Эрик идѣ

(1) Халкидскій опличился въ оной. Я уже видѣлъ очень много сраженїй; мнѣ хотѣлось лучше послушать пренїя Спихопворцевъ, Арписповъ и Рипоровъ. Они еще скорѣе удовлетворили моему любопытству; сей день былъ посвященъ пышной церемонїи — увѣчанїя побѣдителей. Сына Хилонова не было при семъ; его не могли опшациить опъ шѣла опцова.

Уже роздали всѣ награды, и начали пѣть благодарной гимнъ Геркулесу, сочиненный Архилохомъ (2): вдругъ являлся одинъ человекъ, покрытый попомъ, съ дорожнымъ въ рукъ посохомъ. „Можетъ быть я нѣсколько опоздалъ, но я пришелъ опъ имени боговъ, и особенно опъ имени Минервы, предложивъ новой родъ сраженїя, и пребывая награды промышленности человеческой, копорая дѣлаетъ смертныхъ независимыми. Народы! вы увѣчали искусство, силу и проворство. Искуснѣйшїй на бѣгу, на кулачномъ бою, получилъ оливную вѣшвь: какїя же почести назначите вы человеку, копорой умѣетъ обойтись безъ другихъ людей, копорой себѣ одному одол-

(1) Ямбл. гл. VII. *ad finem*.

(2) Пиндаръ. Севин. Член. Акад. надл. Том. XIV. въ 12. стр. 65 и 66.

женъ одеждою (1), обувью и всѣми домашними пошребносiями. Эпопъ плащъ, эпопъ поясъ (2) сушь плоды моего шруда.

(1) Цицерон. *de Oratore*, lib. III. cap. 21.

(2) Человѣкъ можетъ довольствоваться однимъ собою; онъ можетъ найши въ себѣ, или доставить самъ себѣ, все нужное. И такъ не необходимость взаимной помощи заставила людей соединиться въ обществѣ; но одна приверженность къ излишнему удерживаетъ ихъ въ соединенiи.

Зенонъ говаривалъ о Клеанѣ, ученикѣ своемъ, что онъ могъ прокормить еще другаго Клеанѣа. Изъ этого примѣра, которой можно подшвердить многими другими, слѣдуетъ, что человѣкъ находитъ самъ собою не только нужное, но излишнее. Онъ найдетъ пошребное и для непредвидѣнныхъ случаевъ, не докучая своимъ сосѣдямъ. Слѣдовательно прямой нужды онъ не имѣетъ въ себѣ подобномъ. Слѣдовательно люди не зависятъ ни въ чемъ отъ другаго; исключивъ узы крови и соотношенiя половъ, человѣку не чего шребовать у человѣка.

Естьли бы кто жилъ такъ, какъ Философъ, упоминаемый Цицерономъ, которой,

Поспеля, на которой я сплю, есть дѣло моихъ рукъ. Эпопъ золотой персень (1), которой я ношу на правой рукѣ, моей работы; я выгравировалъ на перснѣ и камень, которой мнѣ служилъ вмѣсто печати. — Я сдѣлалъ самъ все полезное и прiятное. Я ни отъ кого не шребовалъ помощи, и могу назваться себя свободнымъ, ибо я не обязанъ даже и узамъ признапельности. Я подражаю солнцу, которое ни отъ какого свѣтила не заимствуетъ своего свѣта. Пусть вспанетъ пошъ, кто въ этомъ собранiи можетъ се сказать о себѣ (2)!"

Сшранность сего случая обратила вниманiе; но никто не опвѣчалъ.

Чужеспранецъ продолжалъ: „Жители Греци! вы опличаете себя шипломъ людей свободныхъ; знайте, что пошъ только прямо независимъ (3), кто вмѣстѣ

былъ для себя вмѣстѣ и портной, и сапожникъ, и цырюльникъ, и поваръ и проч.: пошъ былъ бы дѣйствительно независимъ и щастливъ.

Correctif à la revolution, ou les soirces d' un père de famille.

(1) Kirchmann. *de annulis*. III.

(2) Пав. изслѣд. о Грекахъ, Том. I.

(3) Монтан *Опытъ* III. 9.

господинъ и слуга, и кто для продолженія жизни своей не ожидаетъ помощи отъ руки себѣ подобнаго. Никто мнѣ не опвѣчаетъ, никому еще не вздумалось поспавлять свою независимость въ щасливой способности ни въ комъ не имѣть нужды. Я вамъ предспавляю сего человека: вы его видите во мнѣ. Я пребую оливнова вѣнца; онъ мнѣ принадлежитъ болѣе, нежели всякому другому, попому что я предался совершенно совѣпамъ мудрой Минервы. Определите мнѣ награду, должную промышленности, матери независимости. Сдѣлайте лучше, сдѣлайте больше: подражайте мнѣ! Имѣть многихъ подражателей будетъ для меня лучшей пріумфъ. Судьи игръ Олимпійскихъ! произнесите свое рѣшеніе.“

Судьи не говорили, и никто въ собраніи не смѣлъ прервать молчанія. Я подошелъ къ судилищу, и взявъ за руку гоповившагося говорить Орапора, сказалъ: „Народы Греціи! сосѣднія націи! и всѣ собравшіеся здѣсь! выслушайте меня. Я имѣю нѣкоторое достоинство, чтобы говорить вамъ. Я гость мудраго Хилона; я съ нимъ пришелъ изъ Спарты сюда. — Учаспвовавший въ пайспвахъ Тивскихъ, Пиеагоръ Самоскій имѣетъ право присудспвовать при поржеспвѣ Олимпійскомъ и

предлагаю свой совѣтъ . . . У васъ нѣтъ больше вѣнцовъ для раздаванія, а сей человекъ заслуживаетъ ихъ всѣ. Опдайте по крайней мѣрѣ справедливость первѣйшему изъ всѣхъ паланту, — довольспвовайтесь однимъ собою. Если бы два Греческихъ законодателя, Ликургъ и Солонъ, присудспвовали при семъ собраніи, то они бы сказали вамъ: любите всегда славу! она испочникъ добродѣтелей; но имѣйте уваженіе и къ полезнымъ прудамъ частной промышленности. Почтите человека, имѣющаго нужду въ однихъ полько законахъ. Мудрый Хилонъ говорилъ мнѣ это, идучи на ваши игры. Свобода есть первая наука. Искусство защищаться отъ непріятеля, сражаться съ нимъ и побѣдить его, безъ сомнѣнія необходима: но палантъ бытъ независимымъ превышаетъ ее. Почтите человека, которой хочетъ возвратить геройскія времена, такъ удаленныя отъ насъ. Воины божеспвеннаго Гомера дѣлали сами брони свои (1), и гоповили пищу своими руками. Мудрой Анахарсисъ, сынъ Царя Скиескаго, самъ дѣлалъ для себя одежду (2) изъ проспника и

(1) *Иліад.* погребательная пѣснь Патрокл.

(2) *Диог. Лаэрт. Буделоп. Исторія Музыки* гл. VII. Том. I.

шильной правы. Вы роздали всѣ вѣнцы. Пущь поржеспвеннымъ опредѣленіемъ ошдана будешь справедливосшь добродѣтели, которая находилъ въ себѣ одной всѣ для себя пособія, и не пребуешь съ униженіемъ посноронней помощи; провозгласиле независимосшь сея добродѣтели!“

Вообщее согласіе на мой совѣтъ показало судьямъ ихъ должносшь; спарѣйшій Судья вспавши сказалъ:

„Вся Греція, собравшаяся на Олимпійскія игры, признаешь и объявляешь мудрымъ и свободнымъ по превосходспву того, кто довольсствуешь самимъ собою, и умѣешь обойтись безъ другихъ людей (*).“

На другой день опправлено было погребеніе Хилона; все собраніе, бывшее на Олимпійскихъ играхъ, прежде своего разѣзда присупсствовало при ономъ. Депуспаты всѣхъ народовъ Греціи, предшеспвующие Судьями, пошли къ подошвѣ Сапурновой горы. Тамъ снова увѣнчали побѣдипеля, которой въ другой разъ возложилъ оливную вѣпвь на главу опца своего; но Хилонъ былъ уже нечувспвипеленъ

(*) Чшо называлось *Аспаркіей*, самодовольсствомъ, п. е. ни одной не имѣшь ни въ комъ нужды.

къ симъ почеспямъ. Тѣло его положено было на поржеспвенную колесницу, запряженную чспырми бѣлыми бѣгунами. Съ медленоспїю везли его вдоль риспализца. Сынъ шелъ позади; народъ, оспавивъ мѣста свои, проводилъ до береговъ Алфея погребашельную свипу. Тамъ положили во гробъ оспашки мудраго Эфора. Судно должно было опвезти сей залогъ въ Мессинію, гдѣ колесница Хилонова дожидалась везти его въ Спарту. Я обнялъ сына его прежде, нежели съ нимъ распался, и предпринялъ продолженіе моихъ пупешествій.

Любезные мои ученики! послѣ погребашельныхъ почеспей, возданныхъ мудрѣйшему изъ Спаршанцовъ, позволше мнѣ разсказать вамъ, чшо со мною лично случилось на Олимпійскихъ играхъ. Едва только судьи, повинуюсь моему совѣту, сдѣлали блиспашельное свидѣпельсство о чужеспранцѣ свободномъ по превосходспву, какъ топчасъ почли долгомъ своимъ опличить и меня. Изъ уваженія ко мнѣ, главной Судья продолжилъ Олимпійское собраніе. „Греки! сказалъ онъ, присупсвїе пайноволца возвышаешь блескъ вашихъ игръ. Надобно еще, чшобы оно было для насъ и полезно. Мы одолжены уже Пиеагору Самоскому добрымъ совѣпомъ; по-

просимъ его, чпобы онъ сообщилъ намъ нѣкоторыя изъ своихъ правилъ (1).“

Я на сіе сказалъ: „О Греки! я хотѣлъ только быть зрителемъ славныхъ вашихъ игръ, и рукоплескать на нихъ; но признапельность за доставленное мнѣ ими удовольствіе заставляетъ меня опивѣчать на объявленное вами желаніе меня слушать. Вопль нѣкоторыя понятія о началахъ Исторіи и о главныхъ Законодателяхъ народовъ.“

Я помѣспилъ въ дорожныхъ своихъ запискахъ нѣкоторыя примѣчанія о всѣхъ сихъ предметахъ; онъ нѣсколько способствовали мнѣ къ составленію цѣлаго Разсужденія, произнесеннаго мною безъ всякихъ другихъ пріуготовленій предъ Олимпійскимъ Собраніемъ (2).

(1) . . . Стихотворцы, Ораторы, Философы и Историки, стоя на периспилахъ храмовъ, и въ другихъ возвышенныхъ мѣстахъ, читали свои сочиненія. Бартедем. Путешеств. младшаго Анахарсиса. Том. III.

Начальники игръ присутствовали иногда при чтеніяхъ, бываемыхъ въ Олимпіи, и народъ съ поспѣшностію бѣжалъ туда. Онъ же.

(2) *Ad Olympicum certamen venit.*

Steph. Rhodericus V.

Успѣхъ, полученный мною; превзошелъ мои надежды. Греки, во всемъ неумѣренныя, съ другой спорны оживленные предшеспвовавшими зрѣлищами, восклицали среди продолжительныхъ рукоплесканій:

„Тайноводець Самоскій излилъ золотую рѣку среди игръ Олимпійскихъ!“

Другіе выражали метафорою, доспойною воспчныхъ народовъ: „Тайноводець Самоскій открылъ свое бедро, соспоящее изъ слоновой кости и золота (1).“

Любезные мои ученики! судите о немъ сами; я хочу вамъ прочесть сіе Разсужденіе, хотя не совсѣмъ въ такомъ видѣ, въ какомъ слышали его Греки; собравшіеся на Олимпійскія игры. Тогда мнѣ должно было смягчить нѣкоторыя черпы, дабы не оскорбить грубымъ образомъ національныхъ предразсудковъ, копорые испребишь

(1) *Pythagorae rerum abditarum praetium & excellens indicatura foetur aureum fecit.*

Calcagnin. epist. III. 41.

Прошедъ чрезъ Олимпійскія игры, онъ показалъ золотое свое бедро.

Плуп. Нума Помпильей.

См. Ноде, защищеніе великихъ людей, обвиняемыхъ въ Магій. гл. X.

Часть V

С

можетъ одно только время. Послѣ я поправилъ его, въ намѣреніи ввести оное въ число полипическихъ нашихъ наукъ.

XIII.

Начала Исторіи, и изчисленіе первыхъ Законодателей.

Протечемъ скорыми шагами проспанную область Исторіи, и посмотримъ, что сдѣлали прежде насъ, и что намъ оспаняся дѣлать.

Исторія есть нѣкоторое путешествіе въ царство мертвыхъ. Колыбель великаго семейства человѣковъ окружена споль же густымъ мракомъ, какъ и ночь гроба. Но дѣши суть образъ своихъ родителей; они соспавлены, такъ сказать, — по обыкновенному выраженію не знаю какого-то народа (*) живущаго между Финикією и Халдеею — изъ той же перспи. По сходству и по нѣкоторымъ близкимъ оппѣнкамъ видимыхъ нами произшествій, будемъ судить о томъ, что могло случиться пре-

(*) Иудейскаго.

жде насъ въ отдаленнѣйшихъ эпохахъ. Человѣкъ былъ всегда таковъ, каковъ нынѣ. Одаренный теми же органами, движимый теми же спраспями, подверженный темъ же нуждамъ, — онъ долженъ былъ дѣйствовать всегда почти одинаковымъ образомъ. Подобныя причины должны производить и подобныя дѣйствія.

Мы бы могли на сепъ остановиться; но какъ Ниль, по теченію коего я слѣдовалъ и восходилъ, при исходящѣ своемъ предспавляетъ совсѣмъ другіе феномены, нежели какъ при своемъ успѣ: такъ и родъ человѣческой, проходя сквозь вѣка, отъ первоначальныхъ временъ до нашихъ дней, долженъ былъ подвергнуться многимъ перемѣнамъ. Мы спираемъ ногами многіе обломки; но хорошо, если бы они всегда попадались намъ! а по какъ скоро взойдемъ хотя нѣсколько выше повѣспованіемъ, то не увидимъ и развалинъ, копорыя могли бы насъ руководствовать, и принуждены будемъ идти на удачу и ощупью. Жрецы, съ которыми я совѣпывался, и копорые ни о чемъ не сомнѣваются, не имѣютъ такого запрудненія. Будучи смѣлы, подобно Иксіону, вѣспоистины, они обнимаютъ ея мрачную тѣнь. Намъ спребно нѣчто спущен-

нѣйшее. Мы ищемъ досповѣрныхъ произшествій, и учимся Природѣ изъ тѣлѣ.

Естьлибъ я писалъ Исторію рода человѣческаго, по повѣспованіе о первыхъ эпохахъ составило бы одну только главу; а къ несчастію онѣ — по и любопытны. Интересно знать, всегда ли родъ человѣческой существовалъ въ насюящемъ видѣ, такъ какъ и міръ, коего онѣ соспавляетъ часть, или первыя сѣмяна его долго были въ разсѣянніи, пока не встрѣтились обстоятельства, необходимо нужныя къ составленію опредѣленнаго вида. Или лучше: не одно ли семейство, не одна ли чета была началомъ его? Такъ, человекъ есть *персть*: ибо по смерти своей онѣ обращается въ землю, изъ ней же вышелъ онѣ при рожденіи.

Сущность Натуры, или сіе великое дѣло, коего мы частичка, состоитъ въ томъ, чпобъ всегда бытъ и — бытъ одинаковой. Это составъ однихъ и тѣхъ же началъ; сіи безчисленные начала способны принимать безконечные виды. Натура, дѣйствуя непрестанно на самое себя, непрестанно измѣняется; и обстоятельство одного изъ сихъ измѣненій, соединенныхъ во внутренности земли два сѣмяна къ произведенію человека, превратившись при другомъ измѣненіи, должны

дать мѣсто другимъ существамъ, или лучше другимъ видамъ, копорыхъ воображеніе наше не можетъ предспавить, по тому что оно дѣйствуетъ по однимъ только чувствамъ. Такимъ образомъ дѣпи Девкаліона и войны Кама, первые произшедше изъ камня, а другіе изъ драконова зуба, не что иное суть, какъ раскрашенные, или лучше, обезображенные стихопворцами оппѣнки того, что произошло при произведеніи рода человѣческаго; и это можно принаровить ко всѣмъ другимъ живопнымъ и распеніямъ. Цѣлая система Натуры основывается на семъ переліаніи поликаго же числа сѣмянъ, сколько есть видовъ на семъ переходеніи вещества изъ одной формы въ другую. Сіи великія приключенія случаются послѣ многихъ тысячъ лѣтъ; и не лзя написать объ нихъ Исторіи, ибо ничего не остается отъ сихъ древнихъ измѣненій; однѣ только сѣмяна ихъ ни перемѣняются, ни погибаютъ, будучи способны къ новымъ соединеніямъ. Не возможно искать на сіе доказательствъ, по тому что свидѣтели сихъ великихъ перевороповъ суть, въ поже время, не жерпвы оныхъ, ибо ни что не погибаетъ, но *дѣйствующіе* или *подлежащіе*. Была эпоха, когда земля, нынѣ обитаемая нами, воспріяла, или получила

успройство, видимое нами; эпоха; когда маперія, прежде другимъ образомъ соединенная, силою Нашуры, непрестанно дѣйствующей на саму себя, и никогда немогущей быть совершенно одинаковой, сдѣлалась землею и водою; изъ сего новаго расположенія часпей великаго цѣлаго произошло не сотвореніе новыхъ существъ, не бывшихъ прежде (ибо Нашура состоипъ изъ опредѣленнаго числа сѣмянъ, которое не можетъ ни умножиться, ни уменьшиться); но новая система видовъ, кои, по необходимому порядку своего размѣщенія и по гармоніи вліяній, пріемлютъ сѣмяна.

Хаосъ не что иное есть, какъ переходъ Нашуры отъ одного соединенія къ другому; и это не бываетъ по случаю и по волѣ слѣпаго рока, какъ многіе утверждали; но посредствомъ постепенно увеличивающихся силъ великаго цѣлаго, дѣйствующаго и противодѣйствующаго на самаго себя.

Сія теорія имѣетъ основаніемъ произшествія, которыя прудно доказатъ по той причинѣ, что въ собственномъ дѣлѣ не лзя быть судіею и судимымъ; но непременно должно опредѣлить начало Испоріи человѣческаго рода. Основанемъ на семъ, и предославимъ Поэзіи чудесное

произведеніе людей Прометеевыхъ. Безъ сомнѣнія сей смертной существовалъ, и мы одолжены проникательности его Генія малыми познаніями о первыхъ началахъ міра. Онъ и Пандора, можешь быть, два первыя существа, которыя произошли въ человѣческомъ образѣ изъ нѣдръ общія маперіи всякаго дыханія. Братъ и сеспра, рожденные во время благопріятное для брака, поверглись въ объятія другъ другу, и начали сію цѣль новыхъ существъ, которая просперлась отъ одного конца шара до другаго, и коей мы составляемъ кольца.

Чета сія скоро сдѣлалась семействомъ, а семейство родоначальницею всѣхъ націй. — Каждая изъ нихъ домогается права на спаршинство; конечно пустое домогательство, но драгоцѣнное попому, что оно есть слѣдъ преданія о первоначальныхъ произшествіяхъ; это — то одна черпа оспаеися намъ изъ Испоріи челоѣка, при первой его колыбели. Сколько воображеніе мучилось, чтобы исказить наилучшій монументъ лѣтописей человѣческихъ! Что значатъ эти глиняныя фигуры, эпосъ свѣпильникъ, и эпосъ коршунъ, перзающій печень Прометея? эпосъ Пандоринъ ящикъ, изъ котораго вышли всѣ бѣдствія? Для чего по-

мрачашь такими изображеніями прекраснѣйшіе дни младенческаго міра?

У Прометей и его сестра рождаются, но естъ выходящъ изъ нѣдръ земли совершенно образованными. Они усремляются на себя первой взоръ свой; пріянное побужденіе влечетъ ихъ другъ къ другу; за нѣмымъ выраженіемъ глазъ слѣдуетъ вопль нужды, а за симъ гласъ спрасшей. Имъ спойшъ немногихъ прудовъ и попеченій содержашъ себя: у нихъ подъ руками самородные плоды дѣвспвующей земли. Ни что не отвлекало шаспливую чешу отъ первой должности Природы, отъ должности новаго произведенія племени. Плодородіе сего перваго брака равняется съ скорымъ прозябеніемъ земнаго шара. Всѣ сущесва наперерывъ размножающа предъ очами сихъ двухъ супруговъ, первенцовъ земли. Прежде перваго годоваго обращенія солнца, они узнаютъ себя уже въ другихъ себѣ подобныхъ; и пятнадцатая весна видитъ возрастающее претіе поколѣніе. Семейство, какъ скороспѣлое дерево, простираетъ вѣтви свои, и чрезъ нѣсколько лѣтъ покрываетъ величайшую поверхность.

Уже языкъ разрѣшается и помогаетъ тѣлодвиженіямъ. Найдено нѣсколько односложныхъ словъ. Для изображенія поня-

тій и выраженія чувспвованій своихъ заимспвуютъ отъ всѣхъ предметовъ то, что имъ кажется приличнѣйшимъ. Перенимаютъ пѣніе птицъ, подражаютъ крику живошныхъ, коихъ пріобучили къ себѣ; внимаютъ журчанію ручейка, пекущаго по рывинамъ и кремнямъ, и шуму испочника, низвергающагося съ высотъ скалы; свистъ воздуха въ листьяхъ древесныхъ, прески грома, реущаго въ дали, все замѣчаютъ, всѣмъ пользуются и подражаютъ подражающему эху. Чего не лзя сказать живымъ голосомъ, то перспъ начерпываетъ на песокъ, по подобію лпихихъ водъ пруда, въ копорыхъ находили удовольствие смотрѣться. Подражая всему, что ни видитъ, — всему, что ни слышитъ, — всему, къ чему ни допрогивается — человекъ всего хочетъ узнать причину; онъ начинаетъ воспѣвать свои удовольствія, и оканчиваетъ пребываніемъ своихъ нуждъ, объясненіемъ своихъ желаній и сообщеніемъ своихъ чувспвованій помощью слова. Его языкъ и руки суть два первыя орудія, коихъ онъ извѣдываетъ употребленіе и приводитъ въ дѣйство. Дѣти сего перваго семейства сообщаютъ другъ другу свои частныя отккрытія, и для большей пользы все дѣлаютъ общимъ. Даютъ себѣ имена шѣхъ предметовъ, ко-

порые больше любящъ, или копорые ими усовершенствованы. Прежде нежели могущъ ихъ произнести, надписываютъ, п. е. означаютъ ихъ недовершеннымъ изображеніемъ самаго предмета. Такимъ образомъ начальникъ сего перваго семейства былъ названъ *первороднымъ*. Солнцу дали названіе *верховаго владыки*. Сынъ перваго человека назывался *рожденнымъ*. Сынъ внучащъ *первороднаго*, копорой по случаю поперши два древесныхъ обломка, примѣшилъ, что они согреваются, воспаляются и испускаютъ нѣкопорыя искры, былъ прозанъ *свѣтомъ*, *огнемъ* или *пламенемъ*; *полемъ*, а попомъ *земледѣльцемъ* назвали пого, кпо первой вырылъ коломъ борозду на землѣ, и ввѣрилъ ей сѣмя плодовъ, его пилавшихъ. Для свѣденія попомковъ, его означаютъ также подъ именемъ *человѣка земнаго*; еще называютъ *человѣкомъ полевымъ*.

Два самыя древніе человекъ, упоминаемые въ Испоріи, носили почтеннѣйшія и лучшія изъ всѣхъ, какія только можно дать сынамъ человеческимъ, наименованія: одинъ назывался *справедливымъ*, а другой *свободнымъ*. Санхонтатонъ сохранилъ намъ сію драгоценную рѣдкость.

Худо выговариваемое слово сперва служило пособіемъ выраженію глазъ и шѣло-

движеній, а попомъ шѣлодвиженія и глаза сдѣлались пособіемъ слову.

Наконецъ спали понимаютъ другъ друга; первые предметы, для памяти нарисованные углемъ на бѣлыхъ и гладкихъ камняхъ, были началомъ Преданія, спаршей сеспры Испоріи: Опцы семейства, родоначальники, сидя въ кругу дѣтей своихъ, спарались рассказывать имъ все, что знали. Дѣти ихъ повпоряли эпоже самое своимъ дѣшамъ. Такимъ образомъ отъ года въ родъ переходили, такъ сказать, изъ рукъ въ руки повѣствованія о рожденіи міра и жипелей его, о успѣхахъ возникающихъ обществъ, о феноменахъ Напуры, которые быль не такъ любопытныхъ, какъ опыты человеческіе. Если бы могло сохраниться это преданіе, то оно бы намъ доставило главные дѣшпы, къ начертанію каршины человеческого рода. Но это весьма опдалено теперь! Свѣтъ уже очень древенъ, а Испорія еще очень нова. Всѣ матеріалы предверія ея поперяны, и наши Писатели передѣлали его не по памяти, но по воображенію. Ахъ! сколько долженъ быль занимательенъ родъ человеческій, состоящій еще изъ нѣсколькихъ семействъ, и какой долженъ соспавлять компластъ съ родомъ человеческимъ, раздѣленнымъ на народы! Но если эти семейства несогласнѣе

націй жили между собою, по надобно изъяснить заключить, что война есть натуральное состояніе человека, прежде нежели употреблялъ онъ свой разсудкъ, и послѣ какъ уже потерялъ употребленіе онаго. Кто ему возвратитъ его? Тотъ будетъ умной законодатель въ Исторіи людей, кто умѣетъ будетъ воспользоваться ошибкою однихъ, гонимъ другихъ, и выгодною, получаемую всѣми онъ общественной хорошей жизни. Послупимъ далѣе. —

Сверхъ великихъ переворотовъ, премѣняющихъ лице вселенныя, шаръ земной имѣетъ свои. Земля и вода взаимно замѣняются; и сии перемѣны безъ сомнѣнія испробовали цѣлыя націи со всѣми ихъ памяниками. Быть не можетъ, чтобъ мы восходили только до однихъ Египтянъ, или до того народа, котораго они соглашаются быть младшими. Конечно, уже тысячи поколѣній послѣдовали одно за другимъ; но рѣка забвенія унесла и самыя имена ихъ. Все проходитъ: ни что не остается, и нога впродолженіи путешественника изглаждаетъ слѣды, оставленной на песокъ его предшественникомъ. Будемъ ли мы слѣдовать скучнымъ образомъ по чертѣ, каковую всякой извѣстной народъ проводилъ на полѣ Исторіи? Что есть

народъ? большая масса, неподвижная сама по себѣ, но которую можетъ привесть въ движеніе одинъ, или по крайней мѣрѣ очень немногіе. Гражданское общество подобно тому славному городу, котораго стѣны возникли при звукахъ лиры Амфионовой; камни сами собою клались на опредѣленномъ имъ мѣстѣ; Архитекторъ былъ Пейзажистъ; это стоило ему нѣсколькихъ только гармоническихъ звуковъ. Люди, составляющіе чернь, суть дикіе камни, но послушные первымъ сообщаемымъ имъ понужденіямъ: они совсѣмъ не двигаются, еслили Геній благо- или злонамѣреннаго общественной своей пользы, или для ихъ выгодъ.

Чтобы начертать картину человѣческаго рода, постоимъ только на первыхъ рисункахъ изобразимъ главные лица каждаго вѣка, которыя на сценѣ занимали переднее мѣсто. Лѣтописи рода человеческого заключающіяся въ описаніяхъ нѣсколькихъ только людей; все прочее не стоимъ и къ нимъ. Довольно показать его въ мѣни.

Торжественный ходъ вѣковъ открывается великимъ народомъ, едва извѣстнымъ по имени и незнаемымъ по описанію, котораго впрочемъ называютъ спар-

шимъ всѣхъ націй. Перваго родоначальника его помѣщаютъ на Кавказѣ; и одна черпа объ немъ, оставшаяся до сихъ поръ, естъ имя Апланшическаго моря. Время разрушило всѣ памятники, изъ коихъ бы могли мы узнать объ немъ больше. Но Сашурнъ, пожирающій камни, ничего не можетъ сдѣлать воображенію. Оно захватило поле догадокъ, и опъ этого нимало не ограничилось; будучи столь же сильно, какъ и Природа, оно дало бытіе всѣмъ великимъ народамъ, не удаляясь припомъ совершенно опъ правилъ вѣроятности.

Согласно думаютъ, что сія великая нація происходила отъ семитовъ, такъ при испочникѣ семи успевъ Нила, едва можетъ сокрыться въ водѣ младенецъ. Таковъ почти обыкновенной ходъ всего существующаго. Опъ малѣйшей причины бывають величайшія произшествія, и эпо-по самое, можетъ быть, хопятъ означить тѣ, копорые утверждаютъ, что нѣкогда сіе великое цѣлое было ничпо.

Не трудно познать первоначальное правленіе. Пока дѣши заключаются еще въ семействѣ, по они имѣютъ начальниками, судіями и жрецами тѣхъ, опъ коихъ получили жизнь и воспитаніе. Шаспливо Правительство, коему не нужны законы!

Судьи гораздо прежде были законодатель. Какой судебникъ священнѣе голоса опца? какія распоряженія лучше хорошихъ примѣровъ? Не долго ограничивались симъ естественнымъ управленіемъ. Но пропекши кругъ политическихъ бѣдъ, человекъ опять принужденнымъ найдепъ себя обратиться къ оному, хопя не шакъ скоро, какъ удалился опъ него.

*

ПРОМЕТЕЙ.

Узы крови слабѣютъ опъ разширенія; онѣ опускаются, или по обстоятельствамъ дѣлаются слишкомъ шѣсными и тяжкими. Главъ многочисленнаго семейства не многого стоило труда заставить называть себя Царемъ; и съ сей минуты дѣши учинились его подданными.

Въ сію эпоху сіяетъ въ Исторіи первое извѣстное и доспойное бытіе шаквымъ имя, ибо въ Прометѣе не всё баснь или догадки. Это былъ всеобъяшннй Геній, каковымъ онѣ долженствоваль бытіе тогда, когда все нужно было дѣлать: по крайней мѣрѣ онѣ не былъ обыкновенный смертннй; и по сему - по его называють сыномъ Титана, одного изъ сихъ

первыхъ людей, которые долѣе всѣхъ защищали естественную свою независимость, и поддерживали права ея противу первыхъ Деспотовъ. Эпихъ первыхъ заговорщиковъ изображаютъ подъ видомъ великановъ, превышающихъ подобныхъ себѣ; велику думаютъ, что надлежало бытъ болѣе нежели человеку, чѣобы осмѣлились лично напасть на Царя, которой уже выславлялъ себя за полубога. Требованія Япета, отца *Прометеева*, начальника первыхъ заговорщиковъ противъ упомянутой тиранніи, должны бытъ весьма законными; ибо въ жену ему даютъ *Темиду*, держащую въ рукахъ вѣсы. Эпихъ заговоръ имѣлъ полной успѣхъ. Юпитеръ (имя перваго извѣстнаго Деспота, другіе называютъ его *Ураносъ*) принужденъ былъ бѣжать. Сынъ защитника свободы и любительницы справедливости, *Прометей*, воспользовался общепельствами, и хотѣлъ бытъ законодателемъ небольшой колоніи, которой Япетъ былъ избавителемъ. Люди въ сіе время были еще очень грубы: ихъ представляютъ намъ такъ какъ необдѣланныхъ спануй; *Прометей* принимается одушевить ихъ свѣпомъ своего Генія. Онъ собираетъ народъ около престола, опустѣвшаго бѣгствомъ Госуда-

ря; и держа въ рукѣ факель, такъ говоритъ своимъ соотечественникамъ:

„Друзья мои! ужели для того преснапи вы поклонялись Солнцу, чѣобы посмѣднымъ образомъ благоговѣть предъ однимъ изъ подобныхъ себѣ? Вы позволили равному вамъ сѣсть выше вашихъ главъ, на эпихъ возвышенномъ престолѣ; я видѣлъ, какъ вы ползаете при подножіи его. Спыдитесь своего заблужденія! Сожжемъ эпихъ протѣ, и не будемъ имѣть другаго Государя, кромѣ эпихъ прекраснаго свѣшила, которое освѣщаетъ ваши пруды, оплодотворяетъ ваши поля, управляетъ вашими днями и ночами. Искра жизни, служающая вашимъ шѣла, есть изліянiе Солнца: спрашите оскверните чистые лучи его изображеніемъ рабства! оно хотѣтъ сіять только для людей свободныхъ. Подъ его благотворнымъ взоромъ, займемся полезными опкрытіями, и поспѣшимъ вмѣстѣ съ нимъ сдѣлать наше жилище спокойнѣйшимъ. Не много семействъ имѣютъ дома; большая часть изъ васъ, подобно ползающему червяку, выкапываютъ себѣ темныя норы въ землѣ, гдѣ вы едва можете узнавать времена года и ихъ различныя вліянія. Вы знаете только восходъ и западъ Солнца; ночью, по захожденіи сего свѣшила за гору, другія

свѣшила восходящѣ и заходящѣ, и предсказываютъ намъ свою помощь для руководствованія насъ. Не могли понимать другъ друга, мы едва можемъ и сообщать взаимно свои мысли. Время согласился въ нѣкопрыхъ знакахъ и приписать имъ извѣстной смыслъ, такой же какъ и различнымъ понамъ голоса, дабы собираться въ нужномъ случаѣ, и имѣть согласіе и порядокъ въ дѣлахъ. Вокругъ насъ есть живошныя, смиренныя и послушныя, которыя участвуютъ въ плодахъ земныхъ; да раздѣляютъ они также и наши шруды! вспрягите вола подѣ ярсмъ, наложите на лошадей узду; пусть они носятъ или влекутъ ваши шяжести!“

„Вы окружены водами моря; можно зашавить и волны переносить васъ отъ одного берега на другой; рыбы и птицы показываютъ вамъ въ шомъ примѣръ; сдѣлайте себѣ рыбы перья и крылья; помощью плоской палки, вы по волѣ можете управлять на водѣ выдолбленнымъ деревомъ, въ которомъ взойдете. Наше шѣло есть брешная машина, шребующая или предохраненій или поправленій. Случай показалъ мнѣ шравы, ошановляющія кровь и зашворяющія раны. Безъ сомнѣнія много и другихъ растений имѣютъ свои силы, шпоишъ

только ихъ испытать. Земля, шполь плодородная на своей поверхности и при малѣйшемъ шпараніи, заключаетъ въ шѣдрѣ шсемъ сокровища, полезныя по шему мнѣнію; у насъ нѣтъ веществъ шверже дерева, но, кажется, я открылъ ихъ: отъ шраспошляющаго отъ огня. Не ослабѣвайте, друзья мои! займемся улучшеніемъ общаго наслѣдства, и будемъ жить какъ братья безъ Государя!“

Между шѣмъ какъ *Прометей* расплагалъ первой народъ такимъ образомъ къ шшасшю, *Деспотъ*, обратившійся въ бѣгство, возвратился съ силою: неблагошаръ была шробкая чернь, каковою она всегда вы и попустила увлечь *Прометей*, обремененнаго шѣпями, на вершъ Кавказа, дабы намъ предсказали его горешной и плачевной смерти. Такова была участь малоуспѣшная древнѣйшаго изъ законодательей!

Возвратившемуся шшранну не шрудно было увѣрить своихъ подданныхъ, что всѣ шведенія *Прометеевы* будутъ имъ пагубны; что отъ вымысловъ сего шреобразователя произойдутъ всѣ бѣдствія и шраспространятся по землѣ. Нечестивецъ, такъ разгласили о *Прометѣѣ*, осмѣлился спорить съ богами и украсилъ у нихъ не-

бесной огонь. Видѣли, какъ дерзкой возжигалъ свѣпильникъ лучами солнца, спрясалъ искры его на персть, слѣпленную его рукою, и сообщалъ сей глинѣ жаръ чувствованія и дыханіе жизни.

Изгнанный, оклеветанный, великой челоуѣкъ можетъ быть съ ужасною мыслію, что ославляетъ по себѣ обоюдное воспоминаніе. Попомство опмсило за него, назвавъ его именемъ одно созвѣздіе сѣвернаго полушарія. Боготвореніе позднее! Но и злые нимало не сопрошивлялись сему. Гоня добрыхъ при жизни, они спѣшамъ боготворить ихъ по смерти.

Спихопворить ^{Помимо} ^{Помимо} и сдѣлавъ ее вить ролю сего челоуѣка, чудесною, рѣшили взять *Прометей* за образецъ; это случилось и со многими другими. Смертные, прославившіеся въ сіи первыя времена, всѣ почти имѣюпъ двѣ напуры: они вмѣстѣ боги и челоуѣки. Испина затмевается очарованіемъ басни (1); и въ эпомъ - по опношеніи Поэзія много надѣлала вреда Исторіи. Ахъ! ужели для того должно поспавляпъ

(1) Нынѣ такъ называемая баснь служила прежде вмѣсто Исторіи. *Pantheon, ou la figures de la fable.* p. 5: disc. prelim.

великихъ людей на возвышенностяхъ или на жертвенникахъ, чпобы скорѣе поперяпъ ихъ изъ вида?

Гнусной поступокъ, учиненный пропивъ *Прометей*, возмушилъ многія семейства; онѣ оспавили опечесство свое, и удалились въ спорону Кавказа, основапъ шамъ колоніи. Нѣкопорые, пользуясь уроками *благотворнаго бога* (ибо имя *Прометеево* сіе означаетъ), усовершенствовали первые свои челноки, привязали къ нимъ парусы и пуспились въ море, въ намѣреніи пристать къ ближайшему оспрову, удаленному опъ ихъ опечесства, гдѣ воздвигли Юпишеру, еще при жизни его, олтари. Съ сего - по времени, пресупникъ боготворимъ спалъ еще при своей жизни, а памяпи Мудраго воскурили оиміамъ, уже долго спуспя по смерти его.

Одна изъ вышеупомянутыхъ нами эмиграцій съ большимъ пропивъ прочихъ успѣхомъ занималась полезными художествами, къ копорымъ *Прометей* вдохнулъ вкусъ. Дагону, одному изъ начальниковъ эпои колоніи, приписываютъ честь изобрѣпенія плуга; но кпо первой, взявъ колъ, опверзъ землю и провелъ на ней бразду, можетъ быть былъ испинный изобрѣпатель земледеспства. Его гробъ сдѣлался жертвенникомъ, гдѣ поклонялись ему

подъ прекраснѣйшимъ именемъ бога - земледѣльца. Эпи подробности не есть чтолибо постороннее для рода человѣческаго: онъ суть эпиплы его благородства. Если бы Исторія заключала подобныя произшествія, то она не была бы такъ обширна; можетъ быть нѣкогда и нужно будемъ ограничить ее эпимъ. Скоро мы будемъ спыдипься самихъ себя, для чего такъ долго не сокрыли большую часть дѣяній, входящихъ въ составъ нашихъ лѣтописей. Перейдемъ изъ Азіи въ Европу.

*

САТУРНЪ (1).

Сатурнъ первой изъ смертныхъ царствовалъ надъ подобными себѣ, и въ поже самое время былъ первымъ божествомъ ихъ. Они были имъ щасливы, а онъ былъ ими боготворимъ. Впрочемъ онъ не былъ первымъ законодательемъ: управляемые имъ, проспы люди, могли еще обойпись безъ судейника. Вѣсы Ѳемиды не

(1) *Primus mortales inter Saturnus et olim regnavit.*

Первой изъ смертныхъ Сатурнъ царствовалъ древле.

Sibillae erith. carmen.

нужны, когда невинность замѣняетъ законъ. Онъ усовершенствовалъ земледѣліе и изобрѣлъ серпъ, которой опдалъ въ наслѣдство жипедямъ плодоносной Тринакріи. Онъ оставилъ по себѣ еще нѣчто драгоценнѣйшее, чѣмъ однакожь не умѣли надлежащимъ образомъ воспользоваться, п. е. память о своемъ прямо опеческомъ правленіи. Онъ былъ только первой между равными. Древняя Авзонія одолжена ему своимъ золотымъ вѣкомъ; онъ возвратилъ смертнымъ первую невинность однимъ примѣромъ своимъ. Онъ не писалъ законовъ и имени своего на мраморныхъ или мѣдныхъ сполбахъ. Никогда руки его не были обогрены кровію враговъ. Земледѣльческія орудія были его оружіемъ; мирные пруды его уроками. Онъ подвелъ подъ многія проспыя правила правленіе, которое честлюбивые нашли уже средство заупаать; кропкая справедливоспъ при жизни его замѣняла спроее правосудіе. Онъ больше всего одобрялъ брапское равенство и доброе согласіе.

*

СИЛЬВАНЪ.

Между прочими дѣпьми Сатурнъ имѣлъ Сильвана. По всему доспойный своего опца, онъ любилъ также сельскіе нра-

вы и домашнія добродѣтели. Геронизмъ браней мало его прогалъ. Онъ искалъ славы невиннѣйшей. Будучи законодательмъ колоніи Пеласговъ у Лапинъ (1), онъ обучилъ ихъ искусству улучшать лѣса. Онъ издалъ многія мудрыя распоряженія къ назначенію взаимныхъ межей собственности каждаго (2), и къ утвержденію согласія между двумя живущими другъ съ другомъ въ сосѣдствѣ владѣльцами. Паспущеская жизнь обратила на себя всѣ его старанія. Онъ упоиребилъ все, чшобы привеслъ въ любовь у людей эпошъ родъ занятія; успавилъ праздники для паспуховъ, и назначилъ награду шѣмъ изъ нихъ, копорые лучше всѣхъ умѣли водить спада. Онъ запретилъ также приносить въ жертву благодѣтельную корову, доставляющую намъ пипапсельное молоко, — и кропкую овцу, опдающую намъ для одежды свое руно; а вмѣсто ихъ позволяилъ убивать прожорливыхъ свиней.

За всѣ эти благошворные законы *Сильванъ* былъ любимъ при жизни своей, и при-

(1) Онъ тамъ царствовалъ для пользы смертныхъ. *Encyclop.*

(2) . . . *Et te, pater.*

Sylvane, tutor finium.

Horat. *epod.*

чпенъ въ число боговъ по смерти. Признапельные народы назначили ему богослуженіе и храмы сельскіе. Ему посвящены первые цвѣпы весны и первые плоды лѣпа: на покрытыхъ зеленою жершвенникахъ его льютъ первыя капли свѣжаго молока (1).

Г Е Р М Е С Ъ .

Гермесъ уступаетъ только *Прометею* *Гермесъ*, или *Θαυμъ*, или *Меркурій*, родомъ изъ *Еиппа*, или изъ *Финикіи* (2), былъ первой человекъ, копорой спрансшвовалъ для прѣобрѣненія познаній, и пер-

(1) *Sylvanum lacte piabant.*

Horat. *ep. I. Lib. 1.*

Возвратится ли сей щасливой вѣкъ, когда смертные — простые паспухи, приносили на жертву богу *Сильвану* молоко и цвѣпы? —

(2) *Mercuri facunde*

Qui feros cultus hominum recentum

Vocem formasti cantus

Horat.

Меркурій, богъ краснорѣчивый!

Тобою мѣръ спалъ мѣръ щасливый:

Ты первыхъ жшпелей земли образовалъ,
Ихъ нравы умягчилъ — и къ кропости прѣзвалъ.

вой законодатель, которой ссавилъ положительные законы „ по еспь „ писанные на твердыхъ памятникахъ. Онъ одаренъ былъ, также какъ и сынъ Япетовъ, Гениемъ всеобъемлющимъ. Прометей и Титъ наполнили вселенную своими открытіями. Однакожь предшественникъ *Гермеса* повидимому имѣлъ даръ изобрѣненія въ высочайшемъ степени; послѣдній прибавилъ только къ тому, что найдено было прежде его. Имя его звучитъ еще въ отголоскахъ на берегахъ Нила. Народъ, наповаемый водами сей пипательной рѣки, одолженъ Трисмегисту своимъ языкомъ, всею гражданственностію и своимъ правленіемъ. Жрецы отъ него получили свои священные знаки и глубокія свѣденія, копорыя они содержатъ въ тайнѣ отъ постороннихъ. — Для чего же бы подъ проинымъ покрываломъ укрываешь истину отъ взоровъ смертныхъ, какъ будто бы они были ея недоспойны? можно ли когда-нибудь познать истину очень скоро?

Гермесу дѣлають важныя укоризны: „Онъ сдѣлалъ Деслота изъ Царя.“ Къ этому не великой потребенъ палантъ.

„Онъ обманулъ народъ въроломнымъ краснорѣчїемъ.“ Но еспьли народъ, не зная хранишь мѣръ ни въ добрѣ ни въ злѣ, и

идучи самъ подъ иго, доказалъ, что это для него было нужно! . . . Присупимъ къ Юпитеру.

*

Ю П И Т Е Р Ъ.

Юпитеръ, имѣя гораздо менѣ свѣденій, нежели Прометей и Титъ, но гораздо болѣ ловкости, — провель сперва нѣсколько времени на горѣ Идѣ. Кривые подумали, что это сдѣлалъ онъ для размышленія о законахъ, имѣ отъ него данныхъ. *Юпитеръ* пріучилъ къ себѣ орла: въ одинъ вечеръ увидѣли, что онъ спускался съ горы, несомый на облакѣ, сидя на золотомъ тронѣ, имѣя вмѣсто подножія царя пипцѣ. Діадима увѣнчавала чело его; правая рука подпиралась длиннымъ скиптромъ, лѣвая вооружена была искусною машиною, похожею на блески молніи (1).

Народъ предубѣжденъ былъ о семъ необычайномъ зрѣлищѣ. *Юпитеръ* при всемъ этомъ снарядѣ опустился подлѣ одного дуба, прекраснѣйшаго изъ всей страны. Сбѣжались со всѣхъ сторонъ, и находились

(1) *Jupiter fulgurator.*

въ ожиданіи. „Оспровипяне! (сказалъ одинъ голосъ) слушайте въ молчаніи, и примите съ священнымъ благоговѣніемъ мудрые законы, черезъ долге время обдуманые на вершинѣ горы Иды. Гореніемъ, копорые ихъ пресупяпъ!“ Топчасъ посшавлены два сполба; на нихъ начертаны были нѣкопорыя установленія, безъ копорыхъ удобно обойтись могли Крипяне. Доселъ они сами собою прекращали свои ссоры; старѣйшій изъ нихъ былъ вмѣсто посредника; его бѣлая длинная брада придавала важности рѣшеніямъ его, вдыхаемымъ здравымъ смысломъ. Сіе естественное судопроизводство показалося слишкомъ проснымъ законодателю - Юлитеру. Онъ учредилъ суды и засѣдателей въ нихъ, предоспавя въпрочемъ народу выборъ своихъ судей. Сіе введеніе показалося удачнымъ; но можетъ быть скоро могли бы въ эпемъ раскаяшья. Для ушверженія своего деспотизма, Юлитеръ взялъ предоспорожностъ прикрыть его видомъ демократіи; народъ ковалъ себѣ цѣпи, самъ этого не зная. „Дѣти мои! (сказалъ онъ народу) вы все равны. Живите такъ, какъ братья; но чшобы вамъ было въ лучшемъ согласіи, и вѣрите свои выгоды и права небольшому числу выбранныхъ между вами. Ведите общеспвенную жизнь

подобно великому семейству, будучи управляемы совѣтами одного или многихъ Мудрецовъ.“ — Ему не дали кончить. Топчасъ провозгласили его великимъ Законодателемъ всего Крипа; энпузіазмъ просперся до того, чшо его почтили именемъ *бога живаго*. (1).

Чшобы упишить ропотъ нѣкопораго числа оспровипяпъ, копорые были дальновиднѣе другихъ, онъ низложилъ ихъ, приведши въ ненависть народу. Все ему удалось. Шаспливый своимъ оружіемъ, сильный своими законами, онъ собиралъ пошпихоньку плоды деспотизма въ нѣдрѣ распушсшва.

*

Б А Х У С Ъ.

Прѣумножишь ли намъ списокъ древнихъ законодателей присоединеніемъ имени *Бахуса*? И для чего же намъ отъ того отпрекашья? удовольствія пиршества были первыми узлами общеспвенной жизни.

Ни чшо не смягчаетъ такъ нравы, ни чшо такъ не сближаетъ смертныхъ, ни чшо споль крѣпко не связуетъ ихъ,

(1) *Jupiter, Zeus.*

какъ чаша вина, которую обносятъ кругомъ въ собраніи многихъ собесѣдниковъ. Преданіе утверждаетъ, что *Бакхусъ* виноградною кислицю творилъ такія же чудеса, какія Орфей своею лирою.

Бакхусъ первой обратилъ вниманіе на дѣйствіе вина, употребляемаго въ различныхъ пріемахъ; и сей великій человѣкъ провидѣлъ, что ни что болѣе сего не нужно къ тому, дабы привести смертныхъ къ пріятности общесннн. Такимъ образомъ за споломъ, между чашами вина, сей необыкновенный законодатель изрекъ свои законы, и начерпалъ первые планы гражданской жизни; среди пиршества онъ обратилъ къ веселымъ собесѣдникамъ, его окружавшимъ, слѣдующія слова: „Друзья мои! вмѣсто того, чтобы намъ возвращаться въ лѣса и уныло разсѣиваться тамъ, разведемъ виноградъ, приложимъ къ нему свое стараніе, и въ извѣстные дни будемъ собираться на это мѣсто, вокругъ этого камня, дабы вмѣстѣ вкушать сіе божественное пище, которое угрюмыхъ незнакомцевъ перемѣняетъ въ ласковыхъ братьевъ! Не будемъ разставаться другъ съ другомъ; будемъ жить вмѣстѣ, и воздадимъ благодарность сему сладостному плоду! Не испытали ли вы сами, что послѣ вкушенія его вы гораздо

болѣе любите вашихъ женъ и вашихъ дѣтей? Чеснь винограду, первой связи человеческого общесннн! слава вину, нектару людей, вознаграждающему ихъ за то, что они не боги!“

Спихотворцы предавались всѣмъ изспупленіямъ ума, наполненнаго обезумливающимъ чадомъ *Бакхуса* (1). Въ воспоргахъ своихъ они заспавляютъ его пупешествованъ даже въ Индію, съ жезломъ вмѣсто скипетра; вмѣсто Миниспровъ окружающъ его женщины, разгоряченныя винными парами. *Бакхусъ* становится завоевателемъ свѣта; цѣлая вселенная не принадлежишь ли къ охотникамъ до вина? ни что имъ не пропившнн. Изъ сихъ удивительныхъ разсказовъ можно выбрать наспоющую исторію. Изобрѣпатель виноградниковъ долженствоватъ быть повсюду принятъ ласково. Его призывали со всѣхъ споронъ, дабы пользоваться его наспавленіями. Онъ далъ правила земледѣлія. Соединились вмѣстѣ разчищать холмы, садить и собирать виноградъ, и выжимать изъ него вино; и находя выгоднѣе жить вмѣстѣ,

(1) Спихотворцы напивались, когда писали исторію бога пьянства. *Pantheon, ou figures de la Fable.* p. 53.

оспались такимъ образомъ на цѣлую зиму; одинъ подлѣ другаго соорили прежде землянки, и потомъ дома. Говоряшъ, что *Бахусъ*, богъ пьянства, не могъ не сдѣлаться Деспотомъ. Въ дальнихъ своихъ походахъ онъ замѣчалъ на пуши своемъ земли, способныя къ тому, чибобы ихъ преобразовашъ въ виноградники. Народы, къ которымъ онъ приходилъ, не всѣ были съ нимъ согласны. Дабы привлечь ихъ на свою сторону, онъ сперва подчивалъ ихъ божественнымъ напитокомъ, которымъ онъ наполнилъ мѣха и возилъ съ собою. Большая часть селеній потчасъ предавались сему мирному завоевателю, и умножали число побѣдоносной его свиты. Но многіе другіе, будучи хладнокровнѣе, при видѣ пьянственныхъ беспорядковъ и престарѣлаго Силена, котораго должно было всегда носить на себѣ, отказывались отъ ярма, переплешеннаго виноградною вѣнкою. Въ наказаніе за сіе, *Бахусъ* приказывалъ своимъ воинамъ поражать ихъ жезломъ своимъ (*); это былъ родъ осп-

(*) Въ праздникахъ *Бахусовыхъ* давали прозвание: *Бромія*, шумнаго, сему богу представленному въ такомъ случаѣ въ военной одеждѣ.

раго копья, прикрышаго плющемъ: тогда кровь человѣческая смѣсилась съ виномъ. Убийства сдѣлали плачевными самыя веселыя сцены: шѣ заплашили жизнью, которые упорствовали воздавать поклоненіе вину, какое до шѣхъ поръ воздавали водѣ. Но скажемъ опять, что первой изъ законодателей былъ законодатель пиршествъ — *Бахусъ*; дабы соблюсти благопристойность, *Бахусъ* учредилъ правилей праздниковъ, которые въ послѣдствіи времени учинились правилами городовъ.

*

Г Е Р К У Л Е С Ъ.

Присупимъ къ *Геркулесу* (1), лицу самому чрезвычайному, какое только пред-

(1) . . . Дойдемъ до истинны, которая была такова, какъ повѣствуетъ *Діонисій Галикарнасскій*. *Геркулесъ* былъ любимый предводитель своего времени; имѣя храброе и сильное войско, онъ высматривалъ и изыскивалъ шѣхъ, которые тираннически поступали съ своими подданными, возвращалъ права народамъ . . . и проч. —

Duchoul, *relig. des Rom.*

спавляешъ первобытная Испорія чело-
вческаго рода, и которое Мифологія должна
уважитъ безъ сомнѣнія. Онъ можетъ быть
и нынѣ одинъ изъ самыхъ великихъ лю-
дей. Онъ гораздо выше Прометея и Та-
ута. Онъ былъ болѣе, нежели законода-
тель. Видя, что народы послѣ своего
образованія не сдѣлались щасливѣе, и
что законы были слабою преградой къ
тому, чтобъ остановить распущенство нра-
вовъ, повреждаемыхъ по мѣрѣ усовершен-
ствованія гражданственной жизни, *Герку-
лесъ* сказалъ самому себѣ нѣсколько словъ:
„Доброй челоѣкъ дѣлаетъ законы, а злой
ихъ презираетъ; и такъ наглоси должно
обуздывать силою: возстанемъ и поидемъ!
Люди несправедливые, которые ни за что
считаете вѣсы *Θемиды*! можетъ быть вы
будете уважать болѣе дубину *Геркулесову*.
Я дѣлаю обѣщанья наказывать ложь и зло-
дѣйство, защищать невинность и добро-
дѣтель. Повсюду, гдѣ только они ни
вспрѣпятся со мною, пусть всякой изъ
подобныхъ мнѣ сдѣлаетъ поже, и шаръ
земный вскорѣ будетъ очищенъ отъ зла;
поидемъ!“ — Сказавъ сіе, вооружается
простою дубиною, которую самъ онъ
выбралъ для себя въ ближайшемъ лѣсу.

Ему сказали: „*Θивы* недавно подверг-
лися игу *Эргина*. Сей небольшой Деспотъ

Миніэнцовъ измѣническимъ образомъ за-
владѣлъ симъ прекраснымъ городомъ; обез-
оружилъ пошчасъ всѣхъ гражданъ, и
сверхъ того налагаетъ имъ уничижитель-
ные законы и тягоспную дань.“

Геркулесъ лепитъ въ *Θивы*; подходитъ
къ однимъ изъ спа врагъ сего города
въ то самое время, когда сборщики Деспо-
та, поднявши вверхъ палку, требовали
отъ жителей пошпыдной дани, должен-
ствующей привести ихъ въ совершенную
бѣдность. *Геркулесъ* влечетъ на публич-
ную площадь Министръ въ ширанна *Эрги-
на*, и раздавливаютъ имъ руки предъ гла-
зами изумленного народа. Государь ихъ,
услышавъ о такомъ покушеніи, спѣшилъ
наказать виновника онаго. Онъ посылаетъ
предъ собою герольда, который его име-
немъ объявляетъ *Θивейцамъ*, чтобы они
выдали ему *Геркулеса*; въ противномъ
случаѣ погибнуть всѣ вмѣстѣ съ нимъ.
Граждане разсуждаютъ, колеблются. —
„Друзья мои! (сказалъ имъ Герой Приро-
ды) выдавая меня Деспоту, не думайте
опкупиться шѣмъ сами; вы раздѣлите
со мною казнь за то, что не пропиви-
лись великому дѣйствію правосудія, про-
изходившему въ вашемъ присупствіи. Вотъ
лучше что сдѣлайте: на сводахъ и спѣ-
нахъ вашихъ храмовъ висятъ священныя

оружія: вооружимъ ими наши руки, и пойдёмъ на встрѣчу Эргину; я вамъ отвѣчаю за пиранна, онъ долженъ пасть подъ моими ударами.“ Ему повѣрили, и Оизы освобождены.

Сказали, что на берегахъ Термодоона, подлѣ города Темискиры, женщины, опказавшись отъ своего пола, приняли мужеской, и выбрали себѣ Царицу. *Геркулесъ* являясь къ ней. „Мессалиппа! (такъ называлась она) именемъ Нилуры и разума повелѣваю тебѣ и твоимъ послѣдовательницамъ бросить оружіе. Я пришелъ отобрать ихъ у васъ и отвести васъ въ ваши дома, гдѣ ожидаютъ васъ занятія приличнѣйшія военнаго искусства.“ — „Нѣтъ! отвѣчали онъ, мы хотимъ сражаться.“ — „*Геркулесъ*, отвѣчалъ Герой, не сражается съ женщинами, но умѣетъ приводить ихъ къ обязанностямъ, отъ которыхъ онъ удалился!“ — и началъ одною рукою обезоруживать Царицу Амазонокъ, между тѣмъ какъ другая движеніемъ дубины, поднятой въ верхъ, отражала нападенія подругъ Мессалиппы. Увидя связанные назадъ руки своей Царицы, онъ отвязал свои луки и калчаны, чтобы поскорѣе убѣжать. Больше не слышно было объ нихъ ни слова.

Элидской Царь Авгіасъ испощалъ государственную казну на содержаніе великаго числа царедворцевъ, публичныхъ женщинъ и жрецовъ; ибо онъ вмѣстѣ былъ очень набоженъ и очень распушенъ. Государь сей отвелъ для нихъ во дворцѣ три отдѣленія, которыхъ называлъ своими конюшнями. Имя *Геркулесово* лешало уже изъ устъ въ уста. Граждане, будучи не въ состояніи дѣйствовать сами собою, отправили къ нему тайно депутатовъ, приглашая его очистить Авгіасовы спойла; онъ исполнилъ ихъ желаніе. Рѣка Пеней омывала стѣны города; *Геркулесъ* приходилъ, созываетъ гражданъ, беретъ надъ ними начальство, и заставляя ихъ воды Пеней прогнать во рвы, окружающіе Дворецъ; потомъ вмѣстѣ съ ними является къ Царю, которой приготовлялся къ оборонѣ, и говоритъ ему: „Это не для тебя. Оставайся въ покоѣ. Мы пришли только выбросить навозъ изъ твоихъ конюшенъ; дозвожь намъ это сдѣлать.“ И не дожидаясь отвѣта, *Геркулесъ* и народъ низвергаютъ во рвы, наполненные водою, придворныхъ, непогрѣбныхъ женщинъ и жрецовъ.

Геркулесъ узнаетъ, что мудрый Прометей, коего онъ оплакивалъ поперю, дышитъ еще въ пѣпяхъ на Кавказѣ. „Благодѣтели людей! не ужели это твоя на-

града? Сказавъ сіе, идетъ въ Скию, и сыну Япепову возвращена свобода; но Прометей, сдѣлавшись мизантропомъ, не хотѣлъ сойти съ Кавказа; онъ окончилъ тамъ жизнь свою въ созерцаніи Природы, подобно дикому плоду, которой созрѣваетъ въ пустынѣ, и сваливается съ дерева не будучи сорванъ.

Геркулесъ, отдохнувши нѣсколько въ объятіяхъ своего печальнаго друга, оставилъ Скию, и пошелъ во Фракію, гдѣ присущствіе его было нужно. Великія злодѣянія тамъ происходили ежедневно, и никто не смѣлъ остановить печенія оныхъ; ибо виновникомъ былъ самъ царь. Діомедъ кормилъ прекрасныхъ кобылицъ человѣческимъ мясомъ. *Геркулесъ* далъ имъ на съѣденіе прѣпещущіе члены чудовища, которое прѣучило ихъ къ такой пицѣ.

На берегахъ Африки возраспала колонія развращенныхъ людей, извѣстныхъ подъ именемъ Пигмеевъ. Царь ихъ сдѣлалъ обѣтъ, построитъ Непшуну храмъ, ксего столбы должны состоять изъ человѣческихъ череповъ. Для исполненія сего страшнаго обѣта, Аншей умерщвлялъ своею рукою несчастныхъ путешественниковъ, заблудившихся на сихъ ужасныхъ берегахъ. При семъ извѣстїи

Геркулесъ произноситъ клятву, что онъ не уснетъ до тѣхъ поръ, пока не накажетъ сего вѣщноснаго злодѣя. Тотчасъ отправляется, приходитъ, и человѣчество оживаетъ. Еще одно чудовище изпребляется на земли. Но едва только онъ освободилъ ее отъ одного лютаго звѣря, какъ имя другаго разперзало его душу и опять воспламенило въ немъ неутомимое мужество; онъ переправляется въ Египетъ, куда призывалъ его всеобщій ропотъ прошивъ Бузирида. Сей царь ѣздилъ ловить чужеземцевъ, такъ какъ на звѣриную ловлю, а для опыта первый шагъ на пути злодѣянїи онъ ознаменовалъ убійствомъ своего отца. *Геркулесъ*, по прибытїи своемъ, освободилъ отъ него берега Нила; но не могъ удержаться, чтобы не выговорить жителямъ шакъ: „Подлецы! неужели вы не могли заключить его въ оковы при первыхъ признакахъ его бѣшенства? Его злодѣйства суть ваши, ибо вы были мирными свидѣтелями оныхъ.“

Въ Лидїи одинъ знатной владѣтель, по имени Силей, не прилагая рукъ къ обработыванію своихъ обширныхъ владѣній, распавилъ на большой дорогѣ путешественникамъ сѣти, и включая ихъ въ число своихъ невольниковъ, принуждалъ воздѣ-

львать свой виноградникъ. *Геркулесъ* убилъ его однимъ ударомъ заступа.

Подробно Мудрецамъ, открывающимъ школу и образуящимъ учениковъ, *Геркулесъ*, котораго можно назвать *вооруженнымъ законодателемъ*, привязалъ къ себѣ небольшую толпу учениковъ, опрядъ молодыхъ людей съ такимъ же характеромъ, какъ и онъ, которые не могли слушать повѣспованія о зломъ поступкѣ, не чувствуя себя воспламененными справедливымъ негодованіемъ; предводительствуя симъ - по священнымъ ополченіемъ, онъ пробогалъ цѣлой свѣпъ, ища низлагать злодѣевъ и защищать добрыхъ. Увы! послѣ его смерти разсѣянные ученики не всѣ спсвовали по спезямъ его; и къ довершенію несчастія, клевета обременила кошеръ, на которомъ Алкидъ испуспилъ духъ, всѣми преспуспленіями, за которые онъ наказывалъ съ такимъ мужеспвомъ въ продолженіе своей жизни.

Мы много насчитываемъ славныхъ законодательей; но *Геркулесъ* былъ только одинъ.

Говорить ли намъ о Белѣ, основателѣ Вавилона? Но основаніе города не есть ни усиліе Генія, ни дѣспвіе правосудія, ни черпа добродѣтели; а часто только большая сѣпъ, разкинутая для удержанія

простыхъ людей въ узахъ Деспота, подѣ предлогомъ личной ихъ безопасности.

*

С Е М И Р А М И Д А .

Откроемъ очи при великомъ феноменѣ; возрیمъ на восемьдесятъ милліоновъ людей, спуспя нѣсколько лѣпъ послѣ Бела, повиновавшихся законамъ женщины; и эта женщина была *Семирамида*. Она не находила большей покорности въ овцахъ, которыхъ сперегла на берегахъ озера Марфизіи, подлѣ Аскалона: ибо сія царица — законодательница и завоевательница, которая сначала была *любимною женщиною* въ Нинивіи, потомъ супругою царскаго любимца, а послѣ женою самаго царя; сія *Семирамида*, которая вела войну съ оспервеннѣнемъ дикаго звѣря, и предавалась удовольствіямъ съ скопосптію волчицы, произведена на свѣпъ сельскою дѣвучкою, спольже пихою, какъ и голубка, коей дали ей имя. Во все теченіе весьма продолжительнаго ея царспованія, она знала только разоряпъ людей и спроить великолѣпныя и бесполезныя зданія. Сія женщина находилъ уже панигирисповъ; не смѣюпъ говорить о ея нравахъ, но превозносяпъ Геній ея, который болѣе

сорока лѣтъ давалъ законы сему обширному пространству земли, заключающемуся между Океаномъ и Индомъ, Танаисомъ и Ниломъ. Это только доказываетъ, что народы сущь спада.

А Р Б А С Ъ.

Мидянинъ, побѣдитель Сарданапала, *Арбасъ*, употребилъ мѣру, отъ которой не оприся бы самый мудрейшій законодатель. Будучи властелиномъ Нинивѣи и жизни гражданъ, онъ разсѣялъ ихъ по сосѣднимъ полямъ, которыя оставлены были для столицы, и срылъ сей великой городъ; въ первой разъ можетъ быть завоеватель сдѣлался кровопролителемъ человѣчества и земледѣля.

Арбасъ сдѣлалъ еще болѣе: унижилъ привилегіи Самрацовъ предъ правами народа, и созвалъ націю: дѣлая сей великой шагъ, онъ можетъ быть зналъ напередъ, что народъ, очень мало просвѣщенной къ тому, чтобы опять получить самовластіе, которое по видимому возвращали или оставляли ему, не сдѣлается чрезъ сіе менѣе покорнымъ законамъ своего новаго Государя. Съ другой стороны, свобода убѣгаетъ великихъ спеченій людей, что

и случилось. Исторія умалчиваетъ о слѣдствіи сего произшествія, и не поспавляетъ *Арбаса* въ числѣ истинныхъ законодателей. На мѣсто Деспотизма онъ ввелъ Аристократическое правленіе, еще худшее.

Д Е Й О Ц Е З Ъ.

Дейоцезъ у Мидянъ предпринялъ революцію, совершенно противоположную правленію *Арбаса*, и успѣлъ лучше. Онъ былъ правителемъ небольшой своей колоніи. Желая заспавить о себѣ говорить и взять на свой страхъ слѣдствія, могущія произойти отъ слуха, онъ собираетъ сколько можно болѣе своихъ соотечественниковъ, и говоритъ имъ: „Мы свободны по видимому, друзья мои! но свободны ли въ самомъ дѣлѣ? Мы не повинемся Государямъ; но наши народоправители хуже нежели Государя; беспрестанно говоря намъ о сладостяхъ независимости, они заспавляютъ насъ нести всѣ нещастія рабства и бѣдности. Повѣрьте мнѣ! изберемъ себѣ начальника. Броды правленія не пребудутъ, чтобы такъ часто перемѣнять ихъ руками; не ужели вы не видали ихъ по обогранными кровію, по покрытыми

трязью? Легче найди одного человека с способностями, нежели многих. Не будем иметь наследственных Царей. Но для чего не иметь избирательного Государя? Испытаем это по крайней мере.

Народ, отдающий справедливость пому Орашору, которой говорилъ ему послѣдній, принялъ съ рукоплесканіями хиприя разсужденія *Дейоцеца*. Онъ провозглашенъ былъ Царемъ сперва въ своей деревнѣ, послѣ въ сосѣдственномъ городѣ, а на послѣдокъ въ самомъ Экбатанѣ, имъ основанномъ. Опасаясь превращенія счастья и мыслей, оградилъ себя пѣлохранителями, и царствовалъ съ такою мудростью, что корона и законы его безпрепятственно доставались въ наследство его сыну.

*

И Н А Х Ъ и Ф Р О Р О Н Е Й.

Между пѣмъ какъ вдоль Нила Меридъ приводилъ въ споръ землю съ водою, и утверждалъ основанія Мемериса и Фивовъ, Греція полагала первыя черпы своего полиническаго бытїя. *Инахъ*, пришедшій изъ Азіи, а другіе говорятъ изъ Египта, началъ образовывать гражданъ въ

Пелопоннезѣ, собирая подѣ шатры подлѣ одного ручья, названнаго его именемъ, многія семейства, не имѣвшія постоянныхъ жилищъ; и это-то начало Аргоса, копорой видъ города получилъ уже при *Фроронѣ*. Сей послѣдній далъ богослуженіе и законы колоніи, соединенной *Инахомъ*. Наблюдателя успѣховъ человеческого ума наиболѣе должно удивлять то, что противу обыкновеннаго свойства вещей, правительства, при ихъ рожденіи, вѣсто того, чтобы дѣйствовать одною пружиною, почти всѣ употребляютъ сугубыя средства; они приводятся въ движеніе помощію богослуженія и судейника; но то или другое могло и должно было бы быть достаточнымъ для первыхъ нуждъ. Справедливо, что потребенъ или хорошій судейникъ, или мудрое богослуженіе; и не могли сего найти, недостатокъ истинныхъ правилъ дополняютъ множествомъ ложныхъ. Дѣйство гражданскаго общества было ввѣрено или наемнымъ, или несвѣдущимъ кормицамъ.

*

Ц Е К Р О П С Ъ.

Остановимся на *Цекролсѣ*, первомъ законодатель Гречіи, или по крайней мѣрѣ Ашпики. Онъ былъ Финикіянинъ, и видѣлъ много земель. Онъ прибылъ, предводительствуя горстью чужестранцовъ, подобно ему не имѣющихъ пристанища. „Народы! сказалъ онъ полудикимъ жителямъ: окажите намъ гостепрѣимство въ замѣну новыхъ боговъ, которыхъ мы привезли къ вамъ, и которыхъ у васъ нѣтъ. Помѣстите на полевыхъ своихъ жертвенникахъ Юнону, начальствующую надъ благополучными браками. Какъ? не ужели родъ человѣческой долженъ уподобляться скопу? Не ужели мущина и женщина должны совокупляться случайно и безъ выбора? Мы предлагаемъ вамъ раздѣлить вашу землю и жителей на двенадцать племенъ, каждое племя на многія поколѣнія, каждое поколѣніе на многія семейства. Сближьтесь, совокупитесь; вы будете послѣ сего сильнѣе къ отраженію общихъ опасностей; да будутъ ваши жилища прикосновенны другъ къ другу! воздѣлывайте мирно поля свои. Ваши жрецы велятъ вамъ убивать пельцовъ на олшаряхъ ихъ; но я говорю вамъ именемъ Минервы, богини мудрыхъ совѣтовъ:

берегите пельцовъ своихъ для воздѣлыванія вашихъ земель, имѣющихъ въ этомъ нужду. Приношеніе правы или дѣловъ, въ знакъ чистаго сердца, болѣе угодно будетъ Юпитеру, и небесная роса ушучитъ бразды наши. Наконецъ вы знаете только право сильнѣйшаго; мы научимъ васъ закону справедливости и несправедливости. Изберите мудрѣйшихъ изъ старѣйшихъ своихъ; поставьте ихъ судьями великихъ преступниковъ, не наказанныхъ доселѣ.“

Цекролса послушали, и Ашпика въ краткое время сдѣлалась образцемъ прочей Гречіи. Архопагъ учрежденъ былъ безъ всякаго пруда, и суды его почищаются спольже священными, какъ и прорицалище первѣйшаго изъ боговъ; — доказательство, что люди только при недостаткѣ разума принимаются за чудесное!

Родъ человѣческой повидимому неизправимъ; ибо онъ не умѣлъ воспользоваться двумя наилучшими общественными установленіями, какія только можно вообразить: Судилищемъ Архопага и Совѣтомъ Амфикипіоновъ: всѣ выгоды общественныя и частныя ограничены; все предвидѣно, распоряжено; чего еще болѣе

къ тому, чтобы быть добродѣтельнымъ и спокойнымъ?

*

К А Д М Ъ.

Кадмъ, родомъ изъ Египетскихъ *Фивъ*, изгнанный опцемъ своимъ *Агеноромъ* (*), вопрошаетъ *Оракула*, какъ приличнѣе поступить ему и спутникамъ его изгнанія? Это было обыкновенное прибѣжище несчастливцевъ, путешественниковъ и даже героевъ. Въ сіе время думали, также какъ и нынѣ, что успѣхъ предпріятія заключается въ устахъ жреца.

Оракулъ, вопрошенный старшимъ сыномъ *Царя*, отвѣтствуетъ: „Князь! будь основателемъ великаго города. Сдѣлай соперника стовратнымъ *Фивамъ*, своему прежнему опечесству. Послѣдуй медленнымъ шагамъ перваго тельца, копорой покажется тебѣ на пуши въ пущой *Аоніи*; и обними землю, гдѣ остановишься четвероное, не носившее еще ярма. Ты дашь имя эпой необитаемой, но способной къ поселенію спранѣ.“

(*) *Агеноръ*, рожденный въ *Египтѣ*, *Тирскій Царь*.

Тогда обыкновенно поступали такимъ образомъ для сдѣланія священнымъ завладѣнія порожней земли. Религія всегда помогала полипикѣ. *Оракулъ* заспавляетъ уважать право перваго обитателя, и даетъ ненарушимое утвержденіе землѣ, занятой по его показанію. Сей обрядъ предупреждаетъ плачевныя распри, происходящія въ началѣ заселенія. Впрочемъ *Кадмъ* не былъ избѣжъ ошъ сего. По орошеніи основаній новаго своего опечесства кровію тельца - показателя, герою *Тирскому* предлежало сразиться съ дракономъ, или лучше съ другимъ побродягою, копорой спорилъ съ нимъ въ землѣ, и не хотѣлъ давать ему ни лѣсу, ни воды. *Кадмъ* опмсилъ ему умерщвление своихъ спутниковъ, и послѣ сдѣлалъ себѣ новыхъ воиновъ изъ зубовъ *Марсова дракона* (1). Такъ говорящъ спихотворцы.

Съ воинами можно основать колонію; но чтобы сохранить ее и дать ей блескъ, для сего должно прибѣгнуть къ наукамъ и художествамъ. Для удержанія въ соединеніи людей полудикихъ, сближенныхъ силою, необходимы языкъ и законы. Великое наводненіе, копорое Греки называютъ *Девкаліоновымъ*

(1) *Овид. превращ. кн. III. Часть V.*

попопомъ, испребивъ большую часть жи- шелей Беопіи, погребло подъ водами и памяшники ихъ рачительности. Оспалось полько темное преданіе о правилахъ язы- ка Пелазговъ. *Кадмъ* въ первомъ опече- ствѣ своемъ ввелъ въ употребленіе азбуку. Ему одолжена Греція прекрасными Фини- кіискими буквами, образующими начала письма. Онъ привезъ Беопійцамъ шесп- надцать преножниковъ, на которыхъ вы- рѣзаны были литеры, принятыя Пелаз- гами.

Языкъ есть одно изъ орудій, наиболѣе служащихъ къ образованію націи. Зако- нодатель долженъ сначала быть Грамма- тикомъ. Помощію письма изображается мысль, которую спараются узнать люди. Когда въ употребленіи одинаковое нарѣчіе, то кажется будно всѣ одинаковаго поко- лѣнія.

Мифологія повѣствуетъ, что по утвер- жденіи во впорыхъ Фивахъ (*) вѣры, *Кадмъ* женился на Гармоніи, Юпитеровой дочери. Каждой изъ боговъ предложилъ свадебной подарокъ новобрачнымъ. Венера управляла уборкою Герміоны, или Гармо-

(*) Теперь Фива, деревня въ Ливадіи, на рѣкѣ Исмено.

ніи. Паллада вышила ей плашье. Цере- ра произрастила вокругъ ихъ обильную жашву хлѣба. Аполлонъ и Меркурій иг- рали на лирѣ при концѣ пиршества.

Кадмъ, утвердивши согласіе между своими новыми подданными, приложилъ все свое спараніе къ земледѣлію, безъ ко- порого не можеть благоденствовать Госу- дарство; собралъ вокругъ себя Мудрецовъ и Художниковъ, Спихотворцевъ и Ора- поровъ; почелъ за нужное ввести даже роскошь, дочь промышленности. Но же- лая дать своему предпріятію прежде- временной блескъ, онъ можеть быть пресступилъ правила благоразумія.

Жрецы Делфовъ и Гіерофаншы Само- еракіи взаимною пользою какъ бы связаны. Повелѣніе построить городъ, данное *Кадму* Аполлоновымъ Оракуломъ, было смѣдсп- віемъ наспавленія, полученнаго имъ въ то самое время, когда онъ былъ принятъ въ таинства Корибанповъ.

Таинства суть политическія школы, гдѣ образуются люди для Государства. Въ сихъ уединеніяхъ, неприступныхъ простому народу, открываютъ глубокія тайны законодательства, касательно граж- данской жизни и богослуженія. Тутъ по- научаютъ обманывать народъ для того, дабы его просвѣтить, или по крайней мѣ-

рѣ образовать; а часно, дабы привести его въ совершенное порабощеніе.

*

Т Р И П Т О Л Е М Ъ .

Около сего времени упоминаютъ о *Триптолемѣ*, владыкѣ спада воловъ, копорыхъ онъ содержалъ наилучшимъ образомъ изо всей Греціи. По древнему преданію, онъ былъ сынъ Целея, царя Элевзинскаго. Въ сіе время носили паспущеской жезлъ, дабы научиться управляишь скипшромъ. Въ сіе время даже и цари были паспухами.

Молодой *Триптолемъ* научился искусству улучшашъ поля, и дѣлаишь жипшелей шаспливыми. Добрая богиня, говоряишь Сипшопворцы, испощила для него всеъ попеченія нѣжной машери, и ничего онъ него не скрыла. Церери показала ему всеъ обспоятельспва домашней и сельской экономіи; она научила его, какъ должно помогатиъ Природѣ, и возбуждатиъ, когда она медленна; какъ должно предупошвляишь землю, прежде ввѣренія ей сѣмянн. Она научила его распознаватиъ различіе пошвъ, шребующихъ безпрерывнаго возмѣльванія, и болѣе или менѣе продолжнтельнаго опшдыха. Она показала ему спо-

соби сѣятии и молоти, мѣспишь и класти на огонь или на горячій пепель пшеницу, измолотшую въ муку, для упошребленія въ пицу. Зеленой колосъ похожъ былъ на худую шправу; будучи подаваемъ множеспвомъ бесплодныхъ расшеній, онъ едва могъ созрѣвати. Тогда еще не имѣли пошптя о прекрасныхъ нивахъ, поспешенно желшбующихъ опъ солнечныхъ лучей. Жипшели Ашпшики довольспвовались кашшанами, падающими съ дерева при приближеніи зимы, присоединяя къ нимъ нѣсколькo дикихъ плодовъ, и добычу, получаемую опъ звѣриной охопы или рыбной ловли.

Триптолему удалось первые опыты; онъ опважился на большее, и начершилъ рисунокъ плугу (1); зспшавивъ сдѣлаишь его предъ своими глазами, онъ запрягъ въ него двухъ воловъ самыхъ лучшихъ изъ всего своего спада. Жипшва самая обильная произрасла на первыхъ имъ проведенныхъ браздахъ.

Вскорѣ слухъ объ спскрыптяхъ *Триптолемовыхъ* перешелъ за границы его опшчества. Въ различныхъ провинціяхъ Греціи желали его присущспвія. Возошедъ

(1) *Monstrator aratri.*

Виргил. *Георг.* I. ст. 19.

на деревенскую колесницу, онъ объѣхалъ берега Ионическаго моря, съ охотою сообщая изобрѣшенія свои различнымъ колоніямъ, жаждущимъ его насавленій. Онъ встрѣпилъ на пути своемъ зависниковъ, и убѣгалъ болѣе опасности.

Мирные и неподвижные пруды земледѣлія не всѣмъ понравились: предприимчивымъ честолюбцамъ болѣе приличесвуемъ жизнь бродячая. Они взирали съ неудовольствіемъ, что засѣяныя поля служатъ преградою ихъ бѣглымъ странствованіямъ. Съ сей минуты преспало преобладаніе сильнѣйшаго. Слабый, но трудолюбивый, не видѣлъ себя подвластнымъ нуждѣ. Сдѣлался великой переворотъ, для утвержденія коего потребны были законы. Тотчасъ учреждены Элевзинскія таинства. Празднованіе ихъ, устанавлено въ то время года, которое протекаетъ между первымъ паханьемъ и жатвою.

Гдѣ хотятъ обмануть, тамъ увеличиваютъ все, чтобы дать самую высокую идею о своей доброй богинѣ; жрецы учредили омовенія, посты, кровавыя жертвы, а потомъ страшныя искушенія. Молнія и привидѣнія вмѣшаны для того, чтобы сдѣлать важнѣе и священнѣе церемонію. Но къ чему же клонятся всѣ эти приборы? чтобы надѣлать шуму, и поше-

рять время. Деревенской праздникъ гораздо болѣе приличесвуемъ предмету, и припомъ гораздо веселѣе; онъ больше способствовалъ бы сохраненію цѣлоси нравовъ.

Такое безъ сомнѣнія было намѣреніе и Триптолема, какъ видно изъ трехъ законовъ, имъ изданныхъ, изъ которыхъ онъ никакого не сдѣлалъ таинства. Они написаны на деревянной доскѣ при входѣ въ Элевзинской храмъ; и теперь можно читать ихъ

I.

Не имѣй другихъ боговъ, кромѣ отца своего и матери ().*

II.

Не приноси Церерѣ въ жертву ничего, кромѣ цвѣтѣвъ.

III.

Не закалай на жертвенникахъ вола, полезнаго для земледѣлія.

Первой законъ, данный Сицилійцамъ, заключается почти въ слѣдующихъ словахъ:

Не носи косы своей на тужую ниву.

(*) Это точный смыслъ четвертаго изъ золотыхъ Пифагоровыхъ стиховъ.

Плутусь, богъ богатства, есть плодъ тайныхъ уроковъ, копорыхъ Церера удостоивла юнато *Триптолема*: остроумная и глубокомысленная аллегорія, показывающая, что земледѣліе произращаетъ сокровища. Пошекли уже эти прекрасные дни, когда поше, киво наилучшимъ образомъ умѣлъ воздѣлывать землю, предпочитаемъ былъ другимъ соперникамъ въ возведеніи на высшее достоинство. Я люблю Ромуловъ законъ, копорой всякому гражданину запрещаетъ упражненіе въ руководствѣяхъ, и дозволяетъ одно только земледѣлство.

Мудрый законодатель въ продолженіи своей жизни, *Триптолемъ* по смерти причисленъ былъ къ адскимъ судьямъ; а колесница, на копорой онъ путешествовалъ, помещена въ числѣ созвѣздій. Не лучше ли бы сдѣлать эту почесть плугу? Сіе первое земледѣльческое орудіе по крайней мѣрѣ въ другомъ мѣстѣ пользуется нѣкопорыми ошличіями. Въ Сициліи законъ не даетъ никакой власни заимодавцамъ надъ плугомъ ихъ должниковъ.

Триптолемъ хопѣлъ, чтобы Церера, названная *Доброй богиней*, была покровительствующимъ божествомъ добрыхъ семействъ. Да и дѣйствительно, гдѣ нѣтъ хлѣба, тамъ нѣтъ и мирныхъ семействъ.

Недостатокъ производитъ сколько же домашнихъ раздоровъ, какъ и чрезмѣрное изобиліе.

Съ другой стороны крѣпость брачныхъ узъ и согласіе въ семействѣхъ утвердились тогда, когда люди сдѣлались земледѣльцами (1). Первая весъ и первое законоположеніе явилось съ той минуты, когда началось земледѣліе; полевые пруды требуютъ и предполагаютъ семейство, собранное подъ одною крышкою, копорое имѣетъ у себя во владѣніи пространство земли, соразмѣрное его нуждамъ. Но вопъ другой законодатель, копорой сдѣлалъ переворотъ еще бышрѣе и блистательнѣе.

*

(1) *Et leges sanctas, et cara jugavit
Corpora conjugis, et magnas condidit urbes.*

Calvus, antiquus Poët.

Законовъ святость утвердила,
Въ пустыняхъ пышные воздвигла города;
Пріятность брачныхъ узъ вкусила
сила

Ея велѣнемъ красота.

О Р Ф Е Й.

Въ первыя времена Фракія (*) была населена небольшимъ количествомъ людей, столькоже необразованныхъ и грубыхъ, какъ и земля, которая едва могла ихъ питать. Суровые какъ медвѣди, лютые какъ пигры, жестокіе какъ сѣверные вѣтры, дикіе какъ ущесы кремнистаго Родопа, — Фракіяне, во глубинѣ мрачныхъ лѣсовъ своихъ, питались сырымъ мясомъ; иногда человѣческая кровь свисала подѣ ихъ ненасытными зубами.

За сто лѣтъ прежде Троянской осады, одинъ изъ нихъ, современникъ Геркулесовъ, удаляясь изъ опечесива и спранспвуешъ. Орфей (1) при всемъ отбытіи едвали былъ человѣкомъ; при возвращеніи онъ былъ болѣе бога. Гора Гемъ избрана имъ вмѣсто жилища. Пламенные взоры его, пріятноснъ физіогноміи, благородство въ поступкахъ сперва мало сдѣлали впечатлѣнія. Одѣтый въ льняное платье, онъ почиаемъ былъ за привидѣніе; примѣшивъ его всѣ удалялись: но

(*) Теперь Романія, провинція Европейской Турціи.

(1) См. Neurnii. *philosophiae primordia*.

онъ беретъ лиру, и соединяетъ съ звуками ея тоны своего голоса. Тотчасъ со всѣхъ сторонъ Фракіяне, до полѣ дикіе какъ медвѣди, лютые какъ пигры, нечувствительные подобно недвижимому ущесу горы Родопа, прибѣгающъ изъ своихъ спрашныхъ убѣжищъ, и полпяся у ногъ спихошворца — законодателя. Воспоргъ, удивленіе, удовольствіе, чрезвычайная внимательность попеременно изображающъ на ихъ лицахъ. Они спыдяпся уже своего положенія, и желаютъ сдѣлаться лучшими. Самъ Орфей, пораженный могущесвомъ гармоніи, усугубляетъ свои усилія; склонивъ ихъ къ себѣ; предлагаетъ нѣкоторыя правила; говоритъ о должностяхъ людямъ успеннымъ уже отъ удовольствія, произведеннаго его словами. Его слушаютъ со вниманіемъ, смѣшаннымъ съ уваженіемъ. Съ лирою въ рукѣ онъ пропекаетъ Фракію. Ему послѣдуютъ, и сопровождаютъ его повсюду. При гласѣ его (1) древа сходящъ съ высоты горъ,

(1) *Hunc referunt duros lapides et flumina cantu Detinuisse suae captos dulcedine u cis . . . etc.*

Apollonius, *Argonaut.* I.

Сей рѣки нѣжныхъ струнъ игрой остановилъ,
И въ камни дикіе живое чувство влилъ.

дабы доставить покойную плѣнь. Камень передвигается, его шепчѣ, обдѣлываетъ; воздвигается жерпвенникъ. Народъ уже собирается шуда въ извѣстные часы дня, особенно при восхожденіи солнца и при насупленіи ночи. Будучи вмѣстѣ первосвященникомъ, законодательемъ и Царемъ, нравоучителемъ и спихопворцемъ, *Орфей* изъ успѣ Музъ издаетъ прорицалища разума. Онъ представляется сыномъ Аполлона и Калліопы. Меркурій вручилъ ему полубогу свою лиру. Церера и Бахусъ наснавили его въ священныя своихъ шанинствахъ. Болота и пустыни дѣлаются плодоносными нивами. Каменистые косогоры покрываются виноградниками. Вмѣсто закланія въ жертву полезныхъ животныхъ, приносятъ хлѣбъ, дѣлаютъ возлѣянія вина съ плѣнемъ набожныхъ и полипическихъ гимновъ. Растенія, прежде попираемая ногами, ошселъ будутъ священными по своей цѣлительной силѣ, которую *Орфей* въ нихъ открылъ и показалъ своимъ соопечественникамъ. Труды подчинены законамъ, написаннымъ на сводѣ небесномъ. *Орфей* научаетъ своихъ слушателей, что выше звѣздъ находящаяся боги; это суть узы, которыя почитаются необходимыми для поддержанія нравственности, или мѣры, заставляющія ее

уважать. Учреждено законодательное богослуженіе для народа, у котораго разумъ едва только мерцаетъ, пошребны законы въ видѣ Оракуловъ и жрецы въ образѣ правителей. Удовлетвореніе за преступленія получаетъ имя очищенія. *Орфей* вызываетъ мертвыхъ, для успрашенія живыхъ. Чтобы вдохнуть вкусъ къ естественнымъ познаніямъ, онъ заводитъ сперва пицегадателей и упробовѣщателей. Чтобы предохранить отъ всякаго припязанія собственности земныхъ плодовъ, учреждаетъ очистительные ходы (*lustrationes*) во кругъ поля . . .

Таковъ былъ планъ поступокъ, предпринятый *Орфеемъ* во время его путешествій, и произведенный въ дѣйство во Фракіи, которая обязана ему своею гражданственностью. Исторія даетъ ему вмѣсто учителя Лина.

Первымъ ученикомъ у него былъ Амфіонъ, которой звукомъ спихопворческой лиры воздвигнулъ Фивскія стѣны; это значитъ, что онъ переложилъ на стихи первые законы, данные жителямъ основателями сего города, и такимъ образомъ глубже впечатлѣлъ оныя въ ихъ памяти. По ихъ примѣру, Аріонъ перевелъ на языкъ Музъ все морскіе успаны, и былъ почти богошворимъ плѣми самыми мапро-

сами полуварварами, которые во время бури хотѣли было принести его въ жертву Непуну.

*

Я Н У С Ъ.

Янусъ, пришедши изъ Греціи, употреблялъ простѣйшія средства на правомъ берегу Тибра. Народъ, тамъ обитавшій, былъ гораздо спокойнѣе неукротимаго Эракіянина. Первой законодатель Эпрурии построилъ сперва деревенской храмъ, дабы собрать вокругъ общаго жертвенника людей, изъ которыхъ не многіе жили вмѣстѣ. Тотчасъ *Янусъ* предложилъ имъ нѣчто лучшее еще ихъ религіи; онъ научилъ ихъ, или лучше согласилъ жить вмѣстѣ по-брашски, воздѣлывать мирно небольшія поля свои и располагать земляныя работы по теченію солнца. Склонилъ ихъ къ нравамъ патриаршескимъ, которые одни приличны человѣческому роду. Будучи гораздо умнѣе большей части мудрецовъ нашихъ, онъ не низвергнулъ жителей древней Италіи изъ одной крайности въ другую. Нашедъ ихъ почти дикими, онъ совсѣмъ не имѣлъ намѣренія въ послѣдствіи сдѣлать изъ нихъ горожанъ. Онъ совѣтовалъ имъ только остановиться на точной посредствен-

ности, равно удаленной отъ народовъ необразованныхъ, и отъ блестящихъ поколовъ просвѣщенныхъ націй: онъ хотѣлъ только образоватъ людей, то есть, добрыхъ отцовъ семейства, добрыхъ дѣтей, добрыхъ супруговъ, добрыхъ сосѣдей, трудолюбивыхъ, безъ честолюбія, безъ жадности къ завоеваніямъ, безъ роскоши; предпочитающихъ необходимое излишнему, здравой разсудокъ и натуральное искусство отвлеченнымъ наукамъ и развратнымъ художествамъ; имѣющихъ нравы вмѣсто законовъ и невинность вмѣсто добродѣтели. Доброй *Янусъ* умеръ, пожавъ плоды своихъ наставленій. Его — по увѣ! весьма краткое царствованіе Рима не называютъ золотымъ своимъ вѣкомъ.

Янусъ былъ также изобрѣшателемъ вѣнцовъ: онъ первой вздумалъ возлагать на чело лавровую, или дубовую, или розовую вѣпвь, въ знакъ веселья, или вмѣсто награды. Для чего бы не удержавъ сего почтеннаго и минушнаго опличія, отъ котораго не опречалась Природа? все погибло, какъ скоро вмѣсто онаго заснула прочная Діадима. Золотой вѣкъ окончился, когда предпочтено было золото листьямъ и цвѣтамъ.

*

МИНОСЪ и РАДАМАНТЪ.

Для содѣланія народовъ Лаціума мудрыми и щастливыми, доброй Янусъ не прибѣгалъ ни къ чудесности словъ, такъ какъ Орфей, ни къ чудесности дѣяній, такъ какъ *Миносъ*; можетъ быть попому, что онъ имѣлъ щастіе встрѣпиться съ людьми простыми и крошкыми. Оспровипяне Крипа дали уже себя въ полипической обманъ Юпишеру; *Миносъ* (*), одинъ изъ его преемниковъ (1), почелъ за приличное поступить подобно своему предшественнику съ людьми, коихъ характеръ не перемѣнился. Дабы утвердить свой пронъ, онъ пославилъ за долгъ, къ шиплу Царя присоединить шипло законодателя, и оградить себя обманами, весьма часпо необходимыми для распространенія успѣховъ разума. Ложь много разъ служила пропускнымъ видомъ для истины.

Мудрость законовъ, данныхъ Крипу *Миносомъ* и *Радамантомъ* оправдываетъ сихъ двухъ великихъ людей; они на минушу обманули народъ, чпобы его про-

(*) *Миносъ* Гй сего имени.

(1) Гомер. *Иліад*.

свѣтить. Въ одинъ день послѣ девятилѣшняго опсушсшвья (1) *Миносъ*, согласившись съ своимъ братомъ, заставилъ его собрать Оспровипянъ въ Апполонію, новой городъ, лишь только опстроеной. „Граждане! — сказалъ имъ *Радамантъ* съ увѣришельнымъ пономъ, опличающимъ превосходныхъ людей своего времени; — у васъ есть уже законы, и припомъ законы хороше; но они болѣе вамъ не приличны. Послушайте, что великій Юпишеръ (2) самъ благоволилъ сообщить моему брату: „*Миносъ*! сказалъ онъ ему, Крипяне сдѣлались богатыми на своемъ оспровѣ и сильными на всѣхъ моряхъ. Это не ша уже слабая и малочисленная колонія, копорая на мой голосъ сбѣжалась во кругъ горы Иды. Теперъ ей попребно поспановленіе, соразмѣрное ея величію и славѣ, копорую должна имѣть она во вселенной. Тебя избралъ я говорить съ нею моимъ именемъ, и написать на мѣдныхъ таблицахъ новые уставы, копорые я намѣренъ опкрыть тебѣ. Дай ей опъ меня такіе законы, чпобы другія націи попчасть при-

(1) Плат. закон. I. Страб. *Георг.* XVI. Валер. Макс. I. 1.

(2) Гомер. *Одисс.*

нуждены были ихъ списывать: *Миносъ!* скажи Крипянамъ, что Юпишеръ повелѣваетъ имъ быть справедливыми, и всегда праводушными. Честность есть основаніе коммерціи. Народъ торговой, обогащающійся отъ своей промышленности, обѣднѣетъ поспѣшь, какъ скоро перестанетъ свято хранить свои договоры. Но есть еще нѣчто выше цвѣтущей торговли — доброе согласіе между гражданами. Нація, живущая въ хорошемъ согласіи, всегда довольно богата и не побѣдима. *Миносъ!* скажи Крипянамъ, чтобы они имѣли въ великомъ уваженіи только общую пользу; отъ сего зависитъ политическая ихъ безопасность; къ народу единодушному не знаютъ какъ придраться. *Миносъ*, не бойся дать спроте законы; только спроте законы могутъ быть твердыми. Пусть вся земля обратитъ взоръ свой на Крипъ; да содѣлается онъ священнымъ островомъ, къ которому не лзя будетъ прикоснуться безъ благоговѣйнаго почтенія! *Миносъ*, сойди съ горы; явился отъ моего имени жителямъ Апполоніи; я ввѣряю тебѣ подробности законоположенія; да повинуются они тебѣ также какъ и мнѣ, и я общаю имъ всякое благоденствіе. “

Едва только окончана сія рѣчь, *Миносъ* явился во всей важности законодапе-

ля, прочелъ свои новые законы, и смѣло предложилъ ихъ принять; но въ Крипѣ только можно научиться онымъ.

Т Е З Е Й.

Упомянемъ о другомъ политическомъ Герое, *Тезей*. Ученикъ Геркулесовъ захотѣлъ быть болѣе своего учителя и соединитъ въ особѣ своей славу воина съ славою законодателя; но у него совсѣмъ не было такого же безкорыстія. Онъ убилъ нѣкопрыхъ разбойниковъ, въ помѣ единственно намѣренія, чтобы заславить о себѣ говорить, и усовершенствовалъ правительство въ Аппикѣ, дабы сдѣлаться единственнымъ ея начальникомъ. По крайней мѣрѣ его честолюбіе и тщеславіе обратились въ пользу его соотечественниковъ. Говорящъ, что онъ учредилъ чистую Демокрацію. Но сколько славы не принадлежитъ ему, а съ другой стороны, порядокъ вещей не находился въ такомъ положеніи, чтобы можно было основать сіе общественное правленіе, самое лучшее изъ всѣхъ, но можетъ быть самое труднѣйшее къ произведенію онаго въ дѣйство. *Тезей* унижилъ вельможъ, ограничилъ власть гражданъ сильныхъ по своему бо-

гашству, дозволилъ народу вступить въ нѣкоторыя права свои, привелъ въ порядокъ неспройныя жилища города Аѳинъ, и осмѣлился говорить о равенствѣ, учреждая Герархію гражданъ, надъ коими начальство вручилъ самымъ богатѣйшимъ; нижшія званія были заняты людьми рабочими и полезнѣйшими. Это безъ сомнѣнія не значитъ учредить Демократическое правленіе. Самъ за собою, подъ шишуломъ покровителя законовъ и безсмѣннаго начальника надъ арміею, онъ удержалъ естли не право, но по крайней мѣрѣ дѣйствительную власть сдѣлался Деспотомъ смспря по обстоятельству. Это не значитъ сложить съ себя Царское самодержавіе; Гомеръ хспѣлъ польстить Аѳинянамъ, или былъ мало свѣдущъ о семъ; когда въ книгѣ изчисленія Греческихъ кораблей (1) онъ имѣлъ только далъ прекрасное наименованіе народа, какъ будто бы только они одни были истинными Демократами. Они болѣе были такими прежде *Тезея*; каждое мѣстечко пользовалось самовласно своими правами; правда, иногда по невѣденію упошребляли ихъ во зло. Сынъ Эгеевъ спо-

(1) Гомер. *Иліад*.

спѣшествовалъ безъ сомнѣнія гражданскому ихъ образованію, но на щепъ ихъ свободы.

Вопъ, любезные ученики мои! горесное замѣчаніе, копорому можешъ бышь вы не захотите повѣришь, но копорое повидимому ушверждаетъ каждая страница Исторіи.

Блескъ націи всегда былъ въ пропигуположности съ ихъ независимостію. Конечно Аѳины *Тезевы* и Солоновы представляющъ видъ гораздо блистательнѣйшій, нежели Аппика Цекропсова; но извѣстно, что жительство Аппики пользовался правами, данными человеку Напурую, гораздо болѣе, нежели гражданинъ Аѳинской.

Земледѣліе, отъ котораго изпекаешъ все, и къ которому все всегда должно возвращаться, много одолжено *Тезею*. Богослуженіе было бичемъ для полей, копорья оно опустошало увлекая способныхъ къ землепашеству живописныхъ. Весьма часто жертвенники обременены бывали десятию волами, закланными вдругъ на одномъ шоржествѣ, а иногда до ста рядомъ приносили ихъ въ жертву. Второй основатель Аѳинъ выдумалъ монету, на которой изображенъ былъ волъ, и приношеніе онаго во храмахъ замѣняемо было ею.

Сто таковыхъ монетъ платили жрецамъ вмѣсто *Гекатомбы*, которымъ нечего было говорить прошивъ сего и которые принуждены были эшимъ довольствоваться.

Не смотря на сіе, и многія другія благодѣянія, *Тезей* испыталъ участь честолюбцевъ, коихъ онъ пріумножалъ число. Во время его опсупствія, Аѳины подверглись междуусобнымъ распрямъ. Сія раждающаяся Демократія потчасъ сдѣлалась Анархією. Всѣ начали жаловаться на законодателя. Рабочая и бѣдная чернь сожалѣла о томъ времени, когда она, будучи раздѣлена по мѣспечкамъ, повиновалась только начальникамъ семейства. Аристократическіе законы *Тезевы* ни мало не казались опеческими. Кромѣ недовольныхъ, онъ имѣлъ завистниковъ. По своемъ возвращеніи онъ хотѣлъ привести въ порядокъ людей и дѣла. Но не узнали ни его голоса, ни его достоинства. Его предспавленій не уважили; угрозами презирали. *Тезей* увидѣлъ себя принужденнымъ оставить тайно неблагодарной городъ, прошивъ котораго онъ произнесъ проклятія, и умереть бѣдспвеннымъ образомъ на островѣ Сциросѣ.

Г Е З І О Д Ъ и Г О М Е Р Ъ.

Колхидская экспедиція и осада Трои не должны насъ останавливать: мы не предспавляемъ здѣсь испорцію возмущителей рода человѣческаго и опуспошипелей земли. Что намъ нужды до Язона и Ахиллеса!

Но *Гезіодъ* и *Гомеръ* были оба наспоющими законодателями. Они не даютъ уроковъ мудрости, съ мечемъ въ рукахъ; не внушаютъ людямъ кровавыхъ законовъ; это не государспвенные люди, но они образуютъ ихъ, и безспертныя ихъ спихотворенія могли бы [научить обойтиса безъ нихъ. Все, что существенно нужно знать человѣку, находится въ ихъ швореніяхъ. Шаспливъ народъ, коего гражданское образованіе останавливается на томъ пунктѣ, гдѣ разумъ опдаетъ первенство полипикѣ, и который имѣетъ нужду только въ успавахъ земледѣлія и нравспвенности.

Л И К У Р Г Ъ.

Лакедемонцы не были такимъ народомъ. Великой человѣкъ, рожденный въ спѣнахъ Спарты, принадлежалъ царской крови, не занявъ впрочемъ отъ нея пороковъ и не участвовавъ съ нею въ зло-

дѣянїяхъ. *Ликуръ* показывалъ рѣдкую умѣренность; къ копорой сперва не обратили сполько вниманїя, чптобы удержашъ его въ своемъ опечесствѣ и въ послѣдствїи воспользовашься его талантами и добродѣтелями. Онъ спокойно дожидался того времени, когда его потребуешъ, и опправился пупешествовать. Мудрецъ всегда проигрываетъ открывая себя; онъ долженъ показашься тогда, когда будущъ имѣшъ въ немъ нужду. Наконецъ его сограждане призываютъ его, и пребуюшъ опъ него просвѣщенїя. *Ликуръ*, прежде нежели склонился на ихъ приглашенїе, предпринялъ поступокъ, копорого не держашъ оуждашъ и самой разумъ, ибо онъ былъ необходимъ. Онъ пребывалъ совѣпа у Пїеїи, и не хотѣлъ явипься народу прежде полученїя опвѣпа у Оракула, копорой служилъ вмѣсто введенїя къ его законамъ. Такимъ образомъ обнародованїю его уложенїя предшествовали важные гимны стихотворца, привезеннаго изъ Крита нарочно для того, чптобы увѣривъ народъ въ необходимости революцїи. Наконецъ, когда онъ считалъ умы довольно пригопвленными, по упру созвано было собранїе на публичномъ мѣстѣ; онъ являешъ шуда въ сопровожденїи придцати тайно вооруженныхъ гражданъ, копорые лично къ

нему были привязаны; одинъ изъ нихъ, снарецъ Артемїадасъ прерываетъ молчанїе и говоритъ: „Лакедемоняне, мы предспоимъ предъ вами будучи уполномочены власшю, копорую уважаете вы все. Прежде предложенїя вамъ новаго собранїя законовъ, ибо должно все переправивъ въ Спаршъ, *Ликуръ* захспѣлъ оные предспашпъ Делфїйской Пїеїи въ Аполлоновомъ храмѣ. Выслушайте, граждане! ствѣшъ Оракуловъ; скромность *Ликургова* препашспвуешъ ему пересказашъ вамъ оной своими успами; вопъ собственныя слова Пїеїи: — *Ликуръ*, сынъ Евномовъ, любимъ богами; и законы, копорые онъ выдумываетъ для своей спраны, сушъ самыя приличнѣйше, какїе сполько можно предложивъ людямъ. Такъ судивъ о немъ Аполлонъ.“

„Спаршанцы! будьте внимательны къ словамъ Оракула; вопъ, чпто еще сказала Пїеїя, обратившись къ нашему *Ликургу*: „Поспровивъ храмъ Минервы, раздѣли народъ на племена. Послѣ сего ты учредивъ совѣшъ изъ придцати Сенаторовъ, въ числѣ коихъ будущъ заключашься и два Царя; сей Сенатъ долженъ содержать въ равновѣсїи двѣ крайности на основанїи швердомъ и почтенномъ. Въ нужныхъ случаяхъ ты будешъ собирать народъ

на открытомъ воздухѣ, на площади между рѣкою и мостомъ. Въ сихъ собраніяхъ никто, кромѣ Сенатора, не будетъ имѣть воли предлагать свое мнѣніе. Но одному народу принадлежишь право утвердить, еслили ему заблагорассудится, опредѣленія представленные Сенаторомъ или двумя Царями.“

Сей невинной обманъ, придавъ благочестивой видъ его законамъ, удался *Ликургу* совершенно: къ несчастію, его преемники во зло употребили это же самое средство, вознамѣрившись уполномочить себя въ произведеніи нѣкоторыхъ переменъ въ его уложеніи. Такимъ образомъ ложь, которая иногда полезнѣе истины въ устахъ мудреца, есть злоумышленіе противу правъ человѣчества и разума на языкѣ людей безрассудныхъ или Деспотовъ.

Ликургъ могъ воспользоваться своимъ замысломъ; но худо былъ награжденъ за сѣе. Во время одного народнаго возмущенія, онъ лишился глаза; да и самую жизнь свою подвергнулъ бы опасности, еслили бы самъ не удался изъ своего опеченнаго. Добровольною своею ссылкой онъ отвратилъ злодѣянніе неблагодарности отъ города Спарты, которая, безъ сомнѣнія, также какъ и другія, совершила бы оное. *Ликургъ* ушелъ умереть въ Критъ. Его

уложеніе есть памятникъ, которой будетъ существовать много вѣка; оно дѣлаетъ честь сочинителю; свидѣтельствуетъ о твердости его Генія; но не походитъ ли оно нѣсколько на Египетскія пирамиды? Смертные, живущіе подъ сѣнью *Ликурговыхъ* законовъ, показывая необычайныя силы Геройства, удивляющіе Грековъ и варваровъ. Но сподобитъ ли они того, чтобы имъ подражали? Они такъ удалены отъ Напурь, что не могутъ служить образцами.

Эпруски и Тосканцы были ближе къ ней, когда, заключаясь между Тибромъ и Лигурією, жили въ тишинѣ и свободѣ, будучи управляемы своими начальниками, избираемыми на *Лукмоніяхъ* (*). Еще прежде Гомера у нихъ были стихотворцы, коихъ важныя пѣсни они хранящъ на бронзовыхъ доскахъ. У нихъ были также въ небольшомъ количествѣ и мудрецы, и нѣсколько употребительныхъ. Они привржены были къ художествамъ, и въ исторіи болѣе извѣстны по своимъ глинянымъ сосудамъ, нежели по бытвямъ и завоеваніямъ. Худыя склонности Ромула положили предѣлъ политическому ихъ бытію

(*) *Демократическія собранія.*

и тихимъ врагамъ, которые имъ служили вмѣсто защиты до сей злощасной эпохи. Братоубійца — основатель Рима, не далъ законовъ сему городу, сначала сосноятому изъ подобныхъ ему разбойниковъ. Сила была у него вмѣсто судейника. Поспѣвшимъ приступить къ Нумѣ.

Н У М А.

На берегахъ рѣки Тибеллы, въ Сабинской странѣ въ Курисахъ (*) жилъ одинъ добродѣтельной человекъ. Земледѣліе и размышленіе раздѣляли его время. Онъ не убѣгалъ подобныхъ себѣ; но любилъ обращаться съ самимъ собою. Его прельщала тишина рошей; мудрая экономія замѣняла мѣсто пышности, изгнанной изъ его дома. По дознанной справедливости, соотечественники часто избирали его судьей. Здравый смыслъ отличалъ все его разсужденія. Онъ не захопѣлъ оставить сельскихъ Пенатовъ своихъ, дабы у подножія трона сойтись съ опцемъ жены своей, Царемъ возникающаго Рима. После тринадцатилѣтняго мирнаго супружества, сдѣлавшись вдовцомъ, онъ предался

(*) Теперь Корезъ, на Римскомъ полѣ.

совершенно своимъ невиннымъ склонностямъ и созерцанію Природы; когда хотѣли возвратить его обществу, по *Нума* опивчалъ: „Нимфа Эгерія меня дожидается. Друзья мои! не называйте меня мизантропомъ; но ели бы когда нибудь я давалъ вамъ нѣкоторыя мудрыя наставленія, по это внушила мнѣ Нимфа Эгерія. Прежде опивѣспованія на вопросы, вами мнѣ предлагаемые, я совѣтуюсь съ нею въ единеніи. Ей одолженъ я тою умѣренностію, которую вы замѣчаете въ моихъ желаніяхъ и пѣмъ благоразуміемъ, которое отличаетъ мои рѣшенія.“

На сороковомъ году въ одинъ день онъ видѣлъ предъ собою двухъ Сенаторовъ, повергающихъ къ ногамъ его пурпуровую мантію и корону, съ сими словами: „*Нума*, сынъ Помиліевъ! Римляне истребуютъ тебя въ Цари. Спупай съ нами, они ждутъ тебя.“ — Я не такой человекъ, какого имъ надобно; они слишкомъ любятъ войну. — „Спупай! ты преклонишь ихъ къ миру.“

Нума успупнетъ ихъ насупьяпелнымъ прозбамъ. Надежда сдѣлавъ больше добра, заспавляетъ его пожерпвовавъ личнымъ спокойствіемъ. Онъ восходитъ на Тарпейскую гору, снимаетъ шамъ царскія одежды, сходитъ оная, и ввечеру

пропадаетъ въ ближней рощѣ. На другой день по утру, послѣ его возвращенія, сляпся узнать опъ него, для чего онъ убѣгаетъ такимъ образомъ съ почтенія и нуждъ народа. — „Римляне! сказалъ имъ тогда мудрый *Нума*, съ согласія Эгеріи я согласился царствовать надъ вами. Нимфа Арицейскаго лѣса взяла меня подъ свое покровительство съ минуты моего рожденія. Она обѣщаетъ помогать мнѣ на тронѣ, и удостоитъ каждую ночь допускать меня къ собесѣдованіямъ съ собою. Я просилъ у ней для васъ законовъ. Народъ! пріими изъ устъ моихъ изрѣченія Нимфы Эгеріи. Впервыхъ она запретила мнѣ держать при себѣ приспа тѣлохранищелей (*celeres*), сдѣланныхъ Ромуломъ. Долженъ ли я опасаться народа, котораго хочу сдѣлать щасливымъ. Эгерія приказала мнѣ прежде всего зашворить врата Янусова храма. И я надѣюсь, что онъ ни одинъ разъ, ни одинъ день не будутъ опверсты при моемъ царствованіи. Римляне! Нимфа, именемъ которой я вамъ говорю, съ неудовольствіемъ видитъ на жершвенникѣ вашихъ боговъ грубые кумиры изъ камня или дерева. Собирайтесь въ вашихъ храмахъ благодарить добраго генія Природы, но не обезображивайте его шы-

сачью глупыхъ или опвратительныхъ эмблемъ. Огненный будище довольны живымъ пламенемъ, возженнымъ чисными лучами солнца. Пусть шридашь непорочныхъ дѣвцъ берегутъ сей священный огонь, символъ бдительныхъ нравовъ vlastней. Нимфа Эгерія, которая усыновляетъ васъ и хочетъ, чтобы я былъ вашимъ опцемъ, препоручаетъ еще мнѣ приказать вамъ, чтобы вы построили храмъ Вѣрности и богу Границъ, для сохраненія домашняго мира и согласія между гражданами.“

„Эгерія, съ которой я совѣтовался, весьма желаетъ также, чтобы вы разделены были по земледѣльческимъ семействамъ и по взаимнымъ своимъ упражненіямъ. Разстройство приводитъ къ злоупотребленіямъ; одинъ порядокъ предупреждаетъ безчинства. Небольшія общества портятся не такъ скоро, какъ многочисленныя собранія гражданъ соревнующихъ выгодамъ и чести.“

Такъ *Нума Помпидій* начерпалъ планъ своихъ поступковъ. Нимфа Эгерія, вышедшая изъ его мозга, такъ какъ Минерва изъ Юпитерова, служила эгидомъ для законодательныхъ мыслей, занимавшихъ его голову. Щасливы народы, у коихъ обманщики были только *Нумы*! но гораз-

до лучше бы было, когда бы благоуспроисиво полииическое могло бытъ безъ эшаго безвреднаго шарлапанства. Впрочемъ никто изъ пресбразителей государспва не былъ споль благоднамъренъ, какъ *Нума*.

Не всѣ Сенапоры обманушы были сею выдумкою. Тайное преданіе ушверждаетъ, что доброй *Нума* въ нѣдрѣ прѣлпнаго уединенія, копорымъ онѣ пользовался въ Арицейскомъ лѣсу, вознаграждалъ дневные шруды ночными удовольспвіями. Одна Сабинка, имѣ самимъ выбранная, воспитанная при его глазахъ, была Музою, ошъ копорой онѣ получалъ вдохновенія, наспоющею Нимфою, съ копорой онѣ тайно совѣшповался (1). Онѣ не походилъ на шѣхъ злыхъ государей, коихъ удовольспвія дорого спюютъ для націи плавающей за оныя. *Нума* напротивъ нашелъ шайну обращашъ къ общей пользѣ личныя свои ушѣхи.

(1) *Egeria*
Illa Numae conjux consiliumque fuit.
 Ovid. *fast.* I. II. 273.

Эгерія была супругою вѣрной *Нумы*,
 Дѣлила съ симъ Царемъ о благѣ общемъ
 думы.

Перемѣны всегда дѣлаютъ нѣкопорыхъ недовольными: *Нума* (*) имѣлъ непріятелей. По сему законодателямъ нужно имѣть подѣ рукою нѣкопорыя пружины, копорыми бы можно было всегда дѣйспвовать къ уловленію народа. Нимфу Эгерію поспавляютъ въ числѣ Музъ; попому, что законы *Нумы* большею частію писаны стихами, дабы шѣмъ удобнѣе могли бытъ зашвержены.

*

Д Р А К О Н Ъ .

Нума, копорой въ Курисахъ сажалъ съ собою слугъ своихъ за одинъ споль, учредилъ въ Римѣ, въ пользу невольниковъ, Сатурнальскаго праздникъ: прогательное воспоминаніе еспественной свободы! еще шагъ, — и *Нума* довелъ бы до высочайшей спепени славу свою и всеобщую признапельность. Кто препяпспвовалъ ему унишповить рабство? И для чего *Драконъ*, положившій смерпную казнь за всѣ злодѣянія, важныя ли, или неважныя, не поспавилъ въ числѣ преспупле-

(*) Онѣ умеръ осмидесяти лѣтѣмъ.
 Часть V. III

нѣй подлоспъ того, копорой соглашается сдѣлаться невольникомъ себѣ подобнаго, и высокоумѣе того, копорой дѣлается господиномъ себѣ равнаго? Сей Аѣинской законодатель, охудавшій кумиры, не зналъ людей; онѣ судилъ объ нихъ по себѣ; будучи спрогимъ исполнителемъ правосудія, онѣ совсѣмъ не помышлялъ о человѣческой слабости, и вздумалъ откровенно говорить съ народомъ, прѣобыкшимъ къ другому языку. Случившееся послѣ съ *Дракономъ*, по видимому доказываетъ необходимость методы его предшественниковъ.

По смерти Кодра, послѣдняго Аѣинскаго Царя, сей городъ объявилъ, что онѣ хочетъ признавать Царемъ своимъ только первѣйшаго изъ боговъ. Правители были удосповѣрены въ повиновеніи къ себѣ народа, объявивъ ему свои повеленія отъ имени небесъ. Мудрѣйшій въ свое время *Драконъ* почелъ за возможное возвести согражданъ своихъ на степенъ большаго совершенства. Одно омерзѣе къ пресупленію, одинъ страхъ наказанія казались ему достаточными средствами къ удержанію каждаго въ своей должности. „Для чего вмѣшиваться небо въ земныя выгоды? сказалъ онѣ самъ себѣ. Для

чего храмъ правосудія посвящаятъ на идеальномъ основаніи существа невидимаго или отсутствующаго, копорого посвящаятъ говорить и дѣйствовать по своей волѣ? Обязанности общежитія, вмѣсто того, чтобы быть произвольными, всѣ почтенны и поспоянны. Они происходятъ изъ напущенія вещей и нашихъ взаимныхъ нуждъ. Судебникъ не долженъ никакого имѣть соотношенія съ *Теогоніей*.“

Непоколебимый въ правилахъ *Драконъ* обманулся въ принаровленіи оныхъ. Онѣ видѣлъ, что самыя лучшіе законы выходили изъ употребленія, попому, что имѣ данъ былъ двузначительной смыслъ; что чернь, какъ скоро изглаживалось изъ непостояннаго ума ея впечатлѣніе религіи, столь чуднымъ образомъ успѣшествовавшее къ принятію законовъ, не щипала уже себя обязанною исполнять ихъ въ почности. *Драконъ* думалъ, что онѣ можетъ успѣть, сказавъ гражданину просто: „прудись, или смерть! не воруи, или смерть!“ надѣясь, что будутъ чувствоваться, сколь важно въ республикѣ не посвящаятъ безъ наказанія великое или самое малѣйшее нарушеніе священныхъ правъ собственности. Согласны были въ испинѣ его правилъ; но оныхъ спрогоспъ устранила всѣхъ. Самыя судьи не имѣли твер-

доспи спараться о исполненіи оныхъ. Народъ Аѣинской не имѣлъ силъ къ ношенію спасительнаго, но шягосшнаго ига. Законовъ *Драконовыхъ* опмѣнишь не дерзнули; оставили ихъ въ пыли; никогда до нихъ не допрогивались; и сочинитель, коего присущствіе было молчаливымъ упрекомъ, пошелъ самъ въ започеніе, избѣгая, можешъ бышь, плачевнѣйшей участи.

СОЛОНЪ.

Солонъ, съ меньшею важностію, но съ большею ловкостію успѣлъ гораздо лучше. Онъ дожидался долгое время, пока его пожелаютъ, и не прежде принялъ трудную и опасную должность законодателя, какъ когда различные классы гражданъ попребовали его мнѣнія въ распряхъ одинъ прошивъ другаго. Онъ заговорилъ о равенствѣ, и это слово сдѣлало ему приверженными бѣднаго и слабаго. Пріобрѣвши довѣренность самаго большаго числа, онъ предложилъ законы свои одинъ за другимъ, внимательнѣе наблюдая, прежде изданія другаго закона, дѣйствіе, произведенное первымъ. Онъ не пренебрегъ общаго средства, но употребилъ его съ большею силою; принесъ изъ Дельфовъ мнѣніе

Оракула, не столько обоюдное, какъ его успавы, которое заключалось въ слѣдующихъ словахъ: „*Солонъ*, сынъ Ексехеспидовъ, сядь на кормъ корабля, и возми въ руку руль; Аѣины существуютъ для тебя.“

Солонъ любилъ жишь. Личныя нещастія первыхъ законодательей были для него уроками. Онъ былъ увѣренъ, что ихъ не гнали бы, еспли бы не очень ясно они предлагали свои правила. Въ слѣдствіе сего онъ положилъ много темнаго и невразумительнаго въ собраніи своихъ законовъ, и спарался имъ дать многія прошивурѣчущія знаменованія. Отсюда произошло, что произвольность много вмѣшивалась въ принаровленіе оныхъ; но *Солонъ*, не задѣвъ ни кого въ лице, хранилъ къ себѣ довѣренность у всѣхъ прошивныхъ партій. Различные государственныя Чины не сдѣлались, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, согласнѣе прежняго. Законы *Солоновы* имѣли только однодневное существованіе. Ихъ хвалятъ много, но исполняютъ кое-какъ. Законодатель пережилъ свой судебникъ, и осквернилъ свои бѣлые волосы, сдѣлавшись другомъ пиранна, копорой подъ кровомъ его маншіи съ большею безопасностію распроспранялъ свой деспотизмъ.

З О Р О А С Т Р Ъ .

Наконецъ въ ту самую минушу, когда мы разсуждаемъ о законодашеляхъ, жившихъ прежде сего, одинъ изъ нихъ, не имѣя публичнаго званія, производилъ въ Азіи полной переворотъ въ смыслѣ политическомъ и моральномъ. Имя его *Зороастръ*, Мидской уроженецъ, неизвѣснаго поколѣнія; знаелъ много, и много написалъ. Живши долгое время уединенно въ горахъ, онъ даетъ теперь законы Персидскому двору, преисполненному его чудесъ; но это болѣе начальникъ секты, основатель богослуженія, нежели государственный особа.

Знаменитые люди, которыхъ мы обозрѣвали теперь, представили свѣту великія зрѣлица. Ихъ умы, не столь плодотворные какъ лучи солнца, оставили по себѣ родъ человѣческой нѣсколько просвѣщеннѣйшимъ, но можетъ быть не такъ впечатливимъ какъ онъ былъ прежде ихъ появленія. Не есть ли причина опчаяваться въ усовершенствованіи людей, когда они примѣтно не сдѣлались лучшими, бывъ окружены великими талантами и высокими добродѣтелями Прометея, Гаута, Геркулеса, Триптолема, Орфея,

Януса, Миноса, Гомера, Ликурга, Нумы, Дракона? и не еспьли тщеславіе и безразсудность принимаются за то, чего не могли исполнить сіи великіе люди?

Можетъ быть, скоро наступитъ нравственной переворотъ, столько вѣковъ до насъ приготовляемый. Родъ человѣческой можетъ быть приближается уже къ пому времени, въ которое онъ долженъ перейти изъ юношескаго въ мужской возрастъ. Время басенъ и невѣжества ихъ породившаго прошло. Мемфисъ и Вавилонъ не суть уже болѣе два единственные вѣспилица свѣта. Аѣины вырываются на свободу. Спарта гордится своими законами. Критъ и Родосъ просвѣщаются по мѣрѣ своего обогащенія. Карфагенъ споритъ въ семѣ съ Тиромъ, и Римъ едва терпитъ Государя. Мудрецы и Испорки, Спихопворцы и Художники изъ глубины своихъ мирныхъ уединеній, клянутся въ вѣрности истинѣ и при свѣтѣ своей ученой лампы, тщатся всѣми силами изпоргнуть подобныхъ себѣ изъ лешаргги, въ которой они еще погружены.

Но вопъ до чего доходитъ испорія человеческого рода! . . . Изъ всѣхъ сихъ милліоновъ людей, жившихъ на землѣ, едва ли пятьдесятъ человекъ достойны

избѣгнуть забвенія ; прочіе всѣ или другъ друга притѣсняли, или другъ друга обманывали. Шаръ сей не есть ли клѣвъ, гдѣ безчисленныя спада повинуются голо-су небольшого числа паспуховъ? Со време-ни существованія своего, что сдѣлали смертныя, что оставили послѣ себя? кучи нездоровыхъ домовъ, бесполезныя храмы и пирамиды, грубыя спапуи, нѣкоторыя неусовершенствованныя художе-ства; по всюду кровавыя черпы, и память своихъ убійственныхъ сраженій и разбо-евъ. Истина ими открывая споиля имъ безчисленнаго множества заблужденій. Съ шѣхъ поръ, какъ живуть во вселенной, они не знаютъ еще земли, по которой ходятъ, воздуха, которымъ дышуть — снѣдей, которыми питаются, и солнца, которое ихъ освѣщаетъ: они не знаютъ самихъ себя. Самые мудрейшіе, самые глубо-комысленнѣйшіе изъ нихъ, какъ малопоняп-ные дѣти, не умѣютъ еще читать въ книгѣ Природы. Гордясь своимъ разумомъ, они спашаются ниже инстинкта. Граж-данское общество заведено уже нѣсколько тысячъ лѣтъ, а они еще знаютъ только первые начатки политической науки. Въ уединеніи, они скопы; въ соединеніи шигры: они умѣютъ умерщвлять другъ дру-га, или другъ другу рабѣтспивать.

Не для того ли рождены люди, что бы жить и производить себѣ подобныхъ? все, сверхъ сего ими предпринимаемое, по видимому превышаетъ ихъ силы и сред-ства и противно самой Природѣ, но са-мое почтеннѣйшее между ими не суть самое извѣстнѣйшее. Исторія до селъ содержала только списокъ возмущенцевъ и имъ подоб-ныхъ злодѣевъ или глупцовъ. Смертныя, исполнявшіе только свою должностъ, не вы-ходившіе изъ предѣловъ имъ предписан-ныхъ, ускользнули отъ кисти лѣпопис-цовъ. Не будемъ клеветать родъ человѣче-скій. Сколько людей умерло въ неизвѣст-ности, которымъ недоспавало самаго ма-ловажнаго случая сдѣлаться Прометееми, или Геркулесами! Первой мой наставникъ, мудрый Гермодамасъ, не будетъ жить въ попомствѣ. Его добродѣтели извѣстны только мнѣ. Не ужели онъ менѣе досто-инъ долговременной памяти, потому, что не захотѣлъ сдѣлать славнымъ своего имени? Согласимся, что не одинъ онъ убѣгалъ славы по скромности своей, и научимся цѣнить трудъ испориковъ. Лѣпописи одной націи или всеобщая Исторія человеческого рода походять на географическія таблицы, на которыхъ видны имена только самыхъ большихъ городовъ, пятгающихъ землю и рѣкъ

только главных, наводняющих поля; ручей, оплодотворяющий их, не имеет там места. На земле зло дѣлается лучше примѣрнымъ, нежели добро.

Должно приписать и другой невиннѣйшей причинѣ пропуски, находящіяся въ испоріи первобытныхъ временъ. Тогда каждое поколѣніе видѣло себя только одно во вселенной, и пруды его погибали вмѣстѣ съ нимъ. Много ли погибло? у насъ есть по крайней мѣрѣ нѣкопорыя счисленія, нѣкопорыя варварскія имена. Люди находясь въ большемъ смѣшеніи, никогда не выказываются выгоднымъ образомъ. Только Напура умѣетъ быть видною въ цѣломъ и часпяхъ. Родъ человѣческой, соспавляющей только часть всеобщаго цѣлаго, не долженъ и помышлять о томъ, чтобы знать, и удержатъ за собою однимъ обширное мѣсто на сценѣ міра. Законодатель и Испорикъ не должны приниматься за слишкомъ великое многлюдство. Ликургъ не успѣлъ бы шакъ скоро въ преобразованіи верхняго и нижняго Египта, какъ умѣренныхъ предѣловъ Лакедемона.

Любезные мои ученики! еслии кто нибудь изъ васъ будетъ писать Испорію, то пусть не пишетъ о большой націи; не возможно сказать всего съ полнымъ объ-

ясненіемъ всѣхъ причинъ и дѣйствій. Еслии кто изъ насъ будетъ предлагать законы, то пусть предложитъ народу малочисленному, коего бы онъ зналъ мѣстные нравственные и физическія обстоятельства. Картина человѣческаго рода, сколько можно предсавить вѣрная, не удовлетворяетъ и не соотвѣтствуетъ величеству предмета. Наскучило смотрѣть на большихъ людей, возмущаемыхъ младенцами; въ народахъ думаютъ увидѣть ту самую гармонію, эпохъ споржественной хоръ и правильныя явленія, копорыя предсавляетъ Аспрономическая наука въ описаніи движеній небесныхъ шѣлъ. Но эпохъ нѣтъ ничего. Всеобщая Испорія народовъ есть по истинѣ изображеніе хаоса; что должно быть возвышено, то занимаетъ послѣднее мѣсто: добродѣтель подвержена игрѣ случая, — и ночь лжи смѣшана съ яснымъ днемъ истины: все безпорядокъ и мракъ!

Лучъ надежды долженъ сповалъ блеснуть на минушу. Что можно было сдѣлать для щаспія людей въ общежитіи, судилища Ареопага и совѣта Амфиктіоновъ, то по видимому обѣщавало пиршество семи Мудрецовъ, небольшого числа смертныхъ, украшенныхъ всѣми преимуществами, копорыя даетъ просвѣ-

щеніе, довольно было для основанія царства разума и истины. Сіи Мудрецы, переѣзжая всѣ вмѣстѣ отъ одного Царя къ другому для утвержденія ихъ въ истинной наукѣ правленія, принудили бы ихъ сложивъ властительской скипетръ, или носивъ его съ благоразуміемъ и умѣренностію. Фалесъ, Мизонъ; Клеобуль, Хилонъ, Пипшакъ, Вѣасъ, и нѣсколько другихъ, собравшись въ Коринѣ, сидя за столомъ пиранна Періандра, дружескимъ образомъ давали ему уроки правосудія; тогда должно было вскричать: родъ человѣческой спасенъ, и земля вскорѣ будетъ храмомъ добродѣтели и счастья; каждой народъ въ свою очередь скажетъ симъ Мудрецамъ: „придите также и къ намъ; наши деспоты имѣютъ нужду въ вашихъ добрыхъ наставленіяхъ.“ — Если ли они не снисоидутъ на сіи прозбы, то другіе, болѣе послушные гласу мудрости, займутъ ихъ мѣсто. Такимъ образомъ безъ междоусобныхъ браней, небольшая толпа просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ людей, сдѣлаютъ переворотъ по всюду, гдѣ они ни пройдутъ. Деспотъ успрашивая ихъ болѣе, нежели арміи. Греція, первая представившая сей феноменъ, заставитъ подражать себѣ тѣ самыя націи, которыя были ея наставницами. Каждое

государство будетъ имѣть своихъ семь Мудрецовъ, назначенныхъ по всенародному мнѣнію для свободнаго распространенія правительсва разума. Не будучи одолжены ни народу, ни Царямъ, сіи независимые люди будутъ посредниками, уважаемыми отъ Царей и народа.

Знаменитые Коринскіе собесѣдники могли бы принять на себя эту высокую роль; но не знали своихъ силъ, и не умѣли воспользоваться счастливымъ обстоятельствомъ, которое доставилъ имъ случай; они ограничили себя пустыми разговорами въ присутствіи Періандра (1); потомъ разошлись каждой по своимъ домамъ, вмѣсто того, чтобы не оставляя другъ друга, обойти попеременно всѣ провинціи Греціи и Іоніи.

Любезные мои ученики! я съ прудомъ могу опснать отъ этой идеи. Представьте себѣ десять добрыхъ гражданъ, признанныхъ паковыми, и которыхъ народъ беретъ подъ свою защиту. Ихъ увѣдомляю, что одно деспотиче-

(1) Въ нѣкоторыхъ спискахъ семи Греческихъ Мудрецовъ находится имя Періандра.

ское правительство располагается утвердишь самопроизвольную власть. Наши десяти Мудрецовъ, живущіе подъ одною крышкою, которые по всюду ходящъ вмѣстѣ, являющія всѣ въ чертоги правителей и говорящъ имъ: „мы просимъ у васъ господствующаго слова.“ Они приняты съ ласковымъ видомъ; правителямъ среди пиршества предложено объясниться въ правилахъ, руководствующихъ ихъ въ управленіи; Бахусъ разрѣшаетъ языкъ самыхъ робкихъ. Тогда - то наши десяти Мудрецовъ не боязненно говорящъ правителямъ, не смотря на ихъ лица, самыя сильнѣйшія истины, самыя жесточайшія укоризны; но въ то же время дающъ и назидательныя какъ для нихъ самихъ, такъ и для общества совѣты. Вечеру наши Мудрецы встающъ изъ за стола, предваряя порфиросныхъ своихъ хозяевъ, что на другой день они напишутъ на таблицахъ для народнаго зрѣнія разговоры, держанные ими въ чертогахъ правительствъ. Дѣйствительно они собирающъ вмѣстѣ все сказанное и все слышанное ими на пиршествѣ главныхъ правителей. Сообщающъ о семъ въ городѣ. Граждане уведомлены обо всемъ, что замышляется противъ ихъ. Съ сей минуты миссія нашихъ Мудрецовъ совершена; народу предлежитъ послѣ сего по-

ступитъ такъ какъ ему заблагоразсудится. Онъ предваренъ; должность ихъ оканчивается. Какъ сильна бы была борьба таковой толпы Мудрецовъ противъ горсти тиранновъ! Такъ! я люблю объ этомъ думать; пиршество семи Мудрецовъ могло бы переменить лице вселенныя.

Но однажды опустился сей случай; и сомнительно, чтобы онъ въ другой разъ когда нибудь представился столь прекраснымъ. Злой духъ дворовъ беретъ верхъ надъ добрымъ Гениемъ разума и правосудія.

Сдѣлавъ одинъ разъ почтеніе мудрости, тираннія думаетъ, что она получила уже привилегію позволять себѣ все. Правители дѣйствуютъ самовластно; имъ предоставлено право называть себя покровителями людей, опличившихся дарованіями; а сіи, всупивши въ ихъ дома, открываютъ школы для образованія другихъ Мудрецовъ низкихъ и безсильныхъ: и вопль весь плодъ пожатый отъ сего божественнаго сѣмени, которое должно сплывало произвести щастіе и совершенство въ человѣческомъ родѣ! По крайней мѣрѣ народы, болѣе другихъ разсудительныя, сказали бы Мудрецамъ: „мы хотимъ,

что бы вы были нашими вождями; предводительствуйте нами: пронзительный взоръ вашъ откроетъ намъ опасности, насъ окружающія. Вы намъ покажете развратъ дворовъ и злоупотребленія власти. Мы хотимъ, чтобы вы говорили намъ истину откровенно и безбоязненно. Для подкрѣпленія вашего мы пойдѣмъ за вами; наставьте насъ; научите, чтобы мы могли когда нибудь обойтись безъ тиранновъ, чтобы могли сами собою управлять и располагать собственными дѣлами.“ Но народы вмѣсто того, чтобы почувствовать всю важность наставленій, почерпнувшихъ изъ долговременнаго размышленія, гнали почти всѣхъ своихъ законодательей, потому что честолюбцовъ много. Таковая же участь ожидаетъ Мудрецовъ, если только они открываютъ себя въ большомъ свѣтѣ.

XIV.

Пивагоръ предпринимаетъ путешествіе въ Элиду и Ахайю.

Я отправился чрезъ Леприны въ Элиду (*), гдѣ Аплешы приготавливаются къ Олимпійскимъ играмъ въ Кистѣ, — мѣстѣ упражненій, какъ названномъ попому, что Геркулесъ еще въ своей младости, чтобы пріучить себя къ труду и снискать хорошій навыкъ, всякой день ходилъ вырывать колючія тернія въ сей тогда еще дикой странѣ: урокъ полезной, о которомъ всегда съ удовольствіемъ воспоминаетъ Греція! Многие молодые люди укрѣпляли верхнія части своего тѣла, посредствомъ заступа окапываясь землею, и бросались пескомъ.

Въ семъ священномъ мѣстѣ показали мнѣ гробницу Ахиллесову. Гражданки Элидскія приходили туда вечеромъ оплакивать смерть героя. Я замѣтилъ, что женщины всегда болѣе всѣхъ любятъ

(*) Теперь Гастуни, а по другимъ Лангавико, въ Морѣ, въ Белведерской провинціи, заступившей мѣсто Элиды.

людей военных. Во всѣ времена онѣ отдавали имъ преимущество предъ прочими соспоянїями общеспвенной жизни. Опважный видъ, опличающїй война, эпѣ перья, оспняющїя главу его, оружіе сполько блестящее въ рукахъ его — все въ немъ ласкаетъ суенность юныхъ Омфалъ, и обѣщаетъ имъ удовольспвія быспрѣйшїя, наслажденїя большїя и горячайшїя. Какое поржесство для женщинъ, копорыя вообще не мужеспвенны, обезоруживаетъ самое мужеспство, играютъ оружіемъ грознаго героя, видѣтъ препещущаго у ногъ своихъ шого, копорого спрашптся цѣлое войско, заспавпшь проливаетъ слезы удовольспвія шого, кшо не давно проливалъ кровь! Эпа благороднѣйшая побѣда еще болѣе долженспвуетъ имѣтъ прелеспей въ глазахъ прекраснаго пола. Свирѣпой воинъ шеряетъ жеспкостъ свою подлѣ своей любезной. Побѣдишель, успеваемый славою, научается у нее прощать побѣжденныхъ, и его храбрость, умѣряемая креспостїю, прохладившпсь нѣсколко, дѣлается блпсшательнѣйшею. Аеняне говорятъ, что Марсъ, запачкавшпсь опѣ убїйствѣ, и видя себя спрашнымъ, прпсокупилъ къ себѣ Венеру, дабы сдѣлать сноснымъ грозный свой видъ.

Провожаной мой не оставилъ меня въ незнанїи, что сей Ахиллесовъ мону-

ментъ, предметъ почитанїя Элидскихъ гражданокъ, находится на концѣ улицы *Молганїя*. Публичную плсщадъ украшающпъ храмы, посвященные Солнцу и Лунѣ, Градїи имѣющпъ также шамъ капище, гдѣ ихъ спашуи ырѣзаны изъ дерева: одежды ихъ позолочены; голова, руки и ноги изъ бѣлаго мрамора; одна держптъ букетъ изъ миршвъ, другая изъ розъ, а прешїя наперстокъ: на правой споронѣ юной Амуръ изображенъ съ ними на одномъ базѣ. Подлѣ нихъ посшрсенъ храмъ Пьянспву; въ немъ видѣтъ Силень, копорой едва можетъ держатъ свою пустую чашу для ея наполненїя. Не ужели случайно сблпженїе всѣхъ спхъ предметовъ? Эшого не могли мнѣ сказать.

Еще подлѣ сего самаго мѣста, подъ ропондой, образованной изъ многихъ дубовыхъ ппластровъ, я спопрѣлъ съ нѣкопорымъ удивленїемъ на одномъ и шомъ же жершвенникѣ *Венеру небесную* изъ бука и *Венеру прстонародную* изъ свидовника. Городъ Элида предполагаетъ въ скоромъ времени поставпть на ихъ мѣста другїя двѣ спашуи, одну изъ золота и слоновой кости, а другую изъ бронзы: онѣ будутъ имѣтъ шакое же положенїе и шѣ же ашшрибушп.

Венера *небесная* спойишь ногою на черепакъ (1); символъ уединенія и молчанія, которое должна наблюдать супруга. — Венера *простонародная* сидишь на козлѣ.

Юпитеръ почитаемъ въ Элидѣ. Большой занавѣсъ, закрывающій святилище сего храма, спускается отъ свода, въ противоположность Ефесскому. Мнѣ сказали, что въ другомъ отдѣленіи города находится храмъ *Фортуны*; ея колоссальная статуя, сдѣланная изъ позолоченаго дерева, кромѣ лица, рукъ и ногъ, которыхъ изъ мрамора, занимаетъ все преддверіе. Еслибы больше размышлялъ художникъ, то непременно далъ бы ей глиняныя ноги. Я мало заботился принести жертву *Фортуны*.

Я за лучшее почелъ присутствовать на Бахусовомъ праздникѣ, которой Эліане называютъ *Θία*. Богослуженіе, хотя главнѣннѣе, но очень весело. Верховный жрецъ божества велѣлъ принести на жертвенникъ три пустыя ведра, которыхъ онъ показалъ для

(1) Плутарх. *Изид. и Озирид.*

удословленія зрителямъ. Мы всѣ вышли вонъ, и эпонъ жрецъ приложилъ свою печать къ дверямъ храма; онъ пригласилъ и меня присоединишь къ ней свою. Въ эпонъ день я носилъ персень, на которомъ вырѣзано было изображеніе бога Канона. Насъ просили придти опять на другой день. Печати были не повреждены. Мы вошли: при ведра стояли наполнены Бахусовымъ напиткомъ. Народъ вокругъ меня кричалъ: „*Эвое! Эвое! гудо сдѣлалось.*“ — Я тотчасъ вышелъ, принеши имѣямъ въ другомъ мѣстѣ. Эліане слышатъ лжецами (1); можетъ быть потому, что они любяшь пить. Вино и зошряешъ языкъ, а истина упоаетъ въ многословіи. Они болѣе хороше повара. Нѣтъ причины слишкомъ гордиться имъ землянымъ орѣхомъ, которыхъ изобильна ихъ земля; онъ имъ спойишь довольно дорого. Симъ распительнымъ произведеніемъ они одолжены бурямъ. — Но они должныствовали бы спрашиваться болѣе бурь политическихъ. Сія небольшая республика, которая едва образуешъ восемь племенъ, и не можетъ вооружить болѣе девяти сотъ граж-

(1) Athénée. X. 4. *Deipnos.*

данъ, никогда не бываетъ совершенно спокойна. Сенатъ ея, состоящій изъ девяноста человекъ, безъ сомнѣнiя главной этому причиной. Правители, которые только вмѣшавъ съ жизнью оставляютъ свое достоинство, и которые избираются сами, суть слабые поручители власти законовъ. Элiане, которые совсѣмъ не славутъ храбрыми (1), предоставляютъ своимъ первымъ законодателемъ Оксиласа, или Оксеаса, сына Геркулесова. Многие государственные люди искали связи съ симъ вооруженнымъ законодателемъ.

Ежели Элiане полагали Гномонъ изоста часней (2), то изъ этого вышло бы семьдесятъ часней ишъни. Самой должайшей день у нихъ четырнадцать часовъ и слишкомъ съ половиною.

Спроевой лѣсъ и крышка домовъ въ Элидѣ также какъ въ Лакедемонѣ, изъ корковаго дерева, по недоспапку зеленого дуба, которой вообще не растетъ въ сихъ двухъ странахъ: Тамъ разводяпъ ирь, коей благовонной корень употребляется для дѣла-

(1) *Histoire de Philippe*, per Olivier. p. 252. tom. I.

(2) Плин. *Ист. Нат.* VI. 34.

нiя душистаго масла (1). Воздѣлыванiе винограда въ Элидѣ причиняетъ вредъ обрабатыванiю льна, которой при всемъ томъ очень тонокъ (2).

Городъ Элида споишъ на Пенеѣ. Я пуспился по этой шихой рѣкѣ къ Цилленѣ (*), главной Элидской приспани, ближайшей къ оспрову Кефалонiи.

Три божества, весьма хорошо одно къ другому прибранныя, имѣютъ жертвенникъ у Цилленцовъ: Венера, Эскулапiй и Меркурiй. Изображенiе сего послѣдняго могло бы предоставлено бытъ и въ Ламасакѣ (3).

Опощедъ нѣсколько спадiй отъ берега, я очутился въ глубокихъ долинахъ, коихъ пошва показалась мнѣ самую плодоснѣйшею изъ всей Элидской земли. Тумъ почти совсѣмъ не попадались мнѣ монументы. Я сообщилъ свое примѣчанiе о семъ одному тамошнему жителю, которой мнѣ сказалъ: хорошее дерево, обремененное плодами, мы предпочитаемъ

(1) Гомеръ упоминаетъ, что розовое масло было въ употребленiи въ Троѣ.

(2) Павзан. V. 5. *путешест. по Грец.*

(*) Нынѣ Хиаренца.

(3) Сисер. *nat. Deor.* Pausan. *Eliac.* II.

прекрасной деревянной сшапуѣ, копорая не приноситъ ничего.

Пифагоръ. А славу? . . .

Житель Элидской. Мы поставляемъ ее въ хорошемъ обработываніи нашихъ полей.

Пифагоръ. А Олимпійскія игры въ Пизѣ? . . .

Житель Элидской. Путешественники такіе же, какъ и мы, сказывали намъ объ нихъ что-то мимоходомъ; но никто изъ насъ, сколько запомнятъ, не являлся тамъ оспаривать награду въ респаніи. У насъ есть здѣсь другія упражненія, не менѣ трудныя, но полезнѣйшія . . . Это тебя удивляетъ! Но для тебя еще должно быть удивительнѣе, что мы никогда ни въ какой городъ не спунали ногою (1). Мы не знаемъ, какъ построены всѣ сіи прекрасные города, копорые намъ перевозносятся, не поселяя въ насъ желанія смотрѣть ихъ, оставивъ свои долины. У насъ нѣтъ излишняго времени.

(1) Strab, cité par Raw. См. *rech. sur les Grecs*. T. I.

Пифагоръ. Шаспливые смертные! о еспьли бы вы пожили такимъ образомъ еще долгое время!

Житель Элидской. Мы весьма надѣемся этого.

Я насилу могъ опорватъся отъ этого мѣста. Блеспящія зрѣлища Элиды, славныя Греческія игры, великолѣпныя респанія, поржеспвенныя колесницы, пальмы побѣдипелей, что вы значите предъ очами еспеспвеннаго смысла, въ сравненіи съ плодоноснымъ полемъ, воздѣланнымъ чистыми руками! О Греки! доколѣ будете ѣздить въ *Тавригеской Херсонезѣ* (*) и Сицилію для закупки пшеницы, васъ питающей, дополѣ вы не будете для меня первымъ народомъ въ Европѣ: но напрасно вы скрываете это, кипрые Греки! Пизское респалище есть ничто иное, какъ только мѣсто порговли. И слава Олимпійская родилась нѣкогда изъ мозга Меркуріева или Плупусова. Сія малая земля хранитъ еще древній законъ (1), наблюдаемый прежде сего во всей Элидѣ. Сей благодѣтельный и прозорливый законъ за-

(*) Нынѣ Крымъ.

(1) Страб. X. *Георг.*; Павзан. V. *Путеш.* по Грец. Аристот. *Полит.* VI. 4. Часть V. Ъ

прещаетъ уступать чужому опечествленное поле.

Переправившись чрезъ Лариссъ, я очутился въ обласпяхъ Ахаїи, извѣстной по прекраснымъ женщинамъ (1), и въ нѣсколько часовъ прибылъ въ Палею или Дилу (*) приморской городъ, прославившійся въ седьмую Олимпіаду однимъ изъ своимъ жипелей, по имени Ивопасовъ, копорой получилъ награду на Олимпійскомъ респалищѣ.

Тамъ я видѣлъ много весьма древнихъ храмовъ. Между прочими одинъ посвященъ извѣстному богу Аппису, родомъ изъ Фригїи, произведенному на свѣтъ неспособнымъ къ дѣтпорожденію, и копорого мать, по причинѣ неправопности родовъ, не лзя было и наказать за это. Нимфа рѣки Сангара въ одинъ день забавлялась собираніемъ миндалей и клала ихъ къ себѣ за пазуху; плодъ миндального дерева исчезъ, дабы уступитъ мѣсто плоду другому; нимфа сдѣлалась беременна Апписомъ. Сіе приключеніе напоминаютъ молодымъ Димскимъ дѣви-

(1) Eustath. liv. II. *Amours d' Ismène & d' Isménias.*

(*) Городъ Ахаїи, послѣдній къ западу.

цамъ, уговаривая ихъ не ходитъ однимъ въ сосѣдную миндальную рощу; но при всемъ томъ они ходятъ.

Пиресъ, Анпея, Мессатисъ, а особенно Папра, имѣютъ начала и монументы почипеннѣйшія, нежели Меркурій Цилленской и Апписъ Димской. Одно земледѣлце основало города всей эпой Ахайской области, посвященной Трипполомомъ. Арое, что нынѣ Папра, построена однимъ его ученикомъ.

Прежде сія земля была наполнена лѣсами; Діанѣ отпращиваемо было исключительное богослуженіе, копорое, по приверженности къ древнимъ обычаямъ, сохраняютъ еще и нынѣ. Вокругъ жерпвенника сей ловчей богини дѣлаютъ двойную ограду: сперва изъ сыраго, а потомъ изъ сухаго лѣсу. Жрица, долженствующая быть дѣвою, прѣзжаетъ на колесницѣ, запряженной двумя оленями (1); она зажигаетъ костеръ, на копорой бросаютъ живыхъ красныхъ звѣрей. Весьма высокая решетка препяспивуетъ имъ убѣжать, когда пламя приведетъ ихъ въ бѣшенство

(1) Tristan de Saint - Amant, *hist. des empereurs*. T. I.

По крайней мѣрѣ хорошо, что приносятъ въ жерпву только вредныхъ животныхъ. Такъ надлежало бы посипуапъ повсюду. Для чего не приносишь медвѣженковъ и волчатъ, предпочпипельно предъ шрудолубивымъ воломъ и пипапельною козою? Въ спарину каждой годъ приносили юношу и молодую дѣвицу для укрощенія негодованія непорочной богини. Ея жрица, совершенная красавица, имѣла своимъ другомъ прекраснѣйшаго изъ своихъ сопутниковъ въ звѣриной ловлѣ. Когда двѣ фамиліи не соглашались на соединеніе Комеза и Меланиппы, — то они въ самомъ храмѣ поспавили свое брачное ложе. Опъ сего послѣдовало, какъ уптверждають, всеобщее неплодіе и эпидемическія болѣзни, какъ въ людяхъ, такъ и въ прочихъ животныхъ. Пиѳія, будучи вопрошена о семъ, потребовала человѣческихъ жерпвъ, копорья продолжались очень долгое время. Ихъ прекрапилъ одинъ Геркулесовъ спутникъ. Въ награду за сіе онъ получилъ начальство надъ городомъ Оленомъ. Никогда лучше не заслуживали вышней степени достоинства. Спаситель людей достоинъ управлять ими. Должно сказать имя его и отца его: эпо былъ Эврипилъ, сынъ Дексаменовъ.

На публичной площади въ Партѣ находится храмъ Аполлоновъ. Сей богъ изображенъ нагимъ, кромѣ ногъ, копорья охраняють обувь, безъ сомнѣнія въ память того, что сія спрана вся покрыта была терніемъ, прежде нежели жизнь земледѣльческая засипуила мѣсто паспущеской: въ то время Аполлонъ былъ паспухомъ.

Калидонцы принесли въ сей городъ богослуженіе Бахусово, копорое подало поводъ къ одному прогипельному и злощасному приключенію. Родъ нѣкопорого помѣнапельсипва овладѣлъ умами жителей, вѣроятно послѣ какой нибудь оргіи (*ллойки*), раздѣленной жрецами (1). Одинъ изъ нихъ, отецъ Кореца, безуспѣшнаго любовника юной Каллирои, желая опмспить за презрѣніе, оказанное сею дѣвицею, склонилъ Оракула,

(1) Жрецы не восходили на треножникъ, прежде нежели почувствуютъ себя возбужденными божественнымъ испупленіемъ, копорое они получали, сдѣлавши многочисленныя возліянія вина, подаваемого на жертвенники въ ихъ руки.

назначить ее вмѣсто очистительной жертвы. Уже поднимался на нее священный ножъ. Коресъ вырываетъ его изъ рукъ безчеловѣчнаго жреца, и поразивъ имъ себя, упадаетъ предъ жертвенникомъ къ ногамъ своей любезной. Каллироя, схвативши въ свою очередь окровавленное жезло и будучи пронута таковою любовью, закалаетъ себя на злчныхъ берегахъ источника, близкаго къ приспани Калидонской.

Въ нижней части города, омываемой, такъ сказать, моремъ, подлѣ храма богини, возвращающей и сохраняющей здравіе душевное и шѣлесное, ибо не лзя однимъ наслаждаться безъ другаго; подлѣ сего храма была Венерина спашуя, копорая не давно упала въ волны морскія; безъ сомнѣнія предзнаменованіе ревности! Божество, покровительствующее любви, не охотно раздѣляетъ богослуженіе, ей воздаваемое, съ богомъ покровительствующимъ пьянству. Жители по видимому рѣшились не искашь спашуи на днѣ моря; они предоспаваютъ сей шрудъ пошместву. Папраскихъ женщинъ почитаютъ весьма склонными къ любви: да и можно ли бытъ иначе? ихъ вдвое болѣе мужчинъ, а сіи всег-

да предпочитаютъ виноградную вѣпвь миру.

По причинѣ таковой склонности, Ахайянки не очень шрудолюбивы. Не для того ли, чтобы ихъ обратилъ къ домашнимъ шрудамъ въ Эриерѣ, одномъ городѣ сей Греческой провинціи, деревянная спашуя Минервы, почти колоссальная предспавлена сидящею и въ обѣихъ рукахъ держащею пряслицу.

Мнѣ сказали о *истогникѣ Истины*; я уже шелъ - было къ нему, какъ на дорогѣ узналъ, что онъ производитъ чудеса; я не пошелъ далѣе и возвратился назадъ чрезъ поля *Виссона* (1); *Ахайя* есть шолько одна шпрана въ Греціи, гдѣ находится это шолошно, шоль драгоцѣнное для мужчинъ и женщинъ; послѣднія съ удовольствіемъ плашаютъ за скрупуль (*) по чепыре динарїя (**).

Гражданки Папрасскія провождаютъ почти всю жизнь свою въ шраденїи виссона.

(1) Павзан. *Плин. Ист. Нат.* XIX. 1.

(*) Двѣстиъ восемьдесятъ осьмая доля фунта.

(**) Тридцать два су.

Идучи въ *Фарей*, я пробирался чрезъ древній лѣсъ чинаровъ, споль толстыхъ, чпо можно въ дуплѣ оныхъ помѣспипться нѣсколькимъ человекамъ вдругъ.

На споржищѣ я видѣлъ спашую Веспы, окруженную бронзовыми лампадами, привѣшенными одна къ другой и спаянными свинцомъ.

Богиня слушаетъ молишвы того только, кто прежде всего беретъ на себя наполнить лампады. Не должно забыватьъ также положить ей въ руку нѣсколько кусковъ мѣди: Веспы глуха для шѣхъ, у которыхъ нѣтъ ни масла, ни денегъ.

Подлѣ одного пруда, коего рыбы почитаются священными для того, дабы къ нимъ не прикасался простолюдимъ. Я съ удивленіемъ примѣнилъ шриццать чешвероугольныхъ камней, положенныхъ въ великомъ порядкѣ во кругъ одного Меркуріево бюспа, изъ коихъ на каждомъ я чипалъ имя божества. Мнѣ сказали, что первые жители Греціи не имѣли другихъ спашуй, ни храмовъ; мѣспо ихъ, такъ какъ здѣсь, замѣняла лавровая рошца. Маленькое свое приношеніе клали на кубическомъ камнѣ, котораго почитали вмѣспо бога; спдыхали шупъ нѣсколько, и потомъ веселыми шагами шли на рабо-

ту. — Драгоценные нравы! что изъ васъ нынѣ вышло?

Сии кубические камни, числомъ соопвѣспявующіе днямъ мѣсяца, могли служить нѣкогда вмѣспо календаря. Аспрономія полипики и Религій первая, можетъ быть, изъ всѣхъ общеспвенныхъ устанавленій, должна была начаться самими прослыми памятниками. Каждое упрю прибѣгали къ одному изъ сихъ кубовъ, на которыхъ ученнѣйшій того времени начерпывалъ изображеніе звѣзды каждаго дня, жрецъ насплѣдокъ превратилъ сии камни въ боговъ.

Въ *Триптеѣ*, городѣ отспоящемъ на шестидесятъ слишкомъ спадій отъ *Фарея*, я не видалъ ничего доспойнаго примѣчанія, кромѣ храма *верховныхъ боговъ*. Такъ мнѣ рассказали о немъ въ этомъ мѣспѣ. Спашуи сихъ верховныхъ боговъ сдѣланы изъ земли. Они оскорбились бы, еспли бы на мѣспо оныхъ спспавлены были изъ слоновой кости, или мраморныя, бронзовыя или золотыя. Жители Триптеи признають основательницею своею женщину, дочь Трипона, древняго морскаго жителя.

Чрезъ гористыя мѣспы я съ шрудомъ пробрался до *Эгіона*, приморскаго города,

въ копоромъ разспрогали мое любопытство. Подлѣ капища Луцины, гдѣ сія богиня предспавлена закрыпою тонкимъ покрываломъ съ головы до ногъ, я чиналъ въ храмъ Эскулаповомъ ямбы, вырѣзанные на базѣ Гигейной спатуи; одинъ тамошній житель, подошедши ко мнѣ, спросилъ меня о имени моего опечесна; его удивило мое плашье. Сидонъ, опвѣчалъ онъ мнѣ, еспь спрана суевѣрїя.

Я почелъ за нужное зашишишь свое опечеснво. Между шѣмъ Финикїане, сказалъ я ему, великое берушь преимущество надъ Греками въ познанїи божеспвенныхъ и человекскихъ вещей, и сей храмъ можешъ послужить мнѣ доказательствомъ. Мы, также какъ и вы, признаемъ Эскулапїя сыномъ Аполлоновымъ; но народы Финикїйскїе оперегаются подражають Греческимъ, которые даютъ ему смерпную вмѣсто мапери: ибо мы знаемъ, что Эскулапїй еспь ничто иное, какъ только хорошая шемпература воздуха, основанїе здоровья. Касапельно Аполлона, которой еспь солнце, нѣшъ ничего справедливѣе; какъ почипать его Эскулапїевымъ опцемъ. Годовое шеченїе, совершаемое имъ, управляетъ временами

года и даетъ воздуху надлежащее благораспворенїе, дѣлающее его здоровымъ.

Мы согласны, опвѣчалъ мнѣ гражданинъ Эгїона: Греки думаютъ также, какъ и Финикїане. Пупешеспвенникъ! еспьли ты пойдешъ въ Тапаней, что въ Сицїонїи, то тамъ покажутъ тебѣ спатую, копорая одна предспавляетъ Эскулапїя и здравїе вмѣстѣ. Опспавляя меня, онъ прибавилъ: пусть солнце будетъ опцемъ жизни; эпо извѣспно всѣмъ въ Грецїи, даже и младенцамъ (1).

Я воропилъ его, спросить причину какъ бы нѣкопорого оприновенїя, въ копоромъ я видѣлъ чепырехъ боговъ: Юшпера и Минерву, Эола и Неппуна.

Ты хочешъ сказать о ихъ спатуяхъ; эпо не наши: онѣ принадлежатъ жителамъ Аргоса; мы только хранили оныхъ; я предвижу, что онѣ у насъ останушся: долгое время мы плапили за жерпвы, имъ принадлежащїя. Однакожъ

(1) Предыдущїй эпизодъ взятъ почти слово въ слово у Павзанїя. Его шекстъ въ семъ мѣстѣ драгоцѣненъ. Онъ заключаетъ всю систему Автора (Дюкюи) о *наглѣ богослуженїи*.

мы вздумали не плашиться за нихъ въ явную для насъ поперю; а по сему назначили на публичные столы оспаяющееся отъ жерпвенника боговъ.

П и в г о р ъ. Ничего лучше не вздумано!

Житель Эгіона. Теперь Аргосцы пребудутъ назадъ своихъ спашуй; мы гошovy имъ возвратимъ оныя; но хотимъ, чпобы они намъ запламили за чрезвычайныя издержки, на нихъ употребленныя; а этого не хопятъ они и слышатъ, ибо мы на оныя издержки кормились. Поелику же мы жили хорошо и прежде ихъ жерпвъ, по нынѣ спашуи сѣи хранимъ какъ бы въ залогъ за наши расходы, а богослуженіе прекращено.

Такимъ образомъ, — пихонько сказалъ онъ мнѣ, опходя прочь, — люди самые суетвѣрные подчиняютъ небесныя выгоды земнымъ, и это въ нашуръ вещей хорошо.

Обыкновеніе, во многихъ городахъ неупотребляемое, есть то, что жрецомъ Юписера бываетъ прекраснѣйшій Эгіонской мальчикъ; какъ скоро онъ придетъ въ совершенной возрастъ, то на его мѣсто избираютъ другаго. Говорятъ объ опмѣненіи сего благочеспиваго обряда; но чрезъ сѣе сдѣлали бы очень дурно.

Совершенно на берегу Коринескаго моря, въ сорока стадіяхъ отъ Эгіона, я посѣпилъ прекрасное мѣстечко, называемое *Гелице*. Жители поправляли свои дома, разрушенныя сильнымъ землетрясеніемъ, отъ коего храмъ Неппуновъ не имѣлъ силы ихъ предохранить. Они погибли нѣкогда подъ развалинами.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега находится гора, рѣка и городъ *Кириней*; меня не хопѣли пуспитъ въ храмъ Эвменидъ, поспроенный Ореспомъ. Я успокоился, услышавъ, чпо въ немъ нѣтъ ничего, кромѣ прехъ деревянныхъ спашуй, представляющихъ сѣи спрашныя божеспва. Жрицы у нихъ женщины. Угрызеніе совѣспи долженспвовало бы бытъ ихъ единымъ служителемъ.

Я посѣпилъ *Эгиръ*, приморской городъ, орошаемой Краписомъ, коего безсмертная Иліада (1) превозноситъ богатство, пріобрѣтенное благоговѣніемъ къ Нептуну. Храмъ сего бога еще сущеспвуетъ; но жители потеряли свой блескъ. Гнусная нищета находится въ ихъ стѣнахъ, копорыя они принуждены будутъ скоро

(1) Гомер. *Иліад*. VIII. 1.

оставить. Къ нимъ никто уже не ходитъ съ пѣхъ поръ, какъ сдѣлался въ славъ храмъ широкоерудой богини, находящійся отъ нихъ въ тридцати стадіяхъ. Я, пришедши туда, видѣлъ деревянную статую. Она представляетъ землю во всемъ ея плодоносіи. Сосцы ея полны. Жрица осуждена на безбрачную жизнь. Какая несообразность! я сообщилъ о семъ мысли свои Неокору (смотрителью храма); онъ съ важностію отвѣчалъ мнѣ на сіе формулою, весьма упребительною у Грековъ: „пусть вещи будутъ такъ, какъ онѣ есть и какъ всегда были.“

Въ двенадцати стадіяхъ отъ Эгирской пристани я вошелъ въ городъ сего имени, которой божественный Гомеръ называетъ *Иперезіей*. Тамъ видѣнъ храмъ Діаны, коего сводъ увѣшанъ украшеніями. Въ немъ находится статуя несчастной Ифигеніи. Аполлонъ также имѣетъ свои жертвенники и богослуженія у Эгировъ. Колоссальное его изображеніе сдѣлано все изъ дерева безъ всякаго украшенія. Богиня изобилія, копорой жипели поклоняются подъ именемъ Форпуны, имѣетъ особенной храмъ, гдѣ можно ее видѣть держащею на плечѣ рогъ Амалтеинъ, а рукою крылатого Амура. „Чужестранецъ! сказалъ мнѣ одинъ гражданинъ, копорой

заспалъ меня въ великомъ размысленіи устремившаго глаза на сію группу: не подумай, ч. чтобы мы хопѣли означить, такъ какъ насъ виняишь въ этомъ, что въ любви болѣе дѣйствуетъ щастіе, нежели красота: нѣтъ! наша мысль не такая; мы думаемъ напропивъ, что съ любовію ни въ чемъ нѣтъ недоспапка. Люди довольно богаты, когда любяишь.“

Любезные мои ученики! берегитесь смѣшивать городъ *Эгир* съ островомъ сего имени, зависящимъ отъ сей же области (*). На островѣ *Эгирѣ* есть Оракуль, коего жрецъ не можетъ произнести слова, не выпивъ крови (1). Сей отвратительной обрядъ привлекаетъ великое число людей.

Я взялъ дорогу чрезъ *Феллоу* Сей городъ малозначущъ, и почти нѣчего сказать объ немъ; но какое веселое его мѣстоположеніе! красивые виноградники, всегда зеленѣющіяся роши, свѣжія испочники и прекрасные ручьи составляютъ все его богатство. Бахусъ есть первое его божество. Статуя его вырѣзана въ

(*) Ахаи.

(1) *In hac insulâ non nisi sanguine epoto sacerdos non naticinabatur.* Car. Steph. dictionn.

полспой виноградной лозѣ. Всякой годѣ, во время собиранія винограда, молодыя Феллоискія дѣвицы намазываютъ ему щеки дрожжами новаго вина.

Богъ винограда почтенъ блистательнѣйшимъ богослуженіемъ въ *Пелленѣ*, городѣ довольно видномъ, опдѣляемомъ отъ Феллой горами и опсипоащемъ отъ моря на шестидесять стадій (1). Праздникъ его, бывающій осенью, отправаляется вечеромъ послѣ прудовъ. — Зажигаютъ лампы предъ каждымъ домомъ, и спруи вина пекутъ на публичныхъ площадяхъ, гдѣ часпо, по причинѣ недоспашка въ испочникахъ, не бываетъ воды. Ее доспавляютъ одни дожди. Ко мнѣ подошли съ полною чашею въ рукѣ; эпо Пелленской обычай. Всякой чужеспранецъ долженъ принимашъ участіе въ общей радости. Мнѣ должно было по крайней мѣрѣ обмочить губы въ Бахусовомъ напитокѣ, что бы не придти въ немилость у жителей.

Пониже города находилса площадь, на копорой я видѣлъ въ упражненіи все юношество. Я удивлялся соревнованію сражающихся и спаранію сдѣлашся видными и заслужить рукоплесканіе. „Чужеспранецъ! мнѣ сказали, не удивляйся этому; наша ре-

(1) Страб. Геогр. VIII.

спублика запрещаетъ входъ въ почтенныя мѣсна шѣмъ, копорые не могутъ доказать своего прилѣжанія въ гимнастическихъ упражненіяхъ. Мы здѣсь думаемъ, что опкрытіе шѣлесныхъ силъ много способствуетъ опкрытію душевныхъ способностей.“

Пелленцы показались мнѣ людьми, неспособными терпѣшь надъ собою Государя.

Страннопріимной Аполлонѣ имѣетъ у нихъ храмъ. Всякой путешеспвенникъ одолженъ ему благоговѣніемъ; я ходилъ воздашь ему свое. Сіе богослуженіе не еспъ единспвенное учрежденіе, выдуманное Греками въ пользу путешеспвующихъ. На большихъ дорогахъ, во время собиранія плодовъ, кладушь начашки оныхъ у подножія Меркуріевой статуи для употребленія всякаго мимоидушаго.

Пелленъ (1), соспавленный изъ домовъ, разсѣянныхъ по бокамъ одной горы, признаетъ основашелемъ своимъ Гиганша, коего носилъ имя. Въ немъ дѣлаюшь

(1) Птолом. III. 16. Павзан. Путеш. по Грец.

шерстяныя (1) теплыя плащя, которыя въ великой славѣ (2).

Мнѣ присовѣпали продолжать путь къ Церерину храму, построенному въ области, называемой *Мизя*, въ шестидесяти стадіяхъ отъ Пеллена, посреди одной рощи, изобилующей всякаго рода деревьями и освѣжаемой многими ручьями. Я взошелъ въ богининъ храмъ, ибо праздникъ ея уже проходилъ. Онъ продолжается семь дней: на третій день женщины захватываютъ капище подъ свою власть, и выгоняютъ изъ него всѣхъ мужчинъ и собакъ. Въ послѣдній день соединяются оба пола и предаются самой шумной радости. Много издѣваются надъ особенностію сего богослуженія. Щасливые должны быть и въ народы, коихъ набожныя церемоніи обращаются только въ смѣхъ!

(1) *Lanae pellenicae*. Пословиц.

(2) Поллюкс. *Pelleneae uestis*. Пословиц.

Путешествіе въ Аркадію.

Оставивъ девятигорную Ахаю (1), я пошелъ въ щасливую некогда спрану Аркадцевъ, находящуюся въ центрѣ Греціи. Они починаютъ основаніемъ своимъ Пелазга, одного побродягу, коего опечесиво не извѣстно: онъ собралъ однажды на гору всѣхъ *Алидоровъ* (2), (такъ назывались первые жители Аркадіи), и сказалъ имъ: „Унылыя семейства! невѣдомыя колоніи! что вы дѣлаете, живучи такимъ образомъ въ пустошѣ своихъ пещеръ? Научитесь у меня спринь для себя хижины. Для чего не одѣвайтесь вамъ, по примѣру жителей Фокиды, кожею вепря, падающаго подъ вашими спрѣлами? Травы, древесныя листья и корни составяли доселѣ вашу пищу. Попробуйте обратитъ въ свое употребленіе буковой плодъ; орѣхъ дуба васъ сдѣлаетъ (3) спольже крѣпкими, каковъ онъ

(1) Плин. *Ист. Нат.* IV. 5.

(2) Киллим. *Гилл.* I.

(3) *Glandem chaoniam*. Virgil.

Quercus esculus, или *esculenta*; одинъ

самъ (*). Заключившись въ горахъ, вы живете безъ соревнованія и умираете безъ славы, въ отдаленности отъ береговъ приморскихъ. Понесите руки свои и оружiе къ націи, которая почувствуетъ себя слишкомъ слабою къ отраженію обиды, или къ защищенію своей независимости (1).“

Невинные жители щасливой Аркадіи, вмѣсто того, чтобы отвергнуть сію первую отсылку честолюбія, имѣя подносимую, захопѣли съ этой минутой также быть видными въ Греціи, захопѣли имѣть города обнесенные стѣнами, и Царя, которому надлежитъ повиноваться: Пелазгъ получилъ сіе достоинство, какъ и надѣялся этою, съ шипуломъ *Лукумона* (2), по-

только Хаонской дубъ могъ быть употребляемъ въ пищу людьми.

См. Плин. *Ист. Нат.* XVI. 5.

(*) Аркадцы долго называли бдоками желей.

(1) Аркадцы, также какъ нынѣ Швейцарцы, занимались у Государей, которые хотѣли давать имъ жалованье, говорятъ Аббатъ Гедоанъ, переводчикъ Павзанія.

(2) Сіе слово и верховное достоинство, имѣя выражаемое, перешли къ Латиномъ, Тир-

часъ учредилъ богослуженіе Юпитеру и Лицейскія игры. Для народа пошребны боги и буйныя упражненія. Лицейскія игры въ Аркадіи предшествовали Панаѳинеймъ въ Аппикѣ, основанной Тезеемъ. Но сынъ Пелазга, Ликаонъ, будучи споль же жестокъ, какъ и живописное, коего носилъ онъ имя (*) и не сполько благо-разуменъ или оборотенъ, какъ Цекропсъ Аѳинской, его современникъ, приносилъ младенцовъ на жертвенникъ Лицейскаго Юпитера и бичевалъ молодыхъ дѣвицъ, пропившихся его желаніямъ (1), подъ предлогомъ посвященія ихъ спрогой Діанѣ. Ни одна мать семейства не смѣла сказать слова противъ сего мерзостнаго обряда, а отцы только разглашали, что Царь Аркадіи, по повелѣнію боговъ, превратился въ волка: преемники его поступали лучше. Одинъ изъ нихъ, по имени Аркадъ, превзошелъ всѣхъ другихъ, и достигъ до того, что страна сія названа

ренскимъ Пелазгамъ, Гесперійскимъ Аборигенамъ, и другимъ Аркадскимъ колоніямъ на берегахъ древней Авзоніи.

Варронъ и Скалигеръ.

(*) *Ликаонъ*, волкъ.

(1) *Thomas de donar.* cap. 40.

его именемъ. Наспавленный Трип поле-
момъ, онъ научилъ жителей сѣять хлѣбъ,
а женщинъ мѣсить раздавленное каменъ
зерно. Сей Аристеевъ воспитанникъ по-
казалъ имъ употребленіе меда и искусство
обращать молоко въ пипашельнѣйшее ку-
шанье (*). Онъ выбралъ себѣ въ жену
молодую дѣвицу, славную охотницу, всег-
да блуждавшую по рощамъ. По сему-то
списхотворцы именуютъ *Дриадю* Арка-
дову супругу. Онъ умѣлъ вдохнуть въ
нее склонность къ сидячей жизни; и она
также въ свою очередь научила Аркадя-
нокъ прясать шерсть и даже шкать ее
для доставленія себѣ одеждъ не столько
грубыхъ, какъ кожи красныхъ звѣрей.

Изъ скоповъ Аркадцы сдѣлались людъ-
ми; но сего для нихъ еще было не доволь-
но. Они захопѣли бытъ воинами, и вое-
вали при Троянской осадѣ. Для чего бы
имъ не ограничить себя шорговлею, копо-
рую сперва производили они посред-
ствомъ Эгинцовъ, приспавующихъ въ Цил-
ленъ и предлагающихъ возить повары
свои на мулахъ до самой Аркадіи? для

(*) *Сырѣ*. Коровье масло сдѣлалось извѣ-
стнымъ спустя послѣ сего долгое время.

чего вмѣшиваться въ кровопролитныя брани
Мессинцовъ и Спарпанъ?

Горные жители Аркадіи находятся
еще въ великой нищепѣ. Туника изъ
волоей кожи соспавляетъ всю ихъ одеж-
ду. Къ ушамъ привѣшиваютъ себѣ дере-
вянныя коспочки (1).

Они Греки, также какъ и жители
Аппики. Но впрочемъ эти заспавляютъ
уже носить себя на носилкахъ и укра-
шаютъ себѣ шею золотыми цѣпочками;
женщины ихъ, дабы защитить голову
отъ полуденныхъ лучей, выходятъ всегда
подъ зонпикомъ, сдѣланнымъ изъ слоновой
кости. Аркадцы называютъ розу, копо-
рою изобилуетъ ихъ спрана, *Эномфалою*
(2), какъ бы для означенія прекраснѣй-
шаго изъ всѣхъ цвѣтковъ. Но болѣе всего
они хвалятся высокимъ своимъ произхо-
жденіемъ: „Мы, сказали они мнѣ, спарше
луны (3); ибо луна, была первой нашей ца-
рицей; а нація существуетъ прежде вла-
спелина, копораго спспавляетъ надъ
собою.“

(1) Анакреонъ, приводимый Аэинеемъ. XII.

(2) Athené. XV. *Deipnos*.

(3) Отсюда пословица: *antiguiores luna*.

Они сказали мнѣ нѣчто важнѣйшее и благоразумнѣйшее. Я спросилъ у нихъ: ко-порой изъ вашихъ городовъ занимаетъ мѣсто столицы (1)? — „У насъ нѣтъ столицы.“

Пифагоръ. Гдѣ же вы держите свои политическія собранія?

Аркадецъ. Вездѣ, гдѣ заблаго-разсудимъ, но только всегда на чистомъ полѣ.

Я направилъ первые шаги свои къ *Мантинѣ* (*), и первой замѣчанія досто-инный памятникъ мнѣ предсавившійся, былъ храмъ черной Венеры, подлѣ одного источника. Не въ нѣдрѣ самыхъ цвѣтущихъ городовъ наилучшимъ обра-зомъ наблюдаюмъ приличности, неопдѣль-ныя отъ добрыхъ нравовъ. Доброй Арка-децъ прямо изъяснилъ мнѣ намѣреніе сего богослуженія. „Живописыя, сказалъ онъ мнѣ, совокупляюмъ безъ разбора, днемъ или ночью. Мущина и женщина предпочитаютъ темноту. Тутъ ихъ ни-что не развлекаетъ.“

(1) Полибій. IV. *Ист.*

(*) Нынѣ *Мантис*.

Мнѣ весьма хопѣлось прикоснуться гробу Аркада, коего кости перенесены изъ Меналы въ Манпинею, положены въ семь послѣднемъ городѣ на жертвенникахъ солнца. Я долженъ былъ прежде всего сдѣлать изслѣдованія о истинномъ зако-нодатель Аркадцовъ. Прахъ его съ благо-говѣйнымъ тщаніемъ хранился въ ро-пондѣ, гдѣ держалъ священной огонь, на-зываемой ими огнемъ общимъ (1). Въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего священнѣе об-щепользнаго. Мнѣ больно было слушать, что безъ Дельфійскаго Оракула не могли рѣшившись жипели Аркадіи заплапиль долгъ своему благодѣтелю.

Планъ города Манпинеи походитъ на пенета насѣкомыхъ, плепущихъ па-упину (2). Тутъ оканчиваюмся какъ бы въ центрѣ прекраснѣйшя дороги сей-спраны, хотя Манпинея совсѣмъ не за-нимаетъ средопочія Аркадіи. Никакой городъ не можетъ спорить съ нею въ пре-восходствѣ рѣпъ, родящихся въ ея окру-гѣ (3).

(1) Pausan. *Achaic.*

(2) Страб. *Георг. VIII.*

(3) Athen. I. *deipnos.*

Наши законы еще лучше, далъ мнѣ замѣнить съ очаровательною для меня просопою, одинъ шамошній житель; у насъ все дѣлается именемъ народа; но ничего не дѣлается имъ самимъ. Мы не избираемъ сами даже и своихъ Правителей (1). Мы предоставляемъ важность сего выбора небольшому числу людей, извѣстныхъ между нами по своей мудрости и прозорливости. Въ Маншинеѣ не совсемъ демократическое правленіе, ибо сколько совершенства людямъ не дано. Мы не употребляемъ правъ своихъ изъ опасенія, чтобы не употребить ихъ во зло. Но если бы кто захотѣлъ симъ воспользоваться для похищенія у насъ оныхъ, то нашелъ бы гражданъ умѣющихъ ихъ защищать.

На дорогѣ, ведущей изъ Маншинеи къ Тегейнамъ, находится равнина, служащая мѣстомъ для конскаго ристалища, подлѣ котораго посвященъ храмъ Непшуну *Иллию*. Честь построенія онаго приписываютъ Трофонію; онъ самъ, говоря, складывалъ дубовыя бревна. Никакой смертной не можешь спуда взойти: шерстяная

(1) Оукид. V. Аристот. *Полит.* Полиб. VI.

тесѣма, пропянутая въ дверяхъ, есть одна только преграда къ нему, даже до сихъ поръ болѣе уважаемая, нежели мѣдной заперъ. И такимъ-то бы образомъ всегда надлежало поступать съ людьми!

Въ деспотическихъ государствахъ двери чертоговъ, публичныя гулянья, даже самыя мѣста, назначенныя для празднествъ, обсажены копьями. Среди мира на каждомъ шагу попадающагося тамъ грозные снаряды войны.

Старинное преданіе, оставшееся послѣ древнихъ измѣненій земнаго шара, утверждаетъ, что пещеръ море подъ симъ храмомъ Непшуна. И въ память сего-то поставлены ему жертвенники, и дано имя Пелазга густой рощи пробковыхъ деревьевъ.

Въ пяти стадіяхъ подалѣе, я омочивъ слезою гробницы слишкомъ легковѣрныхъ дочерей Пеліаса (1). Ихъ примѣръ не изцѣлилъ людей отъ слѣпой довѣренности, которую они имѣютъ все во всякомъ родѣ шарлатанства. Дорогу отъ Маншинеи къ Орхомену украшаетъ

(1) Овид. *Превращ.* Кн. VII.

гробъ Пенелопы, находящійся на небольшой возвышенности земли. Память сей вѣрной супруги очерняютъ въ Аркадіи. Ее обвиняютъ, будто бы она сама была причиною безпорядка, найденнаго Улиссомъ въ домъ своею при его возвращеніи. Говорятъ даже, что онъ выгналъ ее изъ своихъ чертоговъ; не скажемъ ничего о семъ гражданамъ Кропонскимъ.

Одна гора отдѣляетъ Мантинейской округъ отъ Орхоменскаго. На ней находится общій двухъ націй храмъ, посвященный Діанѣ *Гилнѣ*. Жрица даетъ клятву жить въ совершенномъ воздержаніи; ей запрещено и употребленіе бани. Это послѣдній законъ меня удивляетъ; онъ не достоинъ Грековъ. Это остатокъ грубости ихъ предковъ. Дупло спараго кедра служило ковчегомъ для статуи богининой, которая также изъ дерева (*). Въ извѣстные дни тамъ бываетъ великое

(*) Такое же обыкновеніе было во Франціи, и безъ сомнѣнія также въ другихъ мѣстахъ. Подлѣ самаго Парижа, въ Оленьей роцѣ не давно видѣнъ былъ образъ дѣвы Маріи, вставленной въ дупло того дуба. Народъ вездѣ одинаковъ!

спеченіе людей, и правители это одобряютъ. Народа нѣчего бояться, когда онъ на колѣняхъ.

Мѣстечко *Орхоменъ* (1), богатое спадами, занимаетъ вершину горы. Внизу я видѣлъ многіе куски дикихъ камней. Мнѣ сказали, что это были гробницы воиновъ. Но никакая надпись сего не подтверждаетъ. Восемь стадій подалѣ другая гора отдѣляетъ Орхоменцовъ отъ Фенеянъ. Народы всегда должны сповали бы уважить такія границы, которыя положены рукою напуга. Черезъ сіе удобно избѣгали бы политическихъ раздоровъ. *Амилосъ* и *Кафисъ* суть два другіе небольшіе города, стоящіе также на высотахъ. *Фенеонъ* имѣетъ подобное положеніе, которое еще дѣлается лучшимъ отъ разливія быстрой воды, поднимающейся къ городу отъ подошвы горы до полудороги. Тамъ находится храмъ Цереры, въ которомъ великія таинства управляются съ такимъ же торжествомъ, какъ въ Элевзисѣ. Для большаго благоустройства Гіерофантъ справляется съ писаніемъ, хранимымъ между двумя камнями подлѣ преддверія. Сіе небольшое обстоя-

(1) Гомер. *Иліад*.

пельство великой придаетъ блескъ обряду имъ совершаемому; но богослуженіе сіе не имѣло въ эпохѣ нужды; оно еслъ выраженіе признашельности. Добрая богиня, въ возмездіе за опличной пріемъ, оказанной ей Фенейнами, дала имъ всѣхъ родовъ сѣмена, исключая бобовъ, — эпохъ грубой зелени, коей частное употребленіе дѣлаешъ народъ подобнымъ скопу.

Я направилъ шаги свой на Циллену (1), самую высочайшую гору изъ всей Аркадіи: она имѣешъ въ вышину пятнадцать стадій (*). Я видѣлъ на ней храмъ Меркурія. Его статуя выше обыкновенной мѣры, сдѣлана изъ лимоннаго дерева. Дрозды съ бѣлыми перьями нерѣдки въ семъ мѣспѣ. Другая ближайшая возвышенность называется *Хелидоруо*: ибо Меркурій тамъ нашелъ черепаху и изъ ея черепа сдѣлалъ себѣ лиру.

Сія спрана подала мнѣ другія многія мысли. Божественный Гомеръ много говоритъ о Спиксѣ. Это не совсѣмъ выдумка.

(1) Dicaearque, cité dans les *éléments astronom.* de Geminus.

(*) Или двѣ тысячи шаговъ.

Подлѣ небольшого города Хонакриса, съ Ароанскихъ ужасной вышины утесовъ падаетъ, такъ сказать, капля по каплѣ, но непрерывно, вода смертоносная для людей и прочихъ живопныхъ. Будучи влипа въ мировые сосуды (1), она ихъ распускаетъ. Сей феноменъ Природы много послужилъ для поэзіи. Я не употребилъ времени на испытаніе спранныхъ силъ, приписуемыхъ ужасному Спиксу. Одинъ *теловѣкъ* былъ предметомъ моихъ путешествій.

Еще нѣсколько впередъ, въ двухъ стадіяхъ отъ города Киниѣы, находится источникъ, опѣняемый плапаномъ, въ которомъ окунувшись при раза издѣляются отъ укушенія бѣшеныхъ живопныхъ. Я замѣшилъ во время своихъ спранспгованій, что добро и зло всегда почти близки другъ къ другу.

Оттуда я спустился на очаровательные берега Ладона, а потомъ къ рѣкѣ Ароаніи, изобильной песпрыми рыбами. „Въ извѣстные дни послѣ захожденія солнца, они прерывающъ молчаніе,

(1) См. Плин. *Ист. Нат. и Акад. Надписей* Том. XLIII.

(сказали мнѣ) и кричатъ подобно дрозду. " Меня приглашали оспашься послушать эшаго чуда. Я удвоилъ шаги свои къ *Клипору*, красивому городу, построеному на равнинѣ между многими холмами; не преминулъ посѣнить храмъ прекрасной прядильщицы. Такъ называется Олень Ликійской, предшественникъ божественнаго Гомера, въ древнихъ своихъ гимнахъ, парку Пливю, послѣднюю дочь Судьбы.

На берегахъ Ладона я оспановился на минушу при гробѣ кормилицы *неолорогиваемаго врага*. Вамъ извѣстно, что Гомеръ такъ называется Эскулапія (1). Сей богъ, или лучше, отецъ медицины имѣетъ подлѣ него небольшое капище. Въ немъ показывали мнѣ издавна хранимыя челоувѣческія кости (*), копорыя служатъ доказательствомъ, что мы много оспали отъ своихъ предковъ. Они были роспомъ гораздо выше насъ. По сему - то и оспносятся родъ челоувѣческой до вѣка Реина.

Возвращаясь нѣсколько назадъ, я вошелъ на минушу въ городъ *Стилфалъ*,

(1) Павзан. *Путешеств. по Греціи*.

(*) Онѣ перенесены послѣ Пиеагора въ Мегалополь.

лежащій подлѣ одного озера. Діана имѣетъ шамъ деревянную позолоченую спашую, подлѣ разписаннымъ сводомъ, на копоромъ представлены крылатыя дѣвицы съ ппичьими бедрами и ногами. Сіи уродливыя изображенія нравятся народу и привязываютъ его къ богослуженію.

Народъ нечувствивеленъ къ простымъ красотамъ Природы; для возмущенія, или обузданія его потребны чудовища; отъ чего многіе правители его дѣлаются шаковыми.

Въ нѣкоторомъ разстояніи находится городъ *Алеа*, въ копоромъ жили Арголіи спорящъ съ Аркадцами. Три храма, копорые никогда не бывають пусты, оживляютъ сей пограничный городъ. Минерва, Діана и Бахусъ (1) раздѣляютъ владычество надъ духомъ жителей и сосѣднихъ націй.

Меня спросили, присупствовалъ ли я въ Спартѣ на бичеваніи дѣшей при жертвенникахъ Діаны Орѣи; побудъ здѣсь нѣсколько времени; подобная церемонія бываетъ и у насъ; но эшѣ почести при-

(1) Геродот. I.

нимаютъ на себя наши жены: мы ихъ съчемъ при подножїи спатуи бога вина.

Пиеагоръ. Какой варваръ былъ основателемъ сего обыкновенія ?

Мы не хотимъ похвалиться, мнѣ опвѣспивовали, чпобы мы были мудрѣ Делфійскаго Оракула. Гражданки Алейскія попивали во время праздниковъ въ честь Бахусу (1). Такое важное побужденіе обезоруживало ихъ мужей.

Многіе изъ нихъ, бывъ въ Делфахъ, вздумали попребовать совѣта у Пиеи. Вошь ея опвѣшь: „Пусть каждой полъ по своему чеспивуетъ Бахуса, во время *Триктерида* (*); женщины напиваясь, а мущины бичуя пьяныхъ женъ. Бахусу это будетъ очень прїяшно.“

(1) Павзаній не дѣлаетъ сего объясненія; но оно сообразно съ духомъ обычаевъ имъ повѣспивуемыхъ; а Пиеагоръ только привязывается къ духу богослуженій и законопоставленій, бывшихъ предметомъ его путешествій. Читателя просимъ не забывать этого замѣчанія во всѣхъ мѣстахъ сего Сочиненія.

(*) Праздникъ Бахусовъ, продолжавшійся три ночи.

По выше города *Кафїеса* подлѣ одного источника мнѣ показали гордый *латанъ*, копорой, по свидѣпельспву тамошнихъ жипелей, посаженъ руками Царя Менелая, когда онъ шелъ на Троянскую осаду. Этому легче можно повѣришь, нежели *ивъ* Юонина храма въ Самосѣ.

Терпеншинъ того и другаго полу (1) распетъ наиболѣе въ Аркадіи; смолиспой плодъ его благовоненъ.

Пастбища Аркадскія споль прекрасны, чпо коровье молоко изцѣляетъ почти всѣ болѣзни (2); впрочемъ природные жипели едвали могутъ судить о семъ, ибо они наслаждаются непрерывнымъ здоровьемъ.

Идучи въ *Псофисъ*, я переправился чрезъ Ладонъ, и пробирался сквозь рощу, наполненную самой крупной дичиною. Тушь попадались мнѣ полспыя черепахи, изъ копорыхъ можно бы дѣлать спольже прекрасныя лиры, какъ изъ черепахъ Индїйскихъ; но ихъ не позволено убивать, попому чпо они находясь подъ покровипельспвомъ бога Пана (3). Гора Эри-

(1) Плин. *Ист. Нат.* XIII. 6.

(2) *Онъ же* XXV. 8.

(3) Гомеръ. *Одисс.* кн. VI.

манѣ еще способнѣе для звѣриной охоты. Кумскіе жилища (*) хранящъ у себя въ Апполоновомъ храмѣ клыки вепря, копорой палъ подѣ Геркулесовой дубиной. — Память сего произшествія сохранилась здѣсь въ гимнѣ, воспѣваемомъ попеременно двумя хорами спариковъ и молодыхъ людей, въ честь двенадцати геройскихъ подвиговъ полубога (1).

Городъ Псофисъ, основанный дочерью Сицилійскаго Царя Эрикаса, или по крайней мѣрѣ носящій ея имя и пресѣкаемый рѣкою Ароантею, почтенъ гробомъ Алкмеона, копорой сдѣлался неприступнымъ за оградю *дѣвственныхъ деревьевъ*. Такъ называютъ въ семъ мѣстѣ высокіе кипарисы, осѣняющіе эту могилу, копорыхъ никогда не обрѣзывало святошашественное жезло.

Псофидцы имѣли монархическое правленіе во время Троянской осады; тогдашній ихъ Царь былъ умнѣе другихъ Государей, своихъ современниковъ; онъ не захопѣлъ брать участія въ домашней ссорѣ ни съ той, ни съ другой стороны. „Пусть

(*) Кумы въ Опикѣ, нынѣ Кампанія.

(1) Вирг. *Энеид.* VIII.

Менелай и Парисъ разбирающъ между собою свои распри,“ сказалъ онъ съ благоразуміемъ. Сіе простое разсужденіе предупредило бы брани.

На горѣ Эриманѣ, принадлежащей къ этому небольшому государству, я видѣлъ набожный монументъ, посвященный всѣмъ славнымъ рѣкамъ; каждая изъ нихъ имѣетъ спашую изъ бѣленаго дерева. Одна только Нилова черная; безъ сомнѣнія по причинѣ цвѣта народовъ, пьющихъ изъ сей пишательной рѣки.

Въ Псофисѣ хранящъ въ благоговѣйномъ почтеніи память одного тамошняго жителя, по имени Аглая, копорой, по преданію, наслаждался непрерывнымъ щастіемъ со дня рожденія своего до самой кончины. Псофидцы показываютъ основательность своего разсудка, почитая его феноменомъ, копорому Гомеръ не върипъ, судя по двумъ бочкамъ Юпитера (1).

Роца Афросидская служилъ общею границею Псофису и Фелпусѣ, какъ показываетъ надпись вырѣзанная на сполбѣ.

(1) *Иліада.*

Губличная площадь сего послѣдняго города находилась на самой срединѣ снаго. Тамъ видѣнъ храмъ двенадцати великихъ боговъ, дѣшей солнечныхъ.

Феллуса одолжена своимъ именемъ, а можетъ быть и своимъ существованіемъ одной Нимфѣ, дочери рѣки Ладона. Въ Греціи болѣе, нежели во всѣхъ другихъ мѣстахъ, города носятъ имена женщинъ.

Надобно переправиться чрезъ Алфей, и пробираешься черезъ гору къ городу *Алиферъ*. Прежде принесенія жершвы Минервѣ, покровительствующему своему божеству, жители приносятъ молбы Герою *Міаггу* (*). Ему приписываютъ силу удалять крылатыхъ насѣкомыхъ отъ жершвенниковъ.

Здѣсь воздаютъ богослуженіе богу мухъ; подалѣе на одной долинѣ въ области *Тралезунта* (**), приносятъ жершву непогодамъ, молніямъ и грому. При приближеніи великой бури народъ сбѣгается въ пространную подземную пещеру. Жрецъ, стоя при входѣ закликаетъ ураганъ гада-

(*) Богу мухъ.

(**) Имя одного сына Царя Ликаона.

пельнымъ жезломъ своимъ (1). Мудрецу помощію разума не удалось бы такъ хорошо укрощать!

Прошедши множество деревень и небольшихъ городовъ, я не встрѣчалъ ничего такого, чтобы могло меня оспановить: замѣнилъ одно только весьма похвальное обыкновеніе, которому впрочемъ не многіе слѣдуютъ. Въ Аркадіи на дорогахъ повсюду слышны голоса молодыхъ гражданъ, воспѣвающихъ законы своей земли (2) и добродѣтели Героевъ. Между ими почитается за стыдъ не знать эпическихъ пѣсней; а кто знаетъ ихъ, тотъ не уважаетъ никакой другой науки.

Но удовольствіе, полученное мною въ сей странѣ, гдѣ есть еще нѣкоторыя оспанки древнихъ нравовъ, уменьшилось при видѣ множества невольниковъ; въ Аркадіи ихъ *Миріады* (*).

На дорогѣ, ведущей къ *Меналу*, въ узкомъ проходѣ между горъ, которой жи-

(1) *Lituis*.

(2) Полибій.

(*) Неопредѣленное выраженіе. *Миріада*, греческое числительное слово означаетъ 10,000.

пели называютъ *вратами Илоса*; я былъ пораженъ сближеніемъ многихъ предметовъ, каковы капище Минервы изобрѣпательницы и храмъ Геркулеса хранишеля, или солнца. Вся сія страна наполнена слѣдами первобытнаго почипанія звѣздъ. Я чипалъ на фронтисписѣ одного храма сію довольно рѣдкую надпись: *доброму богу*, безъ всякихъ другихъ принадлежностей. Двери онаго были заперты; мнѣ сказали, что онѣ давно уже не отворялись; по крайней мѣрѣ спарики эпаго мѣста никогда не могли шуда входить. Не символическое ли это обыкновеніе? — А гдѣ же верховный жрецъ, спросилъ я, отправляетъ богослуженіе? Мнѣ отвѣчали опкровенно: *доброй богъ* не имѣетъ жрецовъ. Сей Аркадской богъ заслуживаетъ бытъ причисленнымъ къ *гистымъ божествамъ*, имѣющимъ храмъ въ Паллантѣ, другомъ городѣ эпой провинціи Греческой. Въ важныхъ случаяхъ клянущся ими. Не смотря на всѣ мои изысканія, копорыя доходили иногда до доуки, напура сихъ божествъ оспалась для меня шайною (1).

Я провелъ половину дня на горѣ Меналѣ въ шомѣ самомъ мѣстѣ, гдѣ лежатъ

(1) Павзан. Путеш. по Греціи.

кости Аркадовы подѣ дерновою насыпью. Это перекрестокъ, гдѣ сходящяся при зеленѣющіяся шропинки, изъ коихъ одна ведетъ къ городу *Меналу*. Для чего бы спровѣть дома и каменную ограду въ странѣ совершенно пасшущеской? Для чего бы не жить при святилищѣ бога пасшуховъ? Тутъ кажется слышна еще свирѣль его о семи дудочкахъ. Тутъ въ походномъ шалашѣ жилъ спарой пасшухъ въ совершенномъ невѣденіи о шомѣ, что происходило подѣ ногами его въ сосѣднихъ городахъ. Одинъ Аркадецъ не успѣдилъ не знать ничего, съ шѣмъ только, что онѣ знаютъ музыку (1); но сохранилъ шить преданія, которое помрачается ежедневно. „Здѣсь, сказалъ онѣ, не знали другаго божества, кромѣ Напуры; ибо ее одну надлежитъ разумѣть подѣ именемъ бога *Пана* (*). Такое богослуженіе, прибавилъ онѣ, гораздо шроспѣе, нежели имѣть боговъ сполько, или еще и болѣе, нежели сколько въ году дней. Богъ Панѣ заключаетъ ихъ всѣхъ; Аркадѣ кромѣ его другихъ не признавалъ; онѣ-шо называлъ его

(1) Polybe, cité par Fav. *rech. sur les Grecs.* tom. II. p. 107.

(*) Панѣ, Греческое слово, значитъ все. Часть V. Б

добрыймъ богомъ, а Нашуру доброю владычицею, дабы оба пола имѣли каждой особеннаго бога, копорой впрочемъ есть одинъ и поплъ же, такъ какъ и быль сему должно. Муџина и женщина не должны приносишь жертву на двухъ различныхъ жертвенникахъ.“

Сей храмъ есть мѣстомъ убѣжища для кропкихъ живопныхъ. Волкъ, не бѣшій при дни, сказалъ мнѣ одинъ пасухъ со всѣмъ Аркадскимъ просподуштемъ, останавливается окаменѣлымъ у порога, и не смѣешь переспутишь чрезъ него, дабы схвашишь и пожрашь препещущую овцу, избравшую для себя убѣжищемъ сіе священное мѣсто.

Сходя съ горы, я встрѣпился съ молодыми охотниками, копорые вооружены были проспникомъ. „Такъ! сказали они съ великимъ сердцемъ, мы идемъ съчь бога Пана: онъ глухъ къ прошеніямъ, но можешь быль не будетъ глухъ къ наказанію; принудимъ его послашь къ намъ дичины!“

Спъ Менала я пробирался къ Ликозурѣ, небольшому городу, построеному на одномъ ручѣ (Платаниспѣ) при подошвѣ Лицейскихъ горъ. Жишели сказали мнѣ съ увѣреніемъ, достойнымъ всякаго уваженія: „Лукозура есть самой древній

городъ въ свѣспѣ (1); солнце узрѣло ее первую; она подала мысль людямъ спрѣишь всѣ прочіе города.“

По крайней мѣрѣ не лъзя съ ними споришь въ спаршинствѣ богослуженія; подлинно, солнце есть первый и древнѣйшій богъ. Ликозурцы поспавили ему двѣ колонны, изъ копорыхъ на каждой находится по одному орлу, сдѣланному изъ дерева съ позолопою и обращенному лицомъ къ воспоку.

На монетахъ своихъ они изображаютъ кузнечика. Спѣны у нихъ построены изъ большихъ камней, положенныхъ другъ на друга, по Эпрусскому образцу. Это самой древній родъ архипекшуры.

Я всходилъ на Лицейскія горы, покрытыя деревьями. Сіи высокія лѣса посвящены Діанѣ. Въ концѣ каждой осни шамъ отправляютъ праздникъ, на копоромъ охотники назначаютъ вѣнокъ собакѣ, изъ ихъ своры болѣе всѣхъ опличившейся своимъ проворспвомъ (2). На семъ же

(1) См. *Leonardi Adami arcadicorum. lib. IV. in 4. Romae. 1716.*

(2) *Eloge historique de la chasse, par Beneton. p. 5. in 12. 1734.*

самомъ торжествѣ дѣлаютъ воспоминаніе происхожденія Царей, полагая, что первой Монархъ былъ начальникъ полпы смѣлыхъ охотниковъ (1). Наставленіе для народовъ!

Въ небольшомъ разстояніи отъ Лико-зурры городъ Фигалія стоитъ на весьма дикой каменной горѣ. На вершинѣ ея находится площадка, занимаемая храмомъ *Діаны храпительницы*. Городъ лежитъ ниже, и образуешь для храма ограду стѣнъ, стоящихъ на томъ же утесѣ. Я замѣтилъ тамъ только статую Аплепа Аррахіона, славнаго Панкратіаса, увѣнчаннаго три раза сряду на Олимпійскихъ играхъ. Третья побѣда его, бывшая въ пятьдесятъ четвертую Олимпіаду, сподарила ему жизни, которой онъ лишился въ роковномъ своемъ побѣжденнаго противника. Судьи провозгласили его побѣдителемъ, и назначили торжественныя почести его трупу. Статуя его, поставленная въ Фигаліи на публичной площади, представляетъ положеніе, отличающее таковыя монументы въ Египтѣ. Ноги почти соединены, а руки висятъ по бокамъ до самыхъ бедеръ. Надпись высѣчена внизу.

(1) Плин. *Ист. Natur.*

Мнѣ предложили возліяніе богу вина безъ воды (1), весьма почитаемому въ Фигаліи: но я ошказался, сказавъ, что у меня не такъ крѣпка голова, чтобы могла снести вино безъ воды: по сему разсудили уволить меня отъ богослуженія. Фигалійцы чаще бываютъ въ шинкахъ, посвященныхъ божествамъ пиршества, нежели у себя дома (2).

Говорящъ, что Бахусъ разрѣшаетъ языкъ и заспавляетъ говорить правду: жители Фигаліи опровергаютъ сіе общее мнѣніе; они пьяницы и лжецы.

Я пошелъ собраться съ мыслями въ Апполоновъ храмъ, которой не очень часто они посѣщаютъ. Кумиръ божества имѣетъ двенадцать футовъ въ вышину (3); въ день его праздника кладутъ ему на голову вѣнокъ, состоящій изъ двенадцати драгоценныхъ камней, которые выпускаютъ множество лучей. Сей приборъ безъ сомнѣнія приличествуетъ Солнцу, и напоминаетъ самое древнѣйшее, равно какъ и приспосовѣннѣйшее изъ всѣхъ богослуженій.

(1) Варрон. *Montfaucon. antig. expl. tom I.*

(2) *Athenaeus X. 4. deipnos.*

(3) Павзан. *Аркад.*

Двѣ рѣки орошаютъ округъ сей. Лимаксъ пресѣкаетъ городъ, и за оградю его печенъ Недасъ, куда дѣпи кидаютъ свой волосы, пришедши въ юношеской возрастъ, — обыкновеніе, въ которомъ и сами Фигалійцы не умѣютъ данъ опчеша. Сей ручей, въ уснѣяхъ котораго могушъ стоятъ небольшія суда, можно сравнить съ Меандромъ, касателью безчисленныхъ излучинъ, по которымъ онъ извивается.

По ниже Фигаліи есть особенный въ своемъ родѣ храмъ, находящійся въ великомъ уваженіи, можетъ быть по тому, что его опворяютъ только одинъ разъ въ годъ (*). Поелику я не случился тамъ точно въ этотъ день, то и не видалъ статуи *Евриноминой*, такъ называется богиня; она повѣшена надъ жертвенникомъ, и привязана къ своду золотыми цѣпями. Сверху представляеть женщину, а снизу рыбу; и этотъ спранный видъ причиною многихъ приношеній.

(*) Такимъ образомъ прекрасная Сорбонская церковь въ Парижѣ была опворяема только въ день Св. Урсулы. Одно и тѣже обыкновеніе понадаются во всѣхъ эпохахъ и во всѣхъ мѣстахъ.

Одинъ пьяный предложилъ мнѣ свои услуги, сказавъ: „Поди въ мой домъ; тамъ найдешь пы мою жену, еще молодую и прекрасную; еспьли хощя мало она шебъ понравится, то я опдаю ее шебъ (1), и за это пребую только, чтобы пы заплапилъ издержки сдѣланныя мною эту ночь въ ближнемъ шинкѣ.“ — Я опворошился отъ сего человекъ пожимая плечами.

Тегеяне, Аркадской народъ, славный своимъ мужествомъ, опличился на Троянской осадѣ. Главное ихъ мѣсто находится не подалеку отъ Бореевой горы. Публичная площадь, простирающаяся болѣе въ длину, нежели въ ширину, четверугольна; она имѣеть обыкновенной видъ кирпича. Тутъ насупротивъ одного Венерина храма видны приспавленные къ колоннѣ кумиры чепырехъ законодателей (2) сей республики: Анпифана, Креза, Пиріаса и Тиронида. На другой колоннѣ находится статуя Язія, побѣдителя на конскомъ ристалищѣ, увѣнчаннаго въ Пизѣ въ этотъ самый годъ, когда учреждены

(1) Павзан. VIII. *Путешествіе по Греціи.*

(2) Павзан. VIII. *Путеш. по Греціи.*

были Олимпійскія игры. Сей Герой пред-
ставленъ прислонившимся къ лошади :
правая рука его держитъ пальмовую
вѣтвь. — Не ужели Тегеяне не полагаютъ
никакого различія между правителемъ
лошадей и правителемъ народовъ? — За
городомъ я замѣнилъ кумиръ Діаны,
сдѣланный изъ кебеноваго дерева.

Немного рѣкъ имѣютъ участь слав-
нѣе рѣки *Алфея*: сдѣлавшись съ обѣихъ
сторонъ границами для двухъ храбрѣй-
шихъ націй изъ всей Греціи и свѣта, для
Тегеянъ и Лакедемонцевъ, — онъ орошаетъ
щасливую Аркадію и принимаетъ въ
нѣдро свое молодыхъ Паррусіанокъ, гото-
выхъ спорить другъ съ другомъ въ награ-
дѣ за красоту (1). Это гражданки одного
города, построеннаго дочерью Царя Лика-
она.

Передъ впаденіемъ въ море, Алфей спо-
спѣшествуетъ знамениосипи Олимпій-
скихъ игръ, и умѣряетъ тамъ жаръ
солнечныхъ лучей (*), весьма часто

(1) Athenée. XIII. *deipnos*.

(*) Тогда еще не знали въ Греціи тѣхъ
шканей, или парусинъ, которыя послѣ
Императоры Римскіе разстягивали надъ Цир-
комъ.

опасный какъ для сражающихся, такъ и
для зрительей.

Мнѣ предложили идти въ Феней,
гдѣ спустя немного дней должны были
быть праздники, подобные Элевзинскимъ;
но я отказался отъ приглашенія, услы-
шавъ, что Герофантъ въ Церериной одеж-
дѣ бьетъ палкою (1) всѣхъ споящихъ
на пуши во время священнй процессіи.

Я разговаривалъ о семъ съ Клеар-
хомъ (2), Аркадскимъ паспухомъ и граж-
даниномъ Меандрскимъ, какъ одинъ чу-
жестранецъ подошелъ къ нему, сказавъ съ
надменноспію: не ужели я въ городѣ Ме-
андріи?

Паспухъ. Такъ точно.]

Чужестранецъ. Я едва могу этому
вѣрять; мнѣ кажется, здѣсь деревня; но
какая до этого нужда! здѣсь ли живетъ
паспухъ Клеархъ?

Паспухъ. Это я.

Чужестранецъ. Ты?

Паспухъ. Да.

Чужестранецъ. Делфійская Пифія
послала меня узнать отъ тебя, какъ дол-

(1) Pausan. *Arcad.* IX.

(2) Порфир. *воздержан. плот.* II. 16.

жно чпипть боговъ? Самыя малѣйшія жерпвы, приносимыя мною, супъ Гекапомбы. Но боги еще симъ не довольны. Чего жь имъ еще болѣе? ни одинъ Азіапещь богатой Магнезіи не можетъ въ семь случаѣ сдѣлать что нибудь великолѣпнѣе.

Пастухъ. Богатой Магнезіяннѣ! Гекапа и Меркурій каждой мѣсяцъ, при всякомъ новолуніи удоспоивають принимаютъ съ благоволеніемъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ или травъ, нѣсколько плодовъ, пироги печеные подъ пепломъ и немного ладану. Не надобно ни воловъ, ни другой жерпвы! убійство никогда не осквернило моихъ рукъ. Богатой гражданинъ Магнезіи! послѣдуй моему примѣру. Не обограй никогда кровію жерпвенниковъ. Дѣлай добро по мѣрѣ своего богатства, и ты будешь наслаждаться, такъ же какъ и я, здоровьемъ и душевнымъ спокойствіемъ, которое еще и самага здоровья предпочтительнѣе.

Азіапещь въ нѣкоторомъ смущеніи пошелъ прочь. Я послѣдовалъ за нимъ, но скоро оставилъ его: наспавленіе не принесло ему пользы.

Продолженіе Пивагорова путешествія по Греціи. Древности Трезена.

Рѣшившись побывать въ *Арголіи*, я возшелъ на гору *Парнонъ*, которая служилъ границею для трехъ народовъ. На самой вершинѣ ее дѣйствительно я видѣлъ пройнаго каменнаго Гермеса, у котораго на каждомъ лицѣ написаны имена *Лакедемонцевъ*, *Аргіянъ* и *Тегеянъ*. Сіи три націи не всегда были такъ близки. Сосѣдняя равнина, называемая *Фирейскою*, служила недавно театромъ сраженія между тремя снами *Спарпанцевъ* и *полукимъ* же числомъ *Аргіянъ*. Побѣда была на сторонѣ послѣднихъ, потому что изъ нихъ оспались двое противъ одного *Лакедемонца*. Я пролилъ слезу надъ общою гробницею прочихъ. Увы! чтоже произошло изъ такого мужества и храбрости?... Одно пустое воспоминаніе и новая особенная пляска въ городѣ *Аргосѣ*. Я взялъ дорогу сквозь *Анигрской* проходъ; онъ узокъ и пруденъ, но на правой рукѣ у меня находилось прекрасное зрѣлище сада, усаженнаго масличными деревьями. Я не думалъ, что бы я былъ такъ близко къ *Лернѣ*, гдѣ родилась *Гидра* подъ однимъ

Плашаномъ, копорой мнѣ показывали мимоходомъ.

Я удвоилъ поспѣшность, желая доспигнуть сѣбѣ *Навлліи* (*), небольшого приморскаго города, въ копоромъ не столь славна приспань, какъ испочникъ Канаосъ (1). Юнона каждой годъ обмываясь въ немъ, дѣлается опянь дѣвицею. Сія богиня не раздѣляетъ споль прекраснаго преимущесства ни съ какою смерпною, ниже въ Навплійскими гражданками. Не символъ ли это Натуры, копорая вмѣстѣ дѣвица и мать?

Я продолжалъ свой путь по берегу, и не останавливаясь въ малыхъ городахъ *Азинеѣ*, *Галлицѣ* и *Мазискѣ*, хопя боже-спвенный Гомеръ въ изчисленіи Аргивскихъ городовъ упоминаетъ о семъ послѣднемъ, прибылъ въ *Герміону*, копорая заключаетъ въ себѣ множесство храмовъ, и между прочими одинъ Солнцевъ, находящійся въ срединѣ роци, посвященной Граціямъ. Учредивъ еще богослуженіе Серапису, жители не знаютъ, что они исполняютъ сугубую должность; одинъ изъ нихъ понялъ меня. „Чужеспранецъ, ска-

(*) Теперь *Налоль*, въ Руманіи.

(1) Павзан. *Путеш.*

залъ онъ мнѣ, мы знаемъ, что Сераписъ есть солнце; да можетъ бытъ, и другіе боги суть поже, что солнце.“

Пиэагоръ. Для чего эта высокая каменная ограда, копорая совершенно заграждаетъ входъ къ жертвеннику Изиды?

Житель. Для того, что мы тамъ празднуемъ великія таинства Цереры.

Пиэагоръ. Для какой выгоды сіи таинства? Не ужели солнце скрывается отъ васъ, дабы не созрѣвали ваши жатвы? Не ужели говоримъ оно народамъ: да спряшится открыться при свѣпѣ лучей моихъ всякое неосвященное око?

Житель. Это древнее обыкновеніе. Путешеспвенникъ! да сохраняишь млебя Діоскуры.

Однимъ этимъ словомъ народъ думаетъ совершенно оправдаться во всемъ.

Храмъ Цереры *Хтоніи* былъ отперстъ. Тамъ ожидали священной процессіи. Я спалъ на такое мѣсто, гдѣ должно было ей проходить; правили Герміонскіе предшеспвовали свипѣ. По случаю я узналъ, что они опправляютъ свою должность погодно. За ними слѣдовали жрецы, сопровождаемые чепырьмя женщианми. Попомъ шли граждане обохъ годовъ

и совершенныхъ лѣтъ. Дѣти, образуя красивыя группы, заключали се шестые. Всѣ предстоящїе одѣты были въ бѣлое длинное платье и увѣнчаны гѣадинпами. Позади шли медленнымъ шагомъ чепыре пелицы, опустивъ голову, какъ бы предчувствуя участь имъ угрожающую. Женщины берутъ на себя должностъ опправлать это священное убійство. Такое еще доселѣ обыкновеніе! Такъ угодно Церерѣ! Послѣ жертвоприношенія я пошелъ на правую сторону храма удостовѣриться въ многократномъ эхѣ. Тутъ находился портикъ, построенной такъ, что звукъ голоса отражается до чепырехъ разъ. Я нашелъ тутъ молодого Диэирамбическаго спихспворца, которой по видимому боролся съ эхомъ. Ласъ, кажешся, пришелъ нѣсколько въ спыдѣ, нечаянно увидѣвъ пихаго и хладнокровнаго чужеспранца.

Прошедши нѣсколько спадій, я очутился въ *Каландерѣ*, мѣспечкѣ служащемъ пристанью Трезены. Тутъ показали мнѣ Тезееву колыбель (1), и дикую маслину, совершенно изуродованную: „она сдѣлалась таковою, сказали мнѣ, съ тѣхъ поръ, какъ вожжи бѣгуновъ добродѣпель-

(1) Павзан. Путеш.

наго Ипполита запутались въ вѣпвяхъ сего деревца.“

Въ виду сей пристани находится священной оспровъ, такъ названной потому, что на немъ мудрая Минерва позволила себѣ нѣкопорую слабостъ. Трезенскія дѣвицы передъ замужствомъ приносятъ спуда свой дѣвической поясъ на жерпвенники *стеленной* (*) Минервы. По шаспю онѣ не чувспвуютъ нелѣпоспи таковаго богослуженія.

Въ *Трезенѣ* (**) я пробылъ по долге. Одинъ Миспагогъ (***) вызывался опворить для меня врапа храма Діаны-храмнипельницы. Я опвѣспсвовалъ услужливому своему вожатому: покажи мнѣ поскорѣ какой нибудь памяшникъ добраго Царя Пиеея.

Меня повели за храмъ: вопъ его гробница. На ней лежатъ при бѣлые мраморные спула, на копорыхъ сидя съ двумя наилучшими гражданами изъ города, онѣ давалъ судъ всѣмъ.

(*) Греческое мѣспоимѣніе *Алатурія* значитъ почти шже.

(**) Теперь *Дамала*, или *Пледа*.

(***) *Публисной* вожатой, котораго въ Италіи называютъ *Цицероніемъ*.

Сїи при стула сунъ четвероугольные камни, не имѣющіе никакого другаго украшенія, кромѣ почтеннаго напоминанія, производимаго ими. На прошивѣ находяща ся сляпилице Музѣ, гдѣ Царь Писей учился самѣ наукѣ убѣждать. Мы тамъ хранимъ на ихъ жертвенникахъ сочиненіе о праилахъ хоршо говорить, сдѣланное симъ Государемъ въ свободное время.

Для полученія милоспи, прикоснувшись сему драгоцѣнному залогу, мнѣ нужно было сбѣявить, что я въ Оивахъ посвященъ въ таинства; свинокъ мнѣ былъ ввѣренъ на самое коропксе время; мнѣ позволили извлечь изъ него нѣсколько шрокъ. Первыя начинаются такъ: „Способность хоршо говорить заключается въ томъ, чтобы говорить такъ, какъ мыслишь . . . Святая истина всегда краснорѣчива. Болѣе всѣхъ поваровъ (1) должно плапиль за дружбу.“

Гезіодъ безъ сомнѣнія читалъ Писеевы законы о краснорѣчїи, написавъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій: „Щаспливъ правитель, кшпорому благопрїятспвуютъ

(1) *Aequa viro merces fac praestitatur amico.*
Pithaei praescriptum celeberrimum. Plutarch.

Музы! Государь, ихъ любящїй, лучше управляешь народомъ. Слова имѣютъ болѣе силы, нежели руки.“

Подлѣ Музѣ я примѣпилъ изображеніе Сна, и это показалось мнѣ весьма удивительнымъ. Трезенецъ мнѣ сказалъ: „Не сонъ ли наилучшїй другъ Музѣ? Чпо больше дѣлаютъ спихотворцы, какъ не грезятъ?“

Меня привели къ священному камню, на которомъ очищенъ отъ пресупленія Орестъ.

Какъ это! сказалъ я, въ Трезенѣ убійца своей матери получилъ милосп и прощеніе?

Мистагогъ. Да. Послушай: Орестъ, омерзѣвши себѣ самому и всѣмъ людямъ, дошелъ до опчаянїя. Онъ спановишься на этомъ камнѣ, опкрываетъ себѣ грудь, раздираетъ свои одежды и спрашными воплями призываетъ смерть. Народъ собирается вокругъ его. Девять гражданъ по произвольному движенію выходяпъ изъ середины толпы, приближаются, и самой спарѣйшїй именемъ осми прочихъ проспираетъ слѣдующія слова къ злощаспному Оресту: „Сынъ Агамемноновъ! пы опмспилъ за своего опца, коего смерть

безъ тебѣя оставалась не опмщенною. Довершаешь слабой судъ не еспь преступленіе, недоспойное помилванія. Твоя рука была только орудіемъ боговъ. Ободришь; ты очищенъ предъ народомъ!“ И девять гражданъ потчасъ обступили эпотъ жершвенникъ, которой ты видишь на прошивъ священнаго камня и которой посвяшилъ самъ царь Пиеей Темидъ.

Народъ бросился привести шуда Орепта, сумнѣвающагося еще во всемъ помъ, что онъ видѣлъ и слышалъ. Ему позволено было принести жершву, и съ сей минуты спокойствіе: возвратилось въ его душу.

Пиеагоръ. Сцена сія прекрасна; но не надлежитъ повпорять ее часто. Надежда ненаказанности: ободряетъ къ преступленію, и виновные имѣютъ свободу сдѣлать въ ономъ признаніе, и сказать, что оно невольно.

Мистагоръ. Еспьли ты пойдешь на границы Мараѳонской области, то можешь быть свидѣтелемъ жершвопринесенія, возобновляемаго тамъ ежегодно въ память сего же самаго Государя, болѣе злощаснаго, нежели виновнаго. Жрецъ, вооруженный мечемъ, выпкаетъ конецъ

онаго въ обнаженную голову молодой дѣвицы, и извлекаетъ изъ нее нѣсколько крови. Діана, споль очевидно покровительспвовавшая Оресту и сеспрѣ его Ифигеніи, оспаеетъ довольною симъ мало-важнымъ изліяніемъ.

Городъ Трезена множествомъ своихъ памяшниковъ одолжена Пиеею. Сей государъ возобновилъ вешхой храмъ Солнцевъ, извѣспной подъ именемъ Аполлона *дальновиднаго* (1). Сіе священное зданіе было самое древнее изъ всѣхъ.

Пиеагоръ. Храмъ сего же бога въ Самосѣ кажется имѣеть право на соперничеспво?

Мистагоръ. Предъ симъ храмомъ находится старой портикъ, гдѣ жилъ Орестъ въ удаленіи отъ всѣхъ гражданъ; никпо не хотѣлъ оказать ему госпепрїимспва! Нынѣ осбняетъ его гордый Лавръ. Сіе дерево выросло въ потъ самый день, когда убійца Клишемнеспры получилъ прощеніе отъ боговъ и народа Трезенскаго.

Не подалеку отъ сего удивительнаго Лавра находится Олива, которой пакже

(1) *Theorius. Je vois.*

не менѣе чудесна. Геркулесъ, совершивъ великія свои подвиги, пришелъ въ Трезену, положивъ здѣсь дубину, копорую онъ сдѣлалъ себѣ изъ пня Оливнаго дерева (1) . . .

Писагоръ. Символь мудрости, которая руководствовала всѣми его дѣянїями и мира, копорымъ они кончились!

Мистагоръ. Едва великій Алкидъ прикоснулся землѣ своею страшною дубиною, какъ топчасъ она пустила корни, и опять сдѣлалась Оливою. Немногіе могутъ достать плодовъ сего священнаго дерева (2).

Писагоръ. О Греція! такія чудеса производятъ только въ твоихъ областяхъ. Если ты не столько просвѣщена, не столько премудра, какъ Египетъ, по крайней мѣрѣ ты умѣешь лучше, нежели онъ, украсить свои уроки.

Куда ведутъ эту молодую дѣвицу, сопровождаемую своею роднею, спросилъ я у моего вожакаго?

Мистагоръ. Завтра она поступаетъ въ замужство; теперь идетъ въ храмъ непорочнаго Ипполита, принесши

ему въ жертву, во изъявленіе своего благоговѣнїя, кольцо изъ прекрасныхъ волосъ своихъ. Молодая дѣвица, исполняющія сей благочестивой долгъ, обыкновенно получаютъ себѣ въ супруги молодого человека спольже добродѣтельнаго, какъ Ипполитъ. Она скоро положила поясъ свой на жертвенникъ Паллады (1).

При сихъ словахъ я вскричалъ снова: только въ Греціи встрѣчаются споль привлекательныя сцены!

Мистагоръ велѣлъ мнѣ обзрѣть во кругъ меня вниманїемъ: видишь ли пыкъ воспоку отъ сей небольшой рожи спаринной домъ? Въ немъ родился мудрый Ипполитъ. Чистой пыпкой печетъ пычпы подлѣ самыхъ воропъ; эшо Геркулесовъ испочникъ.

Писагоръ. Въ возрастѣ страстей пропивившись всѣмъ обольщенїямъ женщины предполагаешь крѣпость души, подобную Геркулесовой.

Мистагоръ. Обратись къ западу: вотъ гробъ мудраго Ипполита. Храмъ Венеры отдѣляетъ его отъ Федриной

(1) Павзан. II.

(2) Pausan. Corinth.

(1) Павзан. Путешест. по Греціи.

гробницы: подойди къ сей послѣдней: видишь ли, какъ испытаны листья мирра, осѣняющаго оную? Несчастная, пришедши сюда насыпишь очи свои зрѣнїемъ подвижающагося на распалищѣ Ипполита, въ унынїи колола листья сего дерева золотою иглою, копорой приколошы были ее волосы.

Пи а г о р ъ. Для чего сохраняшь все, бывшее свидѣлемъ спраспи, сдѣлавшейся пресупленїемъ?

М и с т а г о г ъ. Спраспь никогда не есть пресупленіе: это дѣло судьбы. Мы почитаемъ Ипполита; оплакиваемъ Федру.

Я предложилъ слѣдующее сомнѣнїе: все это приключенїе не было ли аспрономическая выдумка? Ипполитъ по видимому есть то самое созвѣздїе, копорое иначе называютъ *вознигилъ*.

М и с т а г о г ъ. Чужестранецъ! береги для себя ученыя догадки. Между шѣмъ знай, что мы верховнымъ царемъ своимъ пославляемъ солнце (1).

На чепвероугольномъ камнѣ, положенномъ при входѣ въ одну довольно про-

(1) Павзан. Кн. II. Путешест. по Греціи.

спранную пусшую ограду, я чипалъ: *поле побїенїя каменїемъ*. Граждане Трезенскїе, раздѣлившись на двѣ спороны, располагались всшупишь въ бой: двѣ молодыя женщины выходяпъ на среду вооруженной шолпы, и шребуюпъ, что бы ихъ слушали. „Мы согласимъ, сказали онѣ, всѣ паршїи.“ Въ одну изъ нихъ попалъ брошенной кремень: за нимъ послѣдовало много другихъ. Онѣ пали изнемогши подъ ударами: сіе произшествїе почли за извѣщенїе боговъ, данное въ предосторожностъ женщинамъ, копорыя, забывъ обязанности своего пола, выходяпъ за порогъ своего дома однѣ, безъ мужей своихъ. Двѣ жершвы имѣли похвальныя намѣренїя; но ихъ поспупокъ его худому примѣру былъ зарашипеленъ для добрыхъ нравовъ.

Я находилъ шущъ сполько же спрогоспи, сколько видѣлъ шнисхожденїя, касательно Федры. Око мїра свѣшипъ равно; око народа не всегда смоприпъ одинаковымъ образомъ.

Провожая меня опяшь къ Трезенскимъ воропамъ, Миспагогъ мнѣ сказалъ: „Прежде нежели оспавишь насъ, знай, что у насъ всякой годъ бываетъ праздникъ, продолжающїйся многіе дни. Онѣ учрежденъ

для напоминовенія людямъ , что не всегда между ими были невольники. Въ продолженіе сего празднества господа играютъ въ кости съ своими рабами и ѣдятъ вмѣстѣ съ ними за однимъ столомъ (1).“

Пиоагоръ. Не доброму ли Пиооу вы одолжены и симъ полипическимъ и благочестивымъ учрежденіемъ? Оно доспойно сего добродѣтельнаго челоѣка!

Мистагогъ. Мы этого не знаемъ: но дабы вы получили выгодную мысль о благочестіи Трезенцовъ , то знай , что по закону Амфіараеву (2) , они воздерживаются отъ вина три дни (3) , прежде приближенія къ жертвеннику для принесенія жертвы.

Вода въ Трезенѣ густа и тяжела (4).

Подлѣ города въ заливѣ попадается полипъ; но запрещено ловить сію рыбу , которая почитается священной. Не потому ли , что она можетъ служить символомъ Намуры? Трезенцы сказали мнѣ , что она ѣстъ саму себя и питается

(1) Штуккій , *Древн. лиршест.* I. 22.

(2) Волатеранъ. XIII. 4.

(3) *Alexander ab Alex.* VI. 2.

(4) Athenée. II.

собственнымъ существомъ; — образъ Намуры , которая сама вознаграждаетъ свои пошери и раждаетъ жизнь изъ нѣдръ смерти!

Внѣ стѣнъ города , на равнинѣ , возвышается храмъ Венеры , основанной гражданами Галикарнасскими , Трезенскими уроженцами; — памятникъ признательности къ опечеству , которому они навлекли нареканіе развращеніемъ своихъ нравовъ (1)!

XVII.

Продолженіе записокъ Пиоагоровыхъ во время путешествія по Греціи.

Проходя Меоону (*), я удостоверился въ проклятіи Агамемноновомъ (2): жители сего города въ самомъ дѣлѣ прудятся еще надъ построеніемъ своихъ стѣнъ , коихъ основанія положены были въ то время ,

(1) См. сего сочиненія Том. I. §. XXV.

(*) Нынѣ *Модонъ* , Епископство въ Морей.

(2) Hist. de Philippe, par Olivier. p. 188.

t. I. in. 12.

Часть. V.

когда Греція отпралялась на Троянскую осаду. Мевонцы, будучи хладнокровнѣе прочихъ, имѣли доброе расположеніе отка-заться отъ участвованія въ семъ походѣ. „Мы не можемъ, сказали они, оспановишь спрсеніе своихъ спѣнѣ.“

Чтобы вамъ ихъ никогда не окончишь! ошвѣшсповаль имъ великой царь.

Я вспунилъ въ священную область *Элидавра* (*). Эскулапій былъ благодѣ-пельнымъ геніемъ сего города за долгое время, прежде нежели божественный Го-меръ причислилъ къ богамъ сего *несравнен-наго врага* (1) въ своей безсмертной *Иліадѣ*. Ему посвящена роща, коей ограда соспавлена изъ большихъ камней. Тутъ также, какъ въ Делосѣ, запрещено раждашь-ся, или умирашь. Беременныхъ женщинъ и опчаянно больныхъ шуда не допуска-ютъ. Богъ Здравія, сидя на пронѣ, дер-жа въ одной рукѣ длинной скиптръ, а другою опираясь на голову змѣи, окру-женъ полпою столбовъ; я называю ихъ такъ попому, что они сушь, такъ ска-зашь, говорящіе. На каждомъ написаны Дорическимъ языкомъ имена изцѣлѣвшихъ

(*) Нынѣ *Пигіада*, городъ въ Морен.

(1) Гомерово выраженіе. *Иліад.* кн. IV.

смершныхъ, ихъ болѣзни и врачеваніе. Большая часть изъ сихъ надписей сушь Лаконически и въ эшаконѣ шпилѣ:

„Я былъ слѣпъ: божеспвенный Эску-лапій приказалъ мнѣ шри дни умывашь „глаза кровію бѣлаго пѣшуха, смѣшанною „съ медомъ (1); я повиновался и полу-„чилъ прозрѣніе.“

Сіе Эпидаврское обыкноненіе распро-спраняется во многихъ другихъ мѣспвахъ; его бы надлежало наблюдать на всѣхъ пунктахъ земли.

На одномъ столбѣ, которой возвышен-нѣе прочихъ, я чиналъ слѣдующую над-пись: „Ипполишь посвящаетъ коня Эску-лапію!“

Я спросилъ у шого, которой принялъ меня въ семъ городѣ: отъ какой болѣзни былъ изцѣленъ сынъ Тезеевъ?

Элидаврецъ. Отъ смерти; Эску-лапій его воскресилъ. Его почипали мерп-вымъ много дней. Эшотъ поступокъ подшверждается прозваньемъ, которое да-ютъ юному Герою. Мы и нынѣ еще на-зываемъ *Иллолита Вирбіемъ* (*). Сіе

(1) *Bibliothèque univ. de Leclerc année. 1691.*

(*) *Vir - bius*, или *Bis - vir*, то есть, мужъ два раза.

врачеваніе дѣлаешъ ему болѣе чеспи, нежели врачеваніе Асклея (1), Эпидаврскаго пиранна.

Пиоагоръ. Для чего подлѣ Эскулапія змѣя?

Эпидаврецъ. Область Эпидаврская есть одно мѣсто въ ерѣшѣ, гдѣ змѣи не причиняютъ зла. По крайней мѣрѣ у насъ покрытыя золотою чешуею (2) безвредны.

Храмъ находится внѣ города (3); я чиналъ на врапахъ слѣдующіе два спиха (4):

О смертный! не входи; останься у порога;

Лишь чистые душой и тѣломъ узрятъ Бога.

Двѣ горы прикрываютъ городъ; меня заставили взойти на вершину одной изъ нихъ, дабы посмопрѣть виную оливу: это игра Геркулеса, когда онъ посѣщаль

(1) *Magn. etimolog.*

(2) *Cristis aureus.*

Ovid. metam. XV.

(3) *Pausan. Corinth.*

(4) *Порфир. воздержан. плоти II. 16.*

свою спрану. Повернувъ одною рукою, онъ далъ сему дереву видъ, копорой оно сохраняетъ доселѣ.

Эпидаврецъ. Мы щипаемъ распѣнне сіе между священными вещами этой спраны.

Пиоагоръ. Я люблю это набожное попеченіе, сохраняя самые малѣйшія черпы великаго человѣка (1).

Изъ Эпидаври я отправился въ области Аргоса; границею ихъ служилъ гора Арахнея, куда жители во время очень продолжительной засухи приходятъ просить дождя во храмъ Юпитера и Юноны, совокупно богопворимыхъ на одномъ и томъ же жерпвенникѣ.

Я прошелъ чрезъ *Тиринѣв*, городъ обнесенный хорошими стѣнами, по словамъ Гомера. Въ самомъ дѣлѣ, немногіе города имѣютъ споль хорошія стѣны (*); онъ

(1) . . . *Nullum illustrem virum, nullum sapientem, nullum sacrificium, nullum denique locum praetermittens, ubi plus quietam se se inventurum speraret. Sacerdotes visebat omnes . . . Pythagoras.*

Nic. Scutellius collectanea. p. 1.

(*) Онъ существуютъ болѣе трехъ тысячъ лѣтъ.

построены Циклопами, и суть ничто иное, какъ сухіе камни, положенные одинъ на другой, безъ всякой другой связи, кромѣ собственной ихъ тяжести. Два мула едва ли могутъ свезти самой малѣйшей изъ нихъ. Тиринѣ хвалятся, что въ нсмъ дано первое воспитаніе Геркулесу.

Львы, спрежушіе главные ворота сего города, древнѣе Дедала. Достоянѣйшій уваженія памятникъ есть Аргосской водопроводъ. Я шелъ по каналу сему до самаго города; онъ сдѣланъ изъ самой лучшей земли съ цѣменомъ, коего главный составъ есть мраморной песокъ. Его печеніе простирается на три часа пужи (1). Жипелей Тиринѣа (2), также какъ и ихъ сосѣдей Аргосцевъ почитаютъ болѣе спрашными на пиршесствѣ, нежели на сраженіи. Они уже не питаются шеперь одними дикими грушами, такъ какъ поступали ихъ прадеды. Оракуль не препятствуетъ натуральной ихъ веселости (3); имъ должно смѣяться, не смотря на Минерву, или Аполлона.

(1) Foumont. *Acad. inscript. hist.* p. 198. tom. VIII.

(2) Athenaeus X. t. *deipnos.*

(3) Аеней. VI.

Аргосъ отверзъ мнѣ врага свои. Толпа дѣшей играли крича: *бллагадасъ* (1), и въ поже самое время бросали другъ другу въ голову дикія яблоки: воспоминаніе перваго происхожденія народа Аргивскаго! Скипаясь по ближнимъ горамъ, предки ихъ пинались симъ плодомъ, прежде нежели Инахъ не предложилъ имъ сойти внизъ для воздѣланія равнины. Сію особенность я узналъ отъ древняго Историографа сего города, Акузилая (2). Первое поклоненіе я сдѣлалъ Аполлону, главнѣйшему божеству города. Спашуя его изъ дерева, Египетской работы. Симъ одолжены Данаю, царствовавшему пятьдесятъ лѣтъ.

Меркурій имѣетъ свою спашую, сдѣланную изъ погожего вещества, но не чудеспранной рѣзбы; Эней, сынъ Панопеевъ, былъ ея ваятелемъ.

Передъ Аполлоновымъ храмомъ возвышающіяся два столба, на копорыхъ вмѣсто капищели поставлены бюсты Юпитера и Юноны, — въ родѣ спашуй, оканчивающихся воронкою (*en gaine*). Передъ сею

(1) Plutarque, *questions Grecques.* LI.

(2) Юсиф. кн. I.

послѣднею я видѣлъ рисунокъ группы, представляющей Клеобиса и Бипона, запряженныхъ въ колесницу своей матери. Сей триумфъ сыновней любви должно изваяшь изъ бронзы, или изъ мрамора (1).

Аргосцы воздвигли особенной храмъ Юнонѣ. Слѣпы онаго увѣшаны обѣщанными щипами; на одномъ изъ нихъ я читалъ имя Эвфорба (2) знаменитаго Троянца, котораго при осадѣ своего отечества убиши былъ царемъ Менелаемъ, супругомъ Елены. Богиня держиши въ рукѣ гранатовое яблоко (3)

Великая жрица сего храма собираетъ всѣ произшествія, случающіяся въ продолженіи ея должности, и вырѣзываетъ на мѣдныхъ доскахъ (4). Сей рядъ хронологическихъ чиселъ, расположенныхъ по порядку жречества, можетъ доставить матеріалы для историковъ, и теперь уже

(1) Послѣ онъ былъ сдѣланъ изъ мрамора.
См. жизнь Солона.

(2) Овид. превращ. XV. Гораз. и проч.

(3) Pausan. Corinth.

(4) Гелланикъ Лесбосской. Діон. Галикарн. I. Marsham. ch. sup. IX. Евсев. Хрон. годъ 582. Syncell.

служиши для лѣточисленія. Кромѣ имянъ жрицъ, я читалъ также имена стихотворцевъ и музыкантовъ, бывшихъ побѣдителями на Аргивскихъ играхъ. Первая жрица Аргосской Юноны была Каллионія, дочь Пиранеова.

Подобная записъ находится въ Сиционѣ.

Ежели худо извѣстна исторія Грековъ, то это не ихъ просупокъ. Меня повели на поле Аргосскаго округа, гдѣ хозяинъ онаго, *Акузилай*, нашелъ многія бронзовыя табличы, покрытыя надписями (1). Онъ самъ помогалъ мнѣ прочесть ихъ. Сей ученый спарецъ объяснилъ мнѣ многія изъ нихъ, сообщивъ нѣсколько свѣдѣній своихъ *родогисленій*, которыя онъ выбралъ изъ сихъ подвижныхъ бронзовыхъ памятниконъ. Его хроника просирается далѣе царства Инаха, котораго онъ называетъ самымъ древнимъ человекомъ. Я послѣ узналъ, что Акузилай подозрѣваемъ былъ въ ученой кражѣ у Гезіода; какъ бы то ни было, его сочиненіе показалось мнѣ весьма порядочнымъ.

Форшуна имѣетъ свой храмъ въ Аргосѣ: Паладедъ принесъ въ даръ сей бо-

(1) Suidas.

гинѣ игральныя кости, изобрѣшенныя имѣ для облегченія несносной скуки, копорую испытали Греки во время продолженія Троянской осады (1).

По ниже храма *простонародной* Венеры (2), коея самое прозваніе оскорбительно для нравовъ, мнѣ попались два другіе соприкосновенные другъ другу храма, посвященные одинъ Эскулапію, а другой Діанѣ *Ливоѣ* (богинѣ Увѣренія). Первое знаніе врача есѣ увѣришь своего больного.

Я осмопрѣлъ въ храмъ Каспора и Поллюкса двѣ конныя ихъ спашуи, первыя, сказали мнѣ, въ своемъ родѣ; онѣ сдѣланы изъ тебеноваго дерева руками двухъ Дедаловыхъ учениковъ, Дипена и Сцилліса.

Подлѣ сего храма находилпся жерпвенникъ, посвященной Еленою Луцинѣ; имя сей царевны не слишкомъ прославилось въ Аргосѣ, и примѣръ ея не сдѣлался еще заразительнымъ для женщинъ сего города. Онѣ не опказались опѣ древняго обычая, не позволяющаго вдовѣ избирать преемника послѣ своего мужа. Аргіянка въ своей жизни знаетъ одного только мушину.

(1) D. Souter. *Palamedes, de aleatoribus.*

(2) *Divaricatrix, a divaricandis cruribus.*
Clem. Alexandr. in *pratreptico.*

На дорогѣ, ведущей къ цитадели, мнѣ дали замѣшпшь гробницу сыновей Египтовыхъ. Она заключаетъ только ихъ головы, копорые Данаиды, ихъ супруги и убійцы, принесли сами къ опцамъ своимъ. На концѣ крѣпоспи, построеной на горѣ Арахнеѣ, копорая защищаетъ городъ (1), жипели поставили, безъ сомнѣнія, съ намѣреніемъ деревянную фигуру, представляющую Юпитера съ према глазами въ видѣ Дельпы. Я видѣлъ еще въ Индіи спашуи боговъ, имѣющихъ много головъ и много рукъ. Сіи боги - чудовища весьма нравятся народу. Онѣ любятъ все странное и особенное. Испина слишкомъ суха для него.

Онѣ начинаютъ терять преданіе сего символа, служившаго нѣкопорымъ наспавленіемъ для древнихъ Аргивскихъ царей. Тогда государь не имѣлъ и права дѣлать несправедливыя предложенія. Тогда Аргивская нація умѣла соединять независимость свою съ монархіею. Ея царь былъ ничшо иное, какъ гражданинъ, копорой только имѣлъ привилегію говорить свое мнѣніе въ политическихъ собраніяхъ прежде другихъ. Наконецъ онѣ былъ первѣй-

(1) Эсхил. *Трагед. Агамемнонѣ.*

шимъ полководцемъ во время войны и первѣйшимъ правителемъ во время мира. Такъ было прежде и въ Коринѣ, и во всей почти Греціи.

Посредствомъ сигналовъ огня (1), по повелѣнію Агамемнона посланныхъ одинъ отъ другаго въ извѣстныхъ разстояніяхъ отъ самой горы Иды до горы Арахней, Клиземнеспра получила извѣстіе о взятіи Трои. Я всходилъ шуда, и мои труды были не безъ награды. Аргивской спихопворецъ, по имени Сакадосъ, тамъ находившійся, воспѣлъ мнѣ одну элегію, соединяя голосъ свой съ жалобнымъ стономъ люшны.

Я обнаружилъ свое удивленіе, что такъ мало собакъ попадается въ Аргосѣ, и узналъ сего причину: почти всѣхъ ихъ истребляютъ каждой годъ (2) во время каникулярныхъ праздниковъ. Мудрая предосторожность! политическая мѣра, прикрывая мантіею религіи! На монетахъ своихъ Аргосцы изображаютъ крысу (3).

(1) Родъ Телеграфа. Эсхил. Трагед. Агамемнонъ.

(2) Athenée, *deipnos*. III. Rhodiginus.

(3) Отъ Polluc.

Я не вышелъ изъ сей области безъ того, чтобы не опвѣдать опмѣнныхъ грушъ, въ ней родящихся (1).

За городомъ на большой Аргосской дорогѣ къ Эпидавру, воздвигнутъ профей въ видѣ пирамиды, увѣшанной Аргивскими щипами; ихъ кругловидность заставляетъ сравнить ихъ съ глазомъ, которой только одинъ имѣютъ Циклопы посреди лба.

Отъ Аргоса до Клеоны дорога проложена чрезъ горы, въ которыхъ находится пещера Немейскаго Льва. Городъ сего имени лежитъ въ пятнадцати стадіяхъ: въ немъ стоитъ Юпитеровъ храмъ, огражденный кипарисною рощею: тамъ чрезъ всякіе при года во время зимняго солнечнаго поворота отправляются Немейскія игры, на коихъ побѣдилъ бываешь увѣнчиваемъ пепрушкою.

Внутренность Мицены не представила мнѣ ничего занимательнаго, кромѣ гробовъ Агамемнона и Элекпры, отдавшей руку свою другу своего брата. Гробницы Клиземнеспры и Эгиспа выброшены внѣ стѣнъ. Главныя городскія ворота украшены двумя бронзовыми львами, вышед-

(1) Эліанъ.

шими изъ кузницы Циклоповъ. Мицена
одолжена своимъ именемъ одной Нимфѣ.

Я прошелъ чрезъ мѣспечко *Целей* (1),
славное таинствами доброй богини, оп-
правляемыми въ немъ чрезъ каждые че-
тыре года.

Отъ сего мѣста до *Фліунта* мнѣ
оставалось идти не болѣе чепырехъ ста-
дїй.

XVIII.

Пиѳагоръ и Царь Леонъ (2) въ *Флі-
унтѣ* (3).

Горы и ручей суть естественныя грани-
цы, отдѣляющія Арголію отъ Фліазїи
(4). Я надѣялся перейти чрезъ нихъ,
не бывъ принужденнымъ открытъ свое

(1) Павзан. Путешест. по Греціи.

(2) *Phliuntem serunt venisse, cumque cum Leon-
te, principe Phlasiarum, doctè et copiose dis-
seruisse quaedam. Cicero. Tuscul.*

(3) Въ Сиціонѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ.

(4) Страб. Геогр. VIII.

имя. Но царь *Фліунта* далъ противныя
приказанія: никакой чужеземецъ не мо-
жетъ путешествовать по обласнямъ его,
не подвергшись нѣкопорому испытанію.
Мое имя, равно какъ и пипло посвящен-
наго въ таинства, сдѣлалось новостію въ
городѣ. „Попомокъ *Иппаза* (*) находится
въ нашихъ спѣнахъ“ — потчасъ начали
говорить другъ другу на ухо Фліазцы.
„Если бы мы послѣдовали его благород-

(*) РОДОСЛОВІЕ ПИѲАГОРОВО.

Иппазъ.

Клеонимъ.

Евѳронъ.

Иппазъ II.

Мнисархъ. — Зоиль.

Евномъ. — Тирренъ. — ПИѲАГОРЪ.

Талавгесъ. — Дамонъ.

нымъ совѣшамъ: то были бы также независимы, какъ Спаршанцы; лучше защищали бы свою обласпъ и были бы сами себѣ повелителами.“

Всѣ вдругѣ предлагали мнѣ госпекрїимспво; каждой кошѣль особенно видѣшь меня у себя въ домѣ: наперерывъ оказывали мнѣ городскїя свои учпивоспи, и принуждали опвѣдать славнаго своего вина (1). „Имя данное нашему опечеспву, говорили они мнѣ, еспъ выраженіе великаго его плодородїя (*).“

Они показали мнѣ на одномѣ холмѣ ципадель свою, въ копорой заключающя кипарисы, служащїе священною рощею для храма Гебы, называемой у нихъ *Дїа*. На всякомѣ почпи деревѣ я видѣль повѣшенныя цѣпи. Сей храмъ пользуется правомъ убѣжища. Человѣкъ невинной въ неволѣ, еспшли полько онѣ можешь перейти прагъ своей пемницы, находить здѣсь для себя мѣсто вѣрнаго, спокойнаго приспаница. Оковы его перемѣняются на плющевую гирлянду. Юношеспво обоого

(1) Athen. *Deipnos*.

(*) Произходитъ отъ слова, *Флѣйу*, копорое значитъ, *изобиловать плодами*.

пола увѣнчивается симѣ распѣнїемъ; копорое, по видимому, знаетъ одно полько время года: оно всегда зелено, какъ весна.

Флїунпѣ воздаешъ богослуженїе мѣдной козѣ (1), посшавленной среди публичнаго рынка. Въ спарину сїе изображение созвѣздїя, вредоноснаго для винограда, выспавляемо было предѣ очи сельскаго жипеля, единспвенно для того, что бы увѣдомишь его о времени его восхожденїя.

Пребыванїе Геркулеса у Флїазцовѣ доставило ему жерпвенникѣ и спашую. Для чего бы не помѣспишь его подѣ одной крышкой сѣ его Гебою?

Флїунпѣ опправляешъ въ спѣнахѣ своихъ пайнспвенные праздники, учрежденные по примѣру Элевзинскихѣ, или лучше Саисскихѣ.

Флїазїянки не переродились; видѣ ихѣ напоминаешъ двадцать дочерей Азопа, одного изѣ первыхѣ царей эпош спраны; эпо были двадцать совершенныхѣ красавицѣ, кои подали случай къ многимѣ бипшамѣ.

Я согласился на приглашенїе, явипсья въ черпоги Леоновы. Пиеагорѣ! сказалѣ

(1) Pausan. *Corinth*.

ми́ Государь, свое происхожденіе даетъ тебѣ права въ Флѳуніѣ; ты здѣшній природный гражданинъ: для чего бы не придти тебѣ прежде всѣхъ ко ми́? Таинственникъ Фивской! свое мѣсто подлѣ прона, коперой не находишь средствъ окружить себя доспапочнымъ просвѣщеніемъ. Ты уже много путешествовалъ?

Пивагоръ. Много.

Леонъ. Какое свое званіе (1)?

Пивагоръ. Я Философъ (2).

Леонъ. Философъ!... Какой смыслъ соединяешь ты съ эшимъ словомъ, коперое я нынѣ слышу гь первой разъ? что такое значить Философъ?

Пивагоръ. Царь Флѳазцовъ (3)! жизнь смертныхъ подобна празднованію

(1) Not in Lactantii opera 192. Tom. II.

(2) Scip. Aquilanus, *plac. philosophorum*. 1620. p. 86.

Пивагоръ есть первый изъ древнихъ мудрецовъ, который принялъ имя Философа. Bayle. *Dictionn.*

(3) Пивагоръ имѣлъ сей разговоръ прежде своего отправления въ Италию. Cicero & Bayle.

Олимпійскихъ игръ (1) въ городѣ Пизѣ. Одни послѣ долговременныхъ упражненій приходятъ туда оспоривать вѣнокъ дикой оливы; другіе, навьючивши товары, привлекаемы бывають приманкою прибытка. Нѣкоторые прѣзжаютъ на сіи торжественныя игры не для того, чтобы искасть тамъ рукоплесканій или корысти, но какъ просые зрители, единственно для того, чтобы научиться сдѣлаться мудрыми, примѣчая за шѣми, коперые не пріобрѣли еще мудрости. Сихъ послѣднихъ я называю *Философами*.

Леонъ. Я зналъ много Мудрецовъ, но не видалъ еще Философовъ.

Пивагоръ. А впрочемъ гораздо удобнѣе быть шѣмъ, нежели другимъ. Одной Намурѣ принадлежитъ шипло мудрой.

Леонъ. Но наблюдаешь, не значить дѣйствовать; Намура хочетъ, чтобы мы вели жизнь дѣятельную.

Пивагоръ. Философъ, такъ какъ показываетъ самое имя, любитъ сполько ученіе мудрости, что пренебрегаетъ всѣ другія занятія, и жалѣетъ о шѣхъ, коперые посвящаютъ себя онымъ.

(1) Cicero *Tuscul.* V. 3. Montaigne, *essais*. I. 25.

Леонъ. Даже и о Царѣ?

Пифагоръ. Да, о Царѣ, о Правителѣ, о человѣкѣ общественномъ болѣе, нежели о живущемъ въ неизвѣстности гражданинѣ. Философъ можетъ еще вопрошанъ, какимъ образомъ смертные столь мало уважаютъ своимъ и другихъ почетомъ, что берутъ на свое попеченіе мудрость цѣлой націи. Я представляю правителя колесницы; между имъ и его бѣгунами находилась нѣкопоре разстояніе; родъ его, въ порядкѣ одушевленныхъ существъ, стоитъ, можетъ быть, выше ихъ рода; но если такое же разстояніе между Леономъ и Фліазцами? Царь Фліунпа много ли лучше того, или того жителя сего города? Вспомни изрѣченіе Кирова (1): безъ великаго превосходства, по какому праву повелѣваешь ты себѣ подобными, себѣ равными?

Леонъ. По праву самому неоспоримому; по ихъ согласію.

Пифагоръ. Народъ имѣлъ ли когда волю?

ш

(1) Киръ говорилъ, что повелѣвать надлежитъ такому человѣку, которой лучше находящихся у него въ повелѣніяхъ. Монтан. олимп. I. 42.

Леонъ. Если онъ не способенъ къ этому, то должно хопѣшь вмѣсто его, его именемъ.

Пифагоръ. Философъ не беретъ на себя исполнить желаніе цѣлаго народа, хорошо ли, или худо оно выражено. Опершись на перилы, онъ не рукоплещетъ даже и побѣдителямъ. Ежедневныя наблюденія научили его, что всегда вмѣшиваешься нѣкопоре удача или неудача въ заслугѣ, наилучшимъ образомъ дознанной: это - то не позволяетъ Философу называть себя мудрымъ!

Леонъ. Не ужели много попребно мудрости къ управленію полною глупцовъ? Довольно быть нѣсколько вышшихъ понятій, нежели они. Пифагоръ! ты уже слишкомъ скромнѣе.

Пифагоръ. А ты слишкомъ высокомернѣе.

Леонъ. Обсвятельной зритель, ты долженъ былъ замѣнить, что опьяненность весьма помогаетъ правителю колесницы. Чпобы колесо достигло мены, для сего не довольно одного проворства, равно какъ и знанія; потребна еще смѣлость. Видѣшь всю опасность — не есть надежное средство отъ оной избавишься.

Пифагоръ. Не лучше ли совсѣмъ ей не подвергаться?

Леонъ. Пивагоръ! что же наконецъ есть Философія?

Пивагоръ. Леонъ! я тебѣ сказалъ уже:

„Исключительная и постоянная любовь мудрости — чистѣйшая изъ всѣхъ спростей и защищающая отъ нападенія оныхъ.“

„Человѣку, можетъ быть, не дано быть мудрымъ, но онъ можетъ и долженъ быть Философомъ.“

„Философъ есть ревностный другъ всего прекраснаго, всего изящнаго. Природа, истина, добродѣтель, дружество суть любимыя его занятія; онъ имъ жертвуетъ безъ скорби и сожалѣнія богатствами, удовольствіями, чesпями, даже славою и уваженіемъ; если это потребно.“

„Философъ гораздо болѣе превышаетъ ихъ, которые суть не Философы, нежели сколько царь превышаетъ ихъ, которыхъ называетъ своими подданными. Однимъ словомъ, Философъ есть человекъ по превосходству. Прости, царь Фліунша (*).“

(*) Нынѣ Ири и Рулелла.

Леонъ. Прости, Философъ! я не забуду этого слова.

Пивагоръ. Размышляй болѣе о понятіи съ нимъ сопряженномъ.

Леонъ. Прекрасно бы было попробовать, быль въ одно и тоже время Философомъ и Царемъ.

Пивагоръ. Еще лучше бы было, еслибъ кто пересталъ быть Царемъ, дабы сдѣлаться Философомъ.

Леонъ. Я не думаю, чтобы часто видали это феноменъ.

Пивагоръ. Будь первой!

Леонъ. Чтобы сдѣлалось съ свѣтомъ, если бы всѣ люди были Философы?

Пивагоръ. А если бы всѣ люди захопѣли быть Царями? . . .

Леонъ. Много ли васъ Философовъ?

Пивагоръ. Слишкомъ много можетъ быть для ихъ, которые не Философы.

Леонъ. А гдѣ находятся Философы?

Пивагоръ. Вездѣ, гдѣ только можно дѣлать наблюденія и говорить истину.

Леонъ. Останься въ Флѣунтѣ; тебѣ будетъ здѣсь лучше, нежели въ Самосѣ; по крайней мѣрѣ ты могъ бы здѣсь жить спокойно.

Пифагоръ. Я еще не такъ много видѣлъ, чтобы уже мнѣ можно было остановиться на одномъ мѣстѣ. Проси, Царь Флѣазскій.

Леонъ. Проси, Философъ!

XIX.

Пифагоръ въ Коринѣ.

Оставивъ Леоновъ дворъ, я пошелъ въ храмъ *вѣтровъ*, находящійся на одной горѣ, копорая служитъ границею Флѣазіи, къ сѣверозападу. Тутъ всегда бываетъ жрець для принятія жерпвъ, приносимыхъ Генію Напуры, управляющему бурей. Первосвященникъ произноситъ магическіе стихи, копорые имѣютъ силу заклинанъ ураганы; а я болѣе имъ приписываю силу успокоивашъ духъ народа, копорымъ управлятъ удобнѣе, нежели вѣтрами.

Опшуда я вступилъ въ Типанею, копорая своимъ именемъ и существованіемъ одолжена одному брату Солнцеву; по крайней мѣрѣ такое благочестивое мнѣніе шамошнихъ жителей. Я принялъ смѣлость сказать имъ: ахъ! друзья мои! у Солнца нѣтъ ни брата, ни сестры, кромѣ Напуры. Сей Типанъ, вашъ основатель, не былъ ли какойнибудь человекъ, посвятившій себя испытанію временъ года, дабы узнать, когда вы должны сѣять и садить; какой степень теплоты, или какой аспектъ Солнца нуженъ для приведенія въ зрѣлость плодовъ? — Мнѣ ничего не отвѣщивали.

Городъ Типанея наполненъ храмами. Жители мѣстъ возвышенныхъ всегда имѣютъ болѣе набожности, нежели живущіе на равнинѣ; это я довольно твердо замѣтилъ. Здѣсь находилъ спатуя Минервы, копорая поражена была молніею, но не сгорѣла; она вся изъ одного шолько дерева.

Типанейцы богопвораютъ Геркулеса, а особенно Эскулапія; кумиръ его покрытъ плошною шуникою изъ бѣлой шерсти, а сверху маншєю; видны шолько концы ногъ, рукъ и лице. Сей священной уборъ безъ сомнѣнія есть всеобщее правило для больныхъ. Для возбужденія испарины,

должны всѣ держать себя въ теплотѣ: больной, копорой имѣетъ испарину, до половины уже вылѣченъ.

Богиня Гигея занимаетъ потѣ же самой храмъ; она одѣта нѣсколько полегче: но Тишанейскія гражданки покрываютъ ее множествомъ шканий, и вмѣсто жертвоприношенія бросаютъ ей на голову кудри своихъ волосъ. Не лзя разобрасть чертъ ея.

Празднованія у нихъ всегда начинаются послѣ захождения Солнца.

Я переправился чрезъ Азопъ, коего воды служатъ границею Сиціонскаго округа, и сколько можно шелъ далѣе отъ одной весьма темной роши, обитаемой Евменидами; Парки имѣютъ тамъ также жертвенникъ. и имъ воздаютъ одинаковое богослуженіе. Аѳиняне именуютъ ихъ *строгими* божествами; но только одинъ преступникъ или глупецъ можетъ испытать строгость Евменидъ или Паркъ. Первые не приближаются къ человѣку добродѣтельному, а послѣднія никогда не ужасаютъ мудраго.

Сиціона (*), прежде Эгіалея, построена на равнинѣ въ нѣкоторомъ раз-

(*) Нынѣ *Базилла*.

стоянтіи отъ Коринскаго моря. — Путешественники щитаютъ тысячу двѣстѣ спадій (1), или двадцать пять часовъ пути отъ Элидской столицы до Сиціоны.

Прежде вспуленія во внутренность стѣнъ сего города я остановился посмотреть особенную форму Сиціонскихъ гробницъ: Сиціонцы не сжигаютъ тѣлъ, но бросаютъ ихъ только въ яму, и засыпаютъ землею, изъ нея выкопанною. Вокругъ построена небольшая стѣна; четыре колонны, по угламъ, поддерживаютъ крышку, копорая походитъ на два крыла, распросперыя и опущенныя на подобіе кровли какого нибудь храма. Я не видалъ никакой надписи на гробницахъ, во кругъ копорыхъ растутъ только оливы.

Мнѣ отворили нѣкоторой родъ капища, гдѣ Сиціонцы спавятъ статуи большой части своихъ боговъ. Каждой годъ, они приходятъ шуда въ извѣстную ночь за сими священными изображеніями, и торжественно выносятъ ихъ въ храмъ при свѣтѣ пламенниковъ и пѣніи гимновъ.

(1) Или сто пятьдесятъ тысячъ шаговъ. Плин. *Ист. Нат.* II. 71.

На одной городской площади, называемой Боязню, есть храмъ Увѣренія. Но при всемъ помѣ гораздо труднѣе увѣришь ихъ, которые боятся. Тутъ показали мнѣ Мелеагрово копье и свирѣль Сапира Марсіаса.

Венера представлена держащею въ одной рукѣ макъ, а въ другой яблоко. Небольшая крышка защищаетъ ее отъ непогодъ.

Боги, которымъ наиболѣе празднуютъ въ Сиціонѣ, суть *Аполломлеи* (отвратители всѣхъ золъ); но они не избавили еще сей городъ отъ несчастія, бывъ подъ правленіемъ Государя. Жители кажутся къ этому уже пріобыкли; они болѣе всего спараются о своемъ плашѣ. Если Сиціонцы не могутъ похвалиться хорошими законами, то по крайней мѣрѣ не лзя оспаривать у нихъ славу въ дѣланіи самой прекраснѣйшей обуви.

Невольники ихъ носятъ днемъ на распашку широкую тунику изъ волосистой кожи, которая служитъ имъ вмѣсто одѣяла во время ночнаго сна.

Между прочимъ Геркулесъ имѣетъ дубовую спашую въ Сиціонѣ; онъ принимаетъ здѣсь сугубое богослуженіе:

ему поклоняются, какъ богу и почищаютъ его, какъ Героя.

Щасливая идея находится въ изображеніи Сна, которой качаетъ льва на своихъ колѣняхъ. Я не думалъ найти такую черту Философіи въ городѣ, весьма мало занимающемся ею. Симъ одолжены древнему Сиціонскому ваятелю, которой носитъ великое имя Делала: но это для него не пятость. Онъ былъ учителемъ двухъ другихъ уже извѣстныхъ скульпторовъ, Сцилліса и Дипена, которые оба изъ Крипа.

Сиціона имѣетъ у себя древнюю хронику, писанную по порядку жречества въ храмѣ Юноны Аргосской. Въ ней записаны прѣнія поэтовъ и музыкантовъ (1), бывшія на различныхъ публичныхъ играхъ Греціи. Я читалъ тутъ приключеніе Тиранна Неоклеса (2), осужденнаго своими подданными умереть съ голоду.

Подъ изходъ дня я прогуливался въ окрестностяхъ города. Весьма многіе, а особенно женщины, подходили къ небольшому жертвеннику, на которомъ нѣтъ

(1) Plutarch *dialog. music.*

(2) Овидій.

еще спатуи. Я узналъ, что онъ принадлежалъ богу *Евемаріону*; сіе божество, малоизвѣстное въ другихъ мѣстахъ, начальствуетъ надъ врачеваніемъ предохранипельнымъ; каждой день ввечеру, послѣ захожденія солнца, приходятъ молить его о щастливой жизни. Сіе богослуженіе по крайней мѣрѣ не проливаетъ крови.

Сиціонцы весьма много хвалились своею рыбою, которая составляетъ у нихъ самое нѣжнѣйшее кушанье.

Мнѣ оспавалось только видѣть *Коринѣ* (*), гдѣ я нашелъ также болѣе спатуи, нежели людей. Замѣчаніе сіе шѣмъ справедливѣе, что сей городъ заключаетъ въ себѣ сорокъ тысячъ невольниковъ (1); каждой день даютъ имъ по два фунта хлѣба.

Коринѣ (**) прикрывается укрѣпленною горою, которая впрочемъ худо защищаетъ его отъ насилія вѣтровъ (2).

(*) Нынѣ *Коринто*.

(1) *Tobiae magiri eponymologium*
Francf. 1644.

(**) Широта *Коринѣа* 38 степен. 15 минут.

(2) Ее называли *ventosa Ephyria. Athenée.*

Миспагогъ показалъ мнѣ подземелье одного храма. Тамъ, сказалъ онъ мнѣ, скрывается богъ, гоповый наказатъ гражданина, или чужеспранца, которой осмѣлился въ его присудствіи осквернить сіе мѣсто ложною клятвою.

Пиэагоръ. Развѣ во всѣхъ другихъ мѣстахъ вѣроломный оспается безъ наказанія?

Вмѣсто отвѣта онъ предложилъ мнѣ посмотрѣть публичныя бани *Елены*. Я отказался. Повсюду имя этой женщины, коея позорную память Греція долженствовала бы погребсти въ водахъ *Лепы*!

И шупъ спатуя *боязни*, также какъ и въ *Сиціонѣ*! она находится на дорогѣ, ведущей къ спатуѣ *Геркулесовой*. Сія послѣдняя, сдѣланная изъ дерева, есть твореніе *Дедала*. Выраженіе силы сдѣлано совершеннѣйшимъ образомъ. Сія рѣзьба имѣетъ мало пріятностей; самой предметъ не допускаетъ бытъ онымъ.

Меня повели въ храмъ *Нимфъ* посмотреть тамъ первой барельефъ, сдѣланной (1) уже около тысячи лѣтъ *Дибушадомъ*, съ рисунковъ его дочери, вдохновенной любовію.

(1) *Плин. Исп. Нат.*

Я требовалъ посмотрѣть статуя Федонову.

Мистагогъ. У насъ нѣтъ ея. Сей древней законодатель почти забытъ, да и споить этого. Повѣришь ли ты, почтенный чужестранецъ! онъ хотѣлъ ограничить наслѣдства и народонаселеніе. По его планамъ, Коринѣ могъ бы представлять изображеніе Спарты. Федонъ имѣлъ только пѣсные виды добраго опца семейства.

Пивагоръ. При всемъ томъ такое намѣреніе похвально. Мнѣ кажется . . .

Мистагогъ. Безъ сомнѣнія, но такая простота намъ не прилична.

Идучи къ цитадели, я видѣлъ много небольшихъ храмовъ, посвященныхъ главнымъ богамъ Египта. Божество, которое принуждены признавать всѣ смертные, какой бы націи ни были, — *Нужда* имѣетъ свой храмъ въ Коринѣ. Никто не входилъ въ него; и препяпство, котораго ничто не можетъ разрушить, служилъ вмѣсто дани, приносимой сему безспрасному божеству.

Мнѣ позволили посмотрѣть только, а не прикасаться къ длиннымъ гвоздямъ, служащимъ къ утвержденію судебъ чело-вѣческихъ и даже божескихъ.

Простой народъ совсѣмъ не догадается о слѣдствіяхъ и о всѣхъ выгодахъ, которыя бы можно было извлечь изъ сихъ мифологическихъ началъ, сокрытыхъ въ его богослуженіи: жрецы не стараются этого объяснять.

При входѣ въ крѣпость находилъ изображеніе Венеры и Солнца. Соединеніе сихъ двухъ божествъ не есть прелюбодѣ-ліе.

Тутъ же, въ виду пристани, сподилъ Лехеонъ, увеселительной дворецъ; гдѣ Періандръ, послѣдній Коринеской пирани, далъ семи Мудрецамъ по славное пиршество, о которомъ будущъ говорить долгое время.

Я приближался къ пирной залѣ съ священнымъ благоговѣніемъ, которымъ объять бываетъ народъ предъ жертвенникомъ всѣхъ боговъ. Исключая одного собесѣдника, Олимпъ не представлялъ никогда соединенія, которое бы болѣе достойно было поклоненія смертныхъ. Коринѣ почувствовалъ слѣдствія онаго; присутствіе многихъ мудрецовъ по видимому очистило сей городъ. Хозяинъ, едва ли заслуживавшій принять за споль свой таковыхъ собесѣдниковъ, не долго

жилъ послѣ сей чрезвычайной почести. По смерти его, граждане воспользовавшись нѣкоторыми понкими наспавленіями, которыми имъ мудрецы давали за споломъ самаго деспота, изрубили въ мѣлкіе куски опустѣлый пронъ, и единодушно рѣшились не имѣть болѣе никакого Государя, кромѣ закона, ввѣреннаго зашипѣ и надзору небольшого числа правителей. О еспльибы Коринѣяне сблизили со временемъ свои нравы съ сими мудрыми началами! Будутъ ли имѣть они швердоспъ опказаться опъ своихъ *Афродисіевъ* (1)? будутъ ли спараться о сохраненіи вводимаго ими закона, которой одинъ можетъ возвратитъ имъ первыя добродѣтели? Правителю предписано призывать къ себѣ всякаго гражданина, ведущаго въ домъ своемъ издержки гораздо больше извѣстнаго своего соспоянія (2), и шребовать опчета, опъ чего онъ пакъ роскошно живетъ.

(1) Праздники Венерины, которые сблали Коринѣв однимъ изъ богатѣйшихъ и — развратнѣйшихъ городовъ.

Страбон. VIII. Геогр. Athen. XIII.

Deipnos

(2) *Diphilus*, apud. *Athenaeum*. VI.

Мимоходомъ я пробѣжалъ глазами прище, на которомъ чрезъ каждыя при года опправляющся Исемійскія игры. Рядъ прекрасныхъ соснѣ, посаженныхъ подъ одну линію, осѣняющъ оное съ одной стороны. Выборъ сего дерева сблланъ не по случаю. Листья его служатъ для вѣнковъ побѣдителямъ и пакже придворнымъ (1). Тезей основалъ сїи игры, по подражанію Геркулесу, основавшему паковыя же на берегахъ Алфея.

Вся сїя прекрасная планшадія безплодныхъ деревъ неспоитъ роскошнаго сада въ округѣ Сидонпа (2), одного Коринѣскаго мѣспечка. Тутъ собираютъ въ изобиліи яблоко, которое называютъ окрашеннымъ при раза въ пурпурѣ (*). Любовники начершываютъ на его кожищѣ первую букву имени своихъ милыхъ.

Коринѣской перешеекъ, единственное сообщеніе Пелопонеза съ Греціею, занималъ еще одинъ разъ умы въ семъ приморскомъ городѣ. Прочимъ сосѣднымъ государствамъ не смѣли предложитъ о пере-

(1) *Paw. rech. sur les Grecs. tom. I. p. 962*

(2) *Athen. III. deipnos.*

(*) Красное яблоко.

рытїи сего перешейка; предпрїятїе непс-
мѣрное, которое исполнить уже покушал-
ся - было Перїандръ, и отъ котораго Кс-
ринѣ получилъ бы болѣе выгодъ, нежели
всякой другой городъ! Тогда - по уже
справедливо можно бѣ было назвать его
городомъ двухъ морей (1). Делфійской
Оракулъ, у котораго прежде всего пребо-
вали совѣта, не одобрилъ этого своимъ
ошвѣпомъ.

„Народы Греціи! оставьте перешеекъ
такъ какъ онъ есть. Если бы Юпи-
теръ захопѣлъ сдѣлать изъ Пелопонеза
островъ, то онъ самъ пожалѣлъ бы на
это вашего труда и иждивеній.“

Безъ сомнѣнїя опять будутъ нѣсколь-
ко разъ приниматься исполнить сіе ве-
λικое преднамѣренїе въ вѣкахъ гряду-
щихъ. Безумныя предпрїятїя возобновля-
ютъ чаще другихъ.

Я видѣлъ, какъ Греческіе мореплава-
тели вынимали на землю свои барки, и
спустили ихъ поверхъ перешейка изъ одно-
го моря въ другое. Это не трудъ Герку-
лесовъ. Суда сіи, построенныя изъ ли-
спвенницы, очень легки.

(1) *Bimaris moenia Corinthi*. Horat. od. I. 7.
1. Ovid fast. IV.

Не идучи далѣе, я велѣлъ вести се-
бя къ тому славному граничному камню,
которой великій Тезей героическими сво-
ими руками положилъ на линїи, опдѣ-
ляющей Пелопонезъ отъ Аппики.

Нѣсколько тысячъ шаговъ отъ пере-
шейка я долженъ былъ пробираться сквозь
узкой проходъ, окруженной большими упе-
сами, славными только въ этой странѣ.
Тутъ много попадается морскихъ чере-
пахъ. Съ довольно высокой горы, прикры-
вающей сію шѣсную дорогу. начинается
округъ Мегары, которую только два-
дцать стадїй (*) опдѣляютъ отъ Ко-
ринаеа.

XX.

Пивагоръ въ Мегарѣ.

Мегара (**) относитъ свое основанїе бо-
лѣе нежели за двадцать вѣковъ прежде

(*) Три мили.

(**) Теперь Мегра.

первой Олимпіады (1): Нимфы Сионидескія напояють ее своими свѣжими и свѣплыми водами. Много теряють за неимѣніемъ водопровода (*). Источникъ для сего находится въ Геранской (Журавлиной) горѣ, которая служишь опдохновеніемъ журавлямъ во время ихъ перелета.

Идучи далѣе я очутился въ священной рошѣ, заключающей въ себѣ храмъ Юпитера Олимпійскаго. Божество сдѣлано изъ дерева; на головѣ у него изображена группа четырехъ временъ года и прехъ Паркъ — символъ высокой и ушѣшительной для смертныхъ! Онъ научаешь ихъ, что и самые боги покорены времени, и носятъ иго необходимости. Народъ, шворя себѣ боговъ, никогда не думалъ дать имъ другую какую нибудь напуру, кромѣ своей; онъ изображаетъ себя въ своемъ произведеніи.

Ближе къ крѣпости, называемой Каріею, онъ имени Кара, сына Фроронеева, основателя Мегарцовъ, попадаются на до-

(1) Voy. mem. sur cette ville, par Blanchard. Acad. inscript. et belles lettres.

(*) Въ послѣдствіи онъ былъ сдѣланъ великолѣпнымъ образомъ.

рогѣ многія капища: я замѣтилъ капище Венеры *Элистрофій*. Тамошніе жители имѣли самыя грубыя, самыя пошвыдныя склонности: дабы изцѣлить ихъ отъ сего, одинъ изъ ихъ законодательей выдумалъ эпо богослуженіе, опправление коего ввѣрилъ многимъ жрицамъ, молодымъ и прекраснымъ. Позади сего небольшого храма онъ построилъ жерпвенникъ Ночи, куда собираются въ вечеру для испрошенія совѣта у Оракула. Молодая дѣвица естъ органъ и исполковашельница онаго.

Въ нѣкоторыхъ шагахъ находится старая шапуя Юпитера *Пыльнаго*. Сіе прозваніе дано ему съ тѣхъ поръ, какъ начали нерадѣть о его храмѣ, не имѣющимъ крышки, и спали ходишь къ жерпвеннику Венеры, гдѣ можно гораздо лучше укрыться отъ худой погоды.

Криптяне, взявши Мегару, срыли прежнія ея стѣны. А по сему шеперешнію огражденія сего города, для предохраненія отъ подобнаго приключенія, посвящены богамъ *Продомеймъ* (*). Тутъ хранился камень, на которомъ Аполлонъ положилъ

(*) Божества, начальствующія надъ основаніемъ города.

свою лиру, что бы принялся за работу, и ускорилъ построеніе новыхъ свѣтъ. Сія религіозныя мысли способствовали иногда къ защищенію города. Камень сей звонокъ. Чегожъ еще надобно болѣе къ удовольствію о вспоможеніи бога Гармоніи? Сверхъ сего онъ имѣетъ храмъ, построенный изъ кирпичей сушеныхъ на солнцѣ. Его спашуя въ Египетскомъ вкусѣ, вся изъ эбеноваго дерева.

Улица, ведущая къ Припанеѣ (рапушѣ) освящена храмомъ Цереры *Фемисфоры* — богини земледѣлія, основательницы законовъ. Я люблю такое сближеніе, и желалъ бы, чтобы народъ умѣлъ его цѣнить. Подлѣ онаго находящяся гробы, освѣяемые оливами, предпочтительно безплоднымъ кипарисамъ. Они разсажены по всѣмъ городскимъ улицамъ.

Агамемнонъ пришелъ въ Мегару для приглашенія Калхаса послѣдовать за собою на Троянскую осаду. Дабы уговорить къ сему жреца, Царь обязался построить храмъ Діанѣ, которой и теперь еще видѣнъ. Злощастной отецъ! кровь пвоей дочери должна была оросить основанія онаго, а пвоей сынъ Гипергонъ пожертвовалъ короною своею и жизнію высокочестному нраву, полученному имъ отъ шебя

при рожденіи. Эпоха самая блистательная въ лѣтописяхъ Мегары! Двое изъ ея гражданъ, коихъ одинъ былъ убійцею деспота, Ксимнъ и Сандіонъ пошли потчасъ въ Делфы спросить Пнѣю о средствѣхъ, употребить въ благо независимоспъ своего опечеспа. Ошвѣпъ Оракула былъ прежде написанъ въ душѣ двухъ освободителей Мегары:

„Мегарцы! чтобы вамъ быть щастливыми, сдѣлайте себѣ мудрыя законы; а для исполкованія ихъ устройте нѣмой Сенатъ.“

Сіе рѣшеніе было изьяснено такимъ образомъ: народъ Мегарской собралъ въ одно мѣсто всѣ гробницы своихъ героевъ, и положилъ какъ бы подъ ихъ охраненіе свои архивы, записи и книгу новыхъ законовъ; послѣ вырѣзалъ на фронтисписѣ сей почтенной ограды: *Сенатъ Мегарской.*

Для чего Мегарцы не долго продолжали совѣщаваться съ такимъ Арэопатомъ? Уроки, самые назидательные для живыхъ, получаемы бывающъ отъ мертвыхъ.

На публичной площади находилъя гробница, украшенная каменною спашуею, одною изъ самыхъ древнихъ, какія ви-

дѣлѣ я во всей Греціи; а подлѣ нея гробѣ Орсиппа, которой можно почитать памятникъ стыдливости. Сей Аплепъ явился на тридцать вѣпорыя Олимпійскія игры съ обыкновенною опояскою вокругъ чреселъ своихъ. Но онъ такъ худо былъ прикрытъ ею, что во время сраженія, шкандъ сія упавши, оставила Орсиппа въ совершенной наготѣ. Но случилось противное. Онъ былъ побѣжденъ; и это несчастіе сочтено за наказаніе.

Внѣ города на дорогѣ къ Низейской пристани находилъ храмъ Цереры Меллофоры, покровительницы сна. Изъ всѣхъ священныхъ зданій онъ почитается самымъ древнѣйшимъ, и свидѣтельствуетъ, что Мегарцы сначала вели жизнь пастушескую. Они далеки отъ сего нынѣ и по видимому удаляются еще болѣе. Каждой день они перенимаютъ самыя подлыя, самыя низкія привычки. Они сдѣлались бережливыми даже до скупости. Я видѣлъ, что клали чешыре мертвыхъ тѣла въ одинъ гробъ (1), дабы менѣе употребить издержекъ на похороны. Дѣти ходятъ почти нагѣ въ странѣ изобилующей шерстью. Не одолжены ли Мегарцы

сими низкими склонностями положенію своего города, построеннаго въ ямѣ и почти всегда покрытаго грязью? Ихъ называютъ безсовѣстными и вѣроломными въ дружбѣ. Если граждане Мегарскія не будутъ лучше пенситься о своихъ нравахъ, то имя ихъ скоро можетъ сдѣлаться поношеніемъ для другихъ Греческихъ женщинъ.

Когда я проходилъ Мегару, то тамъ были въ довольно великомъ волненіи, по случаю новой моды, которую Мегарянки всѣми мѣрами спарались ввести, наскучивъ стариннымъ костюмомъ, предписаннымъ для нихъ послѣ кончины мудрой *Аброты*, дочери Онхестовой и супруги основателя сего города. Дабы заспавить ихъ молчашь, послали изспребовать совѣта у Оракула. Ошвѣтъ полученъ при мнѣ:

„Мегарянки! храните форму одеждъ Царицы, коея нравы были образцомъ для ея пода.“

Діалектъ Дорической въ Мегарѣ заступилъ мѣсто Ионическаго. Правленіе въ немъ было съ начала монархическое, послѣ народное, нынѣ уже сдѣлалось аристократическимъ распроеваннымъ и распроегиваю-

(1) Плутарх. жизнь Солонова.

щимъ. Область эту только можно одобрить касательно овощныхъ зеренъ, въ ней родящихся.

Одинъ Мегарецъ сильно убѣждалъ меня побыть шумъ еще нѣсколько. „Ты видѣлъ наши памятники; теперь оспается у насъ тебѣ одно самое любопытнѣйшее изъ нашихъ обыкновеній. Чрезъ три дни у насъ будетъ праздникъ и сраженіе поцѣлуевъ.“

Пивоагоръ. Я оспаяюсь: это носитъ черту особенности, которой не могу пропивиться.

Я пришелъ къ гробницѣ одного древняго Мегарскаго Царя, которой старѣе Пелопы (1). Спеченіе было велико. Женщины занимали первыя мѣста; а въ спарину онѣ не были и допускаемы. Я съ трудомъ дознался, что въ началѣ происходила только почтенная борьба самаго числѣннѣйшаго дружества. Государь, коего могила служила мѣстомъ для сихъ прѣятныхъ сраженій, показалъ себя въ семъ совершеннымъ героемъ. Онъ потерялъ

(1) Теокрыт. *Идилл.* XII. и его Схолиастъ, равно какъ и Пиндаровъ. *Олимп.* од. XIII.

жизнь на брани для того, дабы спасти своего друга, копораго покрылъ совершенно своимъ щипомъ. Нѣсколько лѣтъ не былъ безплоденъ его примѣръ. Но время, копорое все превращаетъ, переменило священные связи бывшія между благонравными юными гражданами въ обыкновеніи, — по крайней мѣрѣ подозрительныя и опасныя. Молодые люди прекраснѣйшіе изъ всей Мегары, наилучшимъ образомъ одѣтые, выходятъ попарно, и стоя на могилахъ дають по очереди другъ другу поцѣлуй, съ такимъ выраженіемъ, что я не могъ ни выдержать продолженія, ни ожидать окончанія сихъ общественныхъ игръ. Зрители обою пола съ любопытствомъ присудствовывали на семъ празднествѣ. Другъ, получившій вѣнокъ, можетъ искать благосклонности у всѣхъ Мегарскихъ *Венеръ*.

Между тѣмъ тамъ находилась еще довольно великое число людей (1) крѣпкихъ въ подтверженіе мыслей сего изнѣженнаго города, будто бы въ немъ рождаются Геркулесы (*).

(1) *Viros fortes...* Plin. *hist. nat.* XVI. 76.
(*) *Hercules robore Megarenses*, читающъ на медаляхъ сего города.

Эрена, мѣспечко зависящее отъ Мегары, славно гробницею царя *Кара*, спольже смиренною, спольже простою, какъ и нравы временъ сего Героя. Она ничто иное еспь, какъ дерновой холмъ. Во время моего посѣщенія занимались поспроеніемъ вокругъ ея перилъ изъ бѣлыхъ камней, недавно найденныхъ въ эпохъ спранѣ, изъ коихъ уже поспроены многіе публичные монументы въ городѣ Мегарѣ. Сіи камни, копорые весьма легко обшесывающся, заключающъ въ себѣ морскія раковины, и по видимому показывающъ эпоху самую опдаленнѣйшую, въ копорую вся сія земля погребена была подъ горькою волною.

XXI.

Пиѳагорѣ на Элевзинскихъ таинствахъ.

Съ Мегарской спороны горы замыкающъ священный округъ Элевзиса, коему на пропивоположной конечности служитъ границею рѣка Цефизъ.

Едва прошелъ я одну спадію, какъ примѣшилъ деревенской праздникъ во-

кругъ одного испочника, называемаго *Каллихоромъ* (колодезь пляски). Кружокъ молодыхъ женщинъ держа другъ друга за руку (1), по скорымъ, по медленнымъ шагами шли подъ пѣсню, коея каждая спрофа повпоряема была хоромъ. Одна изъ нихъ, чипая въ глазахъ моихъ желаніе узнать, по какому случаю успавлено эпо полевое поржество, попчасъ сказала мнѣ: чужеспранецъ, ты шеперь на равнинѣ *Паросѣ* (2). На семь-то пслѣ ячмень и пшеница посѣяны и собраны были въ первой разѣ за девашъ сошъ лѣшъ предъ симъ (*). Вопѣ Трипполемова площадка. Мы повпоряемъ священный танецъ въ честь Цереры и ея ученика. Еспьли ты хочешь знать объ этомъ болѣе, по посвяпись въ Элевзинскія таинства.

Молодая танцовщица не дожидалась моего опвѣта; я видѣлъ, что она опяшь примкнулась къ цѣпи, коея соспавляла движущееся звено.

(1) Павзан. I. 38. *путешест. по Греціи.*

(2) Или *Парія. Marbres de Paros.*

(*) За тысячу чепьреста шесть лѣтъ прежде христіанской Эры.

Не подалеку опшуда шолпа дѣшей забавлялись кашаніемъ по землѣ большаго бронзоваго кружка (1), обвѣшеннаго весьма звонкими желѣзными бляхами. У каждаго изъ играющихъ въ рукахъ былъ длинной пруть изъ того же мешалла (*), копорымъ они били по кружку, чпобы онъ поскорѣе капился. Множество зрителей привлеченные шумомъ спановились подлѣ дѣшей въ два ряда. Мнѣ понравилось это упражненіе пѣмъ, чпо оно пребуемъ вмѣстѣ силы и проворства. Можно бы было его усовершенствовать, и сдѣлать спольже поучительнымъ, какъ и пріятнымъ: при помощи нѣкопорыхъ знаковъ и извѣстныхъ размѣровъ, изъ него вышли бы астрономическіе часы, по копорымъ можно узнавать соспояніе неба и движеніе планетъ. Общество другихъ дѣшей занималось игрою въ *натянутую веревку*. Раздѣлившись на двѣ равныя партіи, они привязывались крѣпко къ концамъ ка-

(1) Извѣстная игра у Римлянъ, которые заимствовали ее отъ Грековъ, подъ именемъ *колеса* (*trochus*).

Rem. Dacier, sur Hor. od. 24. liv. III.

(*) Греки называли сей инструментъ *го-нялкою* (*elatera*).

напа, и каждая партія съ своей стороны употребляла всѣ усилія, дабы сопропвляться влеченію пропвнвой шолпы, шо, дабы перепянуть ее къ себѣ, народъ ободрялъ шѣлодвиженіями и крикомъ шѣхъ и другихъ, и они уставивъ крѣпко руки и ноги, довольно долгое время находились въ нѣкопорой взаимной неподвижности, не уступая другъ другу. Веревка въ семъ положеніи начерпывала прямую линію, подобную шетивѣ совершенно напянушаго лука. На послѣдокъ на одномъ концѣ ослабли; канашъ спалъ подаваться, и объявлена была побѣда; половина соперниковъ въ одну минушу увлечена была къ ногамъ своихъ пропвнниковъ.

Для чего люди, вышедши изъ дѣпскаго возраста, позволяютъ себѣ уже не шакъ невинныя игры (1)?

Я вступилъ въ священной городъ Элевзисъ (*); на воротахъ находилсѣ изображение Діаны. Мнѣ не много надобно было дожидаться, чпобы присудспво-

(1) Гораций описалъ ихъ однимъ стихомъ:
Qui jam contento, jam laxo fune laborat.

Стих. 20. Sat. VI. кн. III.

(*) Нынѣ *Левина*, или *Элеффинъ*.

Часть V.

А а

вашъ при таинствахъ, отправляемыхъ осенью; шло посвященнаго въ Эивахъ (1) избавило меня отъ церемоніала, отъ ксего ничпо не можеть освободить смерпнаго, ежели онъ еспь шолько ищущій. Меня не принуждали покрываться кожею дикаго звѣря. Тотчасъ послѣ моего входа возложили на меня Олимпійскую одежду. Возглашеніе Герокирикса (2) прошиву непросвѣщенныхъ, ко мнѣ не относилось. Я допущенъ былъ въ святилище, не проходя степени посвященія, коихъ число равно числу планетъ (*).

Миспагогъ заставилъ меня прикоснуться къ игральной косточкѣ и кубарю, приведеннымъ въ движеніе передъ зеркаломъ; — символы мнимаго случая, управляющаго всѣми вещами и быспропы земныхъ перевороповъ, повпоряемыхъ въ извѣспныя Эпохи. Также, какъ въ Эивахъ, мнѣ открыли ученіе о всеобщей душѣ; передъ глазами моими производили тѣже:

(1) . . . *Cum didicisset (Pythagoras) non nullas exiniis, quae fiunt Eleusine . . .*

Jambl. *vita Pythag.* XXV.

(2) Герольда. Ориг. против. Цельса.

(*) Семь.

самые опыты, доказывающіе вхожденіе эфирнаго огня въ грубыя тѣла, и болѣе или менѣе медленное возвращеніе онаго опять въ воздушныя обласпи.

Псемы (*) Церерины приходили при мнѣ собирать добычу съ жертвенника доброй богини; въ продолженіе чего пѣлъ былъ Гимнъ (1), сочиненный Гомеромъ (2).

По порядку дозволили мнѣ пользоваться созерцаніемъ небснаго свѣшила, озаряющаго Елисейскія поля. Я имѣлъ право съ увѣнчанною цвѣтами главою и съ оливною въ рукѣ вѣшвою прогуливаться по смѣющимся лугамъ сего чудснаго мѣста. Наконецъ, я провозглашенъ былъ свободнымъ и необременнымъ тяжкими оковами народныхъ предразсудковъ. Мнѣ захопѣлось подробнѣе разсмотрѣть Элев-

(*) *Жрицы*. Это выраженіе взято слово въ слово изъ мистическаго языка, коюрой употребляли на праздникахъ Элевзинскихъ.

(1) Павзаній.

(2) Недавно найденный въ Москвѣ, говорятъ. Смотр. *прилѣжанія* Виллоазоновца на Лонга.

зинской храмъ (1); въ немъ можетъ помѣститься такое великое множество народа, какое во время празднествъ не собирается въ цѣлыхъ городахъ.

Я имѣлъ позволеніе разбирать тамъ книгу Церериныхъ и Триптолемовыхъ законовъ (2), которую мудрейшая изъ Аттичскихъ женщинъ носила на головѣ во время *Θεσμοφορίωνъ*.

Окружность храма укрѣплена хорошими стѣнами.

Видъ Церериныхъ таинствъ, почти во всемъ подобныхъ Изидинымъ, подалъ мнѣ поводъ болѣе къ тихому размышленію. Одинъ новопосвященный въ таинства, будучи не доволенъ тѣмъ, что въ черпахъ лица моего не примѣтно той полноты счастья, которую вкушаютъ наслаждаясь онымъ въ первой разъ, подшедъ ко мнѣ сказалъ: не возстаешь ли какое нибудь сомнѣніе въ душѣ твоей? также какъ мы, почишаешь ли ты Элевзинскія таинства за нѣчто способнѣйшее дѣлать людей добродѣтельными?

(1) *Aristides in Paroathia.*

(2) Смолр. Порфир. *о воздержан.* IV. 22. которой приводитъ книгу законодателей, сочин. Ермиппа.

Пифагоръ. Не ужели только одни посвященные добродѣтельны?

Жрецъ Элевзинскій. Изъ всѣхъ благочестивыхъ учреждений (1), это по крайней мѣрѣ есть самое святейшее.

Пифагоръ. Я это знаю.

Посвященный. Храмъ Элевзинской есть общее святилище всей Греціи (2).

Пифагоръ. Я это знаю.

Посвященный. Посвященный приноситъ на смертный одръ надежду бессмертія (3).

Пифагоръ. Созерцаніе природы въ этомъ удостовѣряетъ его еще при жизни.

Посвященный. Двѣ первѣйшія націи въ свѣтѣ имѣютъ въ разсужденіи сего одно чувствованіе, одно желаніе: Египетъ и Греція . . .

Пифагоръ. Одна уже очень стара, а другая еще очень молода.

(1) Аристотел. *Риторик.* Кн. II. 24. *Meursius*, ch. I. *Eleus.*

(2) Аристид. *Элевз.* Еврипид. *въ началѣ Илломита.*

(3) Исократ. *Панегир.* Аристид.

Посвященный. Греція своимъ гражданскимъ образованіемъ одолжена таинствамъ.

Пифагоръ. Скажи лучше земледѣлю, изъ копораго также желали бы сдѣлать таинство. Великіе боги! гдѣ бы мы тогда были?

Посвященный. Сіи таинства существуютъ тысячу лѣтъ.

Пифагоръ. Солнце еще древнѣе ихъ; но не знаетъ непросвѣщенныхъ. Оно изливаетъ свѣтъ свой на всѣ существа.

Посвященный. Таинства Элевзинскія и Олимпійскія игры . . .

Пифагоръ. Между нами скажутъ откровеннѣе, — не споютъ Амфикипіоновъ и Ареопага; но онѣ только болѣе дѣлаютъ шуму.

Посвященный. Божественный Гомеръ есть одинъ изъ нашихъ основателей.

Пифагоръ. Онѣ имѣли дѣло съ варварами. А мы не шаковы уже нынѣ. Кормилицы попрежнему только для младенцевъ.

Посвященный. Ну! чпожъ бы ты могъ найти худаго въ эмблематическомъ церемоналѣ. пятого дня ша-

инствъ? Какой великой урокъ даемый ими свѣпильниками, которые передаютъ изъ рукъ въ руки на Элевзинской дорогѣ (1)! Чего еще ты желаешь?

Пифагоръ. Чтобы сіи прекрасные уроки не были больше таинствомъ, особенно для пѣхъ, которые наиболѣе имѣютъ въ нихъ нужды.

Посвященный. Но весь народъ присудствуетъ при шествіи посвященныхъ въ таинства . . .

Пифагоръ. Не понимая, чпо все это значитъ. Онѣ съ неперпѣливости дожидаются конца, которой есть ничто иное, какъ Бахусовъ праздникъ. Всѣ сіи мистическія представленія удивляютъ или увеселяютъ его, не научая, даже не вдыхая ему вкуса къ наукамъ и любви къ истинѣ. Ежели истина имѣла на землѣ храмъ; то всегда отперстыя врата не походили бы на Элевзинскихъ первосвященниковъ, которые вѣшаютъ ключъ на лѣвомъ плечѣ своемъ. — Сіи полу-свѣпила худо приличествуютъ людямъ, которые по большой части не понимаютъ съ полголоса мыслей другаго.

(1) Геродотъ. Кн. II. Meursius. *Eleus.* 25. 27..

Посвященный. Естли для народа попребны боги, то симъ богамъ попребно основаніе; наши таинспва полагають для нихъ три основанія (1): физикку, богослуженіе и законы.

Пифагоръ. Довольно бы было хорошихъ законовъ, надлежащимъ образомъ исполняемыхъ.

Посвященный. Того, кто не покоряется мудроспи, должно успрашивать благочеспивыми ужасами (2).

Пифагоръ. Народъ не испытываетъ искушеній посвященія. Онъ присудспвуетъ только на поржеспвѣ посвященнаго въ таинспва. Къ чему же всѣ эспи пріугошповленія, когда весьма малое число пользуется ими?

Посвященный. Ромулъ велъ войну, чпобы образовашъ солдатъ. Нума основалъ богослуженіе, чпобы имѣшъ гражданъ (3).

(1) Plutarch. *Placit. philosophor.* lib. I. 6. § III.

(2) Timée de Locres. *de natura, ad finem.*

(3) Ливій, I. *Декад.* Кн. I. 21.

Пифагоръ. Законодатель, еще блаторазумнѣйшій, не сдѣлалъ бы ни шого, ни другаго. Законы, я говорю тебѣ, швердые законы нужны!

Посвященный. Нумъ для утвержденія законовъ его попребна была великая довѣренность (1).

Пифагоръ. И всегда-шо обманъ въ помощь разуму!

Посвященный. Менесъ на берегахъ Нила подкрѣпилъ свои узаконенія именемъ Таупа.

Пифагоръ. Хорошій судебникъ поддерживается самъ собою.

Посвященный. Таинспва научаютъ человѣка бояться боговъ (2).

Пифагоръ. Громъ говоритъ еще громче Герофанша, а очищаетъ шѣхъ только, копорыхъ поражаетъ... Для чего таишъ подъ смершною казнію?

Посвященный. Еспь много вещей, въ копорыхъ просвѣщаютъ народъ опасно (3).

(1) Плутарх. *жизнь Нумы.*

(2) *Discite... moniti, et non temere Divos.*
Virgil. *Aeneid.* V.

(3) Варронъ. Августин. *о градѣ Божіемъ.* 4. 31.

Пифагоръ. Но ежели онъ узнаетъ то, что онъ него скрываютъ? Тотчасъ никто не будетъ вѣрить болѣе Ахерону (1). Тотчасъ будутъ полковать повсюду, что безпокойства жипейскія оканчиваются смертію (2). Что будутъ тогда наши тайнства?

Посвященный. Ты не можешь не признаться, что послѣ двенадцати (3), а иногда и болѣе испытаній, копорымъ подвергаются какъ въ Элевзисѣ, такъ и въ Фивахъ, можно узнать, господствуетъ ли душа надъ страстями

Пифагоръ. Не упоминая о томъ помлени, копорымъ мучаютъ человѣческое любопытство, проводя дома промежутокъ времени (*) между допущеніемъ къ меньшимъ тайнствамъ и посвященіемъ въ великія (4). Въ Египтѣ (5) попребно было все мое терпѣніе, вся моя швердоспъ.

(1) Цицеронъ *Тускулан.* 1. 21.,

(2) Саллюст. *Капилли.*

(3) *Holstensi observ.*

(*) Шесть мѣсяцовъ.

(4) Тертуліанъ, *сначала рѣч. къ Валент.*

(5) Порфир. *жизнь Пифагор.*

Посвященный. Одни Посвященные въ тайнства имѣютъ привиллегію опасаться отъ бѣдъ и напастей (1).

Пифагоръ. Все это намъ обѣщаютъ.

Посвященный. Мы одолжены богинямъ — основательницамъ Элевзиса (2), что вышли изъ дикой жизни первыхъ чловѣковъ.

Пифагоръ. Сколько бы еще болѣе онъ одолжили насъ, еспли бы освободили отъ деспотизма большую часть ведущихъ гражданскую жизнь націй!

Посвященный. Учаспвованіе въ тайнствахъ (3) еспъ источникъ величайшихъ благъ.

Пифагоръ. Я приближался къ вратамъ смерти (4); попиралъ ногами прагъ Прозерпины; опшуда прошелъ сквозь всѣ спихіи. Видѣлъ, какъ солнце сіяло среди ночи. Споялъ предъ богами вышними и нижними, и поклонялся имъ предъ ли-

(1) Scholiast. *Aristoph. de pace.*

(2) Исократ. *Панегир.*

(3) Theon. *in proagein.*

(4) Апул. *Превращен.* III.

цемъ ихъ. Въ пазуху мою впустили тихонько позлащеннаго змѣя, что бы онъ сползъ по подолу моей одежды . . .

Посвященный. И ты все еще не удовлетворенъ?

Пифагоръ. Я желалъ бы видѣть менѣе сборовъ, а болѣе истины. Тѣмъ, чѣмъ я буду послѣ смерти, занимались гораздо болѣе, нежели шѣмъ, чѣмъ я долженъ быть въ продолженіи моей жизни.

Посвященный. Изъ ученія пифагорейца по крайней мѣрѣ ты позналъ, что боги народа (1), жили нѣкогда на землѣ.

Пифагоръ. Я въ этомъ сомнѣвался прежде моего посвященія.

Посвященный. Всякой злодѣй изгоняется изъ святилища Элевзинскаго (2). Самъ Геркулесъ не могъ посвященнымъ быть въ пифагорейство, прежде нежели очистился оупъ убійства Ценхавровъ, хопя сихъ чудовищей онъ умертвилъ для общественнаго благосостоянія.

(1) Цицерон. *Тускул.* кн. I. гл. 15.

(2) Филостр. *жизнь Аполл.* IV. 6.

Пифагоръ. Какая нужда злодѣю до Элевзинскихъ или Фивскихъ таинствъ? Но сколь, по истиннѣ, священнымъ онъ сдѣлался бы учрежденіемъ, естли бы народы могли вызывать сюда на судъ своихъ вѣроломныхъ правителей! Ежели бы двѣ націи вмѣсто того, чтобы сражаться за частныя выгоды своихъ начальниковъ, ссорящихся другъ съ другомъ, опослали ихъ предъ судилище Посвященныхъ, разбиравъ здѣсь свои распри безъ нарушенія челоуѣческаго спокойствія! Вотъ, что основатели Элевзинскихъ таинствъ могли бы сдѣлать для оказанія важныхъ услугъ всему челоуѣческому роду.

Посвященный. Но честолюбцы, разорившіе свое опечеснво, не допускаются къ посвященію въ пифагорейство; ты это знаешь.

Пифагоръ. Такъ не ужели это имъ наказаніе и преграда къ покушенію на новыя злодѣянія?

Посвященный. Высокое и святое ученіе, намъ открытое . . .

Пифагоръ. Я признаю высокимъ по полько, что полезно вообще всѣмъ. Ежели наши Элевзинскіе праздники имѣють сей великой характеръ, по для чего

же они тайна? Естли же нѣпѣ, по дѣя чегу ихъ называшь святыми и высокими?

Посвященный. Пиеагоръ! . . .

Пиеагоръ. Естли что можно ска- зать въ честь Элевзинскихъ таинствъ, по это только, что ихъ почиаютъ па- мятникомъ признапельности народовъ къ Эрекорю (1), дославившему имъ пше- ницу, коей прежде у нихъ не было. Они дали скипетръ тому, кто давалъ имъ хлѣбъ; этого надлежало бы держаться и при другихъ праздникахъ, напоминающихъ благотвореніе. Элевзинцы, народъ одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ въ Греціи, были уже однимъ изъ мудрѣйшихъ прежде осно- ванія таинствъ.

Посвященный. Не правда ли, что Церера изобрѣла наилучшее, по выраженію дитяши, увѣнчаннаго желудями (2)?

Пиеагоръ. Церера изобрѣла наи- лучшее въ томъ, что начала съять хлѣбъ, а не въ томъ, что выдумала свя- щенныя Ортіи, которыя съ другой сто-

(1) Діод. Сиц. Кн. I.

(2) Proverb. gr. cent. IX. Suidas, Hesych.

роны ей принадлежатъ: сполько же, какъ и Триполему. Я подозрѣваю тутъ нѣ- которые полипическіе мѣстныя виды.

Посвященный. Сіе благочестивое учрежденіе клонится по крайней мѣрѣ къ усовершенствованію воспитанія, къ исправ- ленію нравовъ (1).

Пиеагоръ. Люди сдѣлались ли отъ этого щасливѣе, или лучше? Чадъ святы- лища (*) не болѣе оказываешь добродѣ- тели, какъ и непросвѣщенный чужестра- нецъ.

Посвященный. Таинства сіи (2), сходныя съ догматами Маговъ и Гимносо- фистовъ, суть символы непрерывныхъ измѣненій, которыми подвергаются чело- вѣческія души въ различныхъ тѣлахъ (**), прежде нежели онѣ опять погружаются въ нѣдро всеобщей души, изъ коей произтек- ли. Сіи изображенія живописныхъ и чу-

(1) Арріан. примѣан. на Эпиктет. III 21.

(*) Священное выраженіе въ Элевзинскомъ храмѣ.

(2) Порфир. Кн. IV. 16. стр. 351.

(**) Преселеніе душъ.

довищъ, которыя являюся очамъ Посвященнаго, прежде нежели покажушъ ему свѣшъ имъ искомый, представляющъ священное ученіе превращеній, которыя должна проходить душа, когда она не сполько еще числа, чпо бы можно бы ввести ее въ поля Эфирныя.

Пивагоръ. Это, безъ сомнѣнія, удивительно!

Посвященный. И полезно для усовершенствованія человѣческаго рода.

Пивагоръ. Но для чего полагаешъ тройной покровъ надъ наукою, которую нужно знать всѣмъ челѣкамъ? Развѣ жрецы бояшся, чпо бы народъ не сдѣлался споль же просвѣщеннымъ, какъ они? Когда не было письма, тогда должно было ящомъ (1) изображать вселенную, копорая раждаетъ и заключаетъ все. Но нынѣ . . .

Посвященный. Если бы Герофантъ, давая аллегорическіе уроки, въ копорыхъ смѣшанными находяшся небесныя и земныя феномены (2), не старался

(1) Plutarch. *Symposiac.* lib. II. cap. 2.
Macrob. *Saturn.* Vss. 16.

(2) Санхоніатон. *Оликійская Богословія.*

наставленіями своими привести въ препей и привлечь удивленіе смертныхъ, по смертные не уважали бы истину; они пропускали бы ее мимо себя безъ вниманія, также какъ попускающъ солнцу восходить, свѣшпшъ и угасашъ надъ главою своею, совсѣмъ не примѣчая этого. Вотъ вся полишка Элевзинскихъ таинствъ!

Пивагоръ. Я никогда не признаю законными сіи средства.

Посвященный. Мы сперва празднуемъ два великія начала Природы, небо и землю, отца и мать всѣхъ родовъ: сейпо бракъ двухъ главныхъ дѣйствующихъ причинъ вселенныя. мы представляемъ чрезъ соединеніе двухъ дѣйородныхъ чашей (1), *Ктеиса* и *Фалла*.

Пивагоръ. Народъ грубой держитъ ся оболочки. Не ужели не можно было избрать приличнѣйшихъ предметовъ для благопріятствованія его склонности къ необузданнымъ спраснямъ?

Посвященный. Наши священныя таинства учреждены не для него; онѣ слишкомъ высоки.

(1) Св. Август. *о градѣ божіемъ.*

Пифагоръ. Но передъ нимъ выстав- ляютъ паковыя изображенія: для чего бы предметъ богослуженія не содержащъ въ совершенной тайнѣ? для чего не одинъ Посвященный допускается къ созерцанію двойнаго родительнаго органа? для чего вынимаютъ его на показъ изъ хранилища- го ящика? Приличествуетъ ли по раз- вращеннымъ націямъ, чпо приличество- вало невиннымъ колоніямъ? Наши таин- ства, сохраняя свои начала, ускорятъ упадокъ нравовъ; и еслили надобно сдѣ- лать выборъ между добрыми нравами и началами религій, — по это съ моей спороны уже сдѣлано. Пусть погибнутъ скорѣе начала религій, нежели добрые нравы (*)!

Посвященный. Въ священныя процессіяхъ чистыя наши дѣвы, сіи юныя Канефоры (1), носящія на головахъ своихъ миспическую корзинку, откуда воздымается Фаллъ совершенно открытый, не теряютъ чрезъ сіе чистоты своей.

(*) Должно замѣтить, что всѣ древнія и нынѣшнія языческія богослуженія заклю- чаютъ нѣкоторыя подробности, прошив- ныя цѣломудрію.

(1) Aristophan. *Acharn.*

Пифагоръ. Я люблю объ этомъ думать; но чернь въ сихъ Пріапахъ обоого пола, служащихъ вмѣсто вѣнка для спе- пенныхъ женъ и дѣвицъ во время Элевзин- скаго празднества (1), совсѣмъ не видитъ этого круга, въ которомъ дѣйствуетъ роди- тельная сила міра, и которой скрываетъ сферу равно раздѣленную между двумя началами, дѣйствующими и спрадающими, или мужескими и женскими: око народа, вполне спремящаяся на священное зрѣ- лище, не проникаетъ столь далеко; са- мые умѣренные изъ зрители усмѣхаю- ся, или позволяютъ себѣ еще хуже. Намъ бы надлежало спарашься изъяснить сіи два начала (2), это добро и зло, раздѣ- ляющее Природу на двое въ переменныхъ сценахъ шьмы и свѣпа, свѣпа и шьмы (3): народъ, которой есть совершенное веще- ство, не знаетъ, что празднованіе нашихъ великихъ таинствъ оканчивается во время осенняго равноденствія (4), единственно для испрошенія у боговъ, чптобы душа не

(1) Manil. *Astronom.* lib. II. Proclus, *com- ment.* in *tim.* lib. 55. p. 67.

(2) Плутархъ о *Издѣ.*

(3) Dion. Chrysostom. *Themistius. orat.*

(4) Императоръ Іуліанъ *рѣчь V.*

подвергалась пагубному дѣйствию на нее мрачной силы, которая начинаетъ преобладать въ природѣ.

Посвященный. Сїи глубокіе догматы сдѣланы не для народа.

Пифагоръ. Что бы было, если бы позволено было простому народу присутствовать при трагическихъ сценахъ Аписова скопленія (1)? Едва ли бы онъ шупъ узналъ убавленіе долготы дня, или уменьшеніе солнечнаго печенія. Едва ли бы усмотрѣлъ въ сихъ благочестивыхъ трагедіяхъ смерть и воскресеніе солнца (2), души вселенныя, начала жизни и движенія въ подлунномъ мірѣ, источника нашихъ понятій, которыя суть ничто иное, какъ часпицы вѣчнаго свѣта, сіяющаго въ семъ великомъ свѣтильникѣ, яко въ главномъ своемъ горнилѣ. Все это весьма высоко, даже и для многихъ Посвященныхъ уже въ таинства!

Посвященный. Скажутъ, что солнце есть дверь, чрезъ которую душа восходитъ къ жилищу свѣта, — неужели это загадка (3)?

-
- (1) Макроб. *Сатурн.* Евсев.
 (2) Климентъ Александрійск.
 (3) Порфирій, *de antro nuptiarum.*

Пифагоръ. Но представлять таинственное изображеніе солнца подъ видомъ *Дадуха* (*), вводя въ Посвященныхъ во внушительность Элевзинскаго храма, и шамъ показывать имъ великаго создателя въ особѣ Герофанта! — не ешлы нелѣпость, прятаясь въ мрачномъ святилищѣ для созерцанія солнца и обученія Аспрономіи? Паспухъ на своей горѣ сколько же объ этомъ знаетъ, сколько Герофантъ (1) или изобразитель всеобщаго порядка, и Дадухъ, или солнценосецъ, и Эпивоми или луносецъ, и Герокирикъ или Меркурій и свѣщеносцы.

Посвященный. Что можетъ быть выше символическаго изображенія всеобщей напуры (2), покрывой всѣми отличительными ея принадлежностями — напуры, которая объемлетъ всѣ сгихіи, которая проспираетъ свое владычество отъ сферъ Олимпа до самыхъ глубочайшихъ пропастей ада!

Пифагоръ. Я повпоряю: сія картина гораздо величественнѣе внѣ периво-

(*) Второй великій жрецъ; Герофантъ былъ первымъ.

(1) Апулей *лрвращ.* Кн. II.

(2) Климентъ Александрійск.

лы (ограды) храма, на висопахъ Аркадїи.

Посвященный. Паспухъ Аркадїи, не достигшій *самозрѣнія* (*Autopsie*) (1), послѣдняго степеня миспической науки, видитъ ли напуру въ ея источникахъ? Великое дѣло совершительной (*Telestique*) науки (2), есть призвать душу къ истиннымъ красотамаъ и сдѣлать ей оныя свойственными и близкими. Умозрѣніе дѣлается окомъ души, при помощи коего душа обозрѣваетъ поле истины въ миспическихъ отвлеченноспяхъ, гдѣ она возвышается превыше тѣлѣ, и оспанавливаетъ ихъ дѣйствіе, дабы придти въ самое себя.

Пифагоръ. Какое напряженіе ума! истина и щастіе неприспупны. Столько отвлеченноспей мало имѣютъ сходспва съ простотою доброй напуры. По умозрѣнію Элевзинскому трудно будетъ сблизитъ боговъ съ людьми.

(1) Климентъ Александрійск.

(2) Пьероклесъ. Стр. 52. сей Асцетической Комментаторъ *золотыхъ стиховъ*, приписываемыхъ Пифагору, называетъ посвященія *совершеніями* (*telètes*).

Посвященный. Изъ вещей, служащихъ къ усовершенствованію нашему, однѣ были сперва найдены мудрецами, а другія миспагогами. Послѣдніе присоединили свое искусство къ уму первыхъ для довершенія великаго дѣла.

Пифагоръ. Этого - то самаго и не должно было дѣлать (*). Пусть бы мудрецъ оспавался на своей споронѣ, а жрецъ на своей, и каждой шелъ къ истинѣ, какъ умѣетъ. Тогда бы увидѣли, копорой скорѣе достигнетъ цѣли.

Посвященный. Наука совершительная занимается очищеніемъ свѣтлой оболочки духа (1), дабы способность умозрительная предшествовала въ качествѣ разумѣнія, а часпѣ дѣйствующая и испол-

(*) Пифагоръ во всемъ этомъ разговорѣ не говоритъ такъ, какъ заставляютъ его говорить Пьероклесъ, Порфирій, Ямвлихъ и другіе Асцетическіе Пифагорейцы. Пифагоръ не былъ такимъ; онъ любилъ символы, а не отвлеченности; онъ предпочиталъ познаніе нравовъ Метафизикѣ. Пифагоръ и Сократъ смотрѣли одинаковымъ образомъ.

(1) Пьероклесъ.

нишельная послѣдовала въ качествѣ силы.

Пифагоръ. Не ужели тебѣ не примѣтно, что ты разсѣкаешь человѣка на двое? А напура здѣлала изъ него только одно цѣлое, одно единство.

Посвященный. Духъ умозрительный есть верхушка пирамиды. Добродѣтели дѣятельныя сославляютъ средину или корпусъ. База есть наука совершительная. Однимъ словомъ, это глазъ, рука и нога.

Пифагоръ. Ты забываешь, что люди не суть въ классѣ Геніевъ.

Посвященный. Для чего не возвышать человѣка въ собственныхъ очахъ его? Умножимъ добродѣтели его для углубленія его счастья.

Пифагоръ. Я не хочу этихъ добродѣтелей, которыя снискиваютъ чрезъ питье *Киксона* (1), или чрезъ напираніе шѣла сокомъ *Цикушы*. Я не люблю смо-

(1) *Clement. in praecept.* Арноб. Кн. V. Думаютъ, что *Киксонъ*, или *Киксионъ* былъ напитокъ, выжимаемый изъ незрѣлаго ячменя, — родъ Египетскаго пива.

трѣть, когда женщины, желающія быть аспушенными въ таинства (1), ложились ночью на хладныхъ распѣніяхъ, дабы въ продолженіе девяти дней сохранишь чистоту.

Посвященный. Наши жрицы предписываютъ дѣшу, касательно распѣній, и произносятъ проклятіе на того, кто убиваетъ для того, дабы жить.

Пифагоръ. Но и *Гіерофанты* наши также, передъ принятіемъ къ себѣ непросвѣщенныхъ своего пола, заставляють явиться на таинства нагими, какъ какъ испина.

Посвященный. Воздержаніе . . .

Пифагоръ. Воздержаніе не есть добродѣтель (*). Говори мнѣ о презвостии.

Посвященный. *Гидранъ* . . . (2).

Пифагоръ. Дабы имѣть чистую душу и руки, я не полагаю, чтобы для

(1) *Meursius, Graecia ferata.*

(*) Ученики Пифагоровы, не такъ вѣрно исполняя уроки своего учителя, смѣшали вмѣстѣ воздержаніе и презвостіе.

(2) *Исихій.*

его должно было прибѣгать къ Гидрану на таинственные берега божественной рѣки Иласса. Народъ Аѳинской бываетъ тамъ два раза, и не возвращается оттуда свяще того, какъ былъ прежде, не смонря на очищенія, кропленія, погруженія.

Посвященный. Ты знаешь сколько же, какъ и я, Таинственникъ Фивскій! что это есть ничто иное, какъ только символическія и назидательныя предуготовленія. *Мистъ*, семь разъ погружаясь въ моръ, прежде всплупленія на степенъ *умозрипеля*, исполняетъ только должность напоминающую (1) о семи планетахъ, сквозь копорыя проходишь душа, нисходя на землю.

Пивагоръ. Развѣ не увѣряли меня также, что выпирая пяпны на пѣлѣ глиною, смѣнанною съ опрубями (2), я очищу свою душу отъ сквернѣ ея? Выберемъ въ Элевзинскихъ и прочихъ таинствахъ то, что пристойно, а о прочемъ умолчимъ. Научимся быть осмонрипельнѣ въ семъ, подобно Герофаншу. Протянемъ

(1) Апулей, превращ. Кн. II.

(2) Димосвен. рѣчь о вѣнцѣ.

завѣсу между непросвѣщенной чернью и нами. Вещественность таинствъ предоспавимъ пѣмъ, копорые отъ нихъ живупъ. Ты не долженъ этого не знать. По всюду, гдѣ только удѣютъ привлекать большую толпу народа, вмѣшиваются торговой промыселъ (1).

Посвященный. Можешь ли ты этому вѣришь? Подлая корысть . . .

Пивагоръ. Я нѣсколько болѣе имѣю опытности, нежели ты, и болѣе видѣлъ. Наспоящій секретъ таинствъ можешь быть не тотъ, копорой намъ ввѣренъ; по крайней мѣрѣ не одинъ онъ. Я подозреваю, что не Элевзинцы, но другіе сосѣдніе Греки предусмонрѣли, какія могутъ произойти выгоды отъ стеченія любопытныхъ. Таинства не менѣе священны и по сему. Поелику Посвященные въ таинства должны быть просвѣщеннѣ прочихъ, то я откровенно сообщаю тебѣ свои догадки.

Посвященный. Ты очень меня удивляешь! при всемъ томъ едвали когда

(1) Strabon, cité par Raw. rech. sur les Grecs. tom. I.

нибудь я могу съ холоднымъ чувствованіемъ провождать девять дней празднованія великихъ таинствъ (1). Какой *Теоръ* (*) можетъ остаться равнодушнымъ при шесивіи торжественной помпы? . . .

Пивагоръ. Священной ходъ четвертаго дня безпреспанно представляется въ глазахъ своихъ; я это вижу. *Фаллъ* въ рукахъ чистыхъ Элевзинскихъ дѣвъ можетъ быть шебя прогаемъ болѣе, нежели книга законовъ Цереры - *Тесмофоры*, носимая Аппическими женщинами (2) . . .

Юной Инициантъ мой съ грубоспію опошелъ отъ меня; онъ не учился въ Элевзисѣ искусству опвѣчать на невинную насмѣшку безъ того, чтобы не изъявипь своей досады; онъ взонелъ опяпъ въ храмъ; но при всемъ томъ былъ скромень.

(1) Meursius. *Eleus.* 21.

(*) *Теоръ*, то есть, зритель.

(2) Комментаръ Теоокристовъ. *Идилл.* 4.

XXII.

Пивагоръ въ Аѳинахъ.

Я вышелъ изъ Элевзиса, направляя путь свой къ Аѳинамъ вдоль одного канала, охраняемаго Аппическими Нимфами. Аѳины забываютъ уже по время, когда онѣ имѣли одинъ только колодезь — и по общій съ жипелями *Аргоса* (1). На дорогѣ небольшой жерпвенникъ, посвященной Зефиру, по видимому попался мнѣ для того, что бы податъ легкое понятіе о народѣ, котораго я шелъ посмопрѣть и котораго трудно узнать въ лицѣ жипелей Ахарнанскихъ (2), принадлежащихъ къ Энеидскому племени, мимо котораго я проходилъ. Сіи люди, имѣющіе промыслъ отъ полужженаго дерева (*), почти столь же грубы, какъ ослы ими выкармливаемые (3). Сіе четвероногое здѣсь, мнѣ показалось, гораздо болѣе и сильнѣе, нежели во веѣхъ другихъ мѣстахъ. Ха-

(1) Car. Steph. *de urbib.*

(2) Meursius, *Attica.* Роккоке.

(*) Уголь, черное дерево.

(3) См. Аристофинову Комедію, носящую ихъ имя: *Ахарнанцы.*

рактёръ, Ахарнанцовъ, совершенно пропиво-положенъ характеру жителей Сфептуса, въ *Акамантидѣ* (*), извѣстныхъ по своимъ смѣлымъ сапирамъ и оспрому уксусу. Замѣчанія достойно, сколько человѣкъ различествуетъ отъ челоука находясь другъ отъ друга въ полушорѣ или двухъ тысячахъ шаговъ.

Въ Оиорасѣ, Эгеидскаго племени, столько пріятны смоквы, сколько злы и жестоки жители.

Я остановился на нѣсколько времени въ Пиреѣ (**), небольшомъ мѣстечкѣ, гдѣ безъ сомнѣнія со временемъ сдѣлаюшъ приспань (1); оно находится въ пяти миляхъ отъ Аѳинъ, копорые по сихъ поръ имѣюшъ еще одну только гавань, нѣсколько подалѣе, въ Фалерѣ. Тутъ на пещаномъ берегу я увидѣлъ при жерпвенника съ сею надписью (2): *всѣмъ незнаемымъ и иноземнымъ богамъ*. Я замѣ-

(*) Одно изъ Аттическихъ племенъ.

(**) Нынѣ, *Перпо - Драконс*, или *Ліоне*.

(1) J. Meursius, *de Piraeo*.

(2) Пусть извинитъ меня переводчикъ Павзанія; я держусь толкованія Св. Иеронима на изрѣченіе Св. Павла: *невѣдомому Богу*.

тилъ сію черпу набожной полипки. Жители Ашпики, хопляпъ, живъ въ согласіи со всѣмъ свѣтомъ. Фалерцы приспраспны къ озартнымъ играмъ; они посвящаютъ имъ цѣлые дни подъ порпикомъ Минервина храма.

Я сдѣлалъ сдѣлать приношеніе прехъ яблокъ на жерпвенникъ Геркулеса, одного изъ мѣстныхъ Пирейскихъ боговъ — не въ память Нимфы *Мелипы*, копорая думала, что ни въ чемъ не должно опказывашъ Герою (1); но дабы примѣромъ Посвященнаго въ таинства, утвердишъ преимущество некровопитныхъ жертвъ. Нравы жителей Мунихи, весьма сходные съ нравами Фалерцовъ, съ копорыми они находяшся въ сосѣдствѣ, понудили безъ сомнѣнія Солона, произнесши пропивъ сего мѣстечка слѣдующее проклятіе: „Если бы Аѳиняне могли предусмотрѣть все злощастіе, копорое нанесетъ имъ нѣкогда сіе мѣсто, то они срыли бы его своими зубами.“

Впрочемъ Аѳинская (*) обласпъ долженствовала бѣ бышъ опечесствомъ добродѣте.

(1) J. Meursius, *de Piraeo*.

(*) Аѳины находяшся подъ 38. град. 5. мин. широты.

лей; ибо пупешеспвенникъ встрѣчаетъ шамъ болѣе боговъ, нежели людей. Я сдѣлалъ между ими свой выборъ, и предпочтительно остановился передъ однимъ весьма древнимъ храмомъ, посвященнымъ прѣмъ временамъ года (*). Веснѣ приносятъ въ жершву первую распускающуюся розу, лѣту первой желшбующей колосъ; а осени первой созрѣвшій плодъ.

Проспонародная Венера имѣетъ множество жершвенниковъ во всѣхъ окрестностяхъ.

На дорогѣ, ведущей отъ *Аѳинскихъ* (**)
воропъ къ *Керамику* (***) между многими спашуями, рѣзной на спѣнѣ бюстъ предспавиль мнѣ чершты *Пизиспраша*, подъ символами *Акрата* (****), вѣрнѣйшаго Бахусова друга. Сей памятникъ самаго низкаго ласкашельства есть произведеніе рѣзца *Эвбулидова*. Одинъ гражданинъ, ободренный негодованіемъ, примѣчен-

(*) Или лучше *гасамб*; ибо сіе слово въ то время значило поже, что *времена года*.

Athenée, *Deipnos*.

(**) Нынѣ *Сетина*.

(***) Горшечной рынокъ.

(****) *Акратъ*, значитъ *гистый*.

нымъ на лицѣ моемъ, начерпилъ внизу сего изображенія мѣломъ сіи два слова: *Пизиспрашъ гистый!* присоединя къ сему знакъ двоемыслія и ироніи.

Я подошелъ къ нему ближе; мы разговаривали глазами; онъ здѣлалъ мнѣ видъ, показывающій отвращеніе къ нечестію, копорое опважились сдѣлать пославивъ изображение *Деспота* подлѣ спашуи *Амфиктіона* (1), обезсмертившаго имя свое учрежденіемъ священнаго собранія главныхъ *Греческихъ* чиновъ, копорое носилъ его имя. Вокругъ сей спашуи, сдѣланной изъ жженой гайны, поставлены боги, копорыхъ сей доброй *Царь* удостоился принять къ своему сполу. Мало похвалъ оспроумнѣ этой!

Я сказалъ *Аѳинянину*: *Пизиспрашъ* оставилъ прѣхъ сыновей; укажи мнѣ, гдѣ бы я могъ встрѣтитъсь съ мудрѣйшимъ изъ прѣхъ, попому что онъ всѣ права свои успупаетъ двумъ братьямъ, предпочипая должностямъ общеспвеннымъ жизнь неизвѣспную, но мирную и незазорную!

(1) *Dissert. sur les Amphictyons*, par Valois, *Acad. des inscript. et belles lettres*.

Аѳинянинъ. Ты хочешь говорить о Тессалѣ (1)? Аѳины не извѣстны о его мѣсполребываніи; мы не знаемъ даже, существуетъ ли еще онъ!

Пивагоръ. О добродѣтель! ты не хитра, но тебя уважаютъ не болѣе, какъ прекрасное сновидѣніе.

Въ нѣкоторомъ разстояніи другая статуя, изъ того же вещества, представляетъ того героя (*), которой опчаяваясь сравнилась съ Геркулесомъ, образомъ своимъ, сдѣлался однимъ изъ Аѳинскихъ основателей. Я видѣлъ одного живописца, начертывающаго на стѣнѣ позади сей фигуры историческую картину, которая должна представить ту эпоху, когда городъ Аѳины, перешавъ бытъ Монархіею, чтобы чрезъ сіе не сдѣлался демократическимъ, принялъ правленіе равенства, то есть, захотѣлъ, чтобы всѣ члены государства имѣли равную власть, и выше себя обязаны были признавать только одинъ законъ. Предметъ сей изобразить не легко!

Портреты великихъ законодателей, прозванныхъ *Создателями*, представленные

(1) Отрывокъ. Діод. Сицил.

(*) Тезей.

группою вокругъ изваяній Юпитера и Аполлона, составляющихъ главное украшеніе чепыресопнаго Сената (*). Подлѣ сего находится *Фолосъ* (Романда) пятидесяти Пришановъ, — правителей, имѣющихъ должность собирать и предсѣдательствовать въ собраніи чепырехъ совъ Сенаторовъ.

Передъ симъ священнымъ мѣспомъ возвышается изображеніе Мира, держащаго въ рукахъ своихъ Плутуса, божка богатствъ. Правители Аѳинскіе не могутъ ни взойти, ни выдти не принявъ довольно важнаго урока: всѣ ихъ попеченія должны спремишься единственно къ утвержденію Мира, отца изобилія.

Не подалеку находится храмъ Марсовъ; — Венера дана ему вмѣсто собесѣдницы. Не ужели для того, чтобы женщины научились употреблять всѣ свои средства къ обезоруживанію бога войны? Сія Венера имѣетъ ту особенность, что женщины, призывающія ее, говоряиъ ей на ухо (1). Я не люблю эдакихъ благочестивыхъ обрядовъ.

(*) Послѣ Сенатъ пятисотной.

(1) Larcher, *mém sur Venus*.

Тринполемъ, о которомъ Аргосцы спорятся съ жителями Аэинъ, много имѣнъ спашуй въ семь послѣднемъ городѣ. Богослуженіе сему законодателью успавлено болѣе народнымъ щеславіемъ, нежели признацельностію. Народъ доказавъ, что онъ принялъ первые уроки земледѣлія, доказалъ бы въ поже самое время и древность своего происхожденія. Смертные, я думаю, давно уже воздѣлываютъ землю.

Проходя портики *Никила*, я видѣлъ, какъ Солону ставили спашую. Его законы переписаны на большія табличы въ *Припанеѣ*; мнѣ показывали его домъ, на прагъ коего онъ споялъ въ послѣдніе дни своей жизни, увѣщавая своихъ согражданъ, которые приходили къ нему поднять оружіе противу *Пизиспрапа*, обманувшаго его своими ложными добродѣтелями. Знаменимый и злощастный спарецъ, ты жилъ слишкомъ много (1) для своей славы и спокойствія! О братъ его стихомворецъ *Дронидѣ* не говоряиъ почти совсѣмъ.

Четыре монумента, посвященные *Цѣломудрїю* и *Благочестїю*, *Славѣ* и *Бди-*

(1) Сто лѣтъ. *Лукіан.*

тельности, украшаютъ большую публичную *Аэинскую* площадь.

Я разсматривалъ работу храма *Юпитера Олимпійскаго*, основаннаго *Пизиспрапомъ*; прекрасное предпрїятіе, хотя и не столь полезное, какъ его фоншанъ о семи трубахъ (1). Окружность его должна имѣть пять сотъ шаговъ; онъ долго не будетъ окончанъ (*), если не будутъ спѣшитъ опдѣлкою, которая будетъ спойиъ несмѣтныхъ суммъ. Въ семь зданїи, почти столь же обширномъ, какъ храмъ *Бела*, помѣстится безчисленное множество спашуй. Онъ будетъ заключать въ себѣ спарой храмъ *Сатурна* и *Реи*, построенной *Девкаліономъ*, пучину еще опверспую, изъ которой вышли воды во время попопа, и наконецъ священную *Олимпійскую* роцу. О еслибы се зданіе проспояло столь же долго, какъ оно, на мѣсто коего оно посавляетъ

(1) *Acad. inscript. hist.* p. 194. tom. VIII. in — 12.

(*) Сей храмъ дѣйствительно окончанъ былъ уже въ царствованіе Императора *Адріана*, которой освятилъ его; такимъ образомъ онъ строился семь вѣковъ.

ся (1)! Четыре Архитектора положили основанія онаго; — я запомнилъ ихъ имена: — Ансимахидъ, Анписпадъ, Коллисхросъ и Периносъ.

Сады Аѳинскіе составляютъ часть города, симъ именемъ называемую, гдѣ я не нашелъ ничего достойнаго примѣчанія, кромѣ одной четверугольной статуи, представляющей Венеру (2), подъ пинакомъ сѣверной Парки; урокъ эмблематической! предостереженіе для слабыхъ смертныхъ!

Въ небольшой сосѣдней роцѣ мнѣ показывали изваяніе весьма безобразнаго Сатира.

Для чего, сказалъ я, мнѣ останавливаться передъ такими предметами? —

Мнѣ отвѣчали: положи большой палецъ руки твоей на базу сей фигуры.

Она открылась, и я увидѣлъ во глубинѣ ея прекрасную группу изъ слоновой кости, представляющую трехъ Грацій (3).

(1) 950 лѣтъ. Лероа о зданіяхъ древнихъ народовъ.

(2) Плутарх. Изид. и Озирид.

(3) Massieu, Acad. inscript. p. 25. & 26. tom. IV.

Чужестранецъ, сказала мнѣ одна молодая Аѳинянка, бывшая свидѣтельницею моего изумленія, не всегда суди по наружностямъ!

Улица преножниковъ ведетъ ко храму Базуса Элевера (освободителя), которой не заключаетъ ничего занимательнаго, кромѣ прозванія сего бога.

Идучи къ Цекроповой цитадели, вдоль южной Аѳинской стѣны, я обратилъ нѣсколько вниманія на гробницу Калоса, воспитанника и племянника Дедалова, которой его убилъ. Мнѣ не могли сказать о причинѣ или предлогѣ сего убійства.

Нѣсколько подалѣе я видѣлъ гробъ, или лучше Кеношафію несчастнаго Ипполипа; ибо городъ Трезена приписываетъ себѣ честь обладанія его добродѣтельнымъ прахомъ.

Въ цитадели, кромѣ изображенія Минервы, имѣющей у ногъ свихъ сову, а на головѣ кузнечика, кромѣ бюста Меркуриева, поставленнаго на деревянномъ четырехъ стороннемъ пьѣ (Аѳиняне переняли сію форму у Скульпторовъ Египетскихъ), я видѣлъ лепную группу изъ глины, которая представляетъ Землю, молящуюся предъ дождливымъ Юпитеромъ о прекращеніи засухи.

Я взошелъ въ Паренонъ. Такъ называютъ храмъ Минервы Поллады — Тосканской архитектуры. Богиня сдѣлана изъ масличнаго дерева; — произведеніе Дедалова ученика, коего имя читаютъ на пьедесталѣ: *Эдей*.

Она предстаетъ сѣдящею и одѣною въ длинную тунику, копорая закрываетъ у нее ноги; на срединѣ шлема ея находится Сфинксъ, спереди на лбахъ Медузина голова, а въ рукѣ копье, коего нижній конецъ касается Змѣя, хранителя ея дѣвства. Да и ее обыкновенно называютъ *дѣвою*, не присоединяя другихъ названій. Молодые Аѣинскія дѣвицы приносятъ вощы сему Дракону добродѣтели. Не для того ли, что бы его смягчить, или задобрить?

Пьедесталъ украшается рѣзнымъ изображеніемъ Пандоры; у ней нѣтъ роковой коробочки, безъ сомнѣнія для того, дабы показать смертнымъ, что мудрость предохраняетъ отъ всѣхъ золъ. Въ храма находилась статуя изъ лавроваго дерева, посвященная великому Аполлону, по бдишелю кузничиковъ. Апшика древле была опустошаема ими; они погибли всѣ, будучи послѣ великаго дождя сожжены солнцемъ.

Минерва всѣмъ спашуямъ, воздвигнутымъ ей въ Аѣинахъ и Апшикѣ, коихъ она считается главнымъ и покровительствующимъ божествомъ, повидимому предпочитаетъ ту, копорую народъ называетъ спадшею съ неба, и копорая для сего не лучше оидѣлана. Это ничто иное, какъ безобразная фигура, едва обтесанный деревянный пень; но поговариваютъ, что она боготворима была въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ цитадель, гораздо прежде, нежели Аѣиняне по гласу Тезея собрали свои разсѣянныя колоніи, дабы составить городъ, способный дѣлать сопротивление врагамъ. Предъ симъ древнимъ кумиромъ, копорой предполагаютъ со временемъ сдѣлать изъ золота, повѣшена неугасимая лампада; она горитъ цѣлой годъ на жертвенникѣ Забвенія (1). Сюда приходятъ слагать всѣ непріятныя чувствованія и воспоминанія. Ежели смертные еще дѣлаютъ себѣ зло, по не вѣденію; они знаютъ находить прощаніе онаго врачеванія, но сами не хотятъ изцѣлиться.

Въ преддверіи Паренона воздвигнутъ жертвенникъ Юпитеру великому, копо-

(1) Аѣины древнія и новыя.

рой никогда не былъ обогрнѣ кровію. Онѣ издревле не принимаютъ въ жертву ничего одушевленнаго. Я постарался публично при семъ сдѣлать свое приношеніе.

Тутъ же видѣнъ Гермесъ изъ миртоваго дерева — даръ Цекроповъ. Предъ сею древнею статуею находится складной столъ, вышедшій изъ рукъ Дедала. Аѣины, произведя на свѣтъ остроумнѣйшаго изъ художниковъ, хранятъ съ нѣкопормымъ благочесливимъ почтеніемъ и самыя маловажныя его произведенія.

Аѣинская цитадель заключаетъ предметы гораздо важнѣйшія. Когда Аѣиняне съ какою нибудь націею дѣлаютъ пракшатъ, по обыкновенно вырѣзываютъ его на столбѣ, копорой спавяютъ въ цитадели. Аргосскіе жилища помѣщаютъ такыя столбы на площади. Сей рядъ каменныхъ монументовъ составляетъ досіовѣрныя лѣтописи (1). Крѣпость Цекропова занимаетъ средину города.

Одинъ гражданинъ сказалъ мнѣ причину сего, копорая впрочемъ болѣе доказываетъ папріотизмъ, нежели его свѣденія (2). „Греція занимаетъ средину оби-

(1) *Temoins les marbres de Paros.*

(2) *Aristid. Panathenaisa.*

паемой земли; Апшика находится въ срединѣ Греціи, Аѣины въ срединѣ Апшики, а цитадель въ срединѣ города. “

Тройной плетень изъ терновника составляетъ ея ограду. Пелазги, блуждающіе подобно журавлямъ, коихъ имя они носятъ вмѣстѣ съ своимъ (*), предлагаютъ поспроить тутъ крѣпкую стѣну; и въ воздаяніе за сіе просятъ только дозволенія себѣ поселиться на горѣ Гиметшѣ.

Ихъ предложеніе примутъ; ибо цитадель между священными вещами, копорыя мнѣ показывали, заключаетъ еще публичное сокровище въ опдаленной части храма Минервы - Поліады, копорую называютъ *Оливодомушъ*. Кромѣ суммъ, опредѣленныхъ на ежедневныя нужды республики, тысяча паланшовъ положено въ запасъ, на случай издержекъ во время непріятельскаго нашествія.

Смертная казнь ожидаетъ правителя, копорой дерзнетъ вынудить опредѣленіе

(*) Также какъ и нынѣ, во Франціи называли *ластосками* монаховъ, копорые бродили по церквамъ просить милостыню. Не должно оставлять безъ вниманія сближеніе сихъ малозначущихъ обыкновеній.

въ разсужденіи прикосновенія къ сему послѣднему пособію Государства! Тутъ же написаны имена должниковъ республики.

Когда Аѳины были свободны, то ключи цитадели ввѣряемы были Припану, выбранному по жребію на одинъ только день и на одну ночь. Правитель, покрытый ржею лихвы, не могъ располагать для собственнѣйшей пользы общественнымъ сокровищемъ, которое съ другой стороны находилось подъ защитою шапуи Плупуса. Мнѣ всегда изображали сего бога слѣпымъ; здѣсь онъ смотритъ ясно. Подлѣ находится хранилище пятидесяти тысячъ копій и многихъ другихъ воинскихъ орудій.

Священнѣйшій изъ всѣхъ предметовъ, не исключая святыни Невинности и Дружества, есть жертвенникъ, которой не имѣетъ ни шапуи, ни даже имени; но несчастной безъ приспанища какъ скоро укроется тупъ, съ шой минулы дѣлается какъ бы усыновленнымъ чадомъ города Аѳинъ, не смотря на то, что чужеземецъ, лишь бы только не былъ очерненъ явными пороками или изобличенъ въ пресупленіи. Прекрасное учрежденіе! оно извиняетъ суевѣрной обычай не терпѣть въ цитадели ни кузнечиковъ, ни воровъ, ни

собакъ, ни козъ; коза не уважила бы Минервиной оливы.

Выходя изъ сего священнаго мѣста, я увидѣлъ молодую дѣвицу, которая съ пріятностію и скромностію входила туда посреди отца своего и матери, и несла на головѣ *Калабъ* (*). Я возвратился назадъ въ слѣдъ за сею занимательною группою. Они шли прямо къ жертвеннику Минервы. Молодая Аѳинянка сложила на ступеняхъ онаго свое полевое приношеніе. Спустя нѣсколько времени я услышалъ изъ устъ ея, столько свѣжихъ, какъ цвѣты и плоды ея корзинки, сію простую молитву:

„Божество, покровительствующее дѣвамъ! богиня спрогая для всѣхъ другихъ! проси, что я завтра перейду изъ храма твоего въ храмъ Юноны! Да не падетъ твое проклятіе на *Геркулесовъ узелъ* (**), которой я сдѣлаю! Родясь Аѳинскою гражданкою, я должна располагать собою по желанію моего опечества. Благоволи принявъ сіи начатки плодовъ съ поля опцовъ моихъ. Я не безъ сожалѣнія остав-

(*) Родъ красивой ивовой корзинки.

(**) Такъ называли Гименеевъ поясъ.

Ляю твое чистое богослуженіе. Пріими благодареніе за твои благодѣянія!“

Сей благочестивый обрядъ привелъ мнѣ на мысль допочтпмую и прогашельную простоту древнихъ нравовъ (1).

XXIII.

Законы Солоновы.

Для народа необходимы при главныя вещи: боги, оружіе и золото. Есть еще четвертая вещь, безъ которой еще труднѣе обойтись, и которая замѣнила бы все при, если бы лучше о семъ размышляли — законы. Церера или Триптолемъ, Драконъ и Солонъ дали ихъ Аѳинскимъ гражданамъ. Городъ сей помѣшилъ подлинники оныхъ между первѣйшими своими драгоценностями; они положены въ цитадель, не подалеку отъ каменныхъ столбовъ, хранящихъ пракшаты.

(1) Его означали подъ именемъ *проТелея*.
Meursius, gr. feria. V.

Титулъ Посвященнаго въ Оивахъ и допущеннаго къ шаинспвамъ Элевзинскимъ, доставилъ мнѣ привилегію смолръшь и изслѣдовать надосугъ сіи памяшники ума и мудросши нацїи, которая довольно уже прославилась и можешь прославишь-ся еще болѣе.

Законы Аѳинъ и всей Аппики написаны на большихъ деревянныхъ таблицахъ (1), пирамидальной и четвероугольной формы, вращающихся по произволенію на своихъ осяхъ (2). Начерпанная буквы представляють какъ бы нѣкоторыя борозды, подобныя плуговымъ, и идушь сперва отъ лѣвой къ правой, а потомъ отъ правой къ лѣвой споронѣ (3).

Напереди находилась каменная база, гдѣ Осмоветы (правители, коихъ должно сперечь и хранить сіи памяшники Полиники и Религи) произносятъ торжественную клятву въ томъ, что они никогда не допустятъ нарушить сей залогъ; и имъ очень не трудно исполнять сей обѣтъ. Никто не приходитъ возму-

(1) Meursii, *Themis Attica*.

(2) *Axones, cyrbes*.

(3) *Harpocraton, lexic. etymolog. magn.*

пить ихъ. Деспотъ обходится безъ законовъ, а народъ и не думаетъ возвать ихъ.

Сей священной списокъ начинается нѣкоторыми законами Триполемовыми, которые я читалъ уже на колоннахъ Элевзинскаго храма.

Таблицы, содержащія законы Драконовы, почти не прикосновенны, не столько по причинѣ ихъ древности, какъ по тому, что они оставлены въ забвеніи, дабы исключительно ввести въ употребленіе новые. Да и сїи послѣдніе въ большемъ числѣ скоро подвергнутся участи прочихъ. Я переписалъ самые важнѣйшіе и самые особенные.

Любезные мои ученики! по моему примѣру сдѣлайте также и вы свой выборъ, касательно всѣхъ сихъ законовъ; это необходимо.

„Смерть дѣтямъ, которые не радятъ о погребеніи своего отца.“

„Смерть дѣтямъ, которые въ опасности не защищаютъ жизнь своего отца.“

„Лишеніе наслѣдства и спыдъ сыну, которой ругается отцу своему.“

„У того, кто поднимаетъ руку на отца своего, да будетъ опсѣчена рука!“

Сїи четыре закона не приносятъ хвалы гражданскому образованію Аѳинъ; они предполагаютъ, что въ семь городовъ часто бывають пресупленія, неизвѣстныя варварскимъ народамъ. Горе націи, у которой законодатель принужденъ бываетъ входить въ подобныя подробности!

„Прелюбодѣя того, или другаго пола, убишь дозволяешся (1)!“

Законодателью можетъ быть должно бы было не распространять сїе наказаніе и на женщину прелюбодѣйствовавшую.

„Входъ въ храмы да будетъ запрещенъ прелюбодѣямъ!“

„Пусть одинъ только мужъ доноситъ на жену прелюбодѣйствовавшую, которая убила своего сообщника, ежели онъ тиранъ!“

„Мужъ можетъ продать невѣрную къ себѣ жену; ежели же никто не покупаетъ ее, то пусть держитъ ее въ числѣ своихъ невольницъ!“

(1) *Membra in membris ut tabula Solonis loquitur.*

Мы не беремся переводить этотъ расположительный текстъ.

„Спыдъ тому, кто женится на пре-любодѣйцѣ.“

„Гражданинъ, торгующій своимъ цѣломудрїемъ, да лишится всѣхъ правъ гражданства!“

Какіе нравы въ Аѳинахъ!

„Гражданка, одѣвающаяся слишкомъ пышно, да будетъ почитаема за публичную женщину!“

„Смерть честолюбцу, снискавшему любовь у народа!“

„Смерть Архонту, котораго замѣтятъ пьянымъ!“

„Спыдъ гражданину, которой ругаетъ правителя!“

„Изобрѣшатель новаго оружія, да будетъ вознагражденъ!“

„Спыдъ гражданину, продавшему свои оружія, и смерть, если онъ продасть ихъ непріятелю!“

„Смерть воину, оставившему свою шеренгу!“

„Перемѣщика позволяется убивать.“

Ежели народъ въ характерѣ законовъ своихъ описываетъ собственной характеръ, то что должно думать объ Аѳинянахъ? Въ Спартѣ не омѣлились бы предположить возможность подобныхъ пресупленій.

„Запрещается давать въ залогъ свое оружіе!“

„Объявленный безчестнымъ, да не носишь оружія!“

„Воину, при раза опличившемся, законъ даетъ все, что онъ почитаетъ за нужное претерпеть.“

Подобная щедрость не приличествуетъ, мнѣ кажется, закону.

„Отецъ воина, умершаго на сраженіи, будетъ имѣть право публично произнести похвальное слово своему сыну.“

„Законъ ввѣряетъ армію только такому полководцу, которой имѣетъ своихъ дѣшей.“

„Не бывъ воиномъ, не лзя быть полководцемъ.“

„Законъ останавливаетъ всякой доносъ на предводителя арміи.“

„Гражданинъ уединенный и не приспающий ни къ той, ни къ другой сторонѣ, во время междоусобныхъ раздоровъ, да будетъ объявленъ безчестнымъ!“

Это по видимому законъ обстоятельствъ и мѣста.

„Смертоубійцѣ законъ отказываетъ въ огнѣ и водѣ, въ правѣ гражданства.“

въ допущеніи къ богослуженію, въ спраннопримствѣ и Элевзинскихъ таинствахъ.“

„Невольному смертоубійцѣ временное изгнаніе!“

„Камень или попорѣ, которымъ убить человѣкъ, да представленъ будетъ въ судебное мѣсто!“

Безъ сомнѣнія во время отсутствія убійцы.

„Убившій развратшеля своей жены, сестры, или дочери, избавляется отъ ссылки.“

„Законъ объявляетъ врачей невинными въ смерти ихъ больныхъ.“

Не боялся ли Аѳины, чтобы не имѣть недостатка во врачахъ?

„Законъ объявляетъ честными и добрыми гражданами ихъ, которые убьютъ деспота, или сдѣлають противъ него заговоръ.“

„Тѣ, которымъ наскучила жизнь, да объявятъ о семъ правителю, и умрутъ. Законъ ихъ прѣщаетъ.“

„Святошалецъ да будетъ казненъ смертію.“

„Измѣнникъ да будетъ выгнанъ изъ отечества съ семействомъ своимъ, или да останется безъ погребенія!“

„Человѣкъ находящійся въ службѣ не можетъ получить общеспвенныхъ почестей, не отдавши прежде отчетъ въ своихъ поступкахъ.“

„Законъ запрещаетъ всякое злословіе на мертвыхъ; также всякую брань между гражданами въ храмахъ, въ судахъ, въ народномъ собраніи.“

„Супруги исполняютъ супружескую должность по крайней мѣрѣ при раза въ продолженіи луннаго оборота.“

Сей законъ приводитъ въ смѣхъ: Зо-роаспръ и Солонъ. иупъ попадають на одну мысль.

„Супруга будетъ служить вмѣсто вожакаго мужу своему, сдѣлавшемуся слѣпымъ.“

„Гражданинъ, которой возмущаетъ народъ, будетъ наказанъ смертію.“

Съ нѣкоторой спороны сей законъ не есть ли пустой? Какъ! смерть благородному гражданину, которой заставляеть припѣсенный народъ стыдиться своей подлости, что терпитъ припѣснителя... Солонъ, мнѣ кажется, прошиворѣчитъ.

„Воспитанница да не посягаетъ за своего опекуна, ни за сына его!“

„Опекунъ не можетъ жить подъ одною крышкою съ матерью своихъ воспитанницъ.“

„Ежели сынъ не вышедшій изъ - подъ власни родительской будетъ распочашъ опцовское имѣнїе, то да будетъ объявленъ безчестнымъ!“

„Гражданинъ, имѣющій дѣпей, не можетъ располагать своимъ имуществомъ.“

„Мущина или женщина, вступающіе въ прешій бракъ, да будутъ лишены чести!“

„Трупъ пирана да будетъ брошенъ!“
Я люблю сей законъ.

„Ежели супруга пиранна, освободивъ отъ него спрану свою, въ воздаянїе будетъ требовать пощады дѣпямъ его, то да будетъ ей въ семь отказано.“

„Законъ требуетъ, чтобы вмѣстѣ съ деспопомъ умерщвляемы были пяперо изъ ближайшихъ его родственниковъ!“

Справедливоспъ и челоуѣчество этого не терпятъ.

„Убийца пиранна да будетъ увѣнчанъ подобно побѣдителю Олимпійскихъ игръ!“

„Гражданинъ дурныхъ нравовъ, хулой отецъ, неблагодарный сынъ, распушной мужъ, не могутъ быть допущены къ правленію республикою.“

„Лѣнивый да будетъ лишенъ чести!“

„Гражданину, предложившему въ народномъ собраніи хорошей совѣтъ, да будетъ дано награжденіе!“

Я не люблю этого закона: онъ полагаетъ цѣну вещи неоцѣненной. Онъ превращаетъ добраго гражданина въ подлаго наемника. Сей законъ унижаетъ народъ, для котораго онъ сдѣланъ . . .

„Смерть шѣмъ, которые перенимаютъ чужеспранное ко вреду своего отечества!“

„Кто не возвращаетъ залогъ, тотъ безчестенъ!“

„Откупщикъ, продающій сѣмена свои внѣ Апписической области (*), да будетъ казненъ смертію!“

„Законъ запрещаетъ гражданину для собственнаго своего расхода покупать свыше пятидесяти мѣрб (**) хлѣба.“

„Выходцы, прѣзжающіе въ Аѣины поселиться со всемъ своимъ семействомъ для заведенія фабрики, могутъ немедленно быть возведены въ доспоинспво гражданина.“

(*) Солонъ не былъ изъ секты Экономистовъ.

(**) Кошницъ, корзинъ.

„Учители будутъ открывать свою школу послѣ восхожденія солнца, а закрывають при захожденіи.“

„Смерть всякому взрослому, копорой взойдетъ въ школу дѣшей!“

О Аѳины! вы споль же далеки отъ Спары, сколько далекъ былъ Солонъ отъ Дикурга.

„Однѣ шолько. Поэмы Гомеровы должны быть читаемы во всѣ плять лѣтъ на праздникъ великихъ Панаѳинеевъ!“

Внизу сего закона начальникъ республики, Иппархъ, сынъ Пизиспратовъ, гелѣлъ присоединить: „Граждане Аѳинъ и жители Аттики! я хочу, чпобы сіе доспоужительное опредѣленіе наблюдали вѣрно въ память величайшаго изъ Поэповъ.“

„Во время осады или взятія города да удерживаются умерщвляють жителей такого возраста, копорой не можетъ вредить!“

„Чужеземецъ, влѣзающій приступомъ на городскія стѣны, да будетъ казненъ смертію!“

„Судно со всѣмъ своимъ богатствомъ принадлежишь шѣмъ, копорые не оспаляли его во время бури.“

„Чужеземецъ да не присудствуетъ въ публичныхъ собраніяхъ.“

„Законъ пребуеть, чпобы ссылають надесять лѣтъ въ ссылку гражданина, слишкомъ любимаго народомъ.“

„Первыя изъ всѣхъ жертвъ должны быть приносимы землѣ, копорая питаеть людей. Она естъ первое ихъ божество.“

„Да будетъ объявленъ нечестивымъ убійца пого, кпо укрывается отъ напаси въ храмъ, хопя бы сей послѣдній былъ деспотъ!“

„Законъ запрещаетъ гражданину и чловѣку свободному заниматься дѣланіемъ и продажею духовъ.“

Законъ сей, мнѣ кажется, не полонъ. А поваръ, мясникъ, закалатель жертвъ и торгующій невольниками не ужели болѣе заслуживають право гражданства?

„Да будетъ оплученъ отъ священныхъ вещей и почитаемъ злочестивымъ шопъ, кпо опказывается вывеси на дорогу заблудившагося путешественника.“

„Законъ запрещаетъ обучать чужестранцевъ.“

„Топъ, кпо опкроетъ ученіе шинствъ, да будетъ казненъ смертію.“

„Никакой Аѳинянинъ не присудствуетъ въ народномъ собраніи, и не бываетъ онаго членомъ прежде тридцатаго года.“

„Шестъ тысячъ гражданъ, собранные на площади, достапочны будутъ для предспавленія всего Аѳинскаго и Аппическаго народа, и могутъ издавать и отмѣнять законы (1).“

Любезные ученики мои! будете ли вы согласны со мною? Я нахожу сіе законоположеніе неравнымъ, недостапочнымъ, доспойнымъ впрочемъ въпренаго народа, для котораго трудился Солонъ. Оно имѣетъ болѣе блеску, нежели прочности.

Въ Спартѣ законъ управляетъ людьми; въ Аѳинахъ народъ управляетъ закономъ.

XXIV.

Пифагоръ въ Арсопагѣ.

Ежели Аѳиняне не сдѣлались мудрѣйшимъ народомъ, то это не отъ достапочка законовъ и судовъ. У нихъ есть суды такъ называемые Парависпъ и Тригонъ

(1) Самуил. Пети, собраніе древнихъ законовъ.

для разбирательства дѣлъ маловажныхъ; у нихъ есть судъ Красной, судъ Зеленой, судъ Солнцевъ, Палладинъ и Делфійскій; послѣдніе при вѣдають смерпоубійцъ; самъ Тезей являлся въ оный. Въ Припанеѣ есть еще одинъ судъ, куда пребуемы бывають вещи неодушевленные, орудія убійства. Это выдумка закона для оправданія невольныхъ убійцъ (1). Судьи Припанея объявили невиновнымъ мечъ Камбиза, которой будучи имъ же извлеченъ изъ ноженъ, опмстилъ за Египетъ, и избавилъ свѣтъ, смертельно ранивши вѣнчанное чудовище въ бедро. Я забылъ еще судъ Колодезя на дорогѣ, ведущей къ Пирею, предъ которымъ Тевкръ оправдался въ смерти Аяксовой. Сіи храмы правосудія заняты шестью тысячами судей, которые всѣ получаютъ жалованье.

(1) Вотъ текстъ закона (переведеннаго на Латинской языкъ). Димосенъ намъ сохранилъ его въ рѣчи на Аристок.

„*Si lapis aut lignum, aut ferrum, aut tale quodpiam delapsum percusserit, atque aliquis, e quo id conjectum sit ignoret, ipsum vero norit, et habeat telum, quo caedes facta est, his rebus, in hoc loco iudicium dicitur.*

Кромѣ сихъ судовъ у Аѳинянъ есть еще судъ посредниковъ, шестидесятилѣтнихъ праводушныхъ правителей, которые могли бы замѣнить имъ всѣхъ прочихъ.

Судьи одного изъ сихъ судилищъ (*) достойны замѣчанія по своей присягѣ; они клянутся говорить по своей совѣсти, какъ скоро будетъ молчать законъ.

Судъ морской (**) держитъ свои засѣданія на морскомъ берегу.

Ареопагъ, куда я взошелъ выходя изъ цитадели, помрачаетъ ихъ всѣхъ; поелику онъ есть самой древнѣйшей изъ нихъ (1), то я не прощаю Дракону, что онъ не обратилъ на него своего вниманія. Ликургъ напрошивъ, которой болѣе зналъ свойство и нужды народа, многіе законы онаго присвоилъ себѣ (2).

Самая величайшая услуга, которую Солонъ оказалъ своему отечеству и всей Греціи, есть та, что онъ далъ новое бытіе Ареопагитамъ (3), симъ судьямъ

(*) *Ардеттосъ.*

(**) *Фреаттисъ.*

(1) См. *Парос. жроник.*

(2) *Исокр. Панафинъ.*

(3) *Исокр. Ареопаг.*

по превосходству, которые не столько занимаются пѣмъ, чтобы наказывать преступленіе, какъ пѣмъ, чтобы вдохнуть къ оному опроверженіе. Они поставляютъ свои обязанности въ исправленіи нравовъ (*), а попеченіе наказывать преступниковъ предоставляютъ врагамъ. Они - то успроили городъ и поля такъ, что никакой частной поступокъ не укрывается отъ ихъ прозорливости. Ареопагиты не гнушаются сами посѣщать національные лѣса и щипать оливы, роспуція около большихъ дорогъ (1). Они - то убѣждаютъ богатыхъ помогать бѣднымъ, и поправляютъ, сколько возможно, это неравенство щастія — источникъ можетъ быть всѣхъ общественныхъ золъ.

Нынѣшній Аѳинскій законодапель поручилъ имъ двѣ должности, требующія въ самомъ дѣлѣ совершеннаго благоразумія: общественное сокровище и народное богослуженіе. Солонъ можетъ быть лучше сдѣлалъ, что предоставилъ богамъ смотрѣть за нечесливыми! Сей Сенатъ сохраняетъ согласіе внутри и миръ извнѣ.

(*) *Гинекономы*, члены Ареопага, которымъ особенно поручено смотрѣніе за нравами.

(1) *Лизій въ рѣчи о священной оливѣ.*

Онъ - по производитъ по, что Аѳиняне вѣрны прочимъ Грекамъ, а Греки спрашны варварамъ.

Зданіе, гдѣ собирается Ареопагъ (1), не имѣетъ никакихъ украшеній. Аѳины день ото дня сшановятся красивѣе: а крышка, покрывающая сіе священное судилище все еще такая же, какая была за десять вѣковъ предъ симъ, — изъ соломы, обмазанной грязью (2). Ореспъ поставилъ путь два кубическихъ камня, оправленныхъ серебромъ, копорые и теперь еще тамъ находятся и изъ копорыхъ одинъ, по естѣ спулъ обвинителя, называется спуломъ Обиды, а другой, по естѣ спулъ обвиняемаго, спуломъ Невинности: драгоцѣнныя наименованія, копорыя, дѣлая нѣкоторымъ образомъ ненависнсю должность донощика, ободряютъ человека слабого и подають виновному надежду прощенія и пособіе къ раскаянію. Я видѣлъ жерпвенники, копорые Эпименидъ посвятилъ божествамъ строгимъ, дабы чрезъ сіе внушилъ страхъ клеветѣ,

(1) Изслѣдованія о Ареопагѣ, сочинен. Канія, Члена Акад. Надпис. и изящныхъ наукъ.

(2) Vitru. V. 1. *Archit. tectum e luto.*

вспомоществовать судьямъ и предохранить ихъ отъ самихъ себя. На врапахъ вырѣзана первая азбучная буква (1) въ означеніе превосходства Ареопагитовъ предъ прочими судьями. Суды сихъ послѣднихъ замѣчены послѣдующими азбучными буквами.

Предъ входомъ въ сіе судилище, внѣ ограды находится гробъ Эдипа; памятникъ наиспособнѣйшій напоминая каждому свои обязанности. Судьи исправляютъ свои должности только въ послѣдніе три дни каждаго мѣсяца: я видѣлъ, съ какимъ трудомъ сіи старцы, удрученные подъ бременемъ лѣтъ и опытности, взлѣзали на небольшой холмъ, на вершинѣ коего было ихъ засѣданіе. Ихъ окружаетъ многочисленная стража; около ее проводятъ проспниковою нитью большой кругъ, свяпо уважаемый толпою предстоящихъ. Я едва могъ различить черпы ихъ физіономіи; они закрываютъ себѣ голову, когда вслупають въ отправленіе спрашной своей должности. При наступленіи ночи (2) Герольдъ именемъ правосудія повелѣваетъ хранишь молчаніе; обвиняемые граждане

(1) Древнія Аѳины.

(2) Лукіан. разговор. Анахарс.

приближаются въ сопровожденіи своихъ защитниковъ. По спорону ихъ обвинители, положивъ руку на кровавую кожу принесенныхъ въ жертву животныхъ, призываютъ гнѣвъ Эменидъ на главу свою, естли они опсупили опъ испины въ своихъ объявленіяхъ. Обвиняемые сперва опвѣштвовали сами, а потомъ дали говорить избраннымъ ими Орапорамъ. Я слышалъ, что Герольдъ прерывалъ ихъ многословное краснорѣчіе, напоминая имъ о сущности дѣла.

Когда сдѣлано было достапочное объясненіе, то Герольдъ взялъ мѣдную урну, то есть урну Смерти, и подавалъ Ареопагитамъ одному за другимъ. У каждаго изъ нихъ въ рукѣ было по два камушка; тотъ, копорой подавалъ голосъ о смерти, бралъ одинъ изъ сихъ камушковъ большимъ, указательнымъ и среднимъ пальцами, и бросалъ его въ мѣдную урну. Урна Милосердія, сдѣланная изъ дерева, послѣдовала за первою. Роковой камень черенъ и просверленъ, дабы лучше можно было въ темнотѣ опличить его опъ другаго, копорый бѣлъ.

По совершеніи сей первой формы суда, урны высыпаны были въ одинъ мѣдной сосудъ. Принялись щипать камни, и спар-

шій изъ судей на дощечкѣ, напертой воскомъ, начерпилъ коропкую линію; это значить, что обвиняемый оправдывается.

Сіи важныя формы много пребуютъ времени; дѣло производится со всею медленностию думы, и число судей довольно велико. Когда люди соединяются произнеси приговоръ на жизнь или смерть себѣ подобныхъ, то никогда не могутъ быть слишкомъ осмоприпельны, сколь бы долгое время на сіе ни употребляли.

Одно изъ дѣлъ, представленныхъ на разсмотрѣніе Ареопага, касалось вмѣстѣ до благоденствія опечества и до благососпоянія семейства. Юной рапникъ, изъ одного Аппического мѣспечка, не соблюлъ воинской дисциплины, и опъ сего произошла потеря важнаго поста и смерть многихъ храбрыхъ воиновъ, попавшихъ въ руки непріятелю: доносъ былъ важной. Въ Спартѣ такое дѣло было бы судимо полководцемъ на самомъ полѣ. Изобличенный едва ли бы пережилъ нѣсколько часовъ послѣ своего пресупленія.

Опецъ молодого челоука перенесъ дѣло въ судъ Ареопагитовъ. Присудствіе сихъ судей въ такое смущеніе привело опца и сына, что они не могли найпи словъ къ собственному своему оправданію,

и никакой Орапоръ не расположился за нихъ вступиться. Бѣлизна моего плащя сдѣлала меня примѣшнымъ молодому человеку; онъ подшелъ ко мнѣ, и разсказалъ мнѣ подробности приключенія; узнавъ во мнѣ Посвященнаго въ таинства: сѣ обстоятельство ободрило его и удостоверило въ безопасности, въ случаѣ, если я подамъ ему свою помощь.

Судьи ожидали терпѣливо, и Герольдъ неоднократно принимался вызывать для защищенія обвиненнаго.

Я бросился къ стулу Невинности, на которой посадилъ отца съ сыномъ. Стоя между ими обѣими, я началъ слѣдующую рѣчь:

„Передъ всякимъ другимъ судилищемъ я сказалъ бы, что я посвященъ въ Оивахъ и допущенъ къ таинствамъ Элевзинскимъ, и слѣдовательно не способенъ принять на себя неправо дѣло; но передъ Ареопагомъ Посвященный есть ничто иное, какъ человекъ. — Юной рабникъ, защищаемый мною, находился при выборѣ, сомнительномъ можетъ быть и предъ очами старцевъ, — нашихъ слушателей. Ему надлежало вступить въ станъ, гдѣ онъ служилъ, и расставить караулы. Отецъ его, пораженный вне-

запною болѣзнію, упадаетъ къ ногамъ его, умирая. Они одни, отецъ его и онъ, составляютъ все семейство. Сынъ возвращаетъ жизнь виновнику своей, и летитъ къ своему месту; но приходитъ нѣсколькими минунами позже. Бдительный непряпель захватилъ мѣста, незанятые припинами, дабы съ этой стороны укрѣпить свой станъ. Вы знаете прочее. Апшика жалѣетъ о многихъ храбрыхъ защитникахъ, убитыхъ при нечаянномъ нападении, а въ эпосѣ — по и соспоитъ пресупленіе юнаго гражданина, защищаемого мною, что онъ не могъ умножить или раздѣлить себя между своимъ опечесствомъ и отцомъ. Подлѣ своего отца, находившагося въ опасности, онъ забылъ на минути о своемъ опечесствѣ; подлѣ опечесства, находящагося въ опасности, онъ забылъ бы равнымъ образомъ о своемъ отцѣ. Произнесите приговоръ!“

Вопъ опредѣленіе:

„Одинъ Богъ можетъ находиться въ одно время въ двухъ различныхъ мѣстахъ. Ареопагъ возвращаетъ сына отцу его.“

За нѣсколько мѣсяцовъ прежде симъ же самымъ судомъ приговоренъ былъ къ

смерти одинъ мальчикъ, обвиненный въ томъ, что выкололъ у пшички глаза (1).

Ареопагъ есть учрежденіе нѣмъ болѣе важное и нужное, что народъ, споль самовольный въ своихъ рѣшеніяхъ (2) соглашается предспавлять ихъ на разспомрѣніе сего суда. Нація, ищущая независимости, имѣетъ нужду въ сей уздѣ. Аѣины потеряютъ всю свою важность въ политическомъ равновѣсіи Греціи, какъ скоро выйдутъ изъ-подъ опеки Ареопагитовъ. Съ другой спороны Ареопагиты сами даютъ опчетъ въ своемъ служеніи Цензорамъ.

Я прибавляю, что изъ всѣхъ Аѣинскихъ судей они наилучшимъ образомъ исправляютъ свои должности, и весьма мало спуютъ государству.

Выходя изъ Ареопага, я просилъ спомспрѣшь Аѣинскаго завѣщанія, копорое тамъ положено: съ охраненіемъ сего свертка соединена судьба государства. Онъ для меня, Посвященнаго въ Оивахъ и допущеннаго къ Элевзинскимъ таинспвамъ,

(1) Монтескіе, *Духъ законовъ*.

(2) *Жизнь Соф. I. Филосп. Демосенъ о вѣнкѣ.*

былъ споль же неисповѣдимъ, какъ и для всякаго другаго. Я не могъ ни чего узнать о сей роковой книгѣ (1).

XXV.

Частныя нравы въ Аѣинахъ.

Я спѣшилъ окончить свои записки объ Аѣинахъ; извѣспныя предзнаменованія возвѣщали мнѣ приближеніе великихъ возмущеній къ сему городу. Я замѣпилъ съ перваго шага нѣкоторыя худыя признаки.

Нравы въ Аѣинахъ весьма далеки опъ того, чтобъ быть въ совершенномъ согласіи съ законами. Вліяніе климата пропивоборспвуетъ Генію Солона. Богослуженіе такъ же дѣлаетъ щещными многія намѣренія законодателя. И какія уложенія успоятъ пропиву Бахусовыхъ праздниковъ? Вообще народъ всегда кажется пьянымъ, какъ въ знаменательномъ, такъ и въ собспвенномъ смыслѣ. Дѣвицы Аѣин-

(1) Динархъ, *противъ Демосена.*

кія слишкомъ принужденны, женщины слишкомъ вольны. Спарта есть ничто иное, какъ мѣсто войны; Аѣины — публичной рынокъ, гдѣ больше для себя находятъ покою и пріятнѣе проводятъ дни (1). Лакедемонскому Арсеналу предпочитаютъ публичную площадь, усыпанную сѣспными припасами и поварами, копорые отъ дурной погоды укрыты проспниковыми кровлями. Мнѣ непріятно было встрѣчать тамъ нѣсколько корысплюбивыхъ *Тралезитовъ* (*); они будутъ водить по слѣдамъ своимъ нищихъ; Аѣины теперь не заражены еще сею позорною язвою; но воровъ тамъ уже много.

Другая Эпидемія, сполько же заразительная, начинаетъ разпространяться между гражданами. Аѣины скоро въ роскоши уподобятся Вавилону. Уже примѣтно отличное спараніе въ уборкѣ волосовъ. Мущины опращиваютъ у себя усы также, какъ и въ Спартѣ (2); но — чего не ви-

(1) *Atheniensium urbs aeterna*. Dicaearchus, *geogr.*

(*) Банкиры, откупщики, страпчіе, и проч.

(2) Фукидидъ. Аристофанъ. Свида. Теззесъ и ихъ толковники.

далъ я у Лакедемонцевъ — къ симъ усамъ привѣшивающіяся небольшіе золотые кузнечики. Они говорятъ въ оправданіе сего смѣшнаго убора, что онъ введенъ въ память Цекропа и Эрихеея, первыхъ ихъ царей и основателей, копорые, по словамъ ихъ, принадлежатъ къ древности споль опдаленной, что ихъ почитаютъ рожденными изъ земли на подобіе кузнечиковъ.

Греческія женщины всѣ вообще не въспрены и не разсѣянны. Въ Аѣинахъ опправляемъ былъ праздникъ Музъ; изъ всѣхъ мѣспъ Апшики народъ спекался въ столицу присудствовать на играхъ національныхъ. Я пошелъ туда и нашелъ себѣ мѣсто въ Амфитеатрѣ цирка подлѣ двухъ гражданокъ, коихъ скромной видъ поразилъ меня; онѣ были сеспры.

Священныя танцы представляли приключенія Кастора и Поллюкса, любовь одного изъ двухъ братьевъ къ прекрасной Телаирѣ и опчаяніе сей послѣдней при извѣспіи о смерти своего любезнаго. Я замѣпилъ, что каждое печальное шѣлодвиженіе Телаиры испорвало слезу, вырывало вздохъ у старшей изъ двухъ сестеръ. Чувствительная женщина! (сказалъ я ей откровенно) что съ тобою дѣлается? шихая слеза, скрыпной вздохъ,

кажется, предвѣщаютъ какое нибудь шайное нещастіе.

Она опвѣспововала мнѣ съ такою же довѣренностію: „Не смотря на сей вздохъ и эту слезу, я можеть быть самая щасливѣйшая изъ супруговъ; настоящее вознаграждаетъ меня за прошедшія удовольствія, и должно бы было привести ихъ у меня въ забвеніе. Но можно ли изгладить память первой спраспи?“ . . .

Пиоагоръ. Говори! излей въ мое сердце скорби свои.

Греганка. Я живу на горѣ Гиметтѣ. Будучи супругою одного Ареопагскаго Сенапора, копорой старѣе меня шесью пѣшилѣіями, я сосавляю единственнѣйшій предметъ его любви. Но не онъ первой пронулъ мое сердце. — Прежде его любилъ меня одинъ молодой жипель Апшики, и любимъ былъ взаимно мною. У моего опца былъ другъ, копорому онъ назначалъ меня. Мы перпѣли многія гоненія, многія нещастія, естли только могуть быть нещасливыми любящіяся сердца. Сафо не сполько была привержена къ Фаону; Парисъ не сполько любилъ Елену, и припомъ Парисъ и Сафо не были сполько благоразумны, какъ мы. Сказашъ ли тебѣ? И для чего же не такъ! ты по видимому уважаешъ невинность.

Другу, о копоромъ я говорю тебѣ, не шрудно бы было употребить во зло мои чувствованія къ нему. Онъ почиталъ меня. Добродѣпелной любовникъ много имѣетъ силы, но не менѣе того и отецъ. Я усшупила не угрозамъ, но спеческимъ слезамъ. Мой юной другъ не прежде осшавилъ Апшику, какъ уже когда удосшовѣрился въ моешъ пожертвованіи. Онъ отпавился въ армію, дабы болѣе не видать меня никогда. Прошло нѣсколько мѣсяцовъ, самыхъ горестныхъ въ моей жизни. Въ одинъ день мнѣ попадается сестра его, одѣтая въ шрауръ. Увы! ея брашъ нашелъ наконецъ смершь, сполько разъ имъ шщепно искомую. — Мой супругъ усугубилъ попеченія и ласки. Принимая мою руку онъ зналъ, что сердце мое принадлежитъ другому; и въ эпомъ-то сосшояла вина его. Онъ употреблялъ все свое спараніе, чшобы загладить оную; но худо успѣвалъ въ эпомъ до шой самой минушы, какъ я сдѣлалась матерлю. Двѣ дѣтей моихъ не заставили меня забыть друга, копораго я лишилась; но они сдѣлались единственными узами, привязывающими меня къ жизни. Чувствительной человекъ! посшопри на мое семейство, и берегись безнадежной любви; она дорого спобишь.

Глубокой вздохъ окончилъ сѣ повѣствованіе; я поставилъ себѣ обязанностію сказать старшей изъ двухъ сестеръ: „Женщина споль же почтенная, сколько плѣнительная, слушай! наши души не погибають вмѣстѣ съ плѣлами, но только измѣняются. Боги искушаютъ насъ проливными приключеніями. Они часто отдаляютъ отъ насъ наше счастье для того, дабы насъ сдѣлать болѣе достойными онаго. Въ награду за пожертвованіе, сдѣланное своему отцу, въ воздаяніе за вѣрность твою къ супругу — его, а не твоего выбора; такъ! нѣкогда душа твоя перейдетъ въ плѣло молодой дѣвицы горы Гимешша. Другъ, копорой заставляешь тебя вздыхать еще и нынѣ, родится также нѣкогда опять, дабы любить тебя безпрепятственно подъ видомъ молодаго пастуха той же горы. Наконецъ вы соединитесь.“

Молодая жена Ареопагита съ прелепомъ сказала мнѣ: „Правда ли это? . . .“

Я отвѣчалъ ей: „Берегись о семъ сумнѣваться! преселеніе душъ вѣрне Калхасовыхъ прорицаній.“

„Ахъ! это безъ сомнѣнія мечта, сказала мнѣ еще молодая женщина, пожимая у меня руку. Но какая нужда!

я обнимаю ее съ радостию . . . посмотри на моихъ дѣшей.“

Я шелъ не оспанавливаясь мимо одного жертвенника, недавно воздвигнутаго Любви. Молодая жрица *яроstonародной* Венеры, оспановивъ меня (1), указывая пальцомъ на дощечку, покрытую тарифомъ и повѣшенную при прагѣ сосѣдняго дома, сказала мнѣ слѣдующія слова: „Милой чужестранецъ! у тебя нѣтъ жертвы сему богу, владыкѣ всѣхъ прочихъ? Прочти по крайней мѣрѣ надпись; ты узнаешь изъ нее, что Хармъ былъ первой Аѳинянинъ, копорой посвятилъ жертвенникъ Любви.“

Пизагоръ. Въ какомъ же вѣкѣ онъ жилъ?

Публичная женщина. Въ нашемъ, въ царствованіе Пизистрата.

Пизагоръ. Я едва могу вѣрить, что такой городъ, какъ Аѳины, медлилъ споль долгое время воздать богослуженіе древнѣйшему изъ боговъ.

(1) Къ 600му году прежде Христіанской Эры должно отнести заведеніе публичныхъ женщинъ въ Аѳинахъ. *Письма Акифрон.* Том. I.

Публичная женщина. Здѣсь дѣло идетъ о жертвенникѣ; а служишь Любви можно и безъ него. Ты, по-видимому, слишкомъ любишь почтенную древность; ступай далѣе принеси жертву Прометею. Сей полубогъ превращаетъ стапуй въ челоуѣковъ; тебѣ можешъ бытъ нужнымъ его пламенникъ.

Я принялъ слово въ слово совѣтъ молодой жрицы, нѣсколько изумившейся моему хладнокровію, бросивъ пепрадрахму (*) на пьедесталъ Любви.

У жертвенника сына Япетова предназначали игры великихъ Панаѳинеевъ. Весь городъ занятъ былъ предуготовленіями къ сему блестящему празднеству, въ честь Минервы. Оба пола располагались къ бѣганью, къ пляскамъ, къ священному ходу. Народъ, а наипаче Аѳинской, любилъ праздники; онъ напередъ восхищается удовольствіемъ, которымъ долженъ упоеваться въ слѣдующіе дни. При всемъ томъ среди сей шумной радости, въ оной движущейся толпѣ людей жадныхъ къ разсѣянью, я замѣнилъ многихъ гражданъ, которые по видимому заняты были совѣмъ другимъ. Ихъ безпокойные взгля-

(*) Около трехъ франковъ.

ды, неравная поступь, притворныя тѣлодвиженія — все въ нихъ показывало какое-то великое намѣреніе.

Пойду, сказалъ я самому себѣ, въ чертоги Гиппарховы, сообщись мои замѣчанія поэту Анакреону! — Многочисленная стража охраняла онаго входы. Подъ однимъ мрачнымъ сводомъ при поворотѣ два молодые челоуѣка и женщина одинакихъ съ ними лѣтъ тайно разговаривали между собою съ величайшею искренностію. Лишь только увидѣли они меня издали, какъ потчасъ разошлись, сказавъ другъ другу: *до завтра!* Одинъ изъ нихъ вошелъ безпрепятственно во внутренность чертоговъ. Мнѣ сказали, что онъ называется Гармодіемъ. Я провелъ нѣсколько часовъ въ публичной Пизиспашовой библиотекѣ.

XXVI.

Анакреонъ и Пиегоръ при Дворѣ Гиппарха. Аѳинская революція. Гармодій и Аристогитонъ.

Наконецъ я увидѣлся съ пѣвцомъ Теосскимъ. Онъ не сочелъ бракомъ Ба-

хуса съ Нимфами. „Любезной Пивагоръ! сказалъ онъ обнимая меня; ты еще одинъ разъ возвращенъ мнѣ. Ты будешь присудствовывать на Панаѳинейхъ. Говорятъ, что нѣтъ ничего прекраснѣе сихъ праздниковъ. Мы объ этомъ разсмотримъ. Ты останешься здѣсь. Намъ разлучаться не должно. Здѣшній Дворъ гораздо привѣпливѣе Поликрата. Гиппархъ тебя приметъ хорошо, во первыхъ по своему личному достоинству, а во вторыхъ изъ уваженія ко мнѣ. Онъ меня очень любитъ, и я плачу ему взаимно. Онъ, по моимъ мыслямъ, нѣсколько сасполюбивъ, также какъ и я — впрочемъ не варваръ. Онъ покровительствуетъ всѣмъ наукамъ, и самъ въ нихъ не несвѣдуецъ. Онъ дѣлаетъ все возможное, дабы скорѣе привесити въ совершенство гражданское образованіе всего сего народа. На всѣхъ перекресткахъ, на всѣхъ дорогахъ Гермесы (1), поставленные порядкомъ, предсказываютъ для чте-

(1) Hipparchii Mercurii statuae extat sane istud in via stiiaca in quo dicit :

Proceptum Hipparchi est: *Ne fallas amicum.*
In dexirá, proceptum Hipparchi est:
Justitiam colito.

нїя прекраснѣйшїя правила нравственности.“

Пивагоръ. Лицемѣрство Двора.

Анакреонъ. Онъ любитъ особенно творенїя Гомера.

Пивагоръ. А для чего же онъ изгналъ стихотворца Ономакрипа (1)?

Анакреонъ. Мнѣ это неизвѣстно, а я знаю только, что Гиппархъ имѣетъ всѣ склонности Пизисрапа; онъ ежедневно прѣумножаетъ библіотеку, которую съ великими издержками собралъ отецъ его. Онъ принуждаетъ меня положить шуда вѣрной списокъ моихъ пѣсней. Я на это согласенъ. Но надобно обратиться съ мыслями; я пью одно вино, и мало имѣю памяти, когда подношу къ губамъ своимъ только воду изъ рѣки Забвенїя. Я потерялъ большую часть моихъ Одъ, и не имѣю времени положить ихъ на бумагу.

Пивагоръ. А давно ли ты столько занятъ?

Анакреонъ. Спать и пить, заводитъ новыя любовныя связи и воспѣваетъ

(1) Сочинитель Поэмы Аргонавтовъ.

ихъ на моей лютиѣ — не уже ли это ничпо? Дни слишкомъ коротки, а ночи не очень длинны.

Пифагоръ. Слышалъ ли ты о Гармодіѣ?

Анакреонъ. Молодомъ человѣкѣ здѣшняго города; у него русые волосы, уста столь же свѣжіе, какъ у Гебы; это Бахусъ при выходѣ изъ юношескаго возраста. Онъ принялъ при здѣшнемъ Дворѣ хорошо; и естли бы хотѣлъ, то могъ бы наилучшимъ образомъ проводить здѣсь время. Гиппархъ попадаетъ нѣсколько на пріятныя склонности Пизистратовы.

Пифагоръ. Которыя, по видимому, всегда свойственны и тебѣ.

Анакреонъ. Болѣе нежели когда нибудь, ежели я остаюсь въ Аппикѣ, гдѣ Природа, иногда своенравная, по видимому любитъ украшать мужчинъ предпочтительно женщинамъ. — Гармодій не знаетъ своихъ выгодъ: Государь предлагалъ уже ему мѣсто предводителя своей гвардіи; онъ всячески спарается приблизить его къ своей Особѣ. Неблагодарной плѣненъ однимъ Аѳиняниномъ одинакихъ съ нимъ лѣтъ, котораго зовутъ Аристогиномъ. Они всегда вмѣстѣ, и не ославляютъ ни на минуточку другъ друга: такой цѣсной дружбы не много видано! Въ

городѣ ихъ не называютъ иначе, какъ *Двумя Друзьями*, и они хранятъ чувствованіе сіе въ такомъ степени, что ты не можешь себѣ представить. Все у нихъ общее; все, даже и любовница. Одна и таже женщина служилъ каждому изъ нихъ поочередно. Леена, такъ называютъ ее, одобряетъ такое распоряженіе, и къ нимъ очень привязана. Ея паланты въ пѣніи и игрѣ на лирѣ (1) доставляютъ уже ей славу: у всѣхъ ихъ прехъ одна душа; и это-то очень не нравится Государю. Видя, что его милости не достигаютъ своей цѣли, онъ помышляетъ о средствахъ, въ которыхъ впрочемъ не лучше успѣетъ; я не скрывать это отъ него въ нынѣшнее утро, когда онъ ввѣрилъ мнѣ предначертаніе безчестія, которое хочешь нанести молодому Гармодію.

Пифагоръ. Расскажи мнѣ объ этомъ.

Анакреонъ. Сей послѣдній имѣетъ сестру стольже умную, сколько прекрас-

(*) *Scortum haec lyra, cantu familiare Harmodio & Aristogitoni.* Плин. *Ист. Натур.* XXXIV. 8.

ную; чтобы оскорбить брата, Гиппархъ хочешь завтра, во время празднества, оплечь у сей *Канефоры* право и честь носить священную корзину, обличивъ ее, что она лишилась своего дѣвства. — „Государь! сказалъ я Гиппарху, берегись нанести эту сугубую обиду брату и сестрѣ!“ Гиппархъ, оборотившись ко мнѣ спиною, отвѣчалъ мнѣ съ сердцемъ: „Анакреонъ! ты дѣлаешься спольже зловѣщимъ, какъ мои сновидѣнія (1). Въ сію ночь, присоединилъ онъ, мнѣ явилась Венера (2) и брызнула на чело мое нѣсколько капель крови изъ чаши, наполненной оною.“ — Гиппархъ отвратилъ меня навсегда, подавая ему добрые совѣты; если бы что и случилось, то къ нему болѣе относился бы будешь, нежели ко мнѣ.

Пиагоръ. Не всѣ предзнаменованія праздника равно благопріятны. Мнѣ попадались Физіономіи не соответствующія всеобщей веселости, копорую вдыхаетъ приближеніе Панаѳинцевъ. Въ Аѳинахъ есть еще нѣкоторыя старыя слѣды худыхъ впечатлѣній.

(1) Геродотъ.

(2) Плутархъ.

Анакреонъ. Ежели Аѳиняне недовольны, то чего же имъ надобно? Они никогда не были сполько щасливы и спокойны. Могутъ ли они сожалѣть о своихъ Архонтахъ? Чтoby было, если бы братъ Гиппарховъ захопѣлъ раздѣлить бразды правленія? Гиппійасъ, если бы хопя мало раздражалъ его, бываетъ самаго жестокаго нрава. Да предохранить ихъ небо, когда нибудь испыташь это! Къ щастію ихъ, онъ выше всего ставитъ жизнь для одного себя простымъ гражданиномъ въ нѣдрѣ сокровенныхъ наслажденій, довольствуясь тѣмъ сполько, что видишь блескъ своего брата изливающимся и на него. Но я съ побою забылъ, что я обѣщался быть при чтеніи нѣсколько Елегіическиххъ стиховъ, сочиненныхъ весьма молодымъ стихотворцемъ, копорой подаетъ о себѣ великую надежду; онъ къ намъ прибылъ изъ Цеоса, и называется Симонидомъ.

Пиагоръ. Я не могу согласиться на швое приглашеніе. Я слишкомъ занятъ сими знаками, предвѣщающими великія произшествія.

Анакреонъ. Ты мнѣ сообщилъ нѣсколько о своихъ безпокойствахъ. Не уже ли и въ Аѳинахъ возобновится поже, чего

мы были свидѣтелями въ Самосѣ? И такъ я хранимъ былъ для полипическихъ перевороповъ — я, которой почипалъ себя рожденнымъ для покоя и удовольствія.

Пиеагоръ. Да и для чего голубь опваживаешься лепашь на ряду съ смѣлымъ и могучимъ орломъ?

Анакреонъ. Инъ до завтра, полько ежели ты такъ хочешь.

Одинъ музыкальной стихопворецъ Гиппархова Двора шелъ мимо насъ. Анакреонъ оспановивъ его, сказалъ: Ласъ! на одну минушу. Мнѣ надобно ввести тебя въ схватку съ однимъ человѣкомъ, которой непременно сдѣлался бы осьмымъ Мудрецомъ Греціи, естли бы ты уже шаковымъ не былъ. Я васъ оспавляю вмѣспѣ не для того, чшобы играть въ кости.

Ласъ. Всегда съ колкоспю!

Анакреонъ. Я привожу на мысль твою склонносшь.

Пиеагоръ. Мнѣ говорили о глубокихъ швоихъ свѣденіяхъ въ музыкальномъ искусствѣ. Ты опличаешься, говоряшь, въ сей наукѣ, какъ теоретически, такъ и практически.

Ласъ. Я упражнялся много, и сдѣлалъ нѣсколько удачныхъ опыповъ; но не

всегда былъ подкрѣпляемъ. Естли я сдѣлалъ какую нибудь хорошую услугу, то это соспоишь въ томъ, чшо я сдѣлалъ Гиппарховъ Деоръ гнѣздомъ просвѣщенія. Подъ покровительствомъ сего Государя, любителя Музъ, я завелъ въ чертогахъ его ученыя Конференціи, касательно полипики, нравственности, спихопворства, а особенно музыки. Пиеагоръ прѣхалъ ксташи, чшобы заняшь одно праздное мѣсно; ибо я принудилъ Ономакрипа изгнашь.

Пиеагоръ. Изгнашь? . . .

Ласъ. Сей человѣкъ не безъ дарованій — захотѣлъ изъ себя предспавляшь *Хрисмолога* (*): онъ вздумалъ рыпья въ спарыхъ Музеевыхъ спихопвореніяхъ, для опысканія предсказаній, и не нашедъ ничего, украдкою помѣспилъ между ими свои пророческіе спихи, дабы прослышь вдохновеннымъ, другомъ боговъ. Онъ — по подъ именемъ мудраго Музея выдалъ въ свѣтъ прорицалище о попопленіи нѣкопорыхъ близкихъ въ Лемносу оспрововъ, дабы симъ успрашишь народъ, которой давно уже не очень покоенъ! Я увѣдомилъ

(*) Исполкователь Оракуловъ.

о семь Гиппарха ; и Государь , справедливо вспревоженный , потчасъ произнесъ приговоръ на изгнаніе Ономакрипа . Меня , можетъ быть , порицашь будущъ въ зависпи ; ибо Поэшь раздѣлялъ довѣренность Государя , а наипаче брата его Гиппіаса ; но *мнѣ мало до этого нужды* (*) .

П и о а г о р ъ . Поговоримъ о своихъ прекрасныхъ открытіяхъ .

Л а с ъ . Пойдемъ ко мнѣ .

Я ходилъ , и не по напрасну : дабы разчислишь съ точностію размѣры взаимныхъ поновъ и сыскашь различныя степени скорости или медленности въ сопрясеніи звучныхъ шѣлъ , Ласъ употребляетъ два сосуда одинаковой формы и равной величины , которые будучи ударяемы въ одно время , производятъ одинъ понь . Когда одинъ изъ сихъ сосудовъ будетъ оставленъ пустымъ , а другой наполненъ до половины водою , то отъ ударенія того и другаго выйдитъ понь октавы : а когда вшорой сосудъ наполненъ только до четвершой , а послѣ до третьей часпи , то удареніе обоихъ производитъ понь

(*) Обыкновенное выраженіе Ласа , сдѣланное Греческою пословицею .

кварты , а потомъ квинты ; отсюда выводятся размѣры сихъ трехъ поновъ , содержащихся въ числахъ 1 , 2 , 3 , 4 .

Ласъ сообщилъ мнѣ ; еще одинъ способъ , недавно имъ найденной . Во время разыгрыванія своихъ музыкальных стихотвореній , онъ даетъ игрокамъ тактъ для соблюденія каданса (1) .

Я возвратился очень довольнымъ , и замѣнилъ всѣ сии отккрытія .

Въ слѣдующій день праздникъ начался , прежде нежели еще я пришелъ во Дворецъ . Я находился отъ онаго въ нѣсколькихъ шагахъ , когда великой мятежь дошелъ до меня , ежеминутно прибавляясь . Гиппархъ произвелъ въ дѣйство то , о чемъ предувѣдомленъ былъ стихотворецъ Теосской . Сестра Гармодіева (2) , обиженная Государемъ , возбуждала различныя чувствованія : ужасъ , негодованіе , мщеніе . Мщеніе возблисташъ не умедлило ; изъ среды толпы , собранной въ Пник-

(1) Voy. Burette , notes sur Plutarque dialogue sur la musique . Mem. Acad. inscript. Tom. XXIII .

(2) Аристотел . Полит. V .

сѣ (1), слышанъ былъ крикъ: „Два друга пронзили кинжалами Государя среди священной Процессіи. Одинъ изъ убійцъ изрубленъ въ куски шѣлохранишелями, а другой находится во власти Гиппарха.“ Уже многіе граждане оставили свою шерстяную тунику, дабы надѣть броню, изтканную изъ льна. Уже народъ шелъ, попоря на перекресткахъ проклятіе шираннамъ: *да погибнетъ тотъ прежде оконанія дня, кто зашѣваетъ тестволюбивыя намѣренія!*

Тщешно хотѣли спарики упишить чернь, представляя ей священную оливу, кспорую праздникъ на сей день вложилъ въ ихъ руки; Панаѳиней съ другой спороны уполномочивали гражданъ въ продолженіи четырехъ лѣтъ (2) носить оружіе только въ одинъ эпоть день; и народъ, казалось, съ охотою пользовался сею опасною привилегією. Соумышленники, нося въ рукахъ тиранноубійственнѣйшій мечъ, украшенный мирпомъ, искали Государевой супруги, какъ будшобы для шого,

(1) Мѣсто для публичныхъ рѣчей. Роскоске *Voyages.*

(2) Caylus, *antiquit. gr.* tom. IV. Meursius.

дабы попребовать у нее отвѣта въ разсужденіи обиды, учиненной пропивъ Гармондѣевой сеспыры; но *Фіа* (1) умѣла укрыпья отъ общественнаго негодованія. Учаспъ сей женщины спранная; сперва она была въ Аѳинахъ цвѣпошницею; мужеспвенная красота ея понравилась преспарѣлому Пизиспрату; онъ привязалъ ее къ себѣ, и захопѣлъ, чшобы ее почитали за его Егерію, между шѣмъ какъ самъ не имѣлъ добродѣпелей Нумы. Давши ей нѣсколькo времени играпъ ролю Паллады, шираннѣ успупилъ ее въ супружеспво Гиппарху, сыну своему и преемнику.

Я не безъ труда пробрался во Дворецъ; ищу тамъ Анакреона: наконецъ нахожу его. „Проспи! сказалъ онъ мнѣ, проспише всѣ Дворы, всѣ Государи вселенныя. Мнѣ наскучили полипическіе переворопы; я возвращаюсь въ Теосъ съ шѣмъ, чшобы болѣе не оспавляпъ его. Мнѣ никогда не должно бы было изъ него выѣжжашъ!“

Анакреонѣ предложилъ мнѣ, ему сопутеспвовапъ. Я сказалъ ему, чшо намѣренъ продолжать свои пупешеспвія. Мы

(1) Athenée. XIII. *deipnos.*

скоро съ нимъ разстались. Онъ взялъ дорогу къ Фалерской пристани, не беспокоясь о томъ, чтобы дожидаться конца сей новой революціи. Кровь одного заспавила печь ручки оной. Аристогонъ вскорѣ принесенъ былъ въ жертву плѣни Гиппарховой; Леена также (1) со многими другими благородными соумышленниками и защипниками *Исономоніи* (*); но и друзья тиранна также пощажены не были.

XXVII.

Топографія Аѳинскихъ окрестностей.

Я вышелъ изъ Аѳинъ съ воображеніемъ, пораженнымъ сими прагическими произшествіями; блуждалъ многіе дни по окрестнымъ мѣстечкамъ, копорыя едва чувствовали попрясенія своей споллицы. Желая собраться съ духомъ, я ходилъ между утесовъ горы Пернеза, коея медвѣди и

вепри не споль жеспоки, какъ люди. Крѣпкіе и всегда зеленѣющіеся дубы, унылые кипарисы и рѣзцами Природы пирамидально обпесанныя ели, копорыя во множествѣ опѣняютъ вершину горы, совершенно соопвѣспововали положенію души моея.

Я пробѣжалъ по двухолмистой горѣ Гимешпу (1), всегда покрытой густою плучею пчель, привлекаемыхъ шуда благовоиетемъ цвѣшовъ и множествомъ бальзамическихъ распѣній. Въ весьма близкомъ распоянтіи отсюда находилъся гора Пенталикъ. Я ходилъ на нее посмопрѣшь свѣжихъ каскадовъ, напоющихъ изобильный оливами Цефизъ и каменоломней того прекраснаго мрамора, копорой начинаютъ уже употреблять для службы богамъ. Камни уже опрышны, и ожидаютъ только Генія ваяшелей. Найдутся шакіе, копорыя ревнуя Промешею, дадутъ огонь жизни и движеніе вещеспву самому хладному и бездѣйствениому.

Юпитеръ еспь божество, покровишельспвующее симъ высокимъ мѣспамъ. Здѣсь спольже много его жершвенниковъ, какъ и

(1) Плин. *Ист. Нат.* VII. 23.

(*) Равное раздѣленіе правъ.

(1) Нынѣ монастырь Св. Іоанна. *Saulus.*

променованій. Его призываютъ по подѣ
именемъ Юпитера *дождливаго*, по подѣ
именемъ Юпитера *провидящаго*. Любопыш-
но бы было знать происхожденіе всѣхъ
сихъ богослуженій; но участь смертнаго
есль, имѣнь болѣе недостатка въ позна-
ніяхъ вещей, нежели во времени, нужномъ
для пріобрѣтенія познаній. Но для чего
онъ силился осквернить память свою по-
вѣствованіемъ полипическихъ перевороповъ?
Человѣкъ былъ гораздо бы благоразумнѣе
и щасливѣе, есль бы поселившись на
горѣ Гиметпѣ, внималъ только жужжа-
нію пчель! Ежели бы Эгикоръ (*) зналъ
лучше свое щастіе, то не спалъ бы зави-
довать Архонпамъ.

Во время пребыванія моего на сей воз-
вышенности, сдѣлалась засуха, продолжав-
шаяся многія недѣли. Я видѣлъ, какъ
изъ всѣхъ частей Ашпики сбѣгались сюда
толпы поселянъ, смѣшавшихся со многими
Аѣинскими гражданами. Будучи предше-
ствуемы первосвященниками, всѣ они огла-
шали воздухъ симъ призываніемъ (1):
*Благій Звездъ! даруй намъ дождь; низле-
сли росу твою на поля наши!*

(*) Эгикоръ, пастухъ дикихъ козъ.

(1) Мысли Марка Аврелія. Кн. V.

Послѣ многихъ очищеній они прине-
сли великую жертву во храмъ Юпитера
(1). Я воспользовался симъ случаемъ,
войти туда. Въ немъ нѣтъ ничего до-
стойнаго примѣчанія, кромѣ одной доволь-
но спарой статуи сего бога и семи Гадъ
(*), написанныхъ на сводѣ (2) надъ его
головою. На другой день послѣ сего благо-
честиваго обряда пошелъ дождь. Жрецы
благоуспѣшны.

Я ходилъ въ мѣспечко Лимну прочи-
тать въ Бахусовомъ храмѣ одинъ древній
законъ, копорой сохраняють еще и нынѣ.

„Народъ Аѣинскій возлагаемъ на Ца-
рей своихъ обязанность брать за себя въ
„замужество дѣвицу изъ сей страны.“

Въ сходствѣнности другаго закона,
окрестности Аѣинскія усѣяны надгробны-
ми колоннами, изъ коихъ самыя высочай-
шіе не болѣе прехъ локпей. Подобной
законъ въ Египтѣ сберегъ бы множество
безполезныхъ шрудовъ.

(1) Павзан. *путешест. по Греціи*. Кн. I.

(*) Дождливыя созвѣздія.

(2) Съ симъ изображеніемъ есть одна Ти-
пова медаль. *Voy. hist. des Emp. par. Tris-
tan*. Том. II.

Я провелъ нѣсколько дней въ мѣстечкѣ *Ахарнѣ* (*), лежащемъ на Южной покашосипи горы Парнеза. Одни изъ Аѳинскихъ (1) воротъ носятъ имя сего селенія. — Тутъ сельская промышленность имѣетъ гораздо болѣе успѣха, нежели политическая экономія въ Аѳинахъ, не смотря на великой умъ Солона и непорочность Ареопага. Виноградники и сады приносятъ обильной плодъ на кремнистой почвѣ, которую рука трудолюбиваго человека умѣла покрыть черноземомъ, весьма глубоко выкапываемомъ. Характеръ Ахарнанцевъ грубѣе шерсти ихъ стадъ, изъ которой дѣлается пряжа, по крайней мѣрѣ столь же тонкая, какъ Аркадская.

Я пошелъ опять на гору Гиметтъ. Съ ея двухолмистой вершины видна самая прелестнѣйшая часть Греціи, также и острова. Темпейская долина не имѣетъ такого плѣнительнаго мѣстоположенія, такого чистаго воздуха. Я прогуливался по лугамъ, усыпаннымъ фіалками, и по рошицамъ, усаженнымъ *дафнитами* (**). Вся сія страна усѣяна маленькими дере-

(*) Нынѣ *Кассія*.

(1) *Athènes anc. et moderne*.

(**) Лавро - розы.

вушками, которыя по три или четыре (1) вдругъ собираются подъ надзоромъ своихъ *Димарховъ* (*), отправляя сельскіе праздники и полевые игры, на которыхъ вино только, но кровь не пьютъ никогда.

Я подошелъ къ козламъ двухъ Поэповъ, естли только я могу дать это священное имя двумъ человекамъ, которые обмазавъ себѣ лице дрожжами и болтая нѣсколько забавныхъ стиховъ съ наглостію и шутствомъ, разглаживаютъ морщины на самомъ угрюмомъ челѣ, разгоняютъ самыя мрачныя печали. Сіи двѣ особы имѣютъ довольно воображенія. Они изъ самой Аппики, уроженцы Икаріи, деревушки Эгеидскаго племени; имена ихъ Долонъ и Сусаріонъ. Я уже говорилъ вамъ о семъ послѣднемъ; согласившись между собою, что должно имъ говорить, они берутъ смѣшную сторону всѣхъ предметовъ, ими пракшующихъ. По времени они могутъ съ успѣхомъ нанести войну пороку, подавая поводъ смѣяться на щепъ его. Но великія преступленія останутся безъ

(1) *Трикомы, тетракомы*. Voy. Pollux & Raw.

(*) Погодные сельскіе правители.

наказанія; прошиву ихъ пошребна Геркулесова дубина, или по крайней мѣрѣ строгая муза Тесписова.

Одинъ весьма молодой еще Орапоръ споялъ подлѣ меня на сихъ играхъ, дабы научиться искусству возбуждать спрасни; послѣ я узналъ, что онъ скоро опличился въ Афинахъ. Его имя Мнисифиль, а отечество его Фреаръ въ Леонтидскомъ племени.

Мнѣ показалось, что народъ великое находилъ удовольствіе въ этой колкой и забавной критикѣ; и уже онъ, сказали мнѣ, два раза избавлялъ сихъ двухъ Поэтовъ отъ выговора вспревоженныхъ правителей (1).

Съ высоты, занимаемой мною, я усмотрѣлъ мысь Суніумъ и всю Южную и приморскую часть Греціи. „Не простирай

(1) Афиняне давали Комическимъ Поэтамъ волю критиковать всѣхъ, не щадя даже и правительства; и полагаютъ, что по причинѣ вольности, съ каковою они злословили всю землю, дано имъ похвальное наименованіе *сохранителей городовъ*, σωτήρων τῶν πόλεων.

Bayle. *Républ. des lettres.*

твуда шаговъ своихъ, сказалъ мнѣ одинъ мирный житель Гимешта, ежели ты въ путешествіяхъ своихъ ищешь только пріятныхъ впечатлѣній. Эта страна есть самая богатѣйшая изъ всей Аппики; она изобильна серебряными рудами, открытыми уже въ царствованіе Эрихтонія (1); тебѣ наскучитъ видѣть тысячи невольниковъ, купленныхъ въ Азіи, окованными во внутренности земли и прудящимися при помномъ свѣтѣ нѣсколькихъ лампадъ, для горсти лютыхъ и безчеловѣчныхъ господъ. Благодѣтельный Юпиперъ, безъ сомнѣнія, накажетъ нѣкогда сихъ властелиновъ, распочипельныхъ на поповыя капли, проливаемые имъ подобными, и скупыхъ на ласковыя поступки. Ихъ плѣнники, справедливо возставши прошивъ ихъ, могутъ въ одну минуту отмстить за спрданія, которыя они терпятъ многія сполѣтія (*). Да и руды сіи весьма худо обдѣлываются: можно бы оныя переплавлять съ великими выгодами. Сколько мы блаженны на своихъ горахъ, что вмѣсто золота и серебра у насъ есть чаберъ

(1) Плин. *Ист. Нат.* VII. 56.

(*) Что и случилось за сто лѣтъ прежде обыкновенной Эры.

и фѣалка для нашихъ пчелъ, и нѣсколько небольшихъ лѣсовъ для поспроенія нашихъ хижинъ!“

На одномъ деревянномъ Гермесѣ, поставленномъ среди перекрестковъ сихъ Апшическихъ лѣсовъ, я читалъ слѣдующее проклятіе:

„Да будемъ преданъ адскимъ богамъ, пошлѣ, кто опречаешия заблудившагося путешественника выведи на дорогу!“

Я разсмащивалъ съ великимъ тщаніемъ вещество и работу спроеній, въ которыхъ я жилъ на показоси Гимешта. Дома въ семь мѣстѣ всѣ изъ дерева, и построены такъ, что весьма легко отдѣляя оныхъ части одну отъ другой, переносятъ на другое мѣсто и спавишь тамъ, гдѣ угодно. Еслили хотя мало предусмотрѣно будетъ непріятельское нашествіе, то все селеніе можетъ скрыться въ четверть супокъ, не оставивъ послѣ себя ни малѣйшаго слѣда. Только таковыя спроенія приличны были человѣку бродящему по землѣ и подверженному многимъ перемѣнамъ. При видѣ сихъ покойныхъ и подвижныхъ зданій, города показались мнѣ безпокойными и нездоровыми постройками. Аѣиняне, живя весьма близко, не спрояшия столь хорошо, какъ жили сосѣднихъ мѣстѣ.

Я нашелъ весьма мудрою предосторожность, сдѣлавшуюся спрогимъ закономъ, копорой по всему пространству Апшики принуждаетъ владѣльцовъ означать на столбѣ, поставленномъ при входѣ въ ихъ вошину, условія, копорыми они обязаны, и въ исполненіи коихъ служатъ залогомъ ихъ имущество.

Съ горы Гимешта (*) видѣ глиняныхъ крышекъ и неправильности Аѣинскихъ улицъ не даетъ высокой идеи о семь столько славномъ городѣ. Гнусныя пустыри напоминаютъ мспительную пираннію Пизистратову, копорой велѣлъ сломать зданія почти всѣхъ добрыхъ гражданъ, приверженныхъ къ законамъ Солоновымъ. Широкіе листья *гинаровъ* нѣсколько закрываютъ сію унылую нагшу.

Другое замѣчаніе мнѣ доставило болѣе удовольствія. Въ продолженіе моего пребыванія въ Аѣинскихъ окрестностяхъ, мнѣ

(*) Пизагоръ, стоя на горѣ Гимештѣ, весьма хорошо могъ разглядѣть всѣ сіи мѣлкія подробности; ибо, по сказанію Павзанія, съ мыса Суніума Грекъ различалъ даже перья шлема и острее у копья Минервиной статуи въ Аѣинской дипадеи.

не попадался ни одинъ нищій, безчестящій
сбласпъ (1).

Я сдѣлалъ при семъ открытіе друга-
го рода. Мнѣ показали одно изъ шѣхъ
Пелазгскихъ жилищъ, которыя существо-
вали еще прежде заведенія Инаховой и
Цекроповой колоніи; снѣжны онаго соспо-
ятъ изъ дикихъ камней, укладенныхъ съ
пакимъ искусствомъ и прочностью, что
могутъ еще многіе вѣки презирать косу
времени (2). Большая часть памятни-
ковъ, послѣ ихъ воздвигнушихъ, упадутъ
прежде ихъ. Сіи грубыя жилища по край-
ней мѣрѣ служили убѣжищемъ невинно-
сти и щастію. Тогда не знали о Пизи-
спратѣ. Справедливо также, что въ эти
времена народовъ не было; повсюду встрѣ-
чали людей.

Я нашелъ въ семъ мѣстѣ одного Аеи-
нянина, которому отъ правителей препо-
ручено собрать Аппическія древности.
Сочиненіе сіе будетъ состоять изъ десяти

(1) Примѣсанія de Madame Dacier на
XVII. книгу *Одиссеи*.

(2) Фурмонъ во время путешествія своего
во Востоку видѣлъ остатки оныхъ. *Hist.*
And. inscript. p. 17. tom. XX.

книгъ, и въ угодность имъ наименовано
будетъ: *Автохтоны* (туземцы). Онъ
читалъ мнѣ нѣкоторыя онаго сверп-
ки (1).

Мнѣ попался пастухъ, ласкающій но-
ворожденного младенца, котораго онъ несъ
завернувши въ полу своего плаща. „Не-
винное пвореніе! говорилъ онъ ему весьма
громкимъ голосомъ; за нѣкоторую непра-
вильность въ образованіи шѣла семейство
твое отпринуло тебя изъ нѣдръ своихъ:
хорошо жь! я хочу быть шебѣ вмѣсто
отца. Ты мнѣ вознаградишь неплодіе моей
жены.“

Я подошелъ ближе къ сему человѣку.
Онъ сказалъ мнѣ: „Сей новорожденный,
подкинутый въ сосѣдней рошѣ, погибъ
бы отъ голода, или былъ бы пожранъ
какимъ нибудь плошояднымъ живопнымъ.
Онъ будетъ одолженъ мнѣ жизнию.“

Я удалился, сожалѣя о сиранности
и жестокости нѣкоторыхъ обычаевъ, даже
и у самыхъ образованныхъ націй.

Оспавляя Аппику, я сдѣлалъ послѣд-
нее замѣчаніе: до сихъ поръ жители сей
части Гредти сохранили охоту украшать

(1) Діонис. Галикарн. *Истор. Рим.* I. Евсев.
Хрон.

поля свои, предпочтительно всему; города служатъ имъ только почками соединенія для практованія объ общихъ дѣлахъ. Въ самыхъ Аѳинахъ непримѣнно еще отличныхъ стараній о покойной жизни, каковую находятъ въ сельскихъ домахъ. Исключая публичныя зданія въ сей столицѣ, прочее все показалось мнѣ оставленнымъ въ небреженіи: земледѣліе беретъ еще верхъ надъ роскошью.

Здѣсь чрезвычайные охотники до винныхъ ягодъ (1). Вывозъ ихъ изъ Аппики запрещенъ. Онъ не такъ скороспѣлы, какъ въ Лаконіи. — Сія охота къ одинаковому плоду есть, можетъ быть, единственная почка сближенія Аѳинъ и Спарты. Сіи два славные города гораздо отдаленнѣе другъ отъ друга характеромъ жителей, нежели числомъ стадій: тысяча сто сорокъ стадій заключаютъ все ихъ разстояние (2), которое здоровой путешествен-

(1) Французской Комментаторъ на Греческія письма Филострата.

(2) Плин. VII. 20 Тысяча сто одиннадцать стадій Натуральнаго Историка, составляли одинъ градусъ, или шестидесятъ одинъ Геометрической шагъ.

Фреретъ.

никъ можетъ перейти менѣе нежели въ двое суюкѣ. Аѳины болѣе сближаются съ Олимпіей, хотя отдалены отъ нее тысячу четьрьмя стами осмидесятью пятью стадіями. Еще пятнадцать, и вышла бы мѣра разстоянія Геліополя отъ моря (1).

Въ округѣ Аѳинскомъ, также какъ и на островѣ Самосѣ, семнадцать часпей шѣни соотвѣтствуютъ двадцати одной части гномона (2). Самой должайшей въ году день состоитъ изъ четьрнадцати часовъ.

Что касается до нравовъ, то вопрь краткое ихъ начертаніе: Аѳиняне приняли буквально учрежденіе Тезеево (3) о почитаніи Венеры всенародной. Прелестницы безпрестанно размножаются и имѣютъ свой храмъ. Подлѣ Минервиной совы (*), я увидѣлъ Мендесова козла (**).

Жители Аппики, занимающіеся земледѣліемъ, суть нѣкопорымъ образомъ невольники; по крайней мѣрѣ они носятъ

(1) Геліополь въ Египтѣ. Геродотъ.

(2) Плин. Истор. Нат. VI. 54.

(3) Павзан. Путеш. по Греціи.

(*) Гербъ Аѳинскаго города.

(**) Въ Египтѣ.

такое платье — грубую шкандь, которая недоспаетъ до колѣна, обширную баранью кожей вмѣстѣ съ шерстью. Ихъ не допустили бы во внушенность Аѳинъ въ эпомъ презрѣнномъ уборѣ; а между шѣмъ сей городъ сущесвуеетъ только ими.

Въ окрестныхъ селеніяхъ примѣшенъ еще духъ Тезевъ; они не преспаютъ бытъ чрезвычайно приверженными къ своей столицѣ. Сіе доброе единство представляютъ ихъ монеты, на которыхъ изображены двѣ совы (1), соединенныя вмѣстѣ подъ одну голову и составляющія одну птицу.

XXVIII.

Путешествіе въ Беотію. Эивы.

Я пришелъ въ Беотію (*) спрану плодосную и сполько пріятную, что е

(1) *Этрурскія и Греческія древности*, соч. Данкарвила. Том. V. Такимъ образомъ Нѣмецкая Имперія вмѣсто Герба имѣетъ двойнаго Орла.

(*) Нынѣ *Струмилла*.

называютъ *островомъ благополучныхъ*; первое ея имя было Аонія. Переправившись черезъ Азопъ, я всупилъ въ Семиврашныя Эивы. Одни изъ воротъ — первыя называются вратами *Вышняго*, по причинѣ Юпитерова храма. Третьи посвящены Венерѣ; я взшелъ въ ворота, называемыя *Онкинскими*, лежащія къ деревнѣ *Онкису*, гдѣ я видѣлъ спашую и жерпвенникъ, воздвигнутый Кадмомъ Минервѣ, которую Финикіане называютъ *Онка*.

Аполлонъ почтенъ въ Эивахъ кедровою спашуюю и жерпвенникомъ, при которомъ служилъ юноша, выбранный изъ городскихъ дѣтей и одаренный прекраснымъ видомъ. Обыкновеніе требуетъ, чтобы онъ, еспли доспашоченъ, въ знакъ признапельности за сей выборъ, посвятилъ божеству спреножникъ. Онъ пишупуеетъ *лавроносцемъ*. Геркулесъ въ молодыхъ лѣтахъ самъ спправлялъ сію должность. Эивяне поклоняются еще другому изваянію Аполлона, представляющему сего бога съ сѣдѣющими волосами, не для того ли, дабы дать знать путешеспвенникамъ, что пѣническое вдохновеніе бываетъ во всякомъ возрастѣ.

Мнѣ показали жилище Амфипрѣоново, спспроенное двумя славными архисекпо-

рами, Трофоніемъ и Агамедомъ, и также комнаты прекрасной Алкмены, которыхъ мужъ ея безъ сомнѣнія не украшалъ бы съ великимъ тщаніемъ, если бы могъ предвидѣть, что онъ трудится для соперника сполько сильнаго.

Тутъ хранился ея перстень, у котораго чистый камень, служившій ей вмѣсто печати, представляетъ восхожденіе солнца, или Феба всходящаго въ свою колесницу. Работа хотя спара, но изрядная.

Въ то же самое время я видѣлъ золотую чашу, имѣющую видъ гондолы, объ одной весьма коротенькой ножкѣ: это былъ кубокъ (1) подаренъ былъ Юпитеромъ Царидѣ, какъ бы въ залогъ удовлетворенной и признательной своей любви.

Мнѣ показали еще камень *добраго совета*: это ничто иное, какъ кремень, которымъ Минерва ударила Геркулеса, дабы удержатъ его отъ одного убійства. Я люблю вспрѣчатъ достоуважительныя слѣды нравственности древнихъ. Геркулесъ имѣетъ также храмъ свой въ Фивахъ подъ названіемъ *Яблогнаго бога*; въроянно,

для напомниманія Гесперидскихъ яблокъ. На жертвенникѣ я видѣлъ его *Дедала*, — такъ Беопійцы называютъ деревянные статуи, безъ сомнѣнія для того, дабы сдѣлать честь художнику, изобрѣвшему оныя. Я нашелъ трупъ одного молодого ваятеля, по имени Пифодора (1), которой разсуждалъ о его искусствѣ. Онъ показался мнѣ съ дарованіями.

На поржищѣ мнѣ позволили войти въ брачную комнату Гармоніи, жены Кадмовой, и еще, гдѣ честолюбивая Семела сожжена была перунами Юпитера.

Подлѣ этого храма Щасія, сказали мнѣ, вопъ мѣсто, гдѣ прорицатель Тирезій принималъ пророческія вдохновенія. Ты по видимому удивляешься...

Пифагоръ. Сближенію сихъ двухъ предметовъ. Вообще, щасіе и гадали никогда не живутъ вмѣстѣ.

Одна группа трехъ фигуръ, мнѣ показалось, что представляетъ *Грацій*. „Нѣтъ, отвѣчалъ мнѣ водившій меня Мисагогъ; это три Венеры: небесная, или Уранія; *простонародная*, или земная (2),

(1) Плин. *Ист. Нат.* XXXVI. 5.

(2) *Vulgivaga*.

и предохранительная (1), которая предо-
сперегаеиъ мудраго оиъ пропивуполож-
ныхъ крайноспей двухъ первыхъ.“

Сія Теогонія гораздо лучше поученій,
преподаваемыхъ въ ближнемъ храмѣ, въ
копоромъ отправляются Корибанскія
таинства. Я имѣлъ швердосиъ присуд-
спвоваиъ на оныхъ до самаго конца. Ис-
стинный духъ сего древняго учрежденія
совсѣмъ пошерянъ въ Оивахъ.

Внизу ципадели, построеной Кад-
момъ (*), я осматривалъ руды красной
мѣди, открытая симъ чужестраннымъ
героемъ Греціи. Городъ построенъ Огиге-
сомъ, за пяинадцатиъ вѣковъ прежде Рима.
Но жипели болѣе хваляиъся тѣмъ, что
въ ихъ спѣнахъ родился Геркулесъ.

Гробница Амфїонова есиъ ничпо иное,
какъ небольшой бугоръ земли; почпеніе
ему воздаваемое, преимущественнѣе долго-
вѣчнаго мрамора. Всякой годъ, когда солн-
це находииъся въ знакѣ Тельца, жипели
Тиеореи (2) приходииъ сюда и берутъ
сѣ благоговѣнїемъ нѣсколько земли, по-

(1) *Apostrophia.*

(*) Широта Оивъ, 38 град. 22 мин.

(2) Павзан. *Беот.* IX. 16.

крывающей прахъ Оивскаго основателя, и
разсѣваиъ ее по своимъ полямъ. Драго-
цѣнное воспоминаніе попеченій, копорыя
онъ прилагалъ къ земледѣлю! Миспагогъ
мой хопѣлъ - было на это разказаиъ мнѣ
одно древнее Теогоническое преданіе; но я
велѣлъ ему замолчаиъ, не желая о семъ
знаиъ болѣе и обременяиъ свою памяиъ
пустыми и бесполезными разказами.

Нѣсколько каменевъ лежатъ разбро-
санными вокругъ; они изъ числа шѣхъ,
копорые привлекалъ Амфїонъ своею спрой-
ною игрою для построенія городскихъ
спѣнъ: памяиники первобытныхъ лѣпо-
писей сихъ народовъ, копорые образова-
лись посредствомъ земледѣлія подчинен-
наго посполаннымъ шрудамъ! Беопїицы
имѣиътъ прямое чувспвованіе, копорое не
оспаваляетъ ихъ, даже и въ дѣлѣ вѣрнъ.
Въ Лебадіи, одномъ ихъ городѣ, они первые
успавили богослуженіе Юпишеру - Царю,
дабы изѣяиъ себя отъ почитанія царемъ
человѣка.

Я былъ при жертвоприношеніи, от-
правляемомъ на гробницѣ Эдиповыхъ сы-
новей. Весь народъ, исключая меня, весь-
ма ясно видѣлъ, какъ пламя и дымъ раз-
дѣлялись на двое. Сіе чудо, возобновляю-
щееся каждой годъ, напоминаетъ непри-

миримую вражду двухъ братьевъ — Энеока и Полиника.

Городъ Фивы долженъ быть непроходимъ во время бурей, или когда паютъ снѣга. Въ окрестностяхъ родится сочная рѣпа. — Осень уже началась давно, и мнѣ обѣщали при наступленіи зимы зрѣлице занимательнаго праздника, копорой Фивяне называютъ *Афродизіемъ*. Я рѣшился остановить свое путешествіе, дабы присутствовать на ономъ. Начала сего празднества не запомнилъ никто. Въ Фивахъ правили погодные. Облеченные въ сіе достоинство въ послѣдній день своей должности подвергаются изслѣдованію о прошедшемъ ихъ поведѣніи. Есѣли они хорошо проходили свое званіе, то прекраснѣйшія изъ Фивскихъ дѣвицъ обязаны явиться на публичное мѣсто въ такомъ уборѣ, какъ бы готовились вступить въ бракъ. Три только правители оказались на сей разъ достойными награды. Они были еще въ молодыхъ лѣтахъ. Я смотрѣлъ, съ какою важностію выступали они на средину круга, образуемаго отборными гражданами, и дѣлали между ими выборъ. Но двое изъ нихъ довольствовались только однимъ церемоніаломъ, и возвратили каждой препочтенную ими дѣви-

цу ея родителямъ. Третій воспользовался своимъ правомъ, и пощиплъ красавицу шипломъ своей супруги.

Этотъ обычай имѣетъ свои несообразности; но я люблю смотрѣть, когда мудрѣйшимъ мужамъ служатъ наградою прекраснѣйшія женщины.

Я замѣнилъ, что каждой изъ предстоящихъ держалъ въ рукъ миртовую вѣтвь, и верховной жрецъ произносилъ проклятія противъ безплоднаго плюща мѣлеса, по самой маловажной причинѣ.

Фивы имѣли календарь безпорядочной и переменной: во время пребыванія моего въ семъ городѣ я научилъ ихъ располагать годъ по печенію солнца, а мѣсяцы по измѣненіямъ луны, и показалъ имъ время двухъ солнечныхъ поворотовъ.

Я повпорялъ имъ также нѣкопорые уроки геометрической науки, полученные мною въ Египтѣ, колыбели сего полезнаго знанія, спаршаго всѣхъ прочихъ.

Выходя изъ округа Фивъ я былъ прорунъ при видѣ одного древняго закона (1), копорой къ несчастію распроспрашивается только на одинъ эпошъ городъ.

(1) Эліан. *различн. Исп.* II. 7.

„Всякому Фивскому гражданину, опцу
„семеисва, запрещается подкидывать сво-
„ихъ дѣшей, или лишать ихъ жизни,
„подъ какимъ бы по ни было предло-
„гомъ.“

Аѳинамъ и Спартѣ нужно бы было подобное запрещеніе; ибо люди сполько удалились отъ первыхъ обязанностей Натуры, что ихъ должно возвращать къ онымъ нарочнымъ закономъ.

За эпо опредѣленіе Фивскаго народа я просилъ жителей сего города, что они имѣютъ великое множество флейпочныхъ игроковъ, которые попадались мнѣ почти на каждомъ шагѣ. Справедливо, что большая часть изъ нихъ играютъ опмѣнно на семь инструменѣ, и къ сей славы они ревностнѣе, нежели ко всякой другой.

Прежде нежели я оставилъ сїи мѣста, обнаругованъ былъ новый законъ, копорой мнѣ показался весьма мудрымъ: „Кпо не удержался въ десять лѣшъ отъ всякой торговли, потъ не можешъ домогаться правительскаго мѣста въ Фивахъ.“

Беспійцы Фивскіе имѣютъ одно обыкновеніе, копорое дѣлаешъ великую честь ихъ спраннолюбю. Когда они да ютѣ

пирь, то всегда оставляютъ многія блюда не пронупыми для неожиданнаго путешественника.

Эпо достойно замѣчанія болѣе попому, что они не слывуптѣ слишкомъ презвыми. Они умѣютъ хорошо садиться за столъ; но не знаютъ какъ изъ за него выпти. Я слышалъ, какъ одинъ Фивянинъ говорилъ съ нѣкопорымъ щеславїемъ: „Я могу выпить вина больше всякаго Грека.“ Они продали бы на пише свои наслѣдственныя имѣнїя, еспли бы не законъ *Филолаевъ* (1), копорой запрещаетъ семейсвамъ передавать въ чужїя руки свои помѣспья. Одинъ изъ городскихъ гербовъ предспавляетъ винной сосудъ обь двухъ ручкахъ (2). Отъ Аѳинъ до Фивъ пуши около двадцати часовъ.

(1) Арист. *Полит.* II.

(2) *Напар. Cantharus* по Лашынѣ.

XXIX.

Пиэагоръ на горѣ Этѣ.

Я приближался къ Авлидѣ, небольшой обласпи, копорую божеспвенный Гомеръ сдѣлалъ славною: шумъ не видно уже болѣе Героевъ, собирающихся на морскомъ берегу; повсюду попадаются люди полезнѣйше, честные горшечники и мирные земледѣльцы.

Близъ *Танагры* (*), я всходилъ на высокой холмѣ, гдѣ отецъ Калипсы *мудрый* (**) Апланшъ (по величественнымъ выраженіямъ безсмертнаго пворца Одиссеи), поддерживалъ обширную громаду небесъ и наблюдалъ движенія оныхъ (1).

Съ сей возвышенности мнѣ указали на краю горизонша одну высокую гору (2), гдѣ по сказанію ихъ родился Меркурій. Діана родилась также на горѣ въ малой Азїи, подлѣ Эфеса, главнаго мѣ-

(*) Теперь *Анаторія*.

(**) *Мудрый* во времена Гомера и Пиэагора значило пожь, что *уцельный*.

(1) *Одиссея*. Кн. I.

(2) Павзан. *Путешествіе*.

ста, гдѣ воздаешся богослуженіе безсмертной. Народу весьма проспымъ кажется, что боги его рождаются и умираютъ также, какъ онъ. Онъ ихъ сдѣлалъ по образу своему.

Прежде нежели я оставилъ Танагру, человекъ, изъяснявшій мнѣ красоты ея, спарался дать на замѣчаніе, что Танагрцы набожнѣе другихъ народовъ Греціи. „Всѣ наши храмы построены въ мѣспѣ опредѣленномъ опъ общества людей, — тамъ, гдѣ нѣтъ домовъ, и куда можно ходитъ только для поклоненія богамъ.“

Меня повели въ небольшой огородъ, при входѣ коего я чипалъ слѣдующія спроки, начерпанныя на каменномъ сполбикѣ:

„Законъ Танагрскаго народа запрещаетъ женщинамъ приближаться и идти далѣе.“

Но какъ повелѣніе сіе не распространяется на чужеспранцевъ, то я прошелъ во внуспренность сея роши; она заключаетъ въ себѣ капище *Евноста* (1), воздвигнутое сему прекрасному и цѣлому-

(1) Plutarch. *quest. grace*. XL.

дренному юношѣ мудрою Нимфою. Его любила Охна, дочь Колонова; но онъ не соглашался на ея ласки; съ досады она оклеветала его передъ шреми своими брашьями, копорые измѣною его умершвили. Танагрцы опмспили его памяшь, помѣспивъ его между своими полу-богами. Горе женщинамъ во время общеспвеннаго бѣдспвѣя! Сіе наказаніе приписываютъ имъ говоря, что они осквернили святилище Евноста.

Танагра наполнена еще памяшниками *Орїея* (или Гирїена), копорой при всемъ помѣ, что былъ бѣденъ, споль хорошо исполнялъ обязанности спраннопрїимспва, что боги (1) не одинъ разъ нисходили въ его домъ и почпили обѣдъ его своимъ присудспвѣемъ.

Танагрцы называютъ себя Финикійскимъ племенемъ. Многіе сказывали мнѣ, что они родомъ изъ Сидона; свидѣпелемъ о своей древности выспавляютъ Гомера. Много водятъ пѣшуховъ (2), копорыхъ почишаютъ первыми поселенцами въ Гре-

(1) *Trochus Natalis comes.*

(2) Плин. *Ист. Нат.* X. 21. Павзан. *Колумелл.* VIII. 2.

ціи (1), еще съ шѣхъ поръ, какъ они привезли буквы для письма, копорыя употребляютъ нынѣ. Они много держатъ пчель. Какой-то маленькой божокъ начальствуетъ надъ ихъ ульями и мѣльницами (ручными) и назираетъ за раздѣломъ муки и вѣрностию мѣрѣ.

Опошедши отъ морскаго берега, я оспановился въ небольшой деревушкѣ, гдѣ всегда бываетъ великое спеченіе народа; эспимъ она одолжена Геркулесову капищу, куда больные приходятъ просить и получаютъ изцѣленіе. Богъ не имѣетъ никакой спашуи, кромѣ необдѣланнаго камня: благочестіе, имъ внушаемое, довольно его украшаетъ. — Это приводитъ мнѣ на память другой храмъ въ Фокидѣ, посвященной Геркулесу *Мисогини* (*). Прозваніе героя заспавило меня внимательнѣе рассмотреть изваяніе его предспавляющее. Я увидѣлъ изображеніе спарика,

(1) Бюфонъ касательно пѣтушыхъ боевъ говоритъ:

„Это было спрастїю Родосцевъ, Танагрцовъ . . .“

(*) Ненавидящїй женщинъ; равно какъ *Мизантроломъ* называли ненавидящаго мужчинъ.

которой угрюмъ и сердитъ, потому что вмѣстѣ съ молодостію потерялъ почтеніе женщинъ. — И такъ шипло *Мисогина* даюшъ ему не въ собственномъ смыслѣ.

Имя Геркулеса, которое начертано на каждомъ шагу въ эпосѣ краю Греціи, заставило меня думать о горѣ Эпъ, которая не очень далека для неупомимаго путешественника. — Отъ желанія я поспѣхъ перешелъ къ исполненію онаго. *Эта* (*) есть небольшая цѣпь горъ, служащихъ границею Греціи и Фессаліи. Я нашелъ путь одну только деревню, которую называютъ Ксеней. Не теряя времени въ изслѣдованіи глупыхъ обрядовъ, употребляемыхъ въ сей дикой странѣ, я направилъ путь свой къ мѣсту, освященному произвольно кончиною первѣйшаго изъ Героевъ. Я велѣлъ себя вести къ тому самому мѣсту, которое почтено коспромъ сего великаго человека (1).

(*) Нынѣ *Бунина*.

(1) Только слава и любовь къ добродѣтели сдѣлала Геркулеса столь благороднымъ. . . Никакой вѣкъ не можетъ, развѣ только когда разрушится сія вселенная, изгладить память его имени. *Mythol. natal. Com. trad par. J. Montlyard.*

По прибытіи моемъ пуда обхватилъ меня сильной вихрь и покрылъ отъ головы до ногъ пылью, о которой мое воображеніе, разгоряченное знаменитыми воспоминаніями, захопѣло меня увѣрить, что путь находився нѣсколько героическаго Геркулесова праха; я немного собралъ его, и завернувши въ листья положилъ къ себѣ за поясъ. — Опамятовавшись нѣсколько отъ помѣшательства, я увидѣлъ вокругъ себя множество *Элнора* (*); и такое сближеніе способствовало къ утишенію возносившагося ума моего. Элноръ сей бѣлъ и первой добропы. Онъ растетъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ Геркулесовъ костеръ. Се растѣніе изцѣляетъ людей и умерщвляетъ мухъ (1).

Я насилу дышалъ отъ жажды; одинъ молодой находившійся въ праздности пасухъ примѣтивъ это, поднесъ мнѣ молока своихъ козъ. Омочивъ имъ изсохшія уста мои, онъ усиленно просилъ меня принять также и сыръ. „Почтенной путешественникъ! сказалъ онъ мнѣ съ опкро-

(*) Растѣніе изцѣляющее отъ сумасшествія.

(1) Плин. *Ист. Нат.* XXV. 5.

венностію; прими, и не бойся изпоципъ нашихъ припасовъ; эта гора безъ сомнѣнія заключаетъ въ себѣ рогъ Амалтеинъ. Въ нашихъ шалашахъ всегда есть мѣха и ведра (1), наполненные молокомъ; изъ одного ведра мы можемъ достать себѣ девятнадцать сыровъ, изъ коихъ каждой по оболу (*); прибавь къ сему, что наши козы не имѣютъ нужды въ самцѣ для наполненія сосцовъ своихъ (2). Молоко бѣжитъ, лишь только чушь допронешься до нихъ рукою; мы даже иногда доимъ козловъ своихъ.“

Скажутъ ли вамъ, любезные ученики мои! сіи подробности сельской экономіи сполько же почти были для меня занимательны и любопытны, какъ и воспоминаніе Геркулесовыхъ подвиговъ и смерти. Не потому ли это, что чудесное всегда уступаетъ полезному?

Великій Алкидъ имѣетъ на сихъ высотахъ почти исключительное богослу-

(1) Сосудъ, содержащій 51 кружку. *Metrol. Rauston.*

*) Семнадцать сотыхъ доль могутъ представити Антическою оболу.

(2) Аристот. *Исп. Животн.*

женіе. Горные жители Эпы клянутся сполько Геркулесомъ. — Ежели Геркулесъ есть ничто иное, какъ солнце, облеченное отъ стихотворцевъ въ Героическіе виды, то спанемъ опасаться открывать о семъ черни. Не будемъ говорить ей, что сей великой человекъ, образецъ для людей, есть сполько Астрономическая выдумка; народъ, можетъ быть, заключитъ изъ того, что добродѣтель есть сполько баснь, и что не должно на землѣ искать ее. — Оставимъ ему вѣрить, что Алкидъ издыхая на коспрѣ, подобно Фениксу, опять возрождается изъ своего праха и прошекаетъ по порядку различныя страны земли для укрощенія чудовищъ. — Память Геркулесовой дубины не одно низпровергла злоумышленіе, не одинъ разъ возспавляла ослабѣвшее мужество людей благородныхъ. Такъ, одно имя Геркулеса, кспати произнесенное въ уши деспота, или поработеннаго народа, можетъ сдѣлать революцію.

Феспія, Аскра, Орхоменъ и проч.

Ворачаясь назадъ, или паче блуждая шуда и сюда, дабы лучше узнать сію страну, я очутился въ небольшомъ городѣ *Олуитѣ*, въ пятнадцати стадіяхъ отъ Еврипа (*), у Локріянъ, воинствен-ной колоніи, умѣющей управлять лукомъ и пращею (1). Они не выпускаютъ отъ себя такого сквернаго запаха, какъ *Озолы* ихъ сосѣди (2). Основателемъ своимъ почитаютъ *Олуса*, сына Локрова, и съ благоговѣніемъ хранятъ память Папрокла, друга Ахиллесова и своего согражданина (3).

Для умилостввленія доброй и злой Форшуны, Опунтцы берутъ благоразумную мѣру, приносятъ жертву двумъ божествамъ, тѣмъ, которыя управляютъ добромъ, и тѣмъ, которыя попускаютъ зло; каждое изъ нихъ имѣетъ свой жерт-

(*) Внутренній протокъ Эгейскаго моря.

(1) Гомеръ.

(2) Плутарх. *quest. graec.* XV.

(3) Страб. *Геогр.* Гомер. *Иліад.* Діод. Сицил.

венникъ, при которомъ служитъ жрецъ, различно отъ другаго одѣтый. За бого-служеніемъ имѣетъ главное смотрѣніе правитель, называемый *Кривоологомъ* (1); ему поручено собирать съ каждого гражда-нина первые плоды отъ жатвы ячменя. Въ Опунтѣ не знаютъ другаго жертвоприношенія, кромѣ небольшого количестваячменю жженаго на горячихъ угольяхъ. Щасливая и похвальная просопопа! — Городская печать представляетъ планету (2).

Въ *Феспіи*, по лѣвую сторону Фивъ, не подалеку отъ жертвенника Любви, Геркулесъ еще имѣетъ храмъ, въ которомъ служитъ дѣвица, осужденная навсегда быть шаковою, дабы загладить преступленіе одной изъ пятидесяти Феспіевыхъ дочерей, которая не захотѣла подражать распущенству своихъ сестеръ. Сте развратное и набожное преданіе долгое время будетъ повсюду народомъ. Другіе думаютъ, что Феспія получила возможность быть вмѣстѣ матерью и дѣвицей.

(1) Плутарх. *quest. graec.* VI.

(2) Страб. IX. *Геогр.*

Я остановился по долге предъ жертвенникомъ Минервы - *трудолюбивой* (1), копорой воздвигнули Спаршанды на Теспійской землѣ; но не могъ узнать, по какому случаю сему божеству приносятся въ жертву ранній пѣпухъ.

Въ *Сколѣ* (2), Беопійскомъ селеніи, богослуженіе невиннѣе и благоприспойнѣе; тамъ бошпоряпѣ хлѣбъ подъ именемъ *Мегаларта* (что значпѣ *великой хлѣбѣ*), копорому такъе поставленъ жертвенникъ; видъ сего хлѣба еспѣ круглой и широкой, подобной жерновому камню, и во всемъ похожій на хлѣбы, раздаваемые женщинамъ при торжеспвѣ *Тесмофоріевѣ* (3). Но самое поразительное богослуженіе воздаепся *богу сласителю* (*): онъ предспавленъ въ видѣ прекраснаго груднаго младенца, сидящаго на колѣняхъ у своей матери. Сіе трогательное изображеніе, находящееся въ храмѣ города Теспії, принадлежпѣ всѣмъ временамъ и мѣспамъ.

(1) Павзан. *Путешест.*

(2) Athen. III. *Deipnos.*

(3) Pansan. *heliac.* II. Теон. *ad arat.*

(*) Праздникъ Цереринъ.

Я всходилъ на Геликонъ, копорой при предеспннемъ мѣсположеніи орошаемъ прекрасными ручьями, и покрывъ всякаго рода деревьями и распѣнїями; между сими послѣдними виднѣе всѣхъ нарциссъ и поршулакъ. Вдохнушь первые спихи: празднымъ паспухамъ. Беопїи безъ сомнѣнїя долженспвовало сіе мѣспо. Небольшой городъ *Аскра*, лежащій при подошвѣ Геликона и весь покрыпый камышемъ, не здоровъ для жипельспва; но эшо опечесство Гезїода; чѣмъ выше, тѣмъ воздухъ спановптся легче и чище. Мнѣ вздумалось принеспи жертву премъ древнѣйшимъ Музамъ. *Размышленію*: я принесъ вѣнокъ изъ цвѣповъ, носящихъ имя драгоцѣннѣйшей способности: человеческой (*). Мнѣ позволили сжечь кусокъ ладану на спреножникѣ Гезїода, полученномъ имъ вмѣспо награды въ Халкидѣ подлѣ Эврипа, копорой онъ почелъ за обязанность посвятпшь Музамъ вмѣспѣ съ своею Поэмю: *Труды и Дни*, переписавъ ее на свинцовой свппокъ: я почпилъ сей памятникъ гирлядною *безсмертныхъ*.

(*) Цвѣтокъ, называемой *мысль* (*penſee*); родъ фіалокъ безъ запаха.

Во исполненіе обѣда, даннаго мною въ Самосѣ еще въ молодыхъ лѣтахъ (1), я ходилъ также сдѣлать поклоненіе его гробу въ богатомъ Орхоменѣ (2); онъ лежитъ весьма близко отъ храма Грацій. Эпиграфъ сочиненъ стихотворцемъ Херсѣемъ, уроженцомъ этого города.

Я спрашивалъ, гдѣ находится группа прехъ милыхъ богинь, коихъ я видѣлъ жертвенникъ. Мнѣ указали три бѣлые камня, положенные одинъ подлѣ другаго, и сказали: „Наши предки не надѣялись достойно изобразить Грацій; въ одинъ день сіи три камня упали съ Олимпа, и легли въ капищѣ такъ, какъ ты видишь.“ Я понялъ всю замысловатость сего Греческаго преданія. Подобные монументы находятся только у Грековъ.

Пріятности мѣстоположенія Орхомена доставили ему наименованіе города Грацій (3). Впрочемъ эту область беспокоятъ кроты (4).

Орхоменцы послѣ осьми, непрерывно одинъ за другимъ слѣдовавшихъ царей

(1) Смол. сего Сочин. Том. I. § V.

(2) Гомеръ *Иліад*.

(3) Пиндар. *од. Пив.* XII. *Олимп.* XIV.

(4) Плин. *Ист. Нат.* VIII. 58.

(1), приняли правленіе республиканское смѣшанное, которое и теперь еще у нихъ существуетъ. Фивы плапятъ имъ дань.

Внѣ города видны прекрасные луга, гдѣ пасутъ множество лошадей, годныхъ для колесничныхъ бѣговъ на играхъ Грецій. — Земля приноситъ также прекрасные конопли, — произведеніе полезнѣйшее, нежели гордые бѣгуны; но самымъ лучшимъ образомъ обрабатываютъ оныя въ мѣстечкѣ Аліарѣ.

Одна молодая Орхоменянка усиленно просила меня слѣдовать за нею въ красивую долину: шамъ, сказала она мнѣ улыбаясь, есть два источника; первой опнимаешь память, а другой даетъ. Избирай (2)!

Пивагоръ. Ни того, ни другаго! Еслижь бы я оспавался здѣсь, то прибѣгнулъ бы къ первому, дабы ни о чемъ болѣе не думать, какъ только объ тебѣ, милая дѣвица!

Молодая Орхоменянка. А когда такъ, то поди нѣсколько подалѣе; тебѣ

(1) *Мет. Acad. Inscript.* Том. VI.

(2) Плин. *Ист. Нат.* XXXI. 2.

попадется источникъ Акидалія, въ копоромъ моются Граціи; а еще не много подалѣе, прекрасная спашуя Діаны, вырѣзанная внутри большаго кедра.

Въ Орхоменѣ я доспалъ себѣ плащье, выпканное изъ прекраснаго льна, копорой дѣлающъ изъ памощнаго камыша, называемаго *Аканпина* (*).

Мнѣ предлагали идти въ Лебадію; для испрошенія совѣта у Оракула въ Трофоніевой пещерѣ; но я опказался сказавъ, что онъ ничему меня не научитъ.

„А Оракулъ *Тирезіевъ*?“ сказали мнѣ. — Не болѣе; я не имѣю обыкновенія просить у слѣпыхъ свѣта.

Я опказался также идти въ Херонею посмотрѣть Юпитерова скипетра, копорой перешедши чрезъ многія руки, доспался наконецъ Агамемнону; я доволенъ оспался узнавъ, что ему, такъ какъ какому нибудь божеству дали жреца, и приносятъ каждой день жертву. Благочестивые обычаи не перемѣнились въ Беопіи; но полифика уже не та. Верховная власть нынѣ находится у чешырехъ совѣповъ.

(*) Бѣлой терновникъ.

Подъ Орхоменомъ, на низкихъ мѣстахъ растетъ *Нилфеа* (*), иначе называемая *Мадонъ* (1).

Я забываю сказать вамъ о *Колаѣ* (**), не большомъ городѣ построеномъ надъ большимъ озеромъ сего имени, въ сосѣдствѣ Херонеи. Предъ жилищами онаго я выхвалялъ ихъ изобрѣтательной Геній. Вамъ одолжены, сказалъ я имъ, изобрѣтеніемъ весла, которое гораздо покойнѣе другихъ и полезнѣе для плавапелей Эгейскаго моря. Они отвѣчали мнѣ: „А наши озерные угри (2)? Хочешь ли ты нѣсколько изъ нихъ, увѣнчавъ по обыкновенію цвѣтами, принеси въ жертву Церерѣ, Бахусу или Серапису, премъ нашимъ великимъ божествамъ?“

Пиѳагоръ. Я приношу богамъ только цвѣты.

„Инѣ хорошо! подхвапили Копайцы; ты будешь приносить вѣнки изъ цвѣтовъ, а намъ предоспавишь угрей.“

(*) Кувшинчики, или прудовая лилія.

(1) Плин. *Ист. Нат.* XXV. 17.

(**) Или *Копы*. нынѣ *Тологлія*.

(2) Agatharchides, cité par Athenée, VII. 17. Alex. III. 12. Plutarch. *Symp.* VIII.

Я съ улыбкою принялъ ихъ предложеніе и пошелъ для размышленія на соседнюю гору, имѣющую при вершины, на которой родился Аполлонъ.

Первое обитаемое мѣсто, представившееся мнѣ при вступленіи въ Фокиду, было Панопея; хопя и называютъ ее городомъ, но совершенно несправедливо: ибо въ ней нѣтъ ни Сенапа, ни Гимназіи, ни публичнаго сборнаго мѣста, ни водоемовъ, а только однѣ хижины находящіяся по обѣимъ берегамъ ручья. Однакожь тамошніе жители сполько же заботятся о своихъ границахъ какъ и въ Аппикѣ. Предѣлы ихъ владѣнія означены оградой простирающеюся на семь стадій. Во время Троянской войны, Фокидской Царь имѣлъ пущь свою резиденцію, безъ сомнѣнія для опраженія какого нибудь непріятельскаго набѣга, угрожавшаго ему со стороны Беотіи. Въ окрестностяхъ надлежилъ остановиться передъ Промеевымъ капищемъ. Ограду онаго составляютъ грубые камни, копорые можно почестъ изсохшею и зашвердѣлою грязью. Одинъ Панопеецъ сказалъ мнѣ: „Чужеземецъ! эти разбросанные передъ глазами твоими чурбаны, супъ оспапки той глины, копорая служила для образованія перваго человѣка, и первой жены. Подой-

ди сюда: опъ кусковъ этой грязи пахнетъ еще человѣческимъ мясомъ.“

Человѣкъ сей имѣлъ право такъ говорить; онъ былъ великъ и плопенъ, Аѳинянинъ въ сравненіи съ нимъ мальчикъ. Да и всѣ вообще Фокиане во всей этой спранѣ, какъ въ Панопее, такъ и въ Даулїи похожи на него. И сіе - по самое уполномочиваетъ ихъ почитать себя старшими чадами земли, и называются первоначальнымъ племенемъ, непосредственно вышедшимъ изъ рукъ Промея; другіе люди опъ нихъ произшедшіе, по ихъ словамъ, переродились въ худшее состояніе противу опцовъ своихъ.

Панопея и Даулїя носятъ имя двухъ морскихъ Нимфъ.

Замѣчено, что ласточки не живутъ никогда, и не вьютъ себѣ гнѣздъ въ предѣлахъ Даулїи (1).

Даулїйцы весьма уважаютъ деревянное рѣзное изображеніе Діаны. Опъ нихъ я пошелъ прямо въ Делфы (*) по близ-

(1) Павзан. *путешествіе по Греціи.*

(*) Ширина Делфовъ 38 град. 50 мин.

кой и трудной даже и для пѣшаго пропинкѣ.

XXXI.

Пиѳагорѣ съ Делфѣхъ ().*

Я взялъ *Перингета* (1), которой сперва доспавилъ мнѣ прочиташъ гимны Бео, женщины вдохновенной Музами, и рожденной въ спѣнахъ сего священнаго города, называемаго иначе *Пиѳо* (2). Онъ далъ мнѣ на замѣчаніе слѣдующіе стихи: „Изъ странъ Гиперборейскихъ Пагазъ пришелъ посвяпипъ тебѣ, о Аполлонъ! сіе мѣсто; а Оленъ, первой произнесъ швой прорицанія въ шеспи-спопныхъ стихахъ, имъ изобрѣпленныхъ.“

Первымъ храмомъ бога была лавровая колыбель, которая въ поже самое время

(*) Нынѣ, *Кастри*, бѣдная деревушка въ Ливадіи.

(1) Проводникъ — исполкователь. *Hardion, mem. sur Delphes, acad. inscript. & belles. lettres.*

(2) Стеф. *Геогр. о городахъ.*

служила ульемъ для пчелъ. Сіе сельское капище не менѣе было священо, какъ и мѣдное зданіе засступившее его мѣсто. Пышной сей монументъ разрушенъ пожаромъ. Трофоній воздвигнулъ послѣ сего другой изъ камня, которой сгорѣлъ въ первый годъ Олимпіады, ознаменованной побѣдою Діогнепа Кропонскаго на Пизскихъ играхъ.

Амфиктіоны спѣшатъ поправить сей недоспапокъ. Нынѣшній храмъ уже доканчивается; всѣ народы Греціи вспомошеспвуютъ своими взносами. Крезъ, Лидійскій царь, прислалъ золотыхъ кирпичей сколько, сколько щипаешься дней въ году (1).

Да и самый городъ Делфы потерпѣлъ также великія нещасія; пошопленный прежде во время Девкаліонова пошопы, разграбленный островишянами Эеbei, и народами Орхомена, онъ едва уцѣлѣлъ отъ пламени пожравшаго храмъ. Игры Пиѳическія сущеспвовали еще прежде Оракула и города. Съ сорокъ осьюмой Олимпіады, славной побѣдою Кропонца Главкіаса, Амфиктіоны сдѣлали новыя пошопы.

(1) *Aureos lateres.* Діод. Сиц. Кн. XVI.

новленія о сихъ священныхъ сраженіяхъ. — Надпись одного бронзоваго преножника свидѣтельствуетъ о успѣхѣ оныхъ; я читалъ ее: „Аркадець Эхембротъ посвящаетъ сей преножникъ Геркулесу, по полученіи награды на играхъ Амфиктіоновъ, гдѣ онъ аккомпанировалъ на флейшѣ Элегіи, пѣтая въ собраніи Грековъ.“

Награжденіемъ побѣдителя служитъ вѣнокъ изъ лавра. Храмъ находится подъ тѣнью сего прекраснаго прозябенія (1); листья его одинаковаго цвѣта, и не такъ темны и кудрявы какъ кипарисныя. Ягоды на немъ распуцѣе весьма грубы.

Я оплакивалъ впайнѣ судьбу Греціи, которая по предназначенію Амфиктіона поручаема бываетъ благоразумію повѣренныхъ собирающихся въ Делфы. Сіи верховные посредники теряютъ все время и ищощаютъ все свое вниманіе на благоустройствѣ Пивическихъ игръ. Будучи слишкомъ вѣрными блюстителями перваго ихъ учрежденія, они не умѣютъ выдти изъ предѣловъ его, дабы сдѣлать чтонибудь болѣе, нежели сколько отъ нихъ ожидаютъ.

(1) Плич. Ист. Нат. XV. 30.

Делфы споятъ на весьма высокомъ мѣстѣ; опшуда со всѣхъ сторонъ сходятъ по покойной оплогоспи. Храмъ Аполлоновъ на главной возвышенности города занимаетъ большое пространство, но оно скоро сдѣлается нѣскольکو пѣснымъ для вмѣщенія монументовъ и драгоценныхъ даровъ, кспорыя всѣ народы Азіи и даже иноземныя и варварскія націи усердствуютъ посвящаятъ божеству. Большая часть сихъ подарковъ не дѣлаютъ чести Греческимъ народамъ; это профей ихъ побѣдъ одержанныхъ другъ надъ другомъ. Но я пораженъ былъ однимъ не такъ — по обыкновеннымъ обстоятельствомъ: приносъ бѣднаго принимаемъ бываетъ на жертвенникъ Аполлоновъ спольже хорошо какъ и дары богатаго, — даже самаго Креза (1): жрецы повидимому не дѣлаютъ въ этомъ никакого различія.

Великія сокровища зарытыя во кругъ храма, нарочито пріумножены послѣ Гсмера, которой уже говоритъ о нихъ (2).

Между пѣмъ въ городѣ и храмъ видны еще слѣды посѣщенія Целтовъ, бывшихъ подъ предводительствомъ Сеговс-

(1) Caylus, *antiq. gr.* VI.

(2) *Иліад.* IX.

за (1), одного изъ родственниковъ ихъ Царя.

Мои записки подали мнѣ случай сдѣлать полезное сближеніе. Большая часть великолѣпныхъ даровъ, коими обремененъ Делфійской храмъ, выпрошены симъ первымъ Оракуломъ Пифониссы Фемоной (2): „Дай свой воскъ, пчела; пищицы, дай свои перья.“ Между всѣми предметами я усмотрѣлъ одинъ шакой, коимъ никогда не поперяетъ цѣны своей; это свинцовой инструментъ (3) изобрѣщенной Эскулапіемъ для облегченія поски, причиняемой поврежденнымъ зубомъ (4).

По сторону, указали мнѣ шреножникъ и чашу семи Мудрецовъ, сдѣланныя Аркадцемъ Баэиклесомъ (5).

Вверху храмоваго портика я примѣтилъ камень, на коимъ сидя Герофила, одна изъ древнѣйшихъ Сивиллъ, обыкновенно давала свои прорицанія. Со-

(1) Юстин. XXXII.

(2) Лукан. *Фарсал* V. Диог. Лаэртц.

(3) Lamothe Levayer. *nouveaux petits traités*. Let. XXI.

(4) Цицер. о *своист.* Бог. III.

(5) Диог. Лаэртц. Плутарх. *жизнь Солонова*.

временница Трои, она предсказала осаду и разрушеніе оной вскорѣ послѣ похищенія Елены; для этого не нужно было быть вдохновеннымъ. Перингетъ мой прочелъ мнѣ многіе открывки гимновъ, приписываемыхъ сей святой дѣвѣ. Она сама о себѣ говорила такъ: „Дщерію бессмертной Нимфы, но смертнаго отца, я ронилась на Идѣ (1), гдѣ столько суха и легка земля; городъ Марпесъ и рѣка Аидоней дали бытіе моея мапері.“

Герофила проведши многіе годы въ Самосѣ, въ Делфы приходила пророчествовать, а въ Троаду умереть. Мнѣ указали ея кенотафію помѣщенную между Гермесомъ и сыспрымъ потокомъ, украшеннымъ статуею Нимфы. Я читалъ вырѣзанную на столбѣ слѣдующую Элегическую надпись; она любопытна; спихопворецъ не примѣнилъ, что погрѣшилъ прошивъ смысла, заславивъ говорить Герофилу:

„Я та славная Сивилла, кспорую Аполлонъ благоволилъ имѣть исполковательницею своихъ прорицаній: — прежде краснорѣчивая дѣва, нынѣ нѣма подъ симъ мраморомъ, и осуждена на вѣчное

(1) Древніе называли *Идою* всякое мѣсто, гдѣ много деревьевъ. *Павзаній*.

молчаніе. Впрочемъ по благости бога, не смотря на то, что мертва, я наслаждаюсь еще пріятнымъ сообщеніемъ Меркурія и Нимфъ, моихъ собесѣдницъ.“

Перингетъ мой, желая показаться ученымъ въ глазахъ Посвященнаго въ Таинства, повелъ меня мимо всѣхъ Сивиллъ; только я не удоспоился видѣть ихъ древнихъ Пелеадъ, дочерей Хаонскаго Царя, которыя у Додонскихъ жителей носили званіе *вдохновенныхъ*; но за то ученой мой проводникъ потчасъ прочелъ мнѣ кое-какъ одинъ стихотворческой опривокъ сихъ старыхъ дѣвъ, которой впрочемъ заключаетъ въ себѣ мысль глубокую.

„О земля! ты была, ты еси, ты будешь. Съ помощію Юпитера (*) ты даешь намъ плоды. Мы по справедливости называемъ тебя своей матерью.“

Провожавшій меня Менпоръ не преминулъ завести меня на дворъ Делфійскаго храма. „Ты прочитаешь шупъ, сказалъ онъ мнѣ, прекрасныя мнѣнія, весьма полезныя для общежитія. Они вырѣ-

(*) Юпитеръ, въ древнихъ стихотвореніяхъ, всегда былъ символомъ *воздуха*.

заны на *эпихъ* сполбахъ по повелѣнію Амфикипіоновъ. Я думаю, прибавилъ онъ, что они писаны руками ихъ, которыхъ вообще называютъ семью Мудрецами Греціи.“

Послѣ сего мнѣ должно было выслушать полное ихъ изчисленіе, лѣта, мѣспорожденія, поколѣніе; все сіе прикрашено было многорѣчивыми разсужденіями повѣствователя.

Пойдемъ къ Гомеру, сказалъ я. Мнѣ кажется, эпо его бронзовая спалпуга на семъ пиласпрѣ?

Перингетъ. Такъ точно, знаменитый путешественникъ, а здѣсь внизу написанъ опвѣтъ Оракула, данный самому стихотворцу; онъ достоинъ замѣчанія и памяти:

„Щаспливецъ или нещаспливецъ; ибо ты рожденъ для той и другой участи, ты хочешь узнать о своемъ опечеспвѣ. Ограничь любопытство свое узнавъ мѣспорожденія швоей матери; она была изъ острова Юса, гдѣ ты окончишь дни свои: только осперегайся загадки.“

„Но, прибавилъ потчасъ Перингетъ, островитяне Кипра, почитающіе Гомера своимъ, противопологаютъ Делфійскому

Оракулу другой, — копорой еще шемнѣе — работы древняго шамошняго спихопворца, называемаго ими Эвкусомъ. Мудрой чужеземецъ! тебѣ не худо узнашь сего сочинителя Кипрскихъ спихопвореній, не кспати приписанныхъ пѣвцу Улисса и Ахиллеса; вотъ собственныя его слова:

„Тогда, въ Кипрѣ, на щасливомъ островѣ Саламинѣ (*), увидяшь рожденіе величайшаго изъ Поэповъ; божеспвенная Оемисто произведетъ его на свѣтъ. Люби-мецъ Музъ, ища просвѣщенія, оспавилъ опечеспвенную землю, и подвергнетъ себѣ опасностямъ моря, дабы посѣтитъ всю Грецію. На послѣдокъ, онъ первой будетъ имѣть славу воспѣть бипвы, и различныя приключенія славнѣйшихъ Героевъ. Время никогда не изгладитъ его имени.“

Вожалпой мой повелъ меня подъ одинъ портикъ, копорой слыветъ *Лесхомъ* Делфійскаго города и храма; и касательво сего рассказалъ мнѣ неизвѣстное обстоятельство. „Сіе мѣсто опредѣленное для собранія гражданъ, каковсе ты безъ сом-

(*) Аттической островъ Саламинъ былъ столицею города Саламина, въ Кипрѣ.

нѣнія видѣлъ во всѣхъ хорошихъ городахъ Греціи, одолжено своимъ началомъ и именемъ Лесху, уроженцу города Пирры, сыну Эскиленову, и шворцу малой Иліады сочиненной имъ въ подражаніе большой; онъ приходилъ сюда и чипалъ опривки ея, сидя на эпомъ желѣзномъ спулѣ среди многочисленной толпы чужестранцовъ и здѣшнихъ жителей. Сей спихопворецъ началъ процвѣтатъ передъ кончиною Архилоха.“

Я взошелъ на ристалище обспроенное изъ камней доспаваемыхъ съ горы Парнасса. При возвратномъ выходѣ въ ворота сдѣланныя изъ лавра, Перингетъ мой, показавъ мнѣ кремень, копорой сожралъ было Самурнъ вмѣсто новорожденного Юпитера (1), оспавилъ меня сказавъ: „Моя услуга тебѣ сдѣсь оканчивается. Тайнственникъ Оивскій! я оспавляю тебѣ съ *Фебадою* (*); ты имѣешь право съ ней разговаривать: она вспрѣпшися съ побюю въ эпой священной роцѣ, куда никпо не входитъ. Проспи; да сохранишь тебѣ Аполлонъ!“

(1) Павзан. X. *Путешествіе*.

(*) Великая жрица *Феба - Аполлона*.

Онъ топчасъ воропился назадъ ска-
зашъ мнѣ еще: „Не удивляйся, чпо ме-
жду древами, посвященными великому
Аполлону, тебѣ попадашья будущъ яблони.
Здѣсь собираютъ яблоки, которыя
вмѣстѣ съ вѣнкомъ получаютъ побѣди-
тели на Пиеическихъ играхъ, въ каждыя
пяты лѣты. — Не забудь также, идучи
мимо, воздашь честь чинару, посаженному
руками Агамемнона.“

XXXII.

Пиеагоръ и верховная жрица Делфій- ская.

Я не долго былъ одинъ; въ концѣ аллеи,
по которой я шелъ, топчасъ показалась
женщина, идущая чрезъ дорогу. Я уд-
воилъ шаги свои, чтобы ее догнашь; а
она умѣрила свои, чтобы меня дождашь-
ся. Это была сама верховная жрица, —
красавица, хопя уже въ зрѣлыхъ лѣ-
тахъ; — совершенно правильныя черты
ея физіономіи показались мнѣ въ вели-
комъ движеніи. Лице ея потеряло уже

много своей свѣжести. *Аристоклеа* (1),
такъ называлась она, была блѣдна, и
тѣмъ болѣе прелестна. Видъ мудрости,
различный по всей ея наружности, преду-
бѣждалъ каждаго въ ея пользу. Одѣшая
просто, она держала въ рукѣ лавровую
вѣтвь и сверпокъ бумаги. Она первая на-
чала со мной разговоръ, назвавъ меня
братомъ (2):

„Посвященный не приходишь пребо-
вать совѣта у жрицы,“ сказала она
мнѣ.

Пиеагоръ. Нѣтъ! но учись под-
лѣ ея, и вмѣстѣ приносишь жертву ра-
зуму (3).

(1) *Аристоклеа*, по словамъ Порфирія.
Темистоклеа, по словамъ Діоген. Лаэрт.
Теоклеа, по мнѣнію Свида.

(2) Это, можетъ быть, побудило многихъ
біографовъ дать Пиеагору въ сестры
верховную жрицу Делфійскую; но Плу-
тархъ говоритъ, что Пиея такія бла-
говолительныя названія употребляла въ
разговорѣ съ людьми знаменитыми, при-
ходившими требовать у нее совѣта. Она
сказала Александру: „сынъ мой! ты не-
побѣдимъ.“

(3) *Bibliothèque Grecque de J. A. Fabricius.*

Аристоклеа. Будь искренне; одно любопытство . . . Я удовлетворю ему, и можетъ быть не улыбка только мудраго будетъ моею наградою. Ты много видѣлъ народовъ и городовъ; но много ли ты находилъ такихъ, которые бы могли сравниться съ Делфами? — Делфы одолжены больше Нашуръ, нежели людямъ. Ограда утѣсовъ и стремнинъ, и мѣстоположеніе сего города только же производилъ удивленія, какъ и величествіе бога въ немъ обожимаго. Одинъ изъ холмовъ Парнасса, коего вершина опвисла на подобіе свода (1), закрываетъ его отъ вѣтровъ Борей. Двѣ необъятныя скалы объемлютъ его съ двухъ сторонъ, и дѣлаютъ не приступнымъ (2). Другой утѣсъ защищаетъ входъ къ нему съ южной стороны. — Делфы представляютъ пышную картину глазамъ еще приближающихся путешественниковъ, а послѣ даютъ любоваться видомъ обширнымъ и великолѣпнымъ. Все это произведено Ора-

Aristoclea sacerdos Delphica . . . a qua Pythagoras non pauca dogmata sua moralia accepisse se est professus. Lib. II.

(1) Гомер. Гимн. Аполл.

(2) Страб. 9. Пиндар.

куломъ. Безъ него ты, можетъ быть, нашелъ бы здѣсь только однихъ волковъ, и нѣсколько безплодныхъ лавровъ. Благодареніе сіе оказано весьма давно. Прежде Девкаліонова пѣтопа, здѣсь былъ уже народъ, — другъ справедливости, — который сохраненъ былъ отъ наводненія, и къ которому семейства, чудесно избѣжавшія всеобщей гибели, приходили искать себѣ утѣхища. Не многія націи имѣютъ лучшее происхожденіе. Это несчастное приключеніе имѣло необыкновенныя слѣдствія.

Пифагоръ. Которыми равно умѣли и воспользоваться.

Аристоклеа. Къ счастью Делфійскаго народа на бокахъ Парнасса сдѣлалось опверстіе; сѣрныя испаренія вскружили головы любопытныхъ наклонявшихся подлѣ боковъ (1). Феноменъ сей взяли себѣ во владѣніе; долгое время эта вышность была единственнѣмъ обитаемымъ мѣстомъ. Она сдѣлалась центромъ всѣхъ сношеній; и вокругъ лежація колоніи, которыми позволило тушь приставать убываніе водъ, почли оную среди-

(1) Аристотел. Плин. Ист. Нат. VI. 95.
Часть V. М м

ною обитаемой земли, копорая имъ была вмѣсто цѣлаго свѣта.

Пифагоръ. По эпому - по пупъ, обвернутый перевязками, положенъ въ храмъ для народнаго поклоненія. Сей символъ гораздо вѣрнѣе, нежели какъ объ немъ думаютъ. Делфы находятся не на срединѣ земли, равно какъ пупъ не на срединѣ пѣла.

Аристоклеа. Люди спасшись отъ великаго бѣдствія бывающъ признашельны до суевѣрїя; и не лучше ли бы ихъ можно было извинить, если бы они избрали предметомъ своего богослуженія то свѣтило, копорое высушивъ землю и сдѣлавъ ее по прежнему плодоносною, загладило сколько опустошеній. Жрецы довершили народное ослѣпленіе. Сынъ Лапоны (1), Аполлонъ, пустился въ путь къ горѣ Парнаксу, въ намѣреніи завесити тамъ Оракула. Онъ прибылъ въ блистательномъ снаряжѣ, облеченный въ безсмертныя свои одежды, напрыскавшись благовопіями, и держа въ рукѣ златую лиру, копорая издавала самые прїятныя звуки. Пошопъ Девкаліоновъ ниспровергъ храмъ

(1) Гомер Гимн. Аполл.

Оемиды; на развалинахъ его воздвигли храмъ Фебу - Аполлону.

Пифагоръ. Жрица! долженъ ли я передъ побою признашся? богослуженіе побою опправляемое замѣняетъ ли богослуженіе справедливости?

Аристоклеа. Первое не прилично было людямъ, поперявшимъ проспошу первыхъ вѣковъ. Рой пчелъ упавшій на новый жертвенникъ, и оспавившій на немъ свои сладкія сокровища, былъ самымъ щастливымъ предзнаменованіемъ. Храмъ, копорой для насъ спроуютъ, превзойдетъ Трофоніевъ: вся земля содѣйствуетъ своею щедростію. Амазисъ, царь Египетской, за нѣсколько времени до кончины своей, подарилъ намъ тысячу талантовъ. Каждой день вступаютъ къ намъ новыя суммы для одинакаго употребленія.

Пифагоръ. Лавровая роуца менѣе спвила.

Аристоклеа. Да! тогда мы не могли бы наказать семейство тиранновъ, и освободить цѣлой народъ.

Пифагоръ. Чпо ты хочешь сказать?

Аристоклеа. Дѣло, о копоромъ ты могъ бы, можеть быть долженствовало бы угадать. Греція съ прискорбіемъ

смирить на Ашпику, сменяющую подѣломъ послѣдняго Пизиспрапова сына. Крови Гармодія и Аристогигона не надлежитъ печь по напрасну. Взоры всѣхъ обращены къ Спаршѣ. Отсюда должны выдти опмшители свободы. Дабы рѣшившись и скорѣе начать споль священное предпріятіе, необходимо нужно Оракулу объясниться и говорить въ пользу онаго; а для полученія сего не надобно ли возобновить храмъ божества покровительствующаго добрымъ намѣреніямъ? Такимъ образомъ суевѣріе, въ полномъ жару своемъ, гораздо лучше руководствуетъ къ чловѣколюбію, нежели хладные совѣты мудрости; и вопъ почему наши важные Амфиктисны, обремененные дѣлами цѣлой Греціи, находящъ время имѣть надзоръ за всѣми мѣлочами относящимися къ Делфійскому Оракулу, которой въ рукахъ ихъ служишъ пружиною, для обращенія народовъ къ мысли, сообразной съ общественнымъ благоденствіемъ. Ты видишь изъ сего, что самая прекраснѣйшій тайны полишки находящяся въ пещерѣ Пивоіи (*). — Для поддержанія сихъ че-

(*) *Путера*, слово принятое въ Латинской языкѣ изъ Греческаго которое озна-

сполюбивыхъ видовъ, оправдываемыхъ своею важностію, нельзя было обойтись безъ благочестиваго обряда, которой внушаетъ къ нимъ почтеніе.

Пивагоръ. Жрица! положите пѣла, предписанное тебѣ на священномъ престоликѣ; способъ, посредствомъ коего сообщается съ побою богъ; это опверснне опаленное премея жердями (*), на которомъ ты сядиши для принятія пророческаго вдохновенія (1), такъ что уже тогда ничто не препятствуетъ непосредственному соединенію съ побою Аполлона превращеннаго въ понкій паръ. . . . эпомъ обрядъ болѣе набожной, нежели благопристойной способенъ ли внушить почтеніе? . . . Проспи мнѣ, мудрая Аристоклеа Не уже ли нельзя было лучше согласить выгоды богослуженія съ выгодами спыдливости? Сія добродѣтель, блюстительница всѣхъ другихъ, не должна ли шупъ нѣсколько спрадать? Надле-

чаетъ качество испареній выходящихъ изъ сего сѣрнаго провала.

(*) Начало треножника.

(1) Ориген. VII. проп. Целы. Св. Златоустъ. бѣс. 2. Сходіастъ Аристофановъ, о *Плутусѣ*.

жизнь имѣть или очень тихое, или очень благочестивое воображеніе, чтобы смотрѣть хладнокровно на женщину сидящую на отверстїи пещеры (1), и принимающую со дна святилища чрезъ треножникъ божественныя вдохновенія. И такъ для изданія прорицанія необходимо нужно, чтобы Аполлонъ выходилъ изъ ущелія проникнуть внутренности жрицы (2).? Въ такомъ странномъ богослуженіи живописное падающее подъ сѣкирою не есть одна жертва; Пифія должна быть болѣе жертвою. Я думаю, много ей стоить выдерживать такую церемонію . . . Проси мнѣ, почтенная и мудрая Аристоклеа

Аристоклеа. Таинственникъ Фивскій! ты не оскорбилъ меня. Я обезпечена тѣмъ, что народъ не имѣетъ столько хорошихъ глазъ, какъ ты; ему трудно казаться все очень невиннымъ. Воспитанная съ молодыхъ лѣтъ въ тѣни жертвенниковъ, я привыкла повиноваться судьбѣ своей. Полъ, къ которому я принадлежу, не всегда ли былъ въ неволѣ у вашего? Родившись быль супругою и ма-

(1) Аристофан. комедія *Рыцари*.

(2) *Et se visceribus mergit.* Lucan. *phars.* Lib. V.

перью, я сдѣлалась жрицею. Въ гражданской жизни я не выбрала никакого мѣста, какъ токмо сидѣть на треножникѣ. И какъ твоей наблюдательной взглядъ не довольствуется смотрѣть поверхностно на предметы, то ежели твоей Геній призываетъ тебя къ преобразованію тебѣ подобныхъ, возмись очищать обыкновенія націй; сей великій трудъ будетъ не менѣе стоить всѣхъ Геркулесовыхъ подвиговъ. Ты сдѣлаешь весьма великія услуги человѣческому роду. Изъ всѣхъ тиранновъ унижающихъ его труднѣе всего изпребишь худыя обычаи. Пожалѣй обо мнѣ, и храни почтеніе къ злощаснымъ Аристоклеи. Впрочемъ я щаслива, если могла представить тебѣ еще одно побужденіе, чтобы ты предпринялъ на себя перерожденіе народовъ. Проси, братъ мой!

При сихъ послѣднихъ словахъ слеза упала съ ея рѣсницы. Посмотрѣвъ долгое время другъ на друга въ молчаніи, мы разспались.

XXXIII.

Пивагоръ въ Тиворѣ. Езолъ. Навпактъ. И така.

Я предался нѣсколько часовъ размышленію на равнинахъ Криссы, гдѣ осправляются Пивическія игры (1).

Выходя изъ сей обласпи, я увидѣлъ безчисленное спеченіе народа при подошвѣ одного весьма высокаго ущеса. Депутаты всей Греціи собравшись прибыли шуда для учиненія удовлетворенія за одну великую несправедливость (2); въ ихъ присутствіи поставлена была пирамида въ память нещаснаго Фригійца (3), славнаго мудростію своихъ апологовъ. Я читалъ надпись, сдѣланную изъ бронзовыхъ литеръ, которую прибили на монументъ. Вотъ главныя черпы ея:

„Езолъ Фригійскій (4), странствуя въ Делфахъ, назвалъ гражданъ плавающими палками: они отмстили за сію истинну,

(1) Пиндар. од.

(2) Жизнь Езола, соч. Лафоншеня.

(3) *Esopus, miser vitâ, miser morte, miser formâ.* Hieronimus.

(4) . . . *Pythagora antiquiorem.* Svidas.

обезнивъ Мудраго въ святопачствѣ (1), и нарушили сами право убѣжища къ Аполлону, оппоргнувъ Езола отъ близнаходящагося жертвенника, дабы низвергнуть съ высоты сего ущеса. Путешественники! почитите ламянь Езола, поносити имя Делфійца.“

Въ Делфійскомъ округѣ, семь часпей гномона (2) соспавляютъ шеспъ часпей шѣни. Самый должайшій день бываетъ пятнадцатъ часовъ. На дорогѣ отъ Делфовъ къ сѣверу, я входилъ въ храмъ Эскулапія; богъ представленъ съ длинною бородою, дабы чрезъ сіе показатъ, что доброй врачъ всегда старъ. По правую руку спашуи находится кроватъ для больныхъ, входящихъ пребоватъ совѣта у Оракула.

Я позволилъ себѣ сдѣлатъ впаденіе въ Дориду. Эта небольшая область Греціи спспавила спашую злощасной дочери Пріама и Гекубы (Кассандрѣ); и сей монументъ, въ родѣ жертвенника, пользуется правомъ даватъ убѣжище только шѣмъ молодымъ дѣвицамъ, копорыхъ ро-

(1) Plutarch. *de serâ numinis vindictâ.*

(2) Плин. *Ист. Нат.* VI. 54.

дипели хотѣтъ опдаться замужъ пропиву ихъ воли. Я разсмапривалъ изваяніе Кассандры, которое само въ себѣ немѣетъ ничего опличнаго. — Одна жертва родипельской жестокости прибѣжала съ разпрепанными волосами и въ печальномъ плашьѣ, и вскричала обнимая ноги спатуи: „Священные шѣни Гекубы и Пріама! умилоспивице для меня вашу дочь, и спасице нещаспную!“

Послѣ сего молящаяся сдѣлалась неподвижною, подобно кумиру предспавлявшему ея заципницу. Немедленно сбѣжались къ ней Дорійцы; дано было знашь семейспву молодой дѣвицы, и мудрые спарцы взяли на себя посредничеспво. — Я люблю сіе учрежденіе!

Услышавъ о пещерѣ Нимфы Кориціи (1) при подошвѣ горы Парнасса, я пошелъ туда. Можно пройши безъ помощи лампы до самой глубины ея. Чиспыя воды бьютъ подъ ногами почти на каждомъ шагу, и шакже со свода скапываются на голову. Эша свѣжая пещера, коея выходъ простирается до вершины горы, посвящена всеобщему Богу, то есть

(1) Павзан. X. Фокіон.

Натурѣ, подъ символомъ Пана. А прочая часть Парнасса служить жертвенникомъ для Солнца. Солнце и Натура! Еспь ли чпо доспойнѣ энпузіазма Музы?

Будучи привержена къ мѣспу сему, Нимфа Кориція была основательницею близлежащаго селенія.

Богослуженіе древней Изидѣ, принесенное Азіатскими Греками, предспавляетъ городу *Тиореѣ* два дни въ году для публичныхъ шорговъ; передъ поршикомъ храма Египетскаго божеспва продаютъ скоповъ и невольниковъ. Не могли долѣ сморѣшь на эшо несносное зрѣлище, я высупилъ на площадь, въ средину многочисленной толпы людей, почти нагихъ, прикованныхъ одинъ къ другому, имѣвшихъ ноги побѣленные мѣломъ (1), и замѣченные клеймомъ ихъ господъ, — людей, лежавшихъ безъ разбору вмѣстѣ съ свиньями. Многие изъ сихъ нещаспныхъ были въ клѣпкахъ (2). Я сказалъ имъ повелительнымъ и громкимъ голосомъ. „Встаньше! и подише вмѣстѣ со-

(1) Ювен. Сат. I. Скалиг.

(2) Котаста, большая прозрачная клѣпка Перс. Сат. VI.

мною принесши жерпву на олшари Изиды; будучи приняшь въ священныя ея шаинспва, я иду именемъ ея возвратишь вамъ свободу.“

Многіе вспали; другіе не смѣли вѣришь пому, что слышали. „Встаньте! я вамъ повелѣваю именемъ Изиды.“

Топчасъ сбѣжались хозяевы. — „Вы! сказалъ я имъ, разорвите оковы носимыя вамъ подобными, или спрашите гнѣва Изиды. Она направила шаги мои къ сему мѣсту. Довольно уже и долго она перпишь при врапахъ своего храма сей великой соблазнъ. Народъ Тиорейскій! помогите исполнить волю богини; опличите челоуѣковъ опъ свиней; продайте сихъ послѣднихъ; освободите и обнимите вашихъ брашьевъ.“

Купцы, — богатые Сициліане, — бросились къ правителямъ; а я къ жрецамъ. Когда сошлись вмѣстѣ и шѣ и другіе, то я спалъ въ самомъ преддверіи храма, коего врапа велѣлъ отворить, и принявъ положеніе громодержащаго Юпитера, поднявши въ верхъ руки съ видомъ угрозы, началъ говорить слѣдующее: „Народъ и правители! первосвященники и купцы! да исполняешъ здѣсь каждой свою должностъ, или я произнесу пропиву го-

рода проклятія, опданныя на мою властъ богиней Изидою, коея шаинспвамъ я посвященъ въ Оивахъ. Я хочу васъ предосперечь въ послѣдній разъ. Нецасные! встаньте. Богиня уполномочиваетъ васъ, еспьли будетъ попребно, защитишь права свои не шадя самой жизни. Еспьли не согласяшся разорвать ваши оковы; побейте сими оковами шѣхъ, копорые васъ оными обременили.“

Правители пребывали неподвижными. — Я закричалъ имъ: „Правители, да падешъ на главы ваши шяжестъ произшесшвій!“

Народъ показался колеблющимся. Я усугубилъ швердостъ своего духа, и началъ обѣими руками разрывать оковы одного невольника. Чернь ожидала шолько примѣра. Граждане послѣдовали мнѣ. Мы взошли всѣ въ храмъ; народъ сдѣлалъ еще болѣе. Онъ завладѣлъ свиньями для принесенія ихъ въ жертву Изидѣ. Оспашки опъ сей великой жерпвы употреблены были для пиршества на публичной площади оспавленной купцами.

Внутренностъ храма Изидина произвела во мнѣ омерзеніе. Гнилыя испаренія мерпвыхъ коспей задушаютъ. Неокоры черезъ девашъ мѣсяцовъ выбрасываютъ

оспапки изрубленныхъ жертвъ. Такое обыкновеніе сего мѣста!

Передъ выходомъ изъ города, я пошелъ воздать благодареніе богу Эскулапію, покровителю Тиѳорейцовъ; я не носилъ пѣшуха для закланія на его жертвенникахъ; божество оспалось довольно приносомъ врачебныхъ распеній. Спасуя его ничего не имѣлъ опличнаго. Въ день его праздника, верховные жрецы кладушъ ее на постелю больного, поставленную прямо на краю свѣтилища. Воиъ еще обыкновеніе этой страны!

Делфы опдѣляются восьмидесятью спадіями опъ Тиѳореи (1). Сей послѣдній городъ, орошаемой водами Кахалиса, рѣки напаяющей Цефизъ, носилъ имя Нимфы. Весь его округъ заключаенъ въ семидесяти полуперечныхъ спадіяхъ (2); онъ посвященъ Богу - цѣлителю.

Я пустился въ свой путь, чѣобы въ *Навлактѣ* (*) сѣсть на судно; дожидаясь шлюбки, я ходилъ въ славной Венеринѣ

(1) Геродот. *Ист.* VIII.

(2) Павзаній.

(*) Нынѣ, *Деланте*; Турки называютъ ее *Эйнебахъ*.

тропъ часто посѣщаемой тамошними вдовами.

Я не имѣлъ времени посмопрѣть мастеровыя Соидаса и Менехма (1), двухъ ваятелей, дѣлающихъ честь сему городу. Приспанъ его, одна изъ многочислѣйшихъ, есть самая древняя. Тушъ - по сошла на берегъ колонія, населившая Пелопонезъ; и принесшая шуда боослуженіе Солнцу. Навпактѣ находится въ зависимости у Локріанъ (2).

Я не оспанавливался шуть; необыкновенное мое плашье очень бы могло произвести шю, чѣобы меня почли за прорицателя; а сей городъ поступаетъ съ сими людьми, шакъ какъ съ екрышними шпюнами. Приключеніе *Арноса* такимъ образомъ убишаго меньшимъ Геркулесовымъ сыномъ, долженствуетъ служить предостереженіемъ для путешественниковъ. Аполлонъ опмшилъ смерть своего прорицателя; но не возвратилъ ему жизни.

Меня всегда будушъ упрекашъ въ шомъ, чѣо я не ходилъ пролишъ слезу на шпесъ, на кошорой волны выбросили

(1) Баршелеми, *путеш.* Анахарсиса. Т. VII.

(2) Локріане - Озолы. *Птоломъ*.

трупъ Гезіода, умерщвленнаго разбойниками, и брошеннаго ими въ море, дабы чрезъ сіе скрыть свое злодѣяніе отъ преслѣдованій правосудія (1). Небольшой монументъ свидѣтельствуетъ о семъ плачевномъ приключеніи, и приводитъ на память путешественнику несчастнаго поэта Напуры.

Навлактъ (2) получилъ свое имя отъ построенія кораблей, изобрѣпеннаго въ сей приспани Гераклидами. — Плаваніе было скорое и благополучное: „Этому такъ и быть должно,“ сказалъ мнѣ одинъ мапротъ; прекрасная *Анадіомена* явилась мнѣ нынѣ во снѣ (3).“ Мы плыли прямо къ острову *Феакіанъ*.

Между тѣмъ мнѣ удалось сойти на минушу на островъ *Итаку* (*), коего главное мѣсто, построенное на остротѣ утѣса, могло бы называться гнѣздомъ народа (4). Мнѣ хотѣлось посѣпить Мистическую пещеру *Нимфъ*, копорую описалъ

(1) Павзан. *путеш.* IX. 38.

(2) *A contractis naribus.*

(3) *Венера.* Артемидор. *Онирокрит.* II. 42.

(*) Теперь *Валь дю Коллеръ*.

(4) *Itaca. nidulum.* *Cicero orator.* Lib. I.

Гомеръ въ своей *Одиссеѣ* (1), и копорая, какъ говорятъ, представляетъ міръ. Земля, изъ копорой она изкопана, служитъ символомъ вещеспва; въ нѣдро коего переходитъ все во вселенной. Рука Напуры, а не человѣка, произвела сіе ущеліе, коего средоточіе перяется въ каменной горѣ глубоко вдавшейся въ землю. Око человѣческое не можетъ проникнуть густошумрака шамъ царспвующаго; другая эмблема глубокой непроницаемости Напуры! Я замѣпилъ, что шумъ много свѣжихъ ручьевъ, питающихъ вѣчную зелень. Богъ *все*, сопровождаемый Солнцемъ, Луною и другими свѣпилами, супъ божеспва сего священнаго мѣста, копорое имѣетъ только одинъ входъ и одинъ выходъ; первый лежитъ къ сѣверу, а послѣдній къ полудню.

Я не имѣлъ времени посѣпить покои, копорые велѣлъ построить Улиссъ вокругъ брачной постели, сдѣланной его руками изъ пня оливы, споящей еще на своихъ корняхъ (2). — Сей домашній монументъ показывающъ въ городѣ *Алкоменъ*.

(1) Пѣснь XIII.

(2) Гомер. *Одисс.* XXIII.

На горѣ Неритѣ, отъ которой сначала весь островъ Ифака получилъ свое имя, весьма много водится козъ.

XXXIV.

Навзикаа.

Феакія (*) самый спраннопримный островъ, назывался въ старину *Дреланомъ*, по тому что сія отдѣленная земля вдоль Ионическаго берега имѣетъ нѣкоторой видъ серпа (1). Божественный Гомеръ сдѣлалъ ее славнѣе подъ другимъ именемъ, помѣсивъ въ одной своей поэмѣ (2) преданіе этой спраны. Я приспалъ къ берегу въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ происходила неприпворная сцена, только списанная симъ безсмертнымъ поэтомъ. Мнѣ вздумалось удивовѣриться самому въ ея вѣрности. Молодая островитянка, прогуливавшаяся на берегу одна, съ охотою со-

(*) Или *Корцира*; нынѣ *Корфу*.

(1) Птолом. III. 14.

(2) *Одисс.* Кн. VII.

гласилась удовлетворить моею справедливою неперпѣливости. Она не знала твердо *Одиссеи*; но слушая ее я думалъ, что слушаю самаго Гомера:

Во время Троянской осады Алкиной царствовалъ надъ *Феакійцами*. Онъ возсѣдалъ въ черпogaхъ своихъ на золотомъ тронѣ. Но его сады предспавляли Природу во всей плодосворной проспоспѣ ея; а въ нѣдрѣ его сѣмейства обипали нравы *Аспреина* вѣка. Сыновья были первые его слуги; царица, его супруга, первая подавала примѣръ труда, и уроки домашней экономіи. Дочь его, милая и цѣломудренная *Навзикаа*, раздѣляла съ своею маперью попеченія о хозяйствѣ, и входила во всѣ мѣлочи. Между тѣмъ какъ царица, сидя передъ скромнымъ каминомъ, окруженная своими женщинами, безпреспанно пряла волну окрашенную въ пурпурсвой цвѣтъ для манші царя, своего супруга, *Навзикаа*, въ сопровожденіи своихъ подругъ, ходила мыть плащъ своихъ брашлевъ, занимавшихся также упражненіями своего возраста. Она всупила уже въ лѣта любви; но *Минерва* по видимому покрывала ее своимъ *Эгидомъ*.

Тоже самое божество покровительствовало *Улиссу*, блуждающему по морямъ

послѣ взятія Трои, и борящемуся съ бурями, въ надеждѣ возвратиться опять въ свое любезное отечество. Сей государь сошедши наконецъ съ острова Огиги, гдѣ онъ жилъ слишкомъ много для своей славы, сдѣлался жертвою новаго кораблекрушенія на берегахъ Феакійскихъ. — Минерва, оставившая его въ то время, когда онъ находился въ объятіяхъ Калипсы, поспѣшью подала ему свою помощь, какъ скоро онъ сдѣлался несчастливъ. Чпобы испребитъ въ немъ всякую мысль о порокѣ, она употребила въ дѣйство Навзикау, и захопѣла, чпобы онъ ей одолженъ былъ возвращеніемъ своимъ въ Итаку.

Среди ночи богиня явилась во снѣ молодой дѣвицѣ въ видѣ одной подруги ея лѣшѣ. Спавши подлѣ изголовья ея чистаго ложа, она сказала ей: „Цѣломудренная дочь Алкиноя! ты не примѣчаешь можешь быть за собою; позволь мнѣ напомннуть тебѣ, что съ нѣкотораго времени ты нерадишь о убранствѣ; между тѣмъ ты уже въ лѣтахъ, въ копорыхъ нравятся. Пустое безпокойство овладѣвшее твоею душою, препятснвуетъ тебѣ пецися даже и о домашнихъ твоихъ должностяхъ. Оставь сѣю безпечность. Завтра можешь быть ты опдашь свою руку одному изъ придворныхъ вельможъ твоего

опца. Мать твоя не можетъ, не должна безъ сомнѣнія прудиться одна надъ твоимъ приданымъ и приводить его въ порядокъ. Подумай съ этого дни о заготовленіи своего платья и о содержаніи его въ такомъ соспояніи, въ какомъ оно должно быть тогда, когда ты перейдешь въ домъ своего мужа. Какъ будешь низко для себя и твоихъ ближнихъ, когда поспѣшью примѣтять твое нерадѣніе! Благорожденная дѣвица должна болѣе всего показывать стараніе свое въ чистотѣ платья; по бѣлизнѣ одеждъ судяшь и о ея нравахъ.“

Навзикаа, пронуная симъ упрекомъ вспаешь вмѣстѣ съ зарею, будитъ всѣхъ собесѣдницъ и приказываетъ имъ быть готовыми къ отъѣзду на испочникъ; попомъ сыскавъ Алкиноя, говоритъ ему: „Вашюшка! вели запречь одну изъ твоихъ колесницъ; я намѣрена ѣхать вмѣстѣ съ своими подругами на рѣку, вымышь тебѣ (1), матери моей, брагьямъ и

(1) *Pater chare! num mihi apparaueris currum
Excelsum, rotundum, ut pulchras uestes asferam
Ad flumen lotura, quae mihi sordibus inquinatae
tae jacent.*

себѣ платье; дабы, еспѣли у насъ случится когда нибудь праздникъ, прибавила она закраснѣвшись, по намъ можно было явиться на оной всѣмъ въ приличномъ видѣ.“ — Алкиной улынулся при сихъ послѣднихъ словахъ, коихъ онъ безъ труда понялъ истинной смыслъ.“ Любезная дочь! я доволенъ своею осмотришельностью. Повелѣвай въ моихъ чертогахъ. Все, что ты прикажешь подданнымъ моимъ, будетъ исполнено.“

Мать Навзикаи съ своей стороны не забыла приготовить съѣстныхъ припасовъ; дочь ея должна была возвратиться уже ввечеру. Всѣ ноши наложены. Молодая царевна входитъ на колесницу запряженную многими смиренными мулами, коими правитъ сама. Въ рукѣ ея золопой бичъ. Она управляетъ. Прѣжжаютъ на мѣсто; и тотчасъ принимаются за работу, дабы оспавить себѣ нѣсколько часовъ для отдыха подъ тѣнью ближней рощицы, между тѣмъ какъ мокрое платье, разосланное по песку будетъ сушиться солнечными лучами.

Почти весь трудъ окончился къ полудню. Съли за столъ умеренной, но веселой. Крошечная радость одушевляющая собесѣдницъ происходила наиболѣе отъ

щасливато характера Навзикаи. Сія милая и добрая царевна употребляетъ права своего рожденія для того только, дабы возбудить подругъ своихъ къ невиннымъ удовольствіямъ. Она каждой разъ выдумывала новыя пляски; ей приписываютъ изобрѣтеніе *Сфирисники* (1), — игры, копорая состоитъ въ бросаніи черезъ голову, изогнувшись назадъ, шара, копорой другой плясунъ скача спараеется поймать въ свою руку, прежде нежели онъ упадетъ на землю и самъ очутился у ногъ его.

Минута возвращенія въ городъ приближалась, какъ Навзикаа бросала шаръ споль далеко, что онъ полетѣлъ въ море. Все это, увѣряющъ, было не по одному только случаю. Минерва все прѣготовила, все расположила. Сей крикъ разбудилъ Улисса, копорой послѣ двадцати-дневной бури, попадши на мѣль у сихъ береговъ, отъ уснѣя рѣки добрелъ до ближней рощицы; и онъ продолжительныхъ безпокойствъ погрузился въ весьма глубокой сонъ; онъ былъ нагой, такъ какъ преперпѣвшій кораблекрушеніе, довольно щасливый тѣмъ, что спасъ свою жизнь.

(1) Voy. l'histoire de la danse, par Burette.

Первымъ чувствованіемъ Улисса, при его пробужденіи былъ страхъ. Онъ не знаетъ, не служилъ ли земля, на копорую былъ выброшенъ, жилищемъ для безчеловѣчныхъ людоедовъ. Звукъ голоса молодыхъ дѣвицъ успокоиваетъ его нѣсколько, и ободряетъ. Онъ смотритъ сквозь древесныя вѣтви, дабы узнать, въ какія попался руки.

Но какъ къ нимъ явился въ такомъ положеніи! Онъ покрылся, сколько можно лучше, листьями и рѣшился наконецъ выдти изъ своего убѣжища. Всѣ побѣждали при страшномъ его появленіи. Навзикаа, споль же спыдливая какъ и ея подруги, но удерживаемая Минервою, оспанавливается, и даетъ время злощасливому чужестранцу сказать ей издали слѣдующія слова:

„Дщерь болѣе нежели обыкновеннаго человека, или безъ сомнѣнія владычица сихъ мѣстъ! щасливы государи, именующіе тебя своею сеспрою! еще щасливѣе пошь благородный смертный, кому ты дашь право называться швоимъ супругомъ! Я много странствовалъ, былъ принятъ при Дворахъ многихъ Монарховъ; но я не видалъ еще сполько величества соединеннаго съ такою крошестію, споль-

ко прелестей совокупленныхъ съ видомъ мудрости, отличающимъ черпы швои. Еслили душа швоа подаетъ нещаснымъ все то упѣшеніе, каковое вдыхаетъ наружный швой видъ — то мои бѣдствія окончились; и щастіе мое начинается съ швой самой минушы, какъ я себя увидѣлъ. Безпорядокъ, въ какомъ ты меня находишь, довольно объясняетъ все претерпѣнное мною. Будучи игралищемъ вѣтровъ и водъ, съ оспрова Оигіи я опнесенъ былъ къ сему берегу, мнѣ совершенно неизвѣстному. Минерва, копорую я молилъ долгое время, безъ сомнѣнія сама водила стопы швои, дабы положишь предѣлъ продолжительнымъ моимъ горестямъ. Доспочтенная царевна! или по крайней мѣрѣ дѣвица достойная быть рожденною въ царской порфирѣ! оставь мнѣ нѣсколько лоскушковъ плащя, и также нѣсколько пици, и укажи дорогу къ ближайшему городу. Ежели боги пріемлютъ молитвы признапельности, и не могутъ быть нечувствительными къ онымъ, по въ вознагражденіе за швои благодѣанія они дадутъ тебѣ юнаго и любезнаго супруга, водворятъ между обѣими вами семейственной миръ, и по доброе согласіе, безъ котораго нѣтъ совершеннаго щастія, и удалятъ всякой случай требующій пе-

чальной разлуки, конецъ коея не всегда ускорить можно“ Такъ говорилъ супругъ Пенелопы, не давая знать о себѣ болѣе.

Навзикаа ошвѣпствовала ему почти въ сихъ выраженіяхъ: „Чужестранецъ злощасливый, и достойный лучшей участи! судьба можетъ быть гнала тебя для того, дабы испытать швое мужество и придать добродѣтелямъ швоимъ большій блескъ. Успокойся! никакой несчастливецъ не спупалъ на сію землю любимую Нашурою, не получивъ здѣсь утѣшеній. Когда мои женщины доставятъ тебѣ все нужное для шеперешняго швого положенія; тогда ты будешь слѣдовать за нами въ столицу сего острова. Ты у Феакіянъ, которые имѣютъ царемъ великодушнаго Алкиноя; — я дочь его.“

Улиссъ нашелъ шопчасъ въ опдаленномъ и приспойномъ мѣстѣ все нужныя пособія, какія шолько могъ желать. Онъ немедленно сдѣлалъ изъ нихъ приличное для себя употребленіе. Между шѣмъ рѣшились дожидаться его возвращенія. Преданіе присоединяетъ, что услужливая Минерва удостоила сама присутствовать при одѣваніи Улисса. Когда онъ опять показался Навзикаѣ, шю уже былъ совершенно не шощь. Въспомо бѣднаго мореход-

ца, выброшеннаго бурей, и съ головы до ногъ покрытаго грязью, явился Герой въ полной силѣ лѣтъ своихъ, коего смѣлая и благородная поступь показывала привычку къ властительству. Онъ сдѣлалъ такое впечатлѣніе на молодую царевну, что она не могла удержаться, чтобы не сказать шихонько ближайшей своей наперсницѣ: „О если бы супругъ, мнѣ назначаемый, похожъ былъ на этого чужестранца!“ — Потомъ обратившись къ Улиссу, сказала опкровеннымъ и благоприспойнымъ шономъ: „Благородной чужестранецъ! спупай съ нами; но замѣшь шю, что я намѣрена тебѣ предписать: Когда мы подойдемъ къ священной рошцѣ Палладиной, отстоящей отъ города назвукъ голоса, тогда оставь насъ идши впередъ. Не нужно, что бы насъ увидѣли вмѣстѣ входящихъ въ городъ. Феакіяне при нашемъ шествіи могутъ сказать другъ другу на ухо: „Не этого ли супруга нашла себѣ дочь Алкиноева, мывши плашь? Откуда онъ? Кажется чужестранецъ. Не уже ли Навзикаа не могла бы у насъ найти себѣ достойнаго жениха?“ — Не оскорбись, благородной чужестранецъ, что я оснавляю тебя позади. Тебѣ легко можно будешь опличить чертоги моего опца; одинъ изъ великаго чи-

сла дѣшей играющихъ на нашихъ перекресткахъ почтешъ себѣ за долгъ проводишь тебя туда. Ты испросишь бышь представленнымъ моею мапери; найдешь ее у широкаго очага занимающуюся въ срединѣ своихъ женщинъ пряденіемъ. Ты обнимешь ея колѣна; отецъ мой находится опѣ нея неподалеку, дѣлая вмѣстѣ съ нѣкоплыми друзьями возліаніе Бахусу. “

Благоразумный Улиссъ сообразовался симъ мудрымъ насавленіямъ; онъ дождался ночи, чптобы взойти въ городъ, и не подашь повода къ разговорамъ, копорые бы могли подвергнуть опасносипи честь Навзикаи. Алкиной принялъ его благоклонно. Царяца Арета (ничего неукроенся опѣ маперняго ока!) дала замѣшить царю, чпто сей безпріютной чужестранецъ одѣшь въ плашье похожее на то, какое дочь ея возила мышъ. Посипупокъ Навзикаи заслужилъ нѣсколько выговоровъ; но Улиссъ оправдалъ его, рассказавъ, какъ просипо происходило все дѣло. Онъ сполько упопробилъ мудроспи въ своемъ повѣствованіи, чпто доброй Алкиной послѣ сего возымѣлъ довѣріе къ Ипакскому Герою; онъ даже сказалъ ему, чпто подобный мужъ былъ бы для Навзикаи величайшею милоспю боговъ. Улиссъ на шаковыя предваренія опвѣспвовалъ подроб-

нымъ повѣспвованіемъ всѣхъ своихъ приключеній. Слова его вдыхали живѣйшую внимательносипь и глубочайшее уваженіе. Снарядили не большой флосъ для возвращенія его домой. Онъ опправился осыпанный подарками. Навзикаа, увѣряющъ, вдохнула при его опвѣздѣ.

Сии прекрасные нравы нынѣ существующъ сполько въ памяспи молодыхъ Феакійскихъ дѣвицъ (1). Оспровипяне, не занимающіеся шорговлею, сохранили еще видъ шого шаспливаго времени, когда въ ихъ мирной землѣ искали убѣжища опѣ пиранновъ и народныхъ возмущеній. Феакіане сей глубокой мирѣ, коимъ они наслаждались внуспри своей маленькой обласпи, приписываютъ посшоянному благочеспю своему къ богамъ.

Прибавше, сказалъ я имъ, прибавше, къ сему разсужденію, чпто вы тогда можешъ бышь не сполько были богаты какъ нынѣ. Къ вамъ приходили другіе, а вы не ходили ни къ кому; умѣренносипъ вашихъ желаній была порукою вашего шасптія; боги васъ хранили пошому, чпто вы береглись людей. Можешъ бышь шакже, изъ всѣхъ боговъ вамъ должно бы бы-

(1) Plutarch. *de exilio.*

ло принять на свой островъ одного только добраго Януса, и никогда не присоединять къ нему презубецъ Неппуновъ.

Правленіе въ Феакіи есть монархическое, смѣшанное съ Аристократіею (1); царь съ помощію двенадцати вельможей управляетъ всѣмъ островомъ. Народъ дошелъ до такого степени униженія, что правители заславляющъ гнашъ его бичами (2), какъ скоро онъ останется въ весьма великомъ числѣ на *мѣстѣ публичнаго собранія*, или зачнешъ говорить нѣсколько погромче.

Я нашелъ островитянъ такими же еще, какими описалъ ихъ божественный Гомеръ, — суровыми и не спранны-пріемными. Они мореходцы, вѣрные въ своихъ торговыхъ пракпашахъ, но грубые и не много уважающіе путешественника. Городскіе жители вознаграждающъ нѣсколько пріемъ бываемый въ приспани. Роскошь въ платьѣ, а особливо въ столѣ, не уменьшилась со временъ Алкиноя и Улисса.

(1) Aristotelis lib. de Coreyraeorum politia.
(2) Quir. prim. Coreyrae. Cap. XXI.

Пивагоръ пріѣзжаетъ въ Сицилію. Сиракузы ().*

Ничто не могло удержашъ меня долго въ Феакіи, коея окружность проспирается на сорокъ часовъ пупи. Оставивъ ее, я поѣхалъ въ Сицилію; мнѣ хотѣлось видѣть лично деспота и тирана. Я приехалъ къ берегу подлѣ однихъ Сиракузскихъ воротъ; мнѣ должно было вытерпѣть множество околичныхъ разбирательствъ и осмотровъ; и я весьма удивился сначала, что въ приморскомъ и торговомъ мѣстѣ не слишкомъ ласково принимаютъ чужестранцовъ: но надъ симъ великимъ городомъ гений зла проспиралъ желѣзный свой скипетръ. Тогда еще обладалъ всею Сициліею Фаларидъ, тиранъ Агригентской. Его имя опечатавало ужасъ повсѣмъ премъ часямъ Италіанской Делфы (1); народъ Сиракузской пренепалъ его, а шести-сотной Сенатъ подавалъ ему въ помъ примѣръ. Я потребовалъ проводника, и топчасъ удовле-

(*) Нынѣ, Сирагуза.

(1) Помпоній Мела. Кн. II.

творенъ былъ въ своей прозбѣ: но я примѣнилъ, что сей человекъ, имѣющій званіе *галота* (1), двоякую отправлялъ при мнѣ должность. Впрочемъ я не сдѣлался опъ сего оспорожнѣе. „Пора уже, сказалъ я самому себѣ, начашъ мнѣ свою философическую миссію (2).“ — Первое слово, сказанное ему мною, весьма удивило его и повидимому привело въ замѣшательство. Желая доказать мнѣ глубокую древность Сиракузъ, коихъ основаніе онъ относилъ къ временамъ Гигантовъ, онъ предлагалъ проводить меня къ городскимъ воровамъ на поле, называемое Геркашивъ. „Тамъ, сказалъ онъ, находится пещера, въ коей лежатъ человеческія кости мѣрою въ двадцать локтей.“

Лучше поведи меня, сказалъ я ему, къ Сенатору имѣющему спанъ свободного человека.

Проводникъ. Геркулесъ былъ также въ Сиракузахъ.

(1) Толкователь словъ. *Cicer. divinat. I.*

(2) Пребываніе Пифагора въ Сициліи немало способствовало усовершенствованію наукъ. *Ant. Mongitore, Bibliotheca sicula.*

Пифагоръ. Онъ не оставилъ здѣсь своей дубины, которая низложила сколько чудовищъ; или ваши сенаторы не имѣютъ довольно сильной руки поднять ее. При всемъ томъ народъ Сиракузской хранилъ еще грубые нравы своихъ предковъ, Доріянъ.

Проводникъ. Агриконъ есть колонія Сиракузская.

Пифагоръ. Черезъ сіе Сиракузы ничего не произвели лучшаго; города, также какъ и люди, должны помышлять о размноженіи своемъ только тогда, когда обезпечены касательно свободы своихъ дѣлѣй.

Знаменитый путешественникъ! продолжалъ мой жошой приговорнымъ голосомъ, примѣчаешь ли ты, что мало городовъ, которыя имѣли бы мѣстоположеніе лучше нежели Сиракузы? Здѣсь соединяются всѣ выгоды вмѣстѣ: прекрасная рейда и прекрасныя пашни; прекрасной воздухъ и прекрасныя воды.

Пифагоръ. Такъ! Сиракузы пользуются всѣми выгодами, исключая независимости.

Проводникъ. У насъ есть много храмовъ: копорой прежде хочешь ты по-сѣшить?

Пифагоръ. Храмъ Юпитера - освободителя.

Проводникъ. У насъ его нѣтъ; здѣсь есть храмы Венеры - Каллипиги и Фортуны; въ снѣгахъ нашихъ богъ *аллетиа* (1) имѣетъ также свой храмъ; въ немъ находится жершвенникъ богини *жатъ.* Мудрый чужеземецъ! ты долженъ знать, что свобода, также какъ и любовь изнемогаютъ безъ Цереры. Хотя мы теперь не на *Тесмофоріяхъ*, но я могу доставить тебѣ освященные хлѣбы, раздаваемые во время сего праздника; ты знаешь, что они замѣшиваются изъ сочевицы и меда; но ты не можешь себѣ представить странной формы (2), каковую мы обязаны имѣ

(1) *Templum voracitatis* Voy. Bonannus.

(2) Гераклидъ Сицилійской, въ своемъ сочиненіи о нравахъ древнихъ, пишетъ, что у Сиракузянъ во время *Тесмофоріевъ*, Церериныхъ праздниковъ, дѣлали изъ сочевицы и меда пироги, представлявшіе срамныя женскія части, и выспавляли ихъ для всеобщаго зрѣнія.

Лонней.

давать въ силу древняго преданія; она бы разсмѣшила тебя. Въ старинныхъ обыкновеніяхъ опчета не даюшь.

Пифагоръ. Оставимъ замѣчанія.

Проводникъ. Можетъ быть тебѣ болѣе понравится памятникъ, воздвигнутый на дорогѣ, ведущей къ каменолознямъ (1), Лигдаму, славному Сиракузскому Аплету, копорой въ припадѣ прешью Олимпіаду (*) получилъ пяшь награду на Олимпійскихъ играхъ. Онъ имѣлъ видъ и силу почти Геркулесову; и, что весьма рѣдко между людьми его соспоанія, никогда не чувспвовалъ жажды (2). Никогда также не видывали, чтобы пошъ текъ по лицу его. Послѣ смерти въ его коспяхъ не нашли мозгу, онъ были плошны и шверды.

Пифагоръ. А кромѣ этого ты ничего не можешь мнѣ показатъ позанимательнѣе? . . .

Проводникъ. У насъ есть еще источникъ Аретуза и рѣка Алфей; въ

(1) *Latoniae.*

(*) А по другимъ, въ XXVIII.

(2) Павзан. *путешест.* Солинъ.

нѣсколькихъ шагахъ отъ исходящъ рѣки Анапа расстелъ паниръ споль же прекрасной, какъ на берегахъ Нила.

Пифагоръ. Все? . . .

Проводникъ. Въ Бахусовомъ храмѣ находится спашуя Ариспея, копорая достойна того, чинобы объ ней говорили пупешеспвенники, по крайней мѣрѣ по причинѣ предмета предспавляемаго ею. Дипо молодой паспухъ, копорато наши предки сдѣлали полубогомъ. Признапельносиль воздвигла ему жершвенники. Онъ первой развелъ въ Сицилїи спада, маслячныя деревья и пчель; примѣрѣ его былъ принятъ вмѣспо закона. — Въ храмѣ Ми-нервы ты увидишь портреты великихъ царей, обладавшихъ Сицилїею. Сїя картинная галерея начинается портретомъ Сатурна, а окончивается самымъ сходнымъ изображенїемъ Фаларида.

Пифагоръ. Предспавленъ ли съ нимъ мѣдной его быкъ? . . . Еспль ли въ вашемъ городѣ какой нибудь Ученой?

Проводникъ. Молодой Аншїохъ (1) заспавляетъ уже объ себѣ говоришь; онъ назначаетъ себя для Испорїи.

(1) Страб. Геогр. Дїод. Сицил. Библ.

Пифагоръ. Онъ хорошо опишетъ свое время.

Проводникъ. У насъ ещѣ еспль *Киневъ*, копорой гоповишь новой списокъ Гомеровыхъ спихопворенїй.

Линѣ сполько я уснѣлъ расплашишь съ моимъ проводникомъ, какъ уже онъ подалъ сигналъ. Топчасъ предспалъ предо мною одинъ человекъ, сопровождаемый многими шѣлохранипелями, и сказалъ мнѣ довольно грубо: знаешь ли ты меня?

Пифагоръ. Нѣтъ.

Кулецъ. Я одинъ изъ купцовъ поргующихъ невольниками, пропиву коихъ ты возмушилъ Тиорейской народъ. Фаларидъ любопытспивуетъ посмопрѣшь спайнсшвенника Фивскаго. Спупай съ нами въ Агригенъ.

Пифагоръ. Сицилїйской спиранны не уже ли еспль также спиранны и Беопїй?

Кулецъ. По крайней мѣрѣ, онъ долженъ покровипельспвоавъ и судишь своихъ подданныхъ. Послѣдуй за нами. Вотъ повелѣнїе.

Я читалъ: „Правишели Сиракузскїе имѣють брашь подѣ спражу подозришель-

ныхъ чужестранцовъ, и отсылашь къ пиранну Фалариду (*). “

Меня пощадили. Я слышалъ по дорогѣ многе скрытные голоса: „Еще кормъ для мѣднаго быка!“ Тѣже самыя слова поразили мой слухъ при всшупленіи моемъ въ Агригентъ (**).

XXXVI.

Пифагоръ и Фаларидъ.

Меня повели поспѣшь къ Фалариду (1), копорой посмотришь на меня весьма долгое время, открылъ наконецъ ротъ, и сказалъ мнѣ: „Чего ты пришелъ искашь въ Сициліи?“

Пифагоръ. Мнѣ хочется посмотришь двухъ Волкановъ.

(*) *Тираниъ* не всегда имѣлъ у древнихъ то ненавистное значеніе, каковое соединяютъ нынѣшніе съ симъ словомъ.

(**) Или *Акрагосъ*; нынѣ, *Гиргентіи*.

(1) Послѣ царствованія Тезея, первой тираннъ въ Агригентѣ Сицилійскомъ былъ Фаларидъ. Плин. VII. 86.

Фаларидъ. Я знаю изъ нихъ только одинъ, Эпну Капанскую. . . .

Пифагоръ. И Эпну Агригентскую . . . (онъ началъ осмѣривать меня снова).

Фаларидъ. Твое имя?

Пифагоръ. Пифагоръ, сынъ Мнзарковъ, изъ Самоса.

Фаларидъ. Ты-по въ Тиореи называлъ себя Посвященнымъ въ шаиншва въ Оивахъ?

Пифагоръ. Я; что ты хочешь изъ меня здѣлать?

Фаларидъ. Друга.

Пифагоръ. Передъ этимъ феноменомъ Эпна будешь извергать льдины. Друга, не такъ какъ провинцію, нельзя пріобрѣсти оспрошюю копій.

Фаларидъ. Прости, что я оскорбилъ тебя. Вамъ мудрецамъ (1) иногда надобно сдѣлать и насиліе. Иначе пришелъ ли бы ты сюда? не отпвратило ли бы тебя опъ сего мое имя?

Пифагоръ. Я уже сказалъ тебѣ, что я прѣхалъ въ Сицилію посмотришь

(1) Письма Фаларидовы XXVIII. LV и CXII.

Филарида и Эпну. Эпна не поглащаетъ всѣхъ любопытныхъ, къ ней приближающихся; я не боюсь и себя. Въ порядкѣ вещей назначено, чтобы ты погибъ прежде меня.

Фаларидъ. Я люблю твою неуспрашиваемость.

Пивагоръ. Я также удивляюсь твоей. Ты болѣе имѣешь причины препешать, нежели я; у тебя больше враговъ.

Фаларидъ. Народъ слишкомъ робокъ; онъ не смѣетъ напасть на меня прямо. Спарались подкупить моего лѣкаря, чтобы онъ подъ предлогомъ врачеванія оправилъ меня ядомъ. Но Поликлетъ имѣлъ болѣе чести, нежели всѣ Сиракузцы вообще. Онъ не захопѣлъ унижить своего священнаго званія, согласясь на столь подлое злоумышленіе.

Пивагоръ. Поликлетъ, это правда, поступилъ хорошо. Пригнѣсенная нація, желая перестать быть таковою, не такъ должна начинать свое дѣло. Унижая себя до такихъ средствъ, она дѣлается недоспойною свободы, которую желаетъ возвратить. Врачъ твой исполнилъ свою должность, а народъ испортилъ свое дѣло.

Фаларидъ. Я не могу бояться того, что долженъ презирать; для обуз-

данія всѣхъ ихъ довольно будетъ меня одного.

Пивагоръ. На малое время только, а не навсегда. Помысли, Фаларидъ, что народъ есть тысящеглавная гидра; шпираниъ есть лютое животное, имѣющее одну только голову. Отрубивъ сію можно гораздо скорѣе, нежели безчисленное множество другихъ, вырастающихъ опять въ томъ же количествѣ, въ какомъ описаны.

Фаларидъ. Сицилійцы ничего не предприняли противъ *Панетія* (*), первого шпиранина ихъ острова.

Пивагоръ. Но имъ можешь наскучить впорой.

Фаларидъ. Герофилъ, другой врачъ изъ Халкидоніи, избавившій меня отъ тяжкой болѣзни, дѣлаетъ надъ людьми различные опыты; онъ едируетъ кожу, обрубаютъ члены у живыхъ преступниковъ (1), для пріобрѣтенія большихъ успѣховъ.

(*) Его полагаютъ въ XIII ю Олимпіаду.

(1) *Herophilus, ille medicus aut lanius, qui sexcentos exsecuit, ut naturam scrutaretur...*
Teitullianus.

въ анатомическомъ искусствѣ. Я поступаю также съ народами, для упроченія науки правленія. Герофила называютъ больше мясникомъ, нежели лѣкаремъ. Въ-место царя меня именуютъ тиранномъ; но наконецъ, я надѣюсь, намъ опдадутъ болѣе справедливости, и мы оба будемъ на своихъ мѣстахъ. Въ ожиданіи чего, вмѣсто темницы я опдаю тебѣ свои чертоги.

Пивагоръ. Этого не довольно. Для чего же ты сколько пропивоубѣдишь самому себѣ? Хвалишься своею безбоязненно-стію; а повидимому уже спрашишься, чпобы и въ Агригентѣ не случилась Тиборейская сцена.

Фаларидъ. Я знаю свой народъ, знаю также, какъ должно обезопасить себя въ разсужденіи онаго. Я предоставляю душамъ низкимъ и робкимъ брать себѣ примѣръ съ Агригентскихъ изображеній. Никогда не увидяшь, чпобы я ползалъ подобно раку (*). Народъ долженъ быть въ рукахъ своего царя, такъ какъ заяцъ трепещущій въ копияхъ орла. Въ обхожденіи съ черныю должно уподоблять-

(*) Гербъ Агригента, имѣющаго мѣстоположеніе въ странѣ способной для рыбной ловли и звѣриной охоты.

ся символу Сициліи (*), и быть всему головою и всему ногами, дабы содержать ее въ страхѣ, а въ случаѣ убѣжать самому. Мнѣ не страшны Агригентцы, доколѣ я Агригентской царь.

Пивагоръ. Сынъ Леодаменповъ, ты жилъ бы гораздо спокойнѣе, будучи проспымъ гражданиномъ.

Фаларидъ. Поручись, чпо богъ сохранитъ жизнь мою, еспли я сдѣлаюсь гражданиномъ, — и я пошчасъ перестану быть царемъ. . . Я освобождаю тебя изъ плѣна. Агригентъ и весь округъ его назначаю тебѣ границами. Даже я позволяю тебѣ въ моемъ государствѣ и при моихъ глазахъ сдѣлать заговоръ; я прощаю тебѣ въ помѣ напередъ, такъ какъ я уже поступилъ съ Аканеомъ обличенномъ въ злоумышленіи. Я желаю удостовѣрить тебя собственнымъ твоимъ опытомъ, чпо шумъ казней болѣе имѣетъ дѣйствительности и силы, нежели оружія разума. Возвращайся сюда отъ времени до времени увѣдомлять меня о успѣхѣ дѣйствованія твоего на духъ народный.

Пивагоръ. Ты объ этомъ узнаешь.

(*) Треугольной парусъ.

Фаларидъ. Я поступаю съ побою не хуже, какъ одинъ изъ моихъ предшественниковъ посупилъ съ Дедаломъ (1).

Пиоагоръ. Ты мнѣ можешь быть такъ говоришь по тому, что у меня нѣтъ крыльевъ, дабы убѣжать въ случаѣ, если бы ты опносительно меня нарушишь права госпепрѣимства; но знай, что изъ двухъ насъ менѣе всего спрашусь другаго я.

Фаларидъ. Поди по городу; мы опять увидимся.

Подъ сей благородною рѣшительностью были сокрыты сѣти. Однакожъ я принялъ Фаларидово предложеніе. Во время проѣзда изъ Сиракузъ къ нему я довольно уже насмотрѣлся. Не выходя почти изъ своихъ чертоговъ, онъ зналъ политическую температуру Сициліи только по донесеніямъ людей, невѣрно переводившихъ ему языкъ народа.

Въ семъ необыкновенномъ прѣннѣ шпиранна и философа меня наипаче ободрило то, что я хорошо разпозналъ черпы его физіогноміи. Жестокость Фаларидова мнѣ показалась обдуманною; она была слѣд-

(1) Кокаль. Діод. Кн. IV.

ствѣемъ ложныхъ его соображеній. Сначала огорченный поступкомъ оказаннымъ ему въ своемъ опечествѣ, онъ искалъ удовлетворить себѣ за оный въ чужой справнѣ. Дабы остались безъ наказанія первыя его жестокости, къ сему пошребны были другія. Такимъ образомъ онъ каждой день заходилъ далѣе на пути пресупленія. Чело его было изрыто глубокими морщинами; изгибы кожи на его лицѣ предспавляли лабиринтъ, изображеніе неизбяснмой души. Фаларидъ прошиву своего чаянія не былъ щасливъ. Онъ думалъ, что щасіе сидитъ на пронѣ вмѣстѣ съ нѣмъ, что оной прѣобрѣтетъ. Лишась сей надежды, онъ опмспилъ за свое заблужденіе. Былъ щасливѣе его, если въ глазахъ его пресупленіе. Подъ надзоромъ правителей Аспипалея (*), которые удержали бы въ немъ пареніе злаго генія, имъ овладѣвшато, сей человекъ могъ бы имѣть нѣкогда права на всеобщее почтеніе. Твердая душа его, обратившись на другіе предметы, произвела бы добрые плоды; она способна бы была къ благородному ревнню; но шеперь уклонилась въ сторону зла. Не время уже поврвлять эту

(*) Мѣсто рожденія Фалариды, въ Критѣ.

искривленную вѣшью; ее надлежитъ оппортигнуть отъ дерева, у котораго изощааетъ благодѣшительный сокъ.

Въ то самое время, какъ я выходилъ отъ Фаларида, размышляя такимъ образомъ, приведенъ былъ къ нему молодой человекъ: „Тираннъ Агригенша! я Меналипъ, гражданинъ сего города и другъ Харипона, котораго ты теперь бросилъ въ свои темницы за то, что онъ имѣлъ доброе намѣреніе освободить отечество наше отъ такого чудовища, каковъ ты. Я присвоиваю себѣ главную славу сей прекрасной рѣшимости: она принадлежитъ мнѣ; сдѣлавъ это присовѣтовалъ моему другу я. А посему я только одинъ настоящій виновникъ; я охотно подвергаюсь наказанію, которое ты назначилъ для Харипона.“

Фаларидъ бывъ нѣсколько времени въ недоумѣніи, наконецъ отвѣчалъ: „Изъ васъ не погибнетъ ни шопъ ни другой; я вамъ прощаю изъ снисхожденія къ святой дружбѣ споль шѣсно васъ соединяющей: но въ сію минуту выдѣше изъ Сициліи; вы подаете самые опасные примѣры“

Фаларидъ примѣшивъ, что я остался быть свидѣтелемъ сей сцены,

подошелъ ко мнѣ, и сказалъ пожимая у меня руки: „Учись меня узнавать!“

Ты не обманешь меня, сказалъ я ему; и пошелъ осматривать публичныя городскія площади и внѣшнее укрѣпленіе спѣнъ.

Красоты Агригенскаго поля представляли контрастъ съ унылымъ видомъ Фаларидовыхъ чертоговъ (1).

Конецъ пятой Части.

(1) Пиндар. Пис. од. VI.